РОМАНТИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

МЭРИОН ЗИММЕР БРЭДЛИ

ДАРКОВЕР

ДВА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

ДАРКОВЕР

Два завоевателя
Мэрион Зиммер Брэдли

Аннотация
Мэрион Зиммер Брэдли. ДВА ЗАВОЕВАТЕЛЯ
Предисловие автора
Пролог. «Чужак»
Часть первая. «Семью годами ранее. Сводные братья»
1
2
3
4
5
6
Часть вторая. «Киллгардский волк»
1
2
3
4
5
Часть третья. «Двойники»
1
2
3

4
5
6
7
8
9

Аннотация

Книга популярной американской писательницы М.З. Брэдли внось переносит нас на планенту Дарковер. Королевство расспалось на множество мелких, враждущих между собой государств. Судьбу мира может решить один талантливый полководец. Кажется, никто не способен противостоять Барду ди Астуриену, особенно если на помощь призван его двойник из другой галактики — Пол Харел. Но самым сложным для героев оказывается разрешение личных проблем. Лишь пережив нравственное возрождение, они способны спасти королевство...

Мэрион Зиммер Брэдли
ДВА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

БЛАГОДАРНОСТЬ

«Чинхил Макаран» — за первое стихотворение «Четыре и двадцать лерони», написанное в стиле «Колокол Киррему-ра», и Патриции Мэтьюз — за создание Ордена Меча и за совет одеть его в туники малинового цвета.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТАНИТ ЛИ — с напоминанием хорошо известного правила, гласящего, что среди нас нет победителей — ни бывших, ни будущих.

Предисловие автора

Подобно всем романам, посвященным освоению Дарковера, данная книга является самостоятельным повествованием, в сюжетном отношении не связанным с другими книгами серии. Однако для тех читателей, которым нравится следить за хронологией происходящих на Дарковере событий, сообщаю, что роман «Два завоевателя» относится к завершающему периоду Веков Хаоса, более известному под названием эпохи Ста царств.

…Прошло около двух веков со времени правления в Хали и Тендаре Эллерта, лорда Элхалина. Эти события описаны в «Королеве бурь». Междоусобные войны, особенно с применением крайне разрушительного оружия, созданного с помощью матричной[1] технологии, раздробили древнее государство на множество мелких королевств, суверенных городов, республик, самостоятельных вотчин, где безраздельно властвовали владетельные графы и бароны. Большинство этих образований были так малы, что простой народ

---

[1] notes: 1

Матрикс — кристалл, усиливающий пси-энергию.

посмеивался — стоит какому-нибудь повелителю взойти на холм, и он сможет обозреть не только свою землю, но и владения соседа.

Были в те времена и здравомыслящие люди, которые жили надеждой увидеть родину единой. Они верили, что анархия в конце концов сменится господством закона. Одним из таких подвижников был Варзил, которого в народе прозвали Добрым или иначе — ларанцу[2], из Нескьи. Противостоял ему знаменитый Бард ди Астуриен, или Волк с холмов Киллгард. Об их борьбе рассказывает эта книга.

[2] notes: 2

Человек (мужчина), обладающий пси-способностями; женщину, наделенную такими способностями, называют лерони; «лерони» также обозначает и множественное число.

Пролог
«Чужак»

Пробуждение было трудным. Сначала за сомкнутыми веками поплыли цветовые пятна. Когда же Пол Харел сумел наконец приоткрыть глаза, то содрогнулся от страха — кошмары, так долго мучившие его во время погружения в эту мертвящую зыбь, опять начали выплывать из туманной, подсвеченной завесы. Каждый мускул, каждая жилочка нестерпимо ныли, словно зубная боль каким-то образом распространилась на все тело. Такого он даже с похмелья не испытывал. И ни единой связной, пусть даже глупой мысли… Только боль — сквозь нее наконец проступило лицо. Его лицо! Более того, до Пола донесся голос — его собственный, с едва заметной хрипотцой:

— Кто ты, черт тебя побери? Случаем, уж не дьявол ли?..

Может, это он сам, Пол Харел? Непонятно… Уж кто-кто, а он никогда ни в черта, ни в ад, ни в прочие штучки, выдуманные для того, чтобы заставить людишек повиноваться, не верил. Он, Пол Харел, всегда поступал так, как хотел.

Он дернул головой и застонал от боли.

«Ну, дела! Должно быть, я здорово нализался прошлой ночью!..»

Пол, пытаясь повернуться, напряг мышцы и вдруг обнаружил, что способен двигаться, шевелить ногами. Он опешил: «Стало быть, меня вытащили из этой чертовой камеры?»

Вот открытие так открытие!

А может, ему это все привиделось? Может, снится, что его когда-то засунули в это тесное пространство, приговорили к забвению?.. А до того бегство из полицейского управления на Альфе, затем восстание на планете-колонии — он возглавил его. Далее тусклыми расплывчатыми кадрами приплыло воспоминание о последнем сражении: его соратники, то тут, то там падающие, сраженные залпами карателей. Потом смутно — плен, скорый суд, приговор и нестерпимый животный страх, когда его готовили к камере забвения.

Навсегда!

Это слово назойливо билось в мозгу. Жутко, гнусаво — навсегда… В обнимку с этим словом он и канул в немоту.

Вспомнилось, что само ощущение ухода из жизни было безболезненным. В чем-то даже при-

ятным… Подобным долгожданному сну, когда уже нет сил сопротивляться усталости. Лишь бы сомкнуть веки… Однако Пол боролся до последнего мгновения, до последней гаснущей в сознании мысли, до последнего слова. Навсегда? Нет, нет и нет!.. Ни за что!.. Пробуждения не будет — это ему было слишком хорошо известно.

Задолго до того, как был приведен в исполнение приговор, вынесенный Харелу, правительство отменило смертную казнь. Тем самым наконец было разрешено одно из главных противоречий судебной системы. Слишком часто, уже после смертного приговора, всплывали новые факты и обстоятельства, подтверждающие, что казнен невиновный. Слишком громкую огласку приобретали подобные случаи, да и работники системы правосудия тоже были люди — каково им ощущать, что на их руках кровь невинного человека. Смерть придавала ошибке роковой, зловещий отсвет…

Лучшим решением оказалась камера забвения. Заключенного надежно изолировали от общества, погружали в летаргический сон… и при этом в любой момент, стоило только принять решение, можно было вернуть его в общество. Теперь не было нужды тратить огромные средства на

содержание тюрем, исчезала преступная среда, которая вконец ломала молодые души, народ перестал бунтовать. Приговоренного помещали в особое устройство, где он впадал в анабиоз. Там он старился и умирал, даже не осознавая этого… если не открывались новые факты по его делу. В этом случае осужденного пробуждали и возвращали к жизни.

«Кого угодно, — подумал Пол Харел, — только не меня». В его случае ничего нового открыто быть не может. Его обвиняли в преступлениях одно тяжелее другого, — лучшим выходом, безусловно, была бы полицейская пуля. Тогда все было бы кончено. Но не повезло… утешало то, что в он уложил не менее десятка копов, так что в глазах общественности выглядел редкостным чудовищем, которому одна дорога — в камеру забвения.

И никакой процедуры промывания мозгов!

Тех, кто шел за Харелом, еще можно было подвергнуть реабилитации, превратить в послушных овец, называемых гражданами, которым все будет по нраву в этом новом прекрасном мире. Глупейшем из всех возможных… Только не его! Сохранить ему жизнь — значит бросить вызов обществу. Ну, и черт с ними!.. Он вспомнил,

как во время процесса судья, все его адвокаты надеялись, что он, Пол Харел, в конце концов раскается, пустит слезу, попросит о снисхождении — тогда, мол, останется шанс приговорить его к реабилитации.

Вот вам!.. Видали?.. Чтобы он согласился на промывание мозгов, на введение наркотических препаратов, способных смирить его нрав, на специальное обучение, после которого он станет ничем? Быдлом, способным только маршировать в общем строю или ходить в упряжке. Это они называют жизнью?

«Вот вам еще раз!.. Благодарю покорно, но это не для меня. Я в вашей игре подыгрывать не намерен. Я знал, на что иду, и теперь сдюжу».

Пожил он неплохо, размышлял Пол. По крайней мере весело. Вопреки вашим так называемым установлениям. В чем его вина, если он по природе не мог им следовать? То-то всполошились — никто из этих, послушных, представить не мог, что спустя столько лет может появиться человек, способный преступить через частокол законов. Вот так запросто нарушить их! Нарушать следовало только случайно или по неведению. Без всякого злобного умысла!..

Плевать на них! Пол брал женщин, которых

хотел, — в общем, и все прочее брал, не спрашивая разрешения. Но особенно любил лакомиться женщинами… Он никогда не занимался глупыми ухаживаниями, никогда не поддавался на уловки женщин, не старался подыграть им. Он был мужик — этим все сказано! Если они хотели иметь в постели настоящего мужчину, а не какого-нибудь паршивого слюнтяя или безмозглого барана, то вот он я! И нечего строить глазки! Да так да, нет так нет!..

«Чертова баба и сдала меня полиции».

Скорее всего ее подучила собственная мамочка — ты должна поднять шум, мол, он взял тебя силой; он перепугается, и его можно будет захомутать. Когда сдрейфит, тоща из него можно будет веревки вить, тогда он больше никогда не посмеет коснуться тебя, пока сама не скажешь — хочу! Не на того напали!.. Уж он-то прекрасно знает эту породу. Бабам ничего другого не нужно, как вдеть мужику кольцо в нос и водить его как верблюда. Ну что, голубка, доигралась? Даже под угрозой камеры забвения он никогда не будет подыгрывать. Она, верно, думала, что, выдав Пола, вновь получит его после реабилитации, когда можно будет потешиться, точно с домашним котиком.

«Ладно, черт с ней! Я ей не завидую. Теперь до конца своих дней будет просыпаться по ночам и кусать подушку, вспоминая, что когда-то у нее был настоящий мужчина…»

Пол Харел оторвался от воспоминаний, огляделся и обнаружил, что камеры забвения нет и в помине. Эта мысль не принесла успокоения, потому что Пол никак не мог понять, где же он находится.

А может, действительно, женщина, побег, восстание, бой, падающие соратники всего лишь кошмар, доступный заключенному в тиски летаргического сна сознанию? И эта нелепая обстановка тоже продолжение сна? Непонятно, кто же смог извлечь его из камеры забвения?

Он лежал на каком-то мягком тюфяке — нет, это был широкий матрац, застеленный шершавой, но чистой полотняной простыней. Сверху — толстые шерстяные одеяла, поверх которых наброшена шкура. Тусклый красноватый свет едва проникал внутрь. Чего? Пол огляделся. Кровать располагалась под балдахином, занавеси опущены. Подобную кровать он когда-то видел в музее. Он отдернул одну из занавесей. Комнату он видел впервые.

В одном можно быть уверенным — по крайней

мере, это не ящик забвения. Если, конечно, не считать, что все окружающее привиделось в дурном сне. Не похоже и на реабилитационный центр! Пол долго рассматривал вырезанное в толстой каменной стене арочное окно и усиленно соображал. Нет, это не Альфа и не Терра. Вообще все это не напоминает ни одну из планет Конфедерации, на которых ему доводилось побывать.

Может, это Вальгалла или еще какой-нибудь чертог, куда попадают погибшие воины? В детстве он слышал легенды об этом. Все сходится — уж в последнем сражении он вел себя как герой. На суде объявили, что он убил восьмерых полицейских, а еще одного искалечил. Он вел себя как мужчина, а не как трусливый приспособленец, готовый ради куска хлеба и жалких удовольствий ползать на коленях перед сильными мира сего и хныкать, если лишить его малой толики удобств. Таким, конечно, не понять человека, желающего умереть несломленным.

Как бы то ни было, это не камера — значит, все можно начать сначала. Однако он наг, как в ту минуту, когда его опускали в камеру забвения. Надо же, и волосы не успели отрасти, может, они успели постричь его — так заведено в этих хранилищах. Там даже бреют — кстати, щетина у него

на подбородке месячной — не более — давности. Ну, может, чуть больше…

Пол смелее выглянул из-за занавеси, осмотрел помещение. Полы, выложенные каменными плитками, кое-где лежат шкуры и изготовленные из выделанной кожи ковры. Мебели нет, исключая тяжелый, резного дерева сундук и кровать. В окно по-прежнему заглядывало исполинское багряное светило.

Неожиданно сквозь чуть ослабевшую боль, терзающую голову, в памяти проступило еще кое-что. Прежде всего склонившиеся над ним лица. Нет! Сначала резкая вспышка боли, затем разряды голубовато-белых молний и только потом лица. Взирающие на него с огромной высоты. Откуда-то с небес… Потом краткое затмение, и вот еще одно лицо, уже совсем близко. Его собственное!.. Он как бы смотрел на себя со стороны — смотрел зло, надменно, как на чужака… В тот момент и послышался этот странный, с хрипотцой голос:

— *Кто ты? Уж не дьявол ли, случаем?*

Точно, это был его собственный, Пола Харела, голос. Как в старинных легендах… В них говорится, что, если тебе не повезет и ты встретишься лицом к лицу с самим собой — пусть у чужака будут и

твои черты, твой голос, твои ухватки, — если, к несчастью, ты столкнешься с doppel ganger[3], это может быть либо дьявол во плоти, либо видение, предсказывающее скорую и неминуемую гибель. Но если он, с точки зрения здравого смысла, мертв — ведь его же засунули в камеру забвения, а это, возможно, похуже смерти, — какую еще каверзу ему можно подстроить? Лишить жизни во сне — а в том, что все случившееся с ним не более чем сон, Пол не сомневался — глупо. А может быть, перед приведением приговора в исполнение его клонировали — то есть изготовили копию, и этой копии промыли мозги, реабилитировали и добились, чтобы это существо полностью пропиталось духом конформизма и стало таким, каким его хотели видеть?

«Ты что-нибудь понял?» — спросил себя Пол и тут же коротко выругался. Чушь какая!..

Но ведь каким-то образом его приволокли сюда? Кому это понадобилось, когда это случилось? Как? И прежде всего — зачем?

Дверь скрипнула, отворилась, и в комнату вошел человек с его лицом.

Нет, это был не просто похожий на него чело-

---

[3] notes: 3
двойником *(нем.)*

век, не близнец… *Он сам!*

У вошедшего тоже русые волосы, только отросли длиннее и были заплетены в тугую косичку, перевязанную красным шнурком. Пол никогда не носил волосы подобным образом, прическа двойника показалась ему чудной.

Никто и нигде не одевался так, как был одет неизвестный, присвоивший его лицо. Короткий кожаный камзол, отделанный кожаными кружевами; под ним плотная темная длиннополая рубаха. Ниже выглядывали кожаные бриджи и грубые сапоги с высокими голенищами.

Теперь, когда Пол выбрался из-под одеял, он почувствовал, что в комнате холодно — понятно, почему местный одет так тепло. Глянул через окно — вокруг лежал снег. Нет, это не Альфа, сомнений не было. Стоит только глянуть на красное солнце, нависшее над рваной линией заснеженных холмов, на пурпурные тени, лежавшие на насте. Какая уж тут Альфа!..

Все это пустяки. Главное — что это за человек, напяливший его лицо? Между ними было более чем подобие, схожесть. Это был он сам… И не он… Жуть какая-то!..

Человек был воссоздан из его клеток? Неизвестный чудак решил создать точную его копию,

вплоть до ямочки на подбородке и маленькой, едва заметной родинки на большом пальце левой руки. «Что же, черт побери, творится?»

Требовательно повысив голос, Пол спросил:

— Кто ты, дьявол тебя возьми?

Человек в кожаном камзоле ответил:

— Я пришел сюда, чтобы задать тебе тот же вопрос.

Что за странная речь, удивился Пол. Очень похоже на древний испанский, правда, из этого языка Пол знал всего несколько слов, тогда почему же он ясно понял, о чем спрашивает незнакомец? Это открытие сразило Харела и одновременно пробудило злость. Они к тому же свободно читают мысли друг друга!..

— Дьявольщина! — выпалил он. — Ты — я?!

— Не совсем, — ответил другой. — Но мы очень близки. Именно поэтому мы и доставили тебя сюда.

— Сюда? Куда это *сюда*? Что это за мир? Как называется местная звезда? Солнце?.. Каким образом я очутился здесь? В конце концов, кто ты?

— Солнце оно и есть солнце, — объяснил другой. — Находимся мы в королевстве Астуриас, таких государств вокруг множество, около сотни… Что касается нашей земли в целом, она

называется Дарковер. Как по-другому, я не знаю. Когда я был мальчишкой, я слышал небылицы, будто где-то существуют такие же солнца, как наше, и вокруг них вращаются миллионы и миллионы миров, подобных нашему. Может, там и люди живут… Я всегда считал, что эти сказки выдумали для того, чтобы пугать детей. А теперь вот не знаю. То, что я увидел и услышал прошлой ночью, звучит немыслимо. Колдуны моего отца доставили тебя в эту спальню. Зачем, сам не знаю, однако никто из нас не причинит тебе вреда.

Пол с трудом понимал, что ему говорят. Он по-прежнему с некоторым напряжением смотрел на незнакомца и терялся в догадках. Дарковер? При чем здесь Дарковер? Перед ним его брат-близнец? Или он сам? «Как же мы понимаем друг друга?» Следом нахлынула ярость: «Как он смеет владеть моим лицом, моим телом?» Гнев тут же схлынул, обнажилась растерянность перед наконец-то всплывшим главным вопросом: «Если он — это я, то кто же, черт тебя побери, я сам?»

И другой немедленно, с затаенной печалинкой откликнулся:

— Если ты — это я, — его лицо скривилось, — то кто же я сам?

Пол хохотнул в кулак:

— Может, ты дьявол? Как тебя зовут?

— Бард, — ответил тот, — но меня чаще кличут Волком. Бард ди Астуриен, Киллгардский Волк. А тебя?

— Пол Харел. — Он зевнул.

Неужели это не более чем сон? Конечно, он умер и, израненный, попал в Вальгаллу. Но какой в этом смысл? Да никакого.

Часть первая
«Семью годами ранее. Сводные братья»

1

Яркий свет лился из всех окон, сквозь амбразуры в стенах замка Астуриаса — в эту ночь должна была состояться помолвка дочери короля Одрина, принцессы Карлины, с приемным сыном короля и одновременно его племянником Бардом ди Астуриен. Родной отец Барда, дом[4] Рафаэль из Холмистых топей, приходился Одрину младшим братом. На праздник съехалась вся знать Астуриаса, а также много благородных гостей из соседних королевств, которые сочли необходимым почтить своим присутствием церемонию и оказать честь королевской дочери. Внутренний двор замка был расцвечен огнями; непривычного вида кони и совсем уж экзотические, приученные ходить под седлом звери были размещены по конюшням; тех же, кому не хватило места, привязали к коновязям. Вокруг было полно народу — богато одетые благородные гости расхаживали по двору, теснились в залах, простой люд толпился у ворот замка, где каждому желающему подносили чарку и угощали хлебом

---

[4] notes: 4
Титул и обращение к лорду.

и мясом, а также осыпали сладостями. То тут, то там мелькали слуги…

В верхних этажах замка, в женских покоях, Карлина ди Астуриен мрачно наблюдала за суетящимися вокруг нее женщинами. Легкая вуаль почти не скрывала ее нахмуренного, заплаканного личика. Ей было четырнадцать лет — стройная, хрупкая девочка… Длинные темные косы уложены на затылке. Расшитое жемчугом бархатное платье особенно подчеркивало узость ее талии. В общем-то Карлину нельзя было назвать красавицей — лицо худенькое, вытянутое. Вот разве что чудесные серые глаза… Если бы из них не текли слезы…

— Ну, хватит, хватит, — настойчиво уговаривала ее няня Изабет. — Перестань понапрасну лить слезы, чиа[5]. Посмотри, какое замечательное платье — тебе больше не придется надеть что-нибудь подобное. Бард тоже удалец что надо — вальяжный, бравый… Подумать только, твой отец назначил его знаменосцем, и не просто так, а за проявленную в сражении в Снежной долине храбрость. А ты, дитя мое, рыдаешь, словно тебя выдают замуж за чужака. Бард — твой сводный

---

[5] notes: 5
Ласковое обращение к девушке.

брат, живущий здесь, в королевском дворце. Ему еще и десяти не было, когда его привезли сюда. Вспомни, детьми вы же все время играли вместе. Мне казалось, ты любишь его.

— Конечно, люблю — как брата, — всхлипывая, вымолвила Карлина. — Но выходить за него замуж — увольте. Ни за него, ни за кого другого. Я вовсе не хочу этого…

— Но это же глупо, — заворчала пожилая женщина и подняла расшитую жемчугом пелерину, помогая воспитаннице надеть ее. Карлина механически подняла руки — двигалась словно кукла, однако не сопротивлялась. Знала, что это бесполезно.

— Никак не могу понять, чем тебя не устраивает Бард. Недурен собой, храбр — многие ли молодые люди, достигшие шестнадцати лет, могут похвалиться этим? — требовательно спросила Изабет. — Я не сомневаюсь, что в один прекрасный день его назначат главнокомандующим королевской армией. Или ты что-то имеешь против него? Не в силах забыть, что он недестро?[6] Разве бедный малый виноват в том, что его родила служанка, приглянувшаяся его отцу?

---

[6] notes: 6
Незаконнорожденный.

Карлина слабо улыбнулась — ее развеселила мысль, что кто-то может назвать Барда «бедным малым».

Няня легонько ущипнула ее за щеку.

— Вот это другое дело. Сразу похорошела… Вот такой веселенькой и выйди к гостям — пусть они тоже полюбуются на тебя. Позволь-ка я подколю эти кружева. — Она занялась кружевами, потом лентами. — Сядь, моя девочка, я застегну тебе туфельки. Смотри, какие изящные, твоя мать сшила их в тон платью. Видишь, тоже голубенькие, с жемчужинами… Как ты хороша, Карлина, совсем как цветок. Так, теперь крепим ленты к прическе. Не думаю, что в девяти королевствах можно найти более хорошенькую невесту, чем у нас, в Астуриасе. И Бард тебе пара. Знаешь, сердце подсказывает, он достоин тебя. Будь уверена…

— Какая жалость, — сухо перебила ее Карлина, — что он не может жениться на тебе, няня. Он тебе так нравится…

— Зачем я ему, старая, сморщенная, — вздохнула Изабет. — У такого отважного, благородного воина и невеста должна быть под стать, юная, прекрасная. Твой отец правильно решил… Одного только не могу понять, почему он назначил на сегодня помолвку, а не свадьбу? Вы и ложе

разделили бы…

— Потому, — ответила Карлина, — что я упросила маму, чтобы она заступилась за меня перед отцом. Он согласился подождать со свадьбой, пока мне не исполнится пятнадцать лет. Свадьба состоится ровно через год — в день праздника Середины лета.

— Разве он столько выдержит? — всплеснула руками няня. — А ты сама? Эванда проклянет тебя, дитя, если ты, имея нареченным мужем такого молодца, как Бард, будешь ждать так долго… — Заметив, что девушка вздрогнула» женщина добавила уже мягче: — Ты так боишься выполнения супружеских обязанностей, девочка? От этого еще ни одна женщина не умерла; не сомневаюсь, тебе это понравится. В том-то и дело, что тебе будет менее страшно, если в первый раз это случится у тебя с мужчиной, которого знаешь с детства.

Карлина отрицательно покачала головой.

— Не в этом дело, няня. Я же говорила тебе, что совсем не стремлюсь замуж. Моя мечта — уйти в монастырь и посвятить свою жизнь служению Аварре, а для этого я должна хранить целомудрие.

— Спаси тебя небеса! — Няня протестующе

взмахнула рукой. — Твой отец никогда не согласится!..

— Знаю. Богиня — свидетельница: сколько я упрашивала его не выдавать меня замуж и позволить уйти в монастырь, однако он напомнил, что я — принцесса и у меня от рождения есть обязанности. Одна из них — выйти замуж. Для сильной власти необходимо укреплять родственные связи. Вот почему, объяснил он, моя сестра Амали была выдана за короля Лорила из Скатфелла. Бедная, ей пришлось отправиться за Кадарин, в северные горы. Живет теперь там одна-одинешенька… А другую сестру, Марилу, выдали на юг, в Далерет.

— А-а, так тебе завидно, что их выдали за короля и принца, а твой жених всего лишь приемный сын твоего отца?

— Да нет же! — нетерпеливо воскликнула Карлина. — Я догадываюсь, что замыслил отец. Он решил покрепче привязать Барда к трону. Знаешь почему?.. — Она взглянула на няню. — Потому что отец понимает, что Бард далеко пойдет и станет самой надежной опорой и защитой династии. Никому нет дела до наших желаний — ни моих, ни Барда. Всем движет холодный расчет, попытка укрепить трон и королевство.

— Ну, голубушка, — вздохнула няня, — большинство подобных браков заключается по куда менее веским причинам.

— Но почему именно я должна жертвовать своим будущим? Бард удовлетворится любой женщиной, и отец мог подобрать ему невесту из аристократической семьи, даже из самой благородной. Почему мой удел — провести жизнь с человеком, которому в общем-то наплевать, с кем проводить ночи — со мной или с любой другой, лишь бы мордочка посимпатичней да тело помягче? И чтобы была выше его по происхождению… Милосердная Аварра, ты думаешь, я не знаю, что он не пропустил ни одной служанки в замке? Они потом сами хвастались!

— Что касается служанок, — поджала губы Изабет, — он не лучше и не хуже любого из твоих родных и приемных братьев. Он вовсе не распутен, как тебе кажется, из болтовни прислуги тебе должно быть ясно, что никого он не брал силой и не имел дело с мальчиками. Когда он женится на тебе, ты просто позволь ему делать в постели то, что он хочет, и он навсегда забудет о других.

Карлина неодобрительно поморщилась:

— Это точно, они сами лезут к нему в постель, я не желаю претендовать на их место. Но слыша-

ла кое-что похуже — он не терпит отказа. Если девушка говорит «нет» или у него есть причина думать, что она откажет ему, то для него это как нож в горло. Тогда он не брезгует использовать чары, загипнотизировать девушку, и та волей-неволей сама лезет к нему в кровать. Ну, как бездушная кукла…

— Я слышала, что есть мужчины, которые обладают подобным лараном[7], — усмехнулась Изабет. — Это полезная штука, даже если мужчина и так хорош собой. Только я никогда особо не верила в такого рода чары. Будто без колдовства девушка не полезет к пригожему молодцу в постель! Все это выдумано для оправдания — мол, я стала как манекен, сопротивляться нет сил, тут он и поволок меня… Особенно если, в конце концов, животик нагуляла…

— Нет, нет, няня! — воскликнула Карлина. — В одном случае, я знаю точно, это оказалось правдой. Так случилось с моей служанкой Лизардой. Она — честная девушка, вот она и призналась, что даже пошевелиться — не то что убежать — не могла.

Изабет коротко рассмеялась:

---

[7] notes: 7
Паракинетическими способностями.

— Каждая после этого рассказывает подобные небылицы — и рукой пошевелить не могла, и ноги отнялись…

— Вовсе нет! — сердито перебила ее Карлина. — Лизарде только-только исполнилось двенадцать лет. Она сирота, ей и невдомек, чего он хотел от нее, а когда поняла, было поздно. Бедный ребенок, она так рано стала женщиной, потом едва добралась до моей комнаты, расплакалась прямо у меня на руках. Мне пришлось объяснять ей, что иной раз мужчины используют женщин подобным образом…

Изабет нахмурилась:

— Удивительно то, что это случилось именно с Лизардой…

— Не говори так, няня! — топнула ножкой Карлина. — Мне трудно расстаться с мыслью, что Бард знал, что делал. Как после этого простить его!..

— Ну, ладно, ладно, — успокаивающе сказала Изабет. — Мужчины всегда так поступали и будут поступать, тем не менее женщины продолжали и будут продолжать принимать их.

— Но зачем?

— Так устроен мир, — ответила Изабет и вдруг засуетилась, взглянув на часы на стене: — Пой-

дем, пойдем, Карлина, мой цветочек, не хватает еще опоздать на собственную помолвку.

В этот момент в комнату вошла ее мать, королева Ариэль. Девушка покраснела, покорно опустила глаза.

— Дочь, ты готова? — Королева оглядела девушку с головы до ног. Кажется, все в порядке — косы уложены ровно, стянуты; Карлине к лицу наряд, расшитый жемчугом. — Да, лучшей невесты во всех Ста царствах не найти. Хороша, ничего не скажешь! Ты отлично потрудилась, Изабет.

Пожилая женщина склонилась — похвала королевы была ей приятна.

— Теперь надо припудрить личико, Карлина. Ох, да у тебя глаза красные! Изабет, принеси пудреницу. Дочка, долго ты еще будешь плакать?

Девушка, опустив голову, ничего не ответила.

— Не подобает благородной девице лить слезы. К тому же это только обручение. — Королева собственноручно припудрила дочери веки. — Вот так. Теперь поправим брови, — добавила она и взглядом указала Изабет, чтобы та приготовила уголек. — Замечательно. Пойдем, моя дорогая, свита уже ждет…

Как только Карлина вышла в коридор, в толпе придворных дам раздались негромкие восхищен-

ные возгласы и тихое перешептывание. Королева Астуриаса Ариэль взяла дочь за руку и повела к гостям.

— Весь вечер ты будешь сидеть с моими дамами, — прошептала королева, — когда же твой отец пришлет за тобой, ты не торопясь подойдешь к нему и у подножия трона обручишься с Бардом.

Карлина искоса глянула на мать — лицо королевы было безмятежно. Это заставило задуматься над последним наставлением. Что-то тут не так… Девушка прекрасно знала, что Ариэль не жаловала Барда. Причина была проста и незамысловата — ей претило общение на равных с бастардом. Сколько его ни усыновляй, ни записывай в благородные, ублюдок так и останется отщепенцем. И на тебе! Из каких-то непонятных соображений, туманных надежд он становится сводным братом Белтрану, наследнику трона. К сожалению, ее, женщину, во время принятия судьбоносных решений никто не спрашивает. Королева по опыту знала, что на ее уговоры, мольбы Одрин не обратит внимания. Единственное, что удалось выторговать, — это согласие отложить свадьбу, пока дочери не исполнится пятнадцать лет.

Карлина считала подобную неприязнь пред-

рассудком, и все равно предстоящая церемония томила и угнетала ее. Бард в общем-то ей нравился, и она ясно сознавала, что из всех возможных вариантов брак с ним — один из лучших. Она останется дома… Все вроде бы складывалось замечательно, но сердце подсказывало другое.

«Когда меня подведут к подножию трона, я закричу, упаду в обморок… А потом… Потом крикну: „Нет!“ — и выбегу из комнаты. Пусть меня по всему дворцу ищут…»

Карлина вздохнула — глупые мысли! Ничего такого не будет. Это невероятный позор!.. Разве принцесса Астуриаса может позволить себе что-то подобное? Зато время на ее стороне. Целый год… Бард — воин, в отчаянии подумала она, он вполне может погибнуть в каком-нибудь сражении, и никакой свадьбы не будет. Девушке стало совестно. Как можно желать такое человеку, которого она любила? Ну, не то чтобы любила, но ей было хорошо с ним. Во время детских игр, когда его, сурового, как волчонка, привезли к ним в замок, и только в присутствии Карлины и Белтрана он отогрелся… Нет, только не смерть… Может, он найдет другую женщину и женится на ней, или отец переменит решение…

«Аварра, милосердная госпожа моя! Небесная

богиня. Великая Мать, сжалься надо мной, не допусти этой свадьбы, молю тебя…»

Карлина рассердилась на себя за вновь подступившие слезы и, поморгав, отогнала их. Ее мать, королева Ариэль, никогда не простит, если дочь опозорит их перед гостями.

В то же время в нижних этажах замка, в одной из тускло освещенных комнат, готовился к праздничной церемонии Бард Астурийский.

Одеваться ему помогали два друга: Белтран, сын Одрина, и Джереми Хастур, который, подобно Барду, воспитывался в замке Астуриас и являлся сыном повелителя Каркосы. Все трое были сводными братьями.

Бард даже в шестнадцать лет выглядел как настоящий богатырь — он был высок и крепко сложен. Широкоплечий, с мускулистыми руками, он с первого взгляда производил впечатление силача. Длинные светлые волосы были собраны сзади в косичку — традиционную прическу воина. В юном возрасте он уже умело владел мечом и был прекрасным наездником. Принц Белтран тоже высок, хотя и пониже Барда; субтильный, с нежным пушком на щеках и подбородке, тонкий в кости, он чем-то напоминал взрослеющего жеребенка. Волосы у него тоже были светлые,

однако более короткие и вились колечками.

Джереми Хастур был самым хрупким. Рыжеволосый, с длинным, узким лицом — кстати, подбородок тоже был длинноват и чуть выдавался вперед, — сероглазый и ловкий, он чем-то напоминал молодого ястреба или хорька. Одет он был в однотонный темный камзол, указывавший, что он не воин, а студент. Манеры спокойные, скромные…

— Послушай, братец, — обратился он к Барду, — тебе придется сесть. Никто — ни Белтран, ни я — не сможем подвязать красный шнурок к твоей косичке, пока ты стоишь. А на церемонию без него являться нельзя.

— Конечно нет, — поддержал Джереми Белтран и силой заставил Барда опуститься в кресло. — Ну-ка, Джереми, принимайся за дело, руки у тебя более проворные, чем мои. Помню, как прошлой осенью ты очень ловко зашил рану у стражника…

Бард, наклонивший голову для того, чтобы друзья привязали к маленькой косичке красный шнурок, свидетельствующий о том, что он уже участвовал в битве и отмечен за храбрость, засмеялся и сказал:

— Да уж… Я всегда считал, что ты, Джереми,

слишком робок, поэтому, наверное, и не выходишь на поле боя. И ручки у тебя мягкие, как у Карлины… Однако когда я увидел, как ты обращаешься с раненым, то понял, что ты куда храбрее меня. Я бы никогда не смог этого сделать. Очень жаль, что никому не пришло в голову и тебя наградить красным шнурком.

Джереми тихо ответил:

— В таком случае нам пришлось бы награждать шнурком каждую женщину, родившую ребенка, или каждого посыльного, который незаметно проскользнет сквозь вражескую линию. Храбрость имеет много обличий. А без красного шнурка я вполне могу обойтись.

— Придет день, — заметил Белтран, — замечательный день, когда я буду править этой землей — да продлится царствование моего отца долгие, долгие годы! В ту пору, возможно, мы придумаем, как отмечать любой храбрый поступок. Пусть то будет дерзость гонца или мужество лекаря… Придумаем что-нибудь новенькое, бросающееся в глаза. Как насчет этого, Бард? Ты же будешь моим главным помощником, если, конечно, мы доживем до той поры… — Принц неожиданно нахмурился, увидев, как помертвело лицо Джереми. — Что с тобой, парень? Тебе нехорошо?

Хастур отрицательно покачал огненно-рыжей головой:

— Не знаю, просто вдруг бросило в дрожь. Знаешь, что простолюдины говорят в таких случаях? Мол, дикий зверь в это мгновение помочился на землю в том месте, где будет твоя могила.

Все примолкли. Джереми, ни слова не говоря, завязал шнурок, затем подал поднявшемуся Барду меч и кинжал, помог застегнуть пояс.

Наконец Бард подал голос:

— Я только солдат. Что я знаю о других способах проявить храбрость? Ничего… — Он набросил на плечи парадный плащ, тоже ярко-красного цвета, под стать шнурку. — Я бы сказал, что предстоящая церемония тоже требует определенного мужества, хотя дело-то чепуховское, а вот поди ж ты! Все что-то робею… Лучше уж с мечом в руке сойтись лицом к лицу с врагом…

— Что это за разговоры о врагах, сводный брат? Какие враги у тебя могут быть в замке моего отца! Ну скольких молодых людей твоего возраста отец отличил красным шнурком и тем более доверил нести королевское знамя во время сражения? Когда же ты, спасая жизнь королю, в битве в Снежной долине сразил дома Руйвена из Серраиса и его оруженосца…

Бард пожал плечами:

— Госпожа Ариэль не очень-то жалует меня. Это по ее просьбе свадьбу заменили обручением. Она недовольна, что не ты заслужил награду после битвы.

Белтран усмехнулся.

— Мне кажется, так ведут себя все матери. — Он помолчал, потом отважился продолжить: — Ей мало, что я принц, что в конце концов мне достанется отцовский трон. Ко всему этому я еще должен быть прославленным воином. Или, может, — Белтран широко улыбнулся, решил, по-видимому, обратить все в шутку, хотя в его словах — Бард отчетливо почувствовал это — прозвучала некоторая горечь, — она считает, что твои слава и отвага способны затмить в глазах отца мои достоинства…

— Послушай, Белтран, у тебя были те же учителя, что и у меня. Что мешает тебе получить награду за храбрость? И тебе со временем выпадет удача. На войне судьба переменчива, как и удача в сражениях. Мне так кажется…

— Нет, — грустно усмехнулся Белтран, — воином надо родиться, ратное дело не для меня. Вряд ли я когда-нибудь отличусь на поле боя. Единственное, что остается, — это попытаться

не уронить честь и сохранить шкуру в целости и сохранности, для чего я должен уметь разделаться с каждым, кто захочет попробовать ее на прочность.

Бард засмеялся и заметил:

— Поверь, Белтран, это как раз то, к чему стремлюсь и я.

Однако принц помрачнел и вздохнул:

— Что ни говори, Бард, но все же есть мужчины, которые рождаются воинами; есть такие, кто способен им стать, — я же не из тех и не из других.

Джереми вмешался, заговорил веселее — видимо, решил отвлечь друга от печальных мыслей:

— Тебе, Белтран, вовсе нет необходимости быть знаменитым воином, перед тобой другое поприще — в скором времени ты станешь правителем Астуриаса и тогда сможешь нанять солдат, какие тебе по нраву, — храбрых, ловких… Ну, каких захочешь… Лишь бы честно служили. Кому в таком случае будет интересно, как ты владеешь мечом? Всем будет важнее знать, как ты управляешься с наемниками и сколько их у тебя, сильны ли твои лерони… Придет день, и однажды ты возьмешь меня на службу в качестве ларанцу. Как считаешь, может такое случиться?

Джереми использовал древнее слово, означаю-

щее колдун, и Белтран, рассмеявшись, хлопнул друга по плечу.

— Замечательно! Значит, у меня уже есть свой чародей и витязь!.. Ну, тогда мы втроем, управляя Астуриасом, сокрушим всех наших врагов! Боюсь, что этот день — боги, будьте милостивы к нам — еще долго не наступит. Джереми, пошли своего пажа — пусть тот посмотрит, не прибыл ли дом Рафаэль, отец Барда?

Джереми махнул рукой, молоденький слуга со всех ног бросился к двери, но Бард остановил его.

— Не беспокой ребенка, — обратился он к Джереми. — Он не приехал и не приедет. Даже не надейтесь. — Бард сжал челюсти, на скулах заиграли желваки.

— Он что, и на свадьбу не явится? — удивился Джереми.

— На свадьбу он, может, и явится, если король ясно даст понять, что в противном случае отец нанесет оскорбление суверену. Но на обручение его ждать нечего.

— Но помолвка вполне законная церемония, — возразил Белтран. — С этого дня ты считаешься мужем Карлины, и, пока ты жив, она не может выйти за другого. Просто матушка думает, что сестра слишком юна, чтобы разделить с тобой

ложе, так что эту часть церемонии просто отложили на год. Но в любом случае Карлина теперь твоя жена, а мне ты, Бард, становишься братом.

Бард вздохнул:

— Но все-таки самой лучшей, самой сладкой части меня лишили…

Джереми пожал плечами:

— И все равно я удивлен. Дом Рафаэль не приедет на помолвку своего сына! Надо же!.. Уверен, его известили, как ты вел себя на поле боя и о том, что ты назначен королевским знаменосцем. Ты же сразил дома Руйвена и его оруженосца одним ударом… Услышь мой отец такое обо мне, он бы лопнул от гордости.

— Не сомневаюсь, отец гордится мной. — Лицо Барда помрачнело. — Боюсь, однако, что о случившемся ему поведала леди Джерана, его законная жена. А это многое меняет… Она никогда не простит, что в течение двенадцати лет со дня свадьбы отец избегал ее — она была бездетна. Никогда не простит она и мою мать, которая подарила дому Рафаэлю сына. Ей есть что еще припомнить: и то, что отец взял меня в дом, дал мне благородное образование вместо того, чтобы поступить так же, как со всеми прочими незаконными детьми. Их просто отправляли на фермы, где они учились

пахать и разводить на полях грибы.

Белтран подал голос:

— Но это же глупо! Она должна быть рада, что кто-то подарил ее мужу сына, раз она сама не способна.

Бард пожал плечами:

— Джерана окружила себя странницами, леронии и знахарками. Половина ее придворных дам весьма сметливые колдуньи. Джерана надеялась, что рано или поздно они найдут средство от бесплодия. Так и случилось… Появился мой младший брат Аларик. Вот тут она вошла в силу и проявила норов. Как же — принесла мужу законного сына и наследника! Для меня настали черные денечки. Мачеха шпыняла меня день и ночь. Пока Аларик не родился, она еще была добра со мной, пыталась выступить в роли этакой строгой, но справедливой мамаши, но я-то все чувствовал. Она меня целует, а сама с неописуемой радостью удавила бы. Мне кажется, после рождения сына Джерана просто потеряла голову — Аларик был болезненный, слабенький, а я вон какой вымахал. Вот что удивительно — с Алариком мы живем душа в душу, он меня просто обожает… Хороший такой мальчишка, искренний, восторженный…

— Но это же естественно, — сказал Белтран. — Она ведет себя просто глупо. Ей бы порадоваться, что у ее сына и наследника такой могучий защитник. Значит, есть кому позаботиться о нем в будущем.

— Я люблю своего брата, — просто ответил Бард. — Было время, когда я думал, что никому нет дела, жив я или умер. Знаете, как былинка у дороги, — гнет ее ветер: сломал так сломал, нет так нет… А вот появился Аларик, и как-то все по-другому повернулось. С той поры, когда он начал различать лица, сразу начал улыбаться, потом принялся ручки тянуть. Я ему игрушки носил, сажал впереди себя на коня, когда он стал постарше. Однако леди Джеране все было не так. В ее понимании я, незаконнорожденный, не мог быть товарищем ее драгоценному дитяти. Она подбирала ему в компанию исключительно законных детей из благородных семейств. А мальчик ко мне тянулся… Скоро мне вообще запретили видеть его, и я встречался с ним тайком. Потом, когда он заболел, мне устроили выволочку — почему я без разрешения вбежал к нему в детскую. Когда Аларику стукнуло четыре года, я вызвал гнев мачехи тем, что под мою песню он тут же засыпал, а у нее, сколько она ни уговари-

вала мальчишку, ничего не получалось. — Бард печально потряс головой, горько улыбнулся. — К отцу все приставала, требовала, чтобы прогнал меня с глаз долой. И вместо того, чтобы навести порядок в собственном доме, как и должен поступить мужчина, отец предпочел мир в постели. Так меня разлучили с родным домом и братом.

Наступило молчание, потом Джереми неожиданно порывисто схватил друга за руку и крепко пожал ее.

— Ну и ладно! — воскликнул он. — Зато теперь у тебя появились еще двое братьев. Скоро мы все породнимся.

Бард слабо улыбнулся:

— Королева Ариэль любит меня так же, как и моя мачеха. Уверен, она найдет способ, чтобы настроить против меня Карлину и, возможно, вас обоих. Я не виню отца, исключая разве то, что он слишком внимательно слушает женщин. Клянусь Зандру, пусть мне ноги поотрывают, если я когда-нибудь подчинюсь бабе.

Белтран рассмеялся:

— Только, Бард, не надо выступать в роли этакого женоненавистника. Слушай, что говорят девушки, и поступай наоборот. В ночь, когда ты ляжешь в постель с Карлиной, будет столько слез,

что можно затопить все королевство.

— О, что касается этого, — Бард попытался принять веселый вид, — я прислушиваюсь к словам женщин только в одном месте, ты можешь угадать где…

— И еще, — подхватил Белтран, — когда мы были маленькими и играли вместе, помню, ты всегда прислушивался к тому, что говорила Карлина. Стоило ей только попросить, тут же срывался с места… Помнишь, когда ее котенок залез на дерево и не мог спуститься? И когда мы с сестрой ссорились — я скоро выучил это, — мне следовало немедленно драпать, чтобы ты не поколотил меня. Ты всегда принимал ее сторону.

— Ну, Карлина! — Бард по-настоящему повеселел, в глазах затеплился огонек. — Карлина не похожа на других женщин. В ней ничего общего со шлюхами, живущими здесь. Когда я женюсь на ней, уверяю, ни разу не изменю ей. Ей не надо будет окружать себя толпой колдуний, чтобы удержать мужа. Она с первого же дня, как я оказался в замке, отнеслась ко мне по-доброму.

— Мы все отнеслись к тебе по-доброму, — возразил Белтран, — но ты первое время ни с кем не желал разговаривать и только грозился, что поколотишь нас…

— Что было, то было. Карлина дала мне почувствовать, что на белом свете все-таки есть кто-то, кому небезразлично, жив я или умер. Ее я никогда не колотил. Теперь вот как вышло — твой отец отдает ее мне в жены. Никогда бы не подумал, что сумею выиграть такой приз. Это я-то, бастард!.. Леди Джерана сумела лишить меня дома, отца и брата, но теперь, хвала богам, я нашел свой дом здесь.

— И в придачу Карлину, — пошутил Белтран. — Я бы такую никогда не взял в жены: тощая, кожа да кости, к тому же еще лицом смугла. Настоящее пугало, какое выставляют в поле, чтобы отпугивать ворон.

Бард мягко заметил:

— Я и не думал, что брат сумеет оценить красоту сестры. Впрочем, меня менее всего волнует, насколько она хороша.

Рыжеволосый Джереми на мгновение замер — как и все Хастуры, он обладал сильным лараном и умел читать чужие мысли. Для этого Джереми не нуждался в матриксе, которым пользуются чародеи. Юноше стоило лишь прислушаться, сосредоточиться на Барде — собственно, и этого не надо было делать. Молодой воин неожиданно разволновался, мощный поток страсти букваль-

но хлестал из его сознания. Вот почему Джереми опешил.

«Сколько их, баб, на белом свете, и все годятся для постели. Карлина же совсем другая. Мало того, что и характером она добра, к тому же дочь короля, а это ой как много значит в этом мире. Когда я женюсь на ней, никто не сможет бросить мне упрек в низком происхождении. Будьте любезны — перед вами знаменосец короля, его верный рыцарь, не знающий поражений. У меня все будет — дом, семья, братья, со временем дети… И конечно, женщина, которая родит их мне. Да ради такой женщины!.. Я ей буду благодарен до гробовой доски… Клянусь, что не дам ей ни малейшего повода упрекнуть отца, что дал ей в мужья бастарда».

Это точно. Джереми незаметно перевел дух — слишком обильно и страстно хлынули на него мысли друга. Конечно, более веской причины для женитьбы трудно выдумать. Возможно, он не так уж вожделеет Карлину, она ему куда дороже как символ желанного будущего, которое может стать явью только после женитьбы.

В окружающих Астуриас Ста царствах каждый день совершаются бракосочетания, и по большей части по менее веским причинам. Чаще всего

это голая выгода или желание добиться более высокого положения в обществе. В любом случае личности невест, да и женихов здесь не играют большой роли. С Бардом все по-другому: для него эта женитьба — единственный шанс, редчайшая возможность выбиться в люди, иначе — Джереми мог быть откровенен с самим собой — одна дорога. В наемники… Пусть даже у дяди. К отцу ему, понятно, хода вообще нет. Прекрасно, что другу так повезло. Если он будет добр с Карлиной, той тоже будет хорошо. Они составят прекрасную пару. Тогда, что очень важно, Астуриас будет представлять серьезную силу. Собственно, Джереми — и Каркосе — это только на руку… Юноша вздохнул. Уж кому-кому, а ему было прекрасно известно, что Карлина боится Барда. Тут никакого ларана не нужно — он лично присутствовал в тронном зале, когда король Одрин объявил о своем решении. Карлина вскрикнула, потом ударилась в слезы. А о причинах ее лучше не спрашивать!..

Кто ей мог помочь? И зачем? С точки зрения Джереми, король поступил совершенно правильно. Очень даже разумно… Это говорит о том, что он способен заглядывать в будущее. К тому же и обычай требовал достойно наградить воина,

спасшего жизнь королю. Право нести знамя, красный шнурок — это все замечательно. Но Одрин оказался еще мудрее. На гребне момента сделал ход конем. Связав Барда узами брака, он пристегивал его к своему семейству, надевал ему на шею крепкий хомут.

Очень мудро!..

Можно, конечно, посочувствовать Карлине, однако рано или поздно любой девице придется выйти замуж. Это она сейчас хнычет, истерики закатывает — потом поймет, какая выпала удача. Ее, не спрашивая согласия, могли выдать за какого-нибудь стареющего развратника или за бесцветного грубого солдафона. Или, что еще хуже, за отъявленного бандита, которых во множестве расплодилось за Кадарином. Какого-нибудь правителя микроскопического королевства… Что тогда? Пришла бы ее отцу в голову мысль поискать союзников в том варварском краю, и участь Карлины была бы решена. Вместо этого он вручил дочь близкому родственнику, человеку, которого она знала с детства, пригрела когда-то. Тот уже за одно это всегда будет благодарен жене, а уж за все остальное и подавно… Глупая, скоро поймет, как ей повезло.

Между тем молодые люди поднялись в парад-

ный зал, куда уже привели невесту. Джереми бросил на принцессу жалостливый, сочувствующий взгляд. Если бы он мог открыть ей мысли Барда, возможно, она бы сразу повеселела. Однако чего нельзя, того нельзя!

Джереми невольно задумался о собственной судьбе. Тоже не все ладно складывалось. Взять хотя бы эти густые мохнатые рыжие брови. Ничто их не берет — ни пудра, ни легкое подкрашивание!.. Горят как огненные!.. Даже неприлично. Но это все шуточки. Были обстоятельства в его жизни, которые навевали куда более глубокую печаль. Не по собственной воле явился он ко двору Одрина, короля Астуриаса. Он прибыл в замок наполовину в качестве заложника, наполовину с дипломатической миссией. Иштван, король Каркосы, отец его, долго учил младшего из сыновей, как вести себя на новом и — он честно сказал об этом Джереми — опасном месте. Конечно, его усыновят, предупреждал Иштван, в знак добрых отношений между дворами Астуриаса и Каркосы, где правили Хастуры. На мальчика возлагалась многотрудная миссия быть глазами и ушами Каркосы при дворе Одрина. «Ты не солдат, — убеждал его отец, — ты — полноценный ларанцу». Вот она, судьба, взгрустнул Джереми, у моего отца

не было дочерей, вот и пришлось пожертвовать мною. Хвала богам, что в замке живут добрые люди, с ними можно, в общем-то, иметь дело. Так что Карлина должна в ножки поклониться Аварре — она остается дома… Непонятно только, почему Одрин поддался уговорам и не назначил сразу же свадьбу? Что-то в этом есть тревожное… За год чего только не произойдет…

В зале стоял многоголосый шум. Герольды возвестили о приближении его величества короля Одрина, и все встали. Бард, стоявший рядом с Белтраном, не обратил внимания на выкрики герольдов — он жадно разглядывал гостей. Кто знает, вдруг в последнее мгновение отец одумался и появится здесь? Может, пока король не прибыл, дом Рафаэль войдет в тронный зал? Ну, что ему стоит! Впрочем, ну его к черту!.. Стоит ли печалиться? Одрин заботится о нем куда больше, чем родной отец. Он наградил его за подвиги в сражении, подарил богатое поместье и много других земель, преподнес красный шнурок, отдал в жены собственную дочь. Чего еще желать от дяди? Какое ему дело до отца — пусть тот сидит дома и впитывает яд, который льет ему в уши леди Джерана.

«Жаль только, что братика здесь нет. Мне очень

хотелось повидаться с ним… Ему уже семь лет… Он бы порадовался вместе со мной…»

В назначенный момент Бард в сопровождении подталкивающих его Белтрана и Джереми выступил вперед. Карлина уже стояла возле трона по правую руку от отца. У Барда внезапно заложило уши, он едва слышал, что говорил король:

— Бард мак Фиана[8], называемый ди Астуриен. Ты, которого я назначил знаменосцем, подойди сюда. Я, божией милостью король Астуриаса Одрин, призвал тебя сюда, чтобы совершить обряд обручения с моей младшей дочерью, леди Карлиной. Ответь, Бард, по доброй ли воле ты принимаешь ее руку? Желаешь ли ты стать членом королевского дома?

К своему удивлению, Бард ответил громко, без всякого смущения или робости. Вот и хорошо, теперь никто не заметит, что он весь дрожит. Тут он сказал себе — это как в битве, пора взять себя в руки.

И взял…

— Ваше величество господин мой, все, что бы я ни сказал здесь, что бы ни совершил, все творится по моей доброй воле, по моему согласию и

---

[8] notes: 8

Мак — приставка перед именем матери в фамилии бастарда.

желанию угодить вашему величеству.

— Тогда, — объявил король и взял в левую руку пальцы Барда, — я приказываю тебе соединить свою руку с рукой дочери моей и обменяться с ней клятвами верности. Да свершится это на глазах всех собравшихся здесь!..

Бард почувствовал, как тоненькие пальчики Карлины коснулись его руки, покрепче ухватил их. Удивительно, пальцы были холодны как лед и мягкие, словно без костей.

Невеста не смела поднять на жениха глаз.

— Карлина, — обратился к ней Одрин, — согласна ли ты взять в мужья этого человека?

Та пробормотала что-то невразумительное — Бард даже не понял, что именно. Наверное, формулу формального согласия. Он облегченно вздохнул — слава Богу, — не отказала.

Жених наклонился и, как требовал обычай, поцеловал ее в подрагивающие губы. Девушку заметно трясло. Небесный огонь! Неужели она так боится его? Он уловил цветочный, веселящий душу запах ее волос, на лице была косметика. Отодвигаясь, Бард щекой коснулся шершавого кружевного воротника. Ну, подумал он, баб у меня было достаточно, но вот такой дамы никогда. Это ничего, что ее всю трясет от страха, в его

объятиях она быстро успокоится. Так было всегда. Сейчас Карлина разодета как кукла, но голые они все одинаковы. И все равно, сама мысль о том, что теперь Карлина принадлежит ему, кружила голову. Он почувствовал легкую слабость в ногах. Каково! Кто теперь посмеет кинуть ему вслед — у-у, проклятое отродье!.. Карлина — его жена… Его собственность!.. Ему сжало горло, и он с трудом выговорил условленные слова:

— Перед лицом собравшихся здесь родственников клянусь взять тебя в жены, Карлина, нежно любить и заботиться о тебе всю жизнь.

Теперь пришла очередь Карлины, однако он едва смог услышать ее:

— Перед… лицом собравшихся родственников клянусь выйти замуж… — И как он ни пытался, так и не смог расслышать собственное имя.

Чертова королева, встревоженно подумал Бард, Зандру ее забери со всеми интригами. Надо было сегодня же играть свадьбу и разделить ложе, тогда бы все пошло своим путем. Карлина быстро распрощалась бы со своими страхами. Юноша сжал челюсти, унял дрожь в руках. Никогда он так сильно не мечтал о женщине. Ни о какой другой, только о своей жене, с которой он только что был обручен. Он невольно сжал ее руку и тут же

почувствовал, как она пытается высвободить ее.

Король Одрин объявил:

— Теперь вы единое целое.

Бард неохотно выпустил пальцы невесты. Затем они отпили вино из поднесенного к их губам кубка. Все, теперь Карлина официально считалась его женой. Теперь даже король Одрин не мог изменить этого. В этот момент юношу словно кольнуло, чем-то зловещим и тусклым повеяло из будущего, словно до сих пор улыбавшаяся судьба вдруг сменила милость на гнев. Словно и ее наконец замутило облако ненависти, которую испытывали к нему его мачеха и новоявленная теща, королева Ариэль. Предощущение тревоги разделило их, Барда и Карлину… «Черт бы побрал всех женщин! Ну их к дьяволу — всех, кроме Карлины!..»

…Белтран заключил его в объятия, шепнул на ухо: «Теперь ты на самом деле стал мне братом», — и Бард, раньше ощущавший, что Белтран, случалось, ревновал его к Джереми, завидовал их близости, догадался, что принц счастлив. Теперь узы, связывающие сына короля и его зятя, стали куда крепче, чем дружба, пусть даже она началась в детстве. Белтран и Джереми стали побратимами, обменялись кинжалами — это

случилось еще в мальчишеском возрасте. А вот с ним, с обидой подумал Бард, никто не хотел побрататься, назвать бредином; слишком велика честь для незаконнорожденного… Ладушки, теперь все, конец!.. Теперь он зять короля, обрученный супруг Карлины. Зять наследного принца Белтрана — это тоже кое-что значит. Эта связь прочнее побратимов. Бард расправил плечи, вскинул голову — теперь он имеет на это право. Юноша искоса глянул в одно из зеркал, украшавших зал, и отметил про себя, что с первого взгляда видно, как в нем прибавилось важности и благородства. Так-то вот…

Позже, когда заиграла музыка, он первым вывел Карлину в круг. Танцевали парами, партнеры то сходились, то расходились, то кружили в парах, и после очередной фигуры, завершавшейся поклоном кавалера, дама опять протягивала ему пальчики. С каждым движением Барду казалось, что Карлина уже менее дичится и не так резко, как вначале, вырывает руку. Джереми танцевал с одной из фрейлин королевы, очень молоденькой — рыжеволосой девушкой по имени Джиневра. В детстве она была подругой Карлины, а теперь стала фрейлиной Ариэль. В этот момент у Барда мелькнула мысль, что Джереми спит с Джинев-

рой. Действительно, друг проводит с ней столько времени… Или, может, дело идет к этому. В таком случае Джереми просто глупец. Бард всегда относился к девушкам из хороших семей несколько настороженно — потому, может, никогда и не заглядывался на них. Эти особы слишком требовательны, слишком щепетильны и высокомерны. Они любят, когда за ними ухаживают, клянутся в вечной любви и преданности. Что хорошенькие, что дурнушки… Хорошенькие даже более опасны — обещают многое, а одаривают куда как скудно. Та же Джиневра, например, — плоская как доска. Чем она может привлечь внимание мужчины? Тут юноша спохватился — странные мысли лезут в голову, когда он танцует с Карл иной!..

А о чем же еще думать, мрачно решил Бард, провожая Карлину к буфету, если ему целый год не видать ее тела как своих ушей. Черт побери, зачем ее мать настояла на подобном условии?!

Увидев предложенный ей бокал, Карлина отрицательно покачала головой.

— Спасибо, что-то не хочется, Бард. Мне кажется, тебе тоже достаточно, — рассудительно заметила она.

Неожиданно юноша выпалил:

— Твой поцелуй куда слаще, чем свежее пиво.

Как бы я хотел получить его!

Карлина глянула на него с удивлением и замешательством. Затем ее губы дрогнули в легкой улыбке:

— Бард, я никогда не слышала от тебя подобных речей. Неужели ты брал уроки галантности у нашего кузена Джереми?

Юноша смутился:

— Мне трудно судить, что такое галантность. Прости, Карлина, я что-то не понимаю — ты хочешь научить меня лести? Боюсь, что я на это не способен, да и не хочется тратить время на подобную чушь.

Карлина ясно почувствовала то, что Бард недоговорил: «Джереми еще ничего не добился, ничего не умеет, кроме умения весело болтать с дамами, а туда же — в учителя…»

Карлине в этот момент вспомнился день, когда она впервые увидела Барда. Это случилось три года назад. Перед ней предстал мрачный парень — деревенщина неотесанная. Вести себя не умел и отвечал односложно, грубо, глядел исподлобья, не хотел принимать участия в играх. Потом, правда, несколько освоился… Но уже тогда Бард был выше не только своих родственников, но и многих мужчин. Учение его не занимало, кроме занятий

фехтованием — оружие он уже тогда любил, и более всего ему нравилось убегать в караулку и слушать там рассказы ветеранов о стычках, боях, сражениях. Никому из их компании он не понравился, однако Джереми объяснил, что парень совсем одинок и многое пережил, так что следует быть с ним помягче и как-то вовлекать его в игры.

Тогда-то Карлина и почувствовала жалость к парнишке, которого привезли в замок в качестве заложника. Теперь, повзрослев, Карлина не испытывала никакого желания выходить за него замуж, но и его девушка понять могла. Никто не спрашивал у Барда согласия, но даже если бы и спросил, что бы это изменило? Какой здравомыслящий мужчина откажется от руки принцессы! Нравится она ему, не нравится, однако своя голова дороже. Попробуй откажи венценосцу — сразу жизни лишишься! Конечно, его призвание — война. Или подготовка к ней… Когда же мог Бард набраться галантных манер и куртуазного обращения! Это Джереми слывет в замке дамским угодником. В конце концов, разве дело в Барде — она же призналась няне, что вообще не желает выходить замуж. И дело тут не в Джереми — Карлина и к нему никакого особого

влечения не испытывает, просто он ей более близок. Однако Бард выглядел таким несчастным…

Карлина, не желая того, все-таки чуть-чуть отпила из предложенного ей бокала.

— Не желаешь еще потанцевать? — спросила она. — Или мы так и будем сидеть здесь и болтать?

— Да, мне бы хотелось поговорить с тобой, — простодушно ответил Бард. — Не такой уж я искусный танцор. И вообще, все эти придворные штучки как-то не по мне…

Карлина опять невольно улыбнулась, и на щечках у нее обозначились ямочки.

— Если ты достаточно подвижен, чтобы ловко орудовать мечом, а Белтран утверждает, что тебе в этом нет равных, — значит, и танцевать должен хорошо. Для танца нужны легкие ноги, а тебе, говорят, прыгучести не занимать. Вспомни, сколько мы танцевали на уроках, когда были детьми. Не могу поверить, что ты все забыл!

— Сказать по правде, Карлина, — Бард смутился. — Я слишком быстро вытянулся… Понимаешь, все еще дети как дети, а я вымахал… Этакий переросток-увалень… Чувствовал себя таким неуклюжим, неповоротливым. Знаешь, этаким огромным косолапым зверем… А вот когда от-

правился на войну, быстро смекнул, что рост и вес дают мне явные преимущества. Как-то само собой получилось, что я всегда представлял себя больше воином, чем придворным.

Это признание почему-то тронуло девушку — в чем, в чем, а в неискренности Барда нельзя было упрекнуть. Она вдруг почувствовала, что никому и никогда он не говорил ничего подобного. Ей первой открылся…

— Ты вовсе не такой уж неуклюжий, Бард. Я нахожу, что ты неплохо танцуешь. Надо просто быть смелее, поверить в себя. Но если танцы тебе не по душе, то мы можем сесть в уголке и поговорить. — Она теперь не могла сдержать улыбку. — Когда мы пойдем через зал, я должна взять тебя под руку, а для этого тебе следует предложить ее мне. С божьей помощью я все-таки обучу тебя…

— Ты не найдешь более верного и благодарного ученика, дамисела![9] — с дрожью в голосе воскликнул Бард. Предложив ей руку, он почувствовал, как пальчики Карлины крепко вцепились в рукав камзола.

Они обогнули танцующих и добрались до более

---

[9] notes: 9
Уважительное обращение к благородной девушке.

спокойной части зала, где люди старших возрастов играли за столами в карты и кости. Какой-то кавалер из королевской свиты направился к ним с явным намерением пригласить Карлину на танец, однако Бард так сурово глянул на него, что тот тут же изменил направление и как ни в чем не бывало прошел мимо.

Когда они устроились в уголке, Бард осторожно протянул руку и чуть коснулся виска девушки:

— Послушай, Карлина, когда мы стояли перед твоим отцом, мне показалось, что ты плакала. Карли, неужели кто-то посмел обидеть тебя?

Девушка покачала головой и ответила:

— Нет.

Однако Бард обладал пусть и маленьким, но чутким лараном и понял, что она говорит неправду. Юноша быстро догадался, в чем дело, — в двенадцать лет Барда, как и всех благородных детей в замке, проверили лерони и нашли, что телепатические способности у племянника короля весьма слабы, но кое-что он все-таки улавливал.

— Тебе совсем не по нраву наша женитьба? — удивленно спросил он и нахмурился.

Девушка тут же вырвала руку, вздохнула, опустила голову, потом подала голос:

— У меня нет никакого желания выходить

замуж. А плакала я потому, что никто даже не удосужился спросить меня об этом.

Бард несколько опешил. Он даже засомневался, правильно ли понял ее. Может, что-нибудь недослышал?

— Пусть славится в веках Аварра, но что еще делать женщине, как не идти под венец? Я поверить не могу — ты желаешь до скончания дней оставаться одна? Не хочешь обзавестись домом, создать семью?

— Я хочу иметь право самой сделать выбор. Хочу, если уж на то пошло, сама решать, за кого выйти замуж. Однако дело в том, что я вовсе не желаю этого. Я бы с большей охотой отправилась в Башню, чтобы стать лерони, сохранить девственность и посвятить себя служению богине. Так поступали некоторые девушки из свиты матери… Или стать монахиней, поселиться на святом острове, в келье, обратиться помыслами к великой Аварре. Конечно, тебе это кажется странным…

— Да, — выдохнул Бард. Вид у него был несколько ошеломленный. — Я всегда считал, что каждая женщина мечтает поскорее выйти замуж. И чем раньше, тем лучше.

— Так и есть, — подтвердила Карлина. — Для

большинства женщин это самый желанный удел. Но почему женщинам не позволено самим решать, что делать? Вот ты, например, выбрал солдатскую долю, Джереми мечтает стать ларанцу, но ведь ты не будешь утверждать, что мужчины должны податься либо в армию, либо в чародеи. Каждый из вас сам определяет свой путь.

— Ну, с мужчинами совсем другое дело. Женщинам, Карли, никогда этого не понять. Так уж устроено, что ты нуждаешься в домашнем очаге, мечтаешь о детях и думаешь о любимом. — Он поднес тонкие пальчики жены к своим губам.

Карлина почувствовала одновременно и гнев, и жалость. Правда, гнев жег сильнее — она уже было совсем собралась ответить изощренно колко, но Бард смотрел на нее с таким недоумением, с такой нежностью и надеждой, что злые слова растаяли сами собой.

В чем он виноват? Если уж искать виновных, то начать, безусловно, надо с ее отца, который выдумал это обручение. Словно она — награда, которую отличившийся воин получил из рук сюзерена… Разве Бард установил законы, по которым из века в век живет эта страна? Разве Бард виноват в том, что девица из благородного, а тем

более королевского, дома не более чем козырь в игре сильных мира сего?

Бард уловил кое-какие ее мысли, вид у него стал совсем расстроенный.

— Ты совсем не хочешь жить со мной, Карли? — спросил он.

— О, Бард, — страстно, с некоторой даже болью вымолвила девушка, — разве дело в тебе! Поверь мне, сводный брат и муж, что на свете нет мужчины, которого бы я хотела видеть рядом со мной. Возможно, придет день — когда я повзрослею, когда мы оба повзрослеем, — и боги наградят нас любовью, мы потянемся друг к другу. Вот тогда моя доля будет мне в охотку. — Она сжала его ручищу. — Поверь, что боги сами выберут момент. Они наградят нас обоих за терпение, за искренность, за умение ждать.

В этот миг кто-то вновь пригласил Карлину на танец, Бард машинально угрюмо глянул на него, однако девушка стиснула его пальцы.

— Бард, я должна. Моя обязанность как невесты танцевать со всеми, кто пожелает ввести меня в круг. Ты же сам прекрасно знаешь. И каждая девушка, которая мечтает в этом году выйти замуж, почтет за великую удачу, если ей удастся станцевать с женихом.

Бард унял вспыхнувшее было в груди раздражение и неохотно подчинился. Что поделаешь — обычай есть обычай, не им он установлен, не ему его нарушать. Он по очереди пригласил на танец трех или четырех фрейлин королевы Ариэль. Это было почетное приглашение — дамы вспыхивали от удовольствия. Как же, сам королевский знаменосец оказал им честь!.. И все равно, даже кружа партнершу, Бард постоянно искал взглядом Карлину, ее голубое платье, темноволосую головку, накидку, усыпанную жемчугом. Он не мог оторвать взгляда от ее темных кос.

Карлина… Сердце таяло… Карлина была его. С некоторой тоской Бард обнаружил, что ненавидит всякого мужчину, который смеет касаться ее. Как они отважились? Где набрались смелости? И она тоже. Как смеет поднимать на них глаза? К тому же разговаривать. Зачем она ведет себя как последняя лагерная шлюха! Зачем поощряет их?! Почему бы ей не быть потише, поскромнее? Можно было бы и отказать очередному кавалеру… Ей следует танцевать только с суженым. Он знал, что подобные упреки просто глупы и бессмысленны, однако сердцу не прикажешь, и каждый раз, когда Карлина улыбалась или отвечала пригласившему ее, Барду казалось,

что она сознательно и охотно одаривает его то искрометным взглядом, то движением губ… Он еще кое-как справлялся с кипящей внутри яростью, когда Карлина танцевала с Белтраном или своим отцом, а также когда ей предлагал руку кто-нибудь из дряхлых ветеранов, но всякий раз, когда возле его невесты оказывался молоденький придворный или королевский гвардеец, юноша сжимал кулаки. Бард не мог отделаться от ощущения, что в такие минуты королева Ариэль смотрит на него с видом победителя.

Конечно, успокоившись, размышлял Бард, все, что Карлина говорила насчет своего нежелания выходить замуж, — полная чепуха. Он ни единому ее слову не поверил! И не поверит!.. Без сомнения, она питает к кому-то нежные чувства — к тому, кто по положению недостоин ее. Вот беда так беда, а теперь, после обручения, им уже никогда не быть вместе. Бард презрительно усмехнулся и затем содрогнулся от гнева. Попался бы ему в лапы этот негодяй!.. Голову закружило от обиды, словно он воочию увидел свою жену в объятиях другого мужчины. Уж он бы поступил с ним, как тот заслуживает — оторвал бы ему руки, ноги. И Карлине тоже пришлось бы несладко… Неужели он посмел бы причинить

боль? Ни за что! Он сделает так, чтобы ей было совершенно ясно, что ждет того, кто посмеет еще раз прикоснуться к ней. Все эти грызущие душу, смущавшие совесть картины в какое-то мгновение пронеслись перед его взором. Бард стряхнул жуткое наваждение, взял себя в руки и пристально вгляделся в толпу королевских гвардейцев, стражников, армейских офицеров, которые были приглашены на бал. Однако так ничего и не высмотрел — Карлина никого особо не выделяла, была доброжелательна со всеми, никому не отказывала в танце, но дважды с одним и тем же кавалером в круг не выходила.

Однако что это? Она опять танцует с Джереми?.. Более того, они сблизились несколько теснее, чем Карлина позволяла себе с другими кавалерами. Да и смеялась куда звонче. А он? Зачем он так низко склонил голову? Услышать бы, что он там ей нашептывает… Бард досадливо сжал губы. Но еще лучше узнать, что она ему так доверительно рассказывает? Неужели объясняет, что ее против воли выдают за Барда? В конце концов, Джереми был из Хастуров, рода, ведущего происхождение от легендарной Кассильды, дочери Робардина. Их считают потомками богов. По крайней мере, так говорят… Черт бы побрал всех Хастуров! Ди

Астуриен — столь же древний и благородный род. Почему же она предпочла Джереми? Гневливая ревность опять всколыхнулась, ударила в голову — юноша не спеша, через весь зал, направился к парочке. Выдержки хватило, чтобы не нарушить приличий — верхом невежества считалось устроить скандал во время танца, однако, когда музыка кончилась и они, посмеиваясь, двинулись к скамьям, он шагнул в их сторону. При этом налетел на какого-то кавалера, ведущего даму. Даже не извинился…

Начал Бард вежливо:

— Леди, пришло время станцевать с вашим мужем, — обратился он к Карлине.

Джереми хихикнул:

— Как ты нетерпелив, Бард. Особенно если задуматься, что вам всю жизнь придется провести вместе. — При этом Хастур по-свойски взял друга под локоть. — Да, Карли, тебе достался необычайно страстный муж.

Бард почувствовал, как злоба ударила в голову.

— *К моей жене*, да будет тебе известно, — он говорил медленно, веско, чеканя каждое слово, — следует обращаться: *леди Карлина*, а не Карли!..

Джереми уставился на него — может, Бард шутит?

— Послушай, это же моя сводная сестра. Я называю ее так, как называл всегда, с той самой поры, когда ее волосы еще не были заплетены в косы, — мягко сказал он. — Что случилось с тобой, Бард?

— Теперь, повторяю, она не Карли, а леди Карлина, моя супруга, и будь любезен обращаться к ней как должно, — резко ответил тот. — Веди себя с ней как с замужней женщиной.

Карлина, до того момента так и стоявшая с открытым от изумления ртом, наконец опомнилась и заявила:

— Бард, возможно, когда мы действительно станем мужем и женой, я позволю тебе указывать, как мне вести себя со сводными братьями. А может, и нет… В настоящее время я буду делать то, что хочу. Немедленно извинись перед Джереми, или я не желаю тебя больше видеть. По крайней мере сегодня!

Теперь Барду пришла очередь изумиться. Она желает, чтобы он унизился до того, что должен ползать на коленях перед этим придворным лизоблюдом? Перед этим ларанцу, перед колдуном? Она не прочь оскорбить мужа на глазах гостей? Значит, Карлина действительно неравнодушна к Джереми Хастуру?

Наступила тишина. Джереми все еще не мог

прийти в себя, однако заметил, что король Одрин все чаще бросает в их сторону тревожные взгляды. Короля тоже можно было понять — не хватало еще, чтобы в торжественный день разразился скандал! Да еще между сводными братьями!.. Можно понять и Барда. Он как был один, так и остался — даже в такой день никого из родственников поблизости не было. Даже отец не соизволил прибыть на помолвку. И ехать-то всего полдня!.. Ясно, что Бард очень расстроен… Так что действительно ссора сейчас совершенно не к месту.

— Я не настаиваю на том, чтобы Бард извинился, — обратился он к Карлине. — Наоборот, если он считает, что я чем-то обидел его, то со своей стороны прошу прощения. Кстати, меня ждет Джиневра. Бард, друг мой, я бы хотел, чтобы ты первым пожелал нам счастья. Я уже просил ее руки, и она дала согласие… Теперь дело за малым — написать отцу, чтобы он объявил о нашей помолвке. Мой отец будет рад, я уверен. Не знаю, будет ли доволен ее отец. Джиневра обещала все ему рассказать. Одним словом, если все сладится, если старики не будут упрямиться, уже скоро мы объявим о помолвке. Так что если боги будут милостивы к нам, то обручение состоится у меня

на родине.

Карлина заботливо коснулась руки Джереми.

— Ты очень скучаешь по дому? — спросила она.

— Не то чтобы очень. — Он пожал плечами. — Меня увезли из Каркосы в таком возрасте, что я еще не успел осознать, что именно там моя родина. Но иногда, особенно при заходе солнца, сердце сжимается от тоски. Я вспоминаю озеро и башни Каркосы. Знаешь, это так красиво — отражения башен в темной глади воды, косые лучи заходящего солнца и, как ни странно — дружный хор лягушек. Они всегда к вечеру бывают особенно голосисты. Их песни служили мне колыбельными.

Карлина задумчиво сказала:

— Я никогда не была так далеко от дома. Должно быть, тоска по родине острее всех других печалей, свойственных человеку. И хотя я женщина, все равно во мне все сильнее зреет уверенность — что бы ни случилось, наступит день, и я тоже покину отчий дом.

— Это еще как сказать, — улыбнулся Джереми, — сейчас, по крайней мере, боги были так добры, что позволили твоему отцу выбрать в мужья человека из родственников. Вряд ли твое пророчество когда-нибудь сбудется.

Девушка улыбнулась и, не замечая Барда, словно его вообще не было рядом, добавила:

— Если что и способно примирить меня с замужеством, так только это.

Эти слова оказались солью, просыпанной на раненую душу Барда. Он едва смог совладать с собой и все равно резко бросил Джереми:

— Ступай к Джинерве! — И крепко взял Карлину под руку. Оттащил в сторону… Затем грубо развернул лицом к себе. — Итак, ты сказала Джереми, что не хочешь выходить за меня замуж? Ты пела эти песни каждому мужчине, с которым танцевала?.. Значит, ты решила посмеяться надо мной?..

— Почему? Вовсе нет! — Удивлению Карлины не было предела. — Зачем? Я говорила с ним… А почему, собственно, я не имею права поговорить со своим сводным братом и побратимом Белтрана? Или я теперь и с Белтраном не должна разговаривать?

— Ты считаешь, что твой разговор с Джереми так уж невинен? Он родом из горной страны, где брату позволено возлежать рядом с сестрой, а он касался тебя!..

— Бард, это даже не смешно, — ответила Карлина. — Даже когда мы будем настоящими мужем и

женой, когда будем делить постель, подобная ревность крайне непристойна. Ты что, собираешься бросить вызов любому мужчине, с которым я заговорю? Значит, ты и к Белтрану, и к дому Кормелу меня ревнуешь? Он же ветеран, уже пятьдесят лет на службе. Он еще моего прадедушку помнит.

Под ее ясным испытующим взглядом юноша опустил голову:

— Что я могу поделать, Карлина, меня словно ударило! Я так перепугался, что могу потерять тебя. Со стороны твоего отца слишком жестоко отложить свадьбу на целый год. Я ничего не могу поделать, мне все время кажется, что он ведет, с нами какую-то игру и через некоторое время, еще до того, как мы с тобой разделим постель, он отберет тебя и вручит какому-нибудь другому мужчине. Тому, кто заплатит большой выкуп. Или тому, с кем выгодно породниться. Зачем он только отдал тебя своему племяннику, да еще незаконнорожденному?!

Теперь удивление и гнев, охватившие Карлину, сменились жалостью. Неужели за высокомерием, за вызывающей страх грубостью скрывалась такая незащищенная душа? Она взяла мужа за руку:

— Послушай, Бард, тебе не следует так говорить. Мой отец любит тебя, он отдает тебе предпочтение перед Белтраном — об этом все говорят. Он назначил тебя знаменосцем, хранителем королевского стяга, наградил красным шнурком. Зачем ему играть с тобой в какие-то игры? Однако он бы очень расстроился, если бы ты в такой день затеял ссору с Джереми Хастуром. Пообещай, что больше не будешь таким глупым, таким ревнивым, Бард, или я тоже поссорюсь с тобой.

— Если бы мы уже сегодня разделили постель, — ответил юноша, — у меня бы не было причин для ревности. Тогда ты вся и навсегда была бы моя. Карлина… — Он неожиданно взял обе ее руки и покрыл их поцелуями. — По закону мы считаемся мужем и женой. Закон дозволяет нам вступить в брачные отношения, как только у нас появится желание. Позволь мне… это… сегодня, и тогда я буду точно знать, что ты моя навеки.

Карлина ничего не могла с собой поделать, ее буквально трясло. Вот, оказывается, какова цена его ревности!.. Она знала, что отказ причинит ему боль, однако поступить так, как он требует, было выше ее сил. Девушка опустила голову:

— Нет, Бард. Я еще не готова… Пусть все идет своим чередом… Знаешь, это неприлично пред-

лагать мне такое при обручении.

— Ты же сама сказала, что живешь надеждой полюбить меня когда-нибудь.

— В свое время. Дай срок… — Голос Карлины дрогнул.

— Оно уже пришло. Уже сегодня, и ты знаешь об этом! Но как мне кажется, ты знаешь еще что-то — вероятно, планы твоего отца. Он точно ведет со мной двойную игру и уже давным-давно решил отдать тебя другому. Более подходящему для него…

Карлина теперь действительно уверилась, что Бард искренне так считает, и на этот раз жалость, незамутненная, обильная, затопила ее.

Бард заметил, что жена колеблется, почувствовал ее сострадание и обнял ее, но она вдруг вырвалась, да еще с такой силой, что он невольно отступил.

— Значит, это правда, — горько сказал юноша. — Ты совсем не любишь меня.

— Бард, я уже говорила — дай мне время, обещаю, что, когда наступит срок, я не устрашусь, не стану избегать тебя. И… этого… Но не сейчас, через год, когда я повзрослею…

— Этот год, как я понимаю, тебе нужен, чтобы окончательно уверить себя, что тебя ждет со

мной ужасная судьба. Тогда ты точно откажешься разделить со мной ложе.

Он произнес это с заметной горечью, и сердце у Карлины сжалось — лучше бы она не слышала этих слов.

— Послушай, Бард, — дрожащим голоском выговорила она. — Я стану постарше, мне будет легче. Пройдет эта проклятая дрожь. Мама говорит, что я слишком молода для постели. Может, когда мне прибавится годок…

— Все это чепуха! — насмешливо возразил Бард. — Девушки куда моложе тебя выходят замуж. Оглянись вокруг. И в постель ложатся, и ничего с ними скверного не происходит. Это все уловки, чтобы обвести меня вокруг пальца — пусть, мол, племянничек побегает на коротком поводке, а придет срок, тебя тут же отдадут другому. Этому можно помешать только одним способом, моя любимая, и ты знаешь, каким именно. Тогда ни одна живая душа не сможет разлучить нас. Ни твой отец, ни мать… Я даю слово, что ты, Карлина, уже достаточно взрослая девушка. Позволь мне убедить тебя в этом? — Он вновь поцеловал ей руки, потом обнял, привлек к себе, прижал свои губы к ее губам.

Девушка молча отчаянно отбивалась — он был

вынужден отпустить ее.

— Значит, если я не хочу, если я не согласна, ты возьмешь меня силой? Как Лизарду?.. Она ведь тоже была слишком юна для этого… Значит, ты и меня готов околдовать, чтобы я ни в чем не могла отказать тебе? Так, что ли?.. Значит, я должна вот так запросто покориться твоей воле? Не важно, хочу я этого или нет?

Бард горько усмехнулся:

— Так вот в чем дело. Вот кто, оказывается, настроил тебя против меня? Эта маленькая сучка?.. Значит, это она наговорила бог знает что?

— Она не лгала, Бард, я смогла прочитать ее мысли.

— Что бы она тебе ни рассказывала, она занималась этим не так уже неохотно.

Карлину от этих слов бросило в ярость.

— Это еще хуже! Ты заставил ее делать то, что она не хотела, да еще внушил при этом, что она сама этого желала.

— Ты могла бы тоже по достоинству оценить это удовольствие. Как и эта дрянная девчонка… — горячо сказал Бард.

Карлина ответила с той же страстью:

— Значит, вот как ты заговорил. Ты, верно, настолько хорошо узнал женщин, что решил

— помани их пальчиком, и они сами прибегут. Не сомневаюсь, ты и на меня наложишь чары и я буду вынуждена исполнить твою волю. Ты применишь силу, а я буду радоваться, вопить от восторга. Так, что ли? Как и Лизарда? И так же, как она, буду ненавидеть тебя до скончания своих дней. Запомни это!

— Я так не думаю, — ответил Бард. — Мне кажется, когда ты справишься со своими глупыми страхами, то сама влюбишься в меня. Тогда ты поймешь, что я предлагаю лучший выход для нас обоих.

— Нет, — решительно ответила она и, словно доказывая непреклонность своего выбора, потрясла головой. — Нет, Бард… Я прошу тебя… я понимаю, я твоя жена… — Она на мгновение задумалась. Мысль, которая пришла ей в голову, сначала показалась ей неуместной, в чем-то даже оскорбительной для Барда, но она уже не могла не привести этот аргумент — девушка была слишком напугана. И заявила: — Выходит, ты желаешь показать, что я ничем не лучше, чем одна из моих служанок?

— У меня и в мыслях не было, — с жаром воскликнул юноша, — обидеть тебя! Я вовсе не хотел нанести урон твоей чести!..

— Тогда, — Карлина решила до конца использовать полученное преимущество, — ты должен подождать, пока не пройдет положенный срок. Даю слово, что буду верна тебе. Но пусть все свершится в назначенное время. — Она мягко коснулась его руки и тут же убежала.

Бард молча смотрел ей вслед. Мелькнула мысль, что женщина обвела его вокруг пальца, однако сердце не хотело этому верить. Нет, она права — это дело чести: она, его жена, должна прийти к нему по собственной воле. Без всякого принуждения… И все равно юноша никак не мог успокоиться, сердце громко и часто билось в груди.

Не было еще женщины, которая не получила бы с ним удовольствия. Как же эта чертова маленькая шлюха Лизарда могла пожаловаться? На каком основании? Ишь, какая скромница! Напугалась до полусмерти… Даже не помышляла об этом… Как же, не помышляла!.. Он всего-навсего помог ей осуществить то, о чем она тайно мечтала. Он прекрасно помнил тот случай: да, сначала она действительно очень перепугалась, но прежде, чем все было кончено, она уже сладострастно стонала. Какое имела право Лизарда изменить мнение? Стонала от удовольствия?

Так и скажи — стонала, а то побежала к Карлине жаловаться на потерю девственности. Словно ее девственность обладала хоть какой-то ценностью! Она что, наследовала титул, ради которого ей необходимо было блюсти честь? Или у нее было богатое приданое?

Вот как аукнулся тот случай. Карлина убежала от него. И как раз в тот момент, когда он жаждет женщину!..

Гнев и вожделение мешались в сознании — неужели девчонка думает, что ему так легко будет дожидаться ее? Что он терпеливо будет поститься, вздыхать, цветочки нюхать?!

Неожиданно ему в голову пришла идея. Просто замечательная мысль. Теперь он знал, как отомстить этим дрянным девчонкам — обеим сразу! Они думают, что выставили его полным ослом? Посмотрим… Женщины все похожи друг на друга, начиная с той неизвестной дамочки, которая безропотно вручила его, свое дитя, отцу. От них все зло! Та же леди Джерана, что который год наушничает дому Рафаэлю. Она же, конечно, и не выпустила отца из дома. И эта чертова шлюшка Лизарда со всем ее хныканьем и слезливыми жалобами. Даже сама Карлина — чем она лучше их всех, вместе взятых!

Теперь Бард целенаправленно, сжав губы и сопя от ярости, направился на галерею, откуда слуги могли следить за праздником. Там он сразу увидел Лизарду. Она была тонка и выглядела совсем ребенком. Волосы мягкие, цвета прелых листьев. В теле почти ничего женского — ни стати, ни пышных форм… Бард даже затрепетал от возбуждения, вспомнив ее.

Лизарда была пуглива, неопытна, но очень скоро робость и испуг оставили ее. И она еще смеет жаловаться Карлине, словно он околдовал ее! Чертова девка, на этот раз он ей покажет!

Бард дождался, пока служанка взглянула в его сторону, затем поймал ее взгляд. Заметил, как она вздрогнула и попыталась отвести глазки, однако он уже цепко овладел ее вниманием. Дальше было просто — уже наловчился. Ловко проник взглядом в ее сознание — точнее, в самый темный, скрытый слой — и послал сексуальный призыв. Зов был силен, неодолим, в конце концов, она сама осознает, что страстно желает мужчину. Собственно, так оно и было, просто эту подспудную похоть следовало только разбудить. Вся ее спесь, мысли о женской гордости, собственном достоинстве — это бред, ничто, пустота перед лицом реальности. Он так и смотрел на нее, пока

не почувствовал, что в душе малышки что-то стронулось, потом бесстрастно, даже с некоторой злобной радостью увидел, как она невольно шагнула к нему. Держа ее в поле зрения, он отошел за колонну, и, когда девушка приблизилась, страстно и умело поцеловал ее, и тут же почувствовал ответное желание, затопившее их.

Между тем где-то в глубине ее глаз — отражение мысли? — он увидел, скорее почувствовал, как Лизарду охватывает паника, какая-то суетливая нерешительность, страх и отчаяние, оттого что это вновь происходит с ней. Что опять она покорилась неизбежности этого, отказалась от сопротивления, забыла о стыдливости… Что он опять сможет делать с ней все, что пожелает. Бард беззвучно рассмеялся, что-то шепнул ей и подтолкнул девушку. Она шла словно во сне. Поднялась вверх по лестнице, остановилась у его комнаты — он следил за ней снизу, точно зная, что, когда он через несколько минут явится к себе, Лизарда, обнаженная, пылающая от страсти, будет ждать его в постели. Он может задержаться на сколько угодно — она все так же будет ждать его.

И он повременит. Спешить некуда — пусть она на самом деле удостоверится, что она сама

возжелала его. Пусть поплачет — это полезно для Лизарды, посмевшей распустить сплетни. Теперь пусть пожалуется Карлине, что он взял ее против воли и силком уложил в постель. И если Карлина и на этот раз прислушается к этой «невинной жертве», то пусть принцесса пеняет на себя. Она является его законной — перед богами и людьми! — женой. Если ей не дано понять, что это значит, какую накладывает ответственность, то пусть больше не скорбит по поводу его измены.

2

Прошло уже около трети года, и как раз в пору сенокоса Бард ди Астуриен встретился с Одрином в приемном зале.

— Дядя, — юноша имел право на такое обращение, так как король был ему приемным отцом, — война начнется еще до сбора урожая?

Король Одрин нахмурил брови. Он был высокий, крупный мужчина, светловолосый, как и большинство представителей рода ди Астуриен. С тех пор как в одном из сражений его ранили в предплечье, рука так и осталась парализованной. Сражения былых дней оставили на его теле множество шрамов. Эти отметины доказывали, как трудно держать в руках власть. Тем более править королевством… А этим Одрину приходилось заниматься большую часть жизни.

— Нет, сынок, надеюсь, что нет. Однако ты лучше меня осведомлен о ситуации на границах. Ты же провел там последние сорок дней… Какие новости?

— Ничего особенного, — ответил Бард, — все тихо. После сражения в Снежной долине в тех местах все тихо. Никаких бунтов… Однако я слышал

— едва добрался до замка: дом Эйрик Риденоу — тот, что помоложе, — выдает сестру за герцога Хамерфела. Вы слышали об этом?

Некоторое время король сидел задумавшись, потом сказал:

— Продолжай.

— У одного из моих солдат свояк служит в наемниках у герцога, — продолжил Бард. — Он имел несчастье зашибить какого-то мужика, за что был отправлен в изгнание на три года. Теперь служит у Хамерфела — правда, при найме он поставил условие, что против Астуриаса воевать не будет. Так вот, его почему-то вообще освободили от присяги на верность. Так обычно не делают.

— Ну и что?

— Мне кажется, что герцог Хамерфела не зря заручается родственными связями с Риденоу из Серраиса, — ответил Бард. — Эта свадьба позволит им объединить силы против Астуриаса. Мы можем ожидать скорого выступления. Замысел герцога прост — если он успеет ударить до начала зимы, то может надеяться застать нас врасплох. Вот еще факт — у Белтрана есть ларанцу, который способен работать со сторожевыми птицами. Тот несколько раз посылал птицу в полет, однако не обнаружил движения вражеских войск, удалось

разглядеть много мужчин, которые движутся к Тарквилу, известному своей ярмаркой. Тарквил лежит не так уж далеко от Хамерфела. И ярмарка какая-то странная. Не в сезон… Ларанцу сообщил, что со всех уголков герцогства туда стекаются мужики. Почти все с вилами. Очень много конных… И наемники туда направились. Вот что еще — птица заметила караван вьючных животных, вышедший из Башни Далерет, а вы знаете, что изготавливают в этом змеином гнезде. Зачем герцогу Хамерфела клингфайр[10], если не для того, чтобы в союзе с Риденоу напасть на Астуриас.

Король Одрин пожевал нижнюю губу, покивал, потом бросил:

— Ты прав, — и опять примолк. Наконец продолжил: — Что ж, Бард, раз ты оказался настолько зорок, что сумел разглядеть происки врагов, что, как ты считаешь, нам надо предпринять?

Не в первый раз Барду задавали этот вопрос, однако до сих пор это был лишь знак внимания к молодому, подающему надежды воину — король, спрашивая племянника, уже знал, как поступить. Сейчас же Одрин на самом деле не ведал, что следовало предпринять. Бард догадался, что король

---

[10] notes: 10

Горючая смесь, изготовляемая с помощью матриксной технологии, применялась как средство ведения войны.

несколько растерян — это польстило юноше. Ни Белтрана, ни Джереми король вообще никогда не спрашивал… Бард собрался с духом — обращаясь к королю, он заранее продумал план действий.

— Я бы немедленно пошел на них войной, пока они еще не успели собрать армию. Пока они не выступили, — начал он. — И конечно, первым делом следует осадить сам Хамерфел. Герцог этого совсем не ждет. Он и предположить не может, что по его землям прокатится война. Ведь он как рассчитывает — собрать наемников и, когда дом Эйрик вторгнется в Астуриас, послать их ему в подмогу, а заодно оттяпать добрый кус королевства. План хорош, мы были бы вынуждены воевать на два фронта. Но если мы ударим на герцога *немедленно*, начнем осаду его замка, опустошать земли, он ничего не сможет поделать и во избежание больших бед будет вынужден дать клятву и выдать нам заложников. Тем самым он выйдет из игры, и Эрик останется с носом и впустую потратит кучу денег. И вот еще что. Необходимо выслать специальный отряд и захватить обоз с клингфайром. Лучше всего уничтожить его, но можно и отправить в наше хранилище. Так как караван непременно будет охраняться колдунами, я бы предложил включить в отряд и

наших ларанцу. Можно двух…

— Сколько времени нам потребуется для сбора войска и организации похода на Хамерфел? — спросил король.

— Декада, сир. Со дня на день будет закончена выездка лошадей, ну, подготовлен провиант, окончены сельские работы, и люди будут готовы откликнуться на ваш призыв. Собственно, запасов много не надо, мы захватим их в Хамерфеле. Однако все надо делать тайно — никаких гонцов, герольдов с факелами, громогласных призывов, иначе их колдуны все пронюхают. Но предварительно надо выслать отряды, которые должны захватить мосты через Валерон и удерживать их до подхода главных сил. Это самое слабое место моего плана, ему надо уделить первостепенное внимание. Лучше всего было бы послать отряд, который после захвата мостов тут же поспешит к замку и окружит его.

Мрачное лицо короля Одрина неожиданно осветилось улыбкой.

— Я сам вряд ли предложил бы более разумный план, Бард. Необходимо лишь одно уточнение — следует сформировать и третий отряд, который должен пугануть наемников в Тарквиле. Налететь, наделать шуму и умчаться на подмогу

осаждающим замок герцога. Теперь возникает вопрос — если я поведу войска на Хамерфел, сможешь ли ты возглавить группу, которой будет приказано захватить клингфайр? Я выделю тебе несколько лерони и три дюжины конных копейщиков — ты сам их можешь выбрать, — больше не могу.

Бард попросил:

— Сир, вы не могли бы выделить четыре дюжины?

— Нет, я сам позарез нуждаюсь в людях. Судьбу боя у стен Хамерфела может решить только конница.

— Тогда нечего и говорить об этом. Три так три… Придется нам быть попроворнее, — говорил он спокойно, даже несколько тяжеловесно, а сердце радостно билось в груди. Еще бы — в первый раз ему доверили командование большим отрядом. И без всякой опеки со стороны более опытных воинов.

Между тем король Одрин, нахмурившись, продолжил:

— Официально отряд возглавит принц Белтран. Однако я особо распоряжусь — командиром будешь именно ты. Понял, Бард? Я просто вынужден объявить по армии, что Белтран ведет отряд.

Обещаю, что с его стороны не возникнет никаких помех, я ему все растолкую, и, когда вы покинете замок, он будет подчиняться тебе.

Бард кивнул. Так уж заведено исстари — особа королевской крови, тем более наследный принц, всегда возглавляет подобные операции. И армия должна об этом знать!.. Король Одрин был признанный военачальник, его наследник тоже должен проявить себя на этом поприще.

— Разрешите, сир, я пойду и отберу нужных людей.

— Минутку. — Король жестом остановил его. — Придет время, Бард, и на твои плечи ляжет командование всеми войсками Астуриаса. Твоя храбрость, племянник, всем известна, однако запомни — я запрещаю тебе рисковать собой. Ты обязан — понял, обязан! — избегать опасности. Я куда больше нуждаюсь в тебе как в стратеге, чем в простом воине, обладающем крепкими мускулами и высоким боевым духом. Ты не имеешь права позволить убить себя, поэтому не суйся туда, где слишком горячо. Я давно слежу за тобой… Запомни, Астуриас — наше общее дело, и не моя вина в том, что ты родился не в браке, но в любом случае эта земля — твоя родина. Мне уже немного осталось — ну еще несколько лет,

и придется передавать командование войсками другому. Это хорошая, почетная должность. Выше тебе не подняться — в том нет моей вины. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Бард низко поклонился:

— Я полностью в вашем распоряжении, мой король и повелитель.

— Ладно, ладно, придет день, когда я вот так же склонюсь перед тобой. Ступай и отбери людей.

— Можно я попрощаюсь с леди Карлиной?

Одрин улыбнулся:

— Конечно.

Бард возбужденно подумал о том, что судьба повернулась к нему лицом. Казалось, карьера ему обеспечена, особенно если он успешно справится с порученным заданием. Король благоволит ему. Это немаловажно — жизнь вынудила Барда быть осторожным и подозрительным, однако на этот раз Карлина, по-видимому, уже в середине зимы станет его настоящей женой. Все сходилось: командующий королевской армией — так издавна повелось — должен быть либо членом семьи, либо представителем местного древнего рода, с которым правитель состоит в родстве. Значит, все решится на празднике Середины зимы — посмотрим, какие тогда отговорки придумает

Карлина. Они ей уже не помогут. Вот так-то, из отродий, как любит выражаться кое-кто из знати, в командующего королевской армией и зятья короля. Пусть только посмеет тогда отказать мне!

Бард даже мечтать не смел о столь головокружительном взлете. Прикидывать — следует сознаться — прикидывал, как бы выдвинуться, занять достойное место при дворе. Сначала он и на Карлину смотрел как на ступеньку лестницы, ведущей вверх, но за эти дни что-то произошло в его душе. Теперь он чувствовал, что Карлина нужна ему сама по себе, он страстно желал эту девушку. Да, конечно, принцесса в то же время служила и символом королевской заботы — это было так важно для него, недестро, — и все же теперь Бард по ночам нет-нет да и грезил об этой тоненькой, большеглазой девице. Вспоминался разговор, который состоялся между ними на помолвке, ее тихий голос. Она уже почти согласилась на этот брак. Точнее, внутренне примирилась… Это было самое главное — во всем остальном он вполне мог положиться на себя. Он ей докажет, потешит ее гордость — это так важно для женщины, — она уже не будет дичиться его. И у них все наладится. Как-то по-звериному чуял, что эта самка — его! Карлина тоже быстро поймет это, и он обретет

счастье и покой.

Он устал от случайных связей, от всех этих шлюх, перебирающихся из одной постели в другую. Устал от Лизарды, от той игры, которую он затеял с этой девчонкой. Вообще-то ловко у него получалось: сама плакала и твердила, что ненавидит его, а тело так и отзывалось на его ласки. Но теперь все будет по-другому. Ему нужна только Карлина.

Он нашел невесту в мастерской, где она присматривала за девушками, шившими полотняные наволочки. Бард, не обращая внимания на них, поклонился Карлине. И вновь забилось сердце… Что он нашел в этой тоненькой, совсем не блещущей красотой девице? Почему так гулко забилось сердце? Только оглянись — вокруг столько хорошеньких женщин. Нет, с каким-то злобным удовлетворением подумал Бард, прикипел именно к этой. Может, потому, что она из королевской семьи? Или скорее по привычке, родившейся еще в детскую пору, когда они играли вместе?.. Кто знает?.. Вот и нитки запутались у нее в волосах, прилипли к наспех заплетенной косе. На ней голубое, в мелкую клетку, платье. Она его, кажется, уже который год не снимает.

Наконец юноша тихо сказал:

— У тебя нитки в волосах, Карлина.

Девушка засмеялась и провела рукой по голове:

— Неудивительно, все при деле. Мы занялись постельными принадлежностями: здесь шьют наволочки, в той комнате набивают подушки. Меня приставили присматривать здесь, а женщины под надзором матери засаливают на зиму мясо птицы, маринуют овощи.

Она посмотрела на прилипшую к платью нитку.

— Помнишь, братец, — Карлина опять улыбнулась, — как когда-то ты, я и Белтран опрокинули корзины с пухом и он разлетелся по всей мастерской? Мне было так стыдно, тебя и Белтрана выпороли, а меня заперли в моей комнате и оставили без ужина.

Бард засмеялся:

— Зато как было весело. Я бы предпочел, чтобы меня лупили каждый день, но позволили разбрасывать перья. Думаю, и Белтран согласится со мной. А тебе, я смотрю, этот случай запомнился как самый неприятный.

— Конечно, ведь это была моя выдумка, а наказали вас — тебя, Джереми, Белтрана. Я так переживала… Все-таки это были радостные вре-

мена, правда, братец?

— Это точно, — кивнул Бард и взял ее руку в свою. — Мне бы не хотелось теперь называть тебя сводной сестрой, Карлина. К тому же я принес тебе потрясающее известие.

Карлина опять улыбнулась:

— Что же это за известие, муж мой?

— Твой отец доверил мне командовать целым отрядом. — Бард даже вспыхнул от удовольствия. — Я должен, — он понизил голос, — набрать три дюжины всадников и захватить обоз с клингфайром… Формально начальником назначен Белтран… Однако, скажу по секрету, на самом деле за операцию отвечаю я… Я наберу людей, и в придачу нам дадут лерони.

— Ой, Бард, это просто замечательно! — невольно обрадовалась она. Это была прекрасная новость. Назначение командиром диверсионной группы значило много. — Я так рада за тебя! Я уверена, что тебя ждет великое будущее, скоро ты будешь назначен главнокомандующим.

Бард ответил скромно, пытаясь скрыть охватившее его бесшабашное веселье:

— Ну, этого еще долго ждать. Но это назначение показывает, что твой отец ко мне по-доброму относится. Знаешь, о чем я подумал? Если дело с

захватом обоза выгорит, Карлина, он, возможно, ускорит свадьбу, и мы сможем обвенчаться уже в середине зимы…

Карлине пришлось напрячь все силы, чтобы скрыть охватившую ее дрожь. В конце концов, они все равно поженятся, от нее здесь ничего не зависело. Этот брак должен быть совершен, на землях Астуриаса воля короля являлась законом. В общем-то она хорошо относилась к Барду и, как ей казалось, знала его. Более того, ничего против него не имела. Действительно, какая разница — середина зимы или середина лета. И все равно что-то камнем лежало на сердце. Глупости это, решила девушка, неуместный каприз.

— Если отец пожелает, то так может случиться, Бард.

— Ты не поцелуешь меня на дорожку, женушка?

Как она могла отказать ему? Карлина позволила ему обнять ее, почувствовала прикосновение его губ. Он никогда прежде не целовал ее, разве что по-братски, в щечку. Да во время обручения, но тогда она, признаться, ничего не почувствовала. Должно быть, со страху… На этот раз все было по-другому, девушка испугалась, когда он попытался языком раздвинуть ее губы. Пассивность

жены возбудила Барда больше, чем неприкрытое изъявление ответной страсти.

Когда они отодвинулись друг от друга, Бард глухо, с трудом выговорил:

— Я люблю тебя, Карлина. — И сам испугался, услышав эти слова.

Затем он вновь обнял ее — ей было трудно сопротивляться вспыхнувшей в ее душе нежности. Она кончиками пальцев коснулась щеки Барда.

— Знаю, муж мой.

Потом он отпрянул от нее и вышел. Карлина долго смотрела на захлопнувшуюся дверь. Мысли смешались, душа томилась и тосковала по тишине и покою, благодать которых была разлита вокруг острова Безмолвия. Казалось, теперь этому не бывать. Никогда она не запрется в келье, не отдаст себя молитве, которая накрепко свяжет ее с богиней Аваррой. Все было так смутно, зыбко… Должна ли она покинуть родной дом? Или изменить самой себе и остаться здесь, стать женой Барда Астурийского? «Возможно, — подумала девушка, — это не так уж и плохо. Когда мы были детьми, у нас было столько общего, мы не испытывали никакой неприязни друг к другу — наоборот, нам всегда было весело и уютно вдвоем».

— Карлина, — отвлек ее голос одной из женщин. — Взгляни-ка, что мне делать с этим куском? Края истрепались, а вот здесь полотно совсем испорчено…

Принцесса подошла и склонилась над швеей:

— Давай-ка растянем и посмотрим. Может, что-нибудь и можно будет использовать. Да, для простыни слишком узко… А что, если вырезать вот так и сшить маленькую диванную подушечку? Набьем ее шерстью, поверху пустим вышивку…

— Ах, леди, — усмехнулась одна из девушек, — как вы можете думать о подобных вещах, когда вас только что покинул любимый?..

Последнее слово неожиданно резануло слух — не муж, как то было до сих пор, а любимый!.. Кровь прилила к щекам. Несколько секунд она не знала, что сказать, потом собралась с силами и ответила спокойно, даже бесстрастно, однако несколько витиевато. Вероятно, от смущения…

— Катрина, я всегда считала, что тебя прислали сюда, чтобы ты обучилась шитью и вышиванию, как то пристало всем благородным девушкам. Однако мне кажется, что и с манерами у тебя не все ладно — следует говорить «муж». Вот как будет вежливо и прилично! А то не избавишься

от насмешек. Все сочтут тебя деревенщиной.

3

Бард со своим отрядом скакал всю ночь до рассвета. В темном ясном небе висели четыре луны, все в разных фазах. Бледный диск Мормаллора висел поодаль над холмами и сопровождал их всю дорогу, заливая путь неровным серебристым светом, до самого рассвета, когда небо на востоке начало наливаться багровым заревом. Словно кто-то подпалил небосвод…

Бард все время мысленно возвращался к моменту прощания с Карлиной. До сих пор помнил вкус ее сухих губ. Это было здорово, восхитительно… Пусть она даже не откликнулась на его страсть, настанет день, когда она сама прильнет к его губам. Он верил, что близок тот день, когда Карлина исполнится гордости от сознания, что ее муж — великий воин. Королевский знаменосец. А то и капитан армии его величества. Там, глядишь, и генерал… Размечтавшись, он почти не обращал внимания на своих людей, просто держал их в поле зрения.

По правую руку от него скакал Белтран. Принц был одет во все темное, лицо скрыто капюшоном плаща. Был он угрюм и всю дорогу жаловался

Барду:

— Тебе-то хорошо, сияешь как полная луна. Конечно, доверили командовать большим отрядом. А мне наплевать! Я бы куда охотнее отправился на север, в поход на Хамерфел, вместе с отцом. Уж там бы он убедился, чего я стою на самом деле. А здесь как отличиться? Послали изрубить каких-то обозников!.. Что мы, банда, что-ли?..

Бард несколько раз пытался объяснить ему, что их вылазка — узловой момент всего стратегического плана. Представим на миг, что дело у Хамерфелдского замка не выгорит и герцог сумеет отбиться. Все равно, если Эрик Риденоу не дождется каравана с клингфайром, они не посмеют выступить. Так что именно от их отряда зависела судьба кампании. Однако Белтрану, к удивлению Барда, было на это наплевать. Принца обижало, что его лишили права скакать во главе армии по правую руку от короля. Он так и заявил Барду:

— Меня утешает только то, что и тебя там нет. Эта честь, — проворчал Белтран, — досталась проклятому Джереми. Черт бы побрал всех Хастуров!

В этом Бард согласился с принцем.

— Твой отец обещал, что пошлет со мной Джере-

ми, он должен был руководить нашими лерони. А в последний момент он решил, что не может отпустить Джереми, и выделил трех чужаков.

Бард невольно глянул на чародеев. Они скакали отдельной группой, чуть поодаль от остальных. Во главе высокий, пожилой, седоватый ларанцу — его громадные ярко-рыжие усы свисали до подбородка; его сопровождали две женщины. Одна очень полная, восседавшая на крупном осле, который, к удивлению Барда, бежал резво; другая, похожая на подростка, худенькая, закуталась в серый плащ — непременный атрибут колдунов. Бард не мог даже сказать, какого цвета у нее волосы, какая фигура. Он ничего не знал об этих трех чужаках — умелые ли они лерони, есть ли у них опыт в такого рода делах. Не оставляло сомнение — признают ли они в нем, молоденьком мальчишке, достойного и сурового командира. В особенности ларанцу — по виду он много повидал и, хотя, как в общем-то все колдуны, не носил оружия, исключая большой кинжал, которым могли владеть и женщины, вид у него такой, словно подобные экспедиции вполне привычны и он участвовал в них еще в ту пору, когда Барда и на свете не было.

Сначала юноша решил, что Белтран дуется

именно из-за этого, однако потом стало ясно, что принц ведет себя совсем как ребенок. Тот завидовал Джереми.

— Вот, мы дали клятву, что будем неразлучны и в этом году только вместе будем участвовать во всех сражениях, а теперь он взял и умчался с королем на север. Разве так поступают побратимы?

— Послушай, брат. — Бард попытался объяснить ему, что на войне не выбирают. — Солдат подчиняется только приказу командира, и его желания в расчет не принимаются.

Белтран, казалось, ничего не понял. В голосе принца по-прежнему сквозила обида:

— Ну да, приказ. Я уверен, что, если бы Джереми сообщил отцу о нашей клятве, тот отнесся бы к ней с пониманием — ведь это дело чести — и отпустил бы Джереми с нами. И не уговаривай меня — глупее задания не придумаешь… Надо же, захватить какой-то караван! Что здесь сложного! Уж не труднее, чем погоня за бандитами на границе.

Принц все бубнил и бубнил, поминая недобрым словом Джереми, да и Барда не забывал. В какой-то момент у того даже мелькнула мысль — ему стало ясно, почему король не поручил захват обоза принцу. Мало того, что Белтран даже в толк

не мог взять важность рейда, своим занудством он извел людей еще до первой стычки.

«Все-таки поразительно, до какой степени Белтран не обладает стратегическим чутьем. Пока мы были детьми, он казался добрым, правда несколько злопамятным, малым, теперь, когда пришла пора пораскинуть умишком, оказалось, что и раскидывать нечем. Конечно, выбора у короля нет — разве можно оставить армию на попечение подобного недотепы. Ясно, что для этого нужен другой — его племянник. Что еще оставалось делать Одрину, как не женить меня на Карлине. Убивает сразу двух зайцев — есть кому присмотреть за армией и Белтраном. Выдай он, к примеру, Карлину за чужого принца — зятек после смерти Одрина в два счета подомнет его наследника».

Он попытался еще раз обратить внимание Белтрана на особую важность их миссии, однако тот надулся, потом неожиданно заявил:

— Я могу понять тебя, Бард. Тебя назначили командиром, вот ты и пыжишься, из кожи лезешь, чтобы доказать, какое ответственное, сверхважное поручение дал тебе отец. Это поднимает тебя в собственных глазах — ну еще в глазах сестры, — но мне-то не надо доказывать. Я же тебя

насквозь вижу…

Бард пожал плечами и отъехал в сторону.

К полудню они добрались до южной границы королевства — тут и решили передохнуть. Бард подъехал к колдунам, которые расположились несколько поодаль от основной группы. Так требовал обычай — воины испокон веку относились к лерони с подозрением. Бард тоже не был исключением.

Размышляя над переменой решения короля, заменившего Джереми тремя чужаками, Бард увидел определенный смысл в том, что король вовремя заменил неопытного Хастура более толковым, прошедшим огонь и воду человеком. Смешно, если бы он пошел на поводу у своего взбалмошного сынка. Конечно, и Барду хотелось иметь дело с Джереми, которого он знал с детства, чем с этими странными людьми, но, по крайней мере, он не сомневался в мудрости Одрина. В этом смысле король был дальновидный правитель. А что Джереми? Зеленый юнец — и больше ничего! А ты сам, неожиданно спросил он себя. Тут он мрачно вздохнул — он-то справится. Хоть юн, но спор и разумен… Да, как разговаривать с этим самым ларанцу? Припомнилось, как с Джереми в течение нескольких лет время от времени

занимались придворные лерони. Собственно, он проходил тот же курс наук, что и остальные отпрыски королевской семьи, — уроки фехтования и самообороны, но, кроме того, он изучал оккультные науки, и прежде всего умение обращаться с матриксами. Королевских детей и приравненных к ним по статусу еще обучали тактике и стратегии, верховой езде и охоте. Часто Джереми вместе с Бардом и Белтраном уезжали на границу, где они в составе подвижных групп устраивали облавы на бандитов, но уже тогда было ясно, что военная служба не его удел, и, когда наступил срок, он отказался от меча и променял его на кинжал чародея. При этом подросток, как того требовал обычай, заявил, что нуждается не в оружии, а лишь в волшебном кристалле, который обычно носят на шее. С того для между друзьями пролегла пропасть.

Теперь, подъехав к тому месту, где остановился ларанцу со спутницами, он почувствовал их отчужденность. Ладно, мужчина, уставший после долгой скачки, он и выглядел как солдат, и посадка на лошади у него была солдатская — Бард еще в пути обратил на это внимание, — и все равно юноше было как-то не по себе в его присутствии. Чужак был худ, нос крючком, как у коршуна,

водянистого цвета глаза.

— Я Бард ди Астуриен, — наконец сказал командир. — Как вас зовут, господин?

— Гарет Макаран, а вес ордас[11], ваи дом… — ответил мужчина и коротко отсалютовал Барду.

— Вам что-нибудь известно насчет цели этой экспедиции, мастер Гарет?

— Только то, что я обязан подчиняться исключительно *вашим* приказам, господин.

Бард обладал достаточным лараном, чтобы уловить едва ощутимый акцент, который Макаран сделал на слове «вашим», и почувствовал в душе некоторое удовлетворение. Значит, он не единственный, кто во время ночного перехода понял, что Белтран совершенно бездарен в военном отношении. Кстати, солдатам и, как теперь оказалось, чародеям тоже было объявлено, что командиром назначается Белтран, Бард — его первый помощник и советник. Именно через королевского знаменосца будут отдаваться распоряжения. Нехитрая, но необходимая игра для поддержки авторитета наследного принца.

Бард Астурийский некоторое время молчал, потом наконец спросил:

---

[11] notes: 11
К вашим услугам.

— А сторожевая птица у вас есть?

Мастер Гарет ткнул пальцем в сторону непонятного предмета, закрытого плащом, потом с некоторым укором заметил:

— Я участвовал в кампаниях, когда вас, простите, господин, еще на свете не было. Если вы прикажете, то мы займемся разведкой…

Бард понял, куда метили упреки колдуна, поэтому ответил твердо и решительно:

— Да, господин, я — молод, но в сражениях уже участвовал. Большую часть своей жизни я провел, что называется, в обнимку с мечом, и мне в диковинку истинное колдовство. Поэтому, возможно, я столь нетерпелив… Мне необходимо точно знать, каким маршрутом обоз с клингфайром движется на юг. Иначе нам не удастся застать их врасплох и у них появится время, чтобы уничтожить груз.

Гарет Макаран пожевал губами:

— Клингфайр, надо же!.. Я бы с удовольствием утопил все это зелье в море. Да, не хотелось бы, чтобы эта зараза прошлась нынче по земле Астуриаса. Мелора! — позвал он, и старшая из лерони направилась к ним. Глядя на полное тело, Бард решил, что она в летах, но, когда она приблизилась, он, к своему удивлению, обнаружил, что

женщина достаточно молода. Лицо у нее круглое, как полная луна, глаза светлые, томные…

— Принеси-ка птицу… — приказал мастер Гарет.

Бард со все более возраставшим изумлением наблюдал за ними — это было простительно для новичка. Между тем женщина подошла к своему коню, сняла накидку, под ней оказалась большая птица с черной шапочкой на голове, закрывавшей ей глаза. Сидела та на специальной, изогнутой по краям и прямой посередине жердочке, намертво прикрепленной к седлу. Барду уже доводилось встречать сторожевых птиц — по его мнению, даже хищные охотничьи ястребы по сравнению с этими тварями казались ручными птичками. Лысые шеи сторожевых птиц напоминали змей. Экземпляр, который оказался в руках у Мелоры, вдруг истошно завопил, увидев стоявшего поодаль Барда. От этого вопля похолодело внутри, однако, когда Мелора ласково погладила птицу перышком, та успокоилась, как-то скрипуче, гнусно защебетала. «Ишь, — подумал Бард, — как ласка на нее подействовала». Гарет принял птицу — внутри у Барда все сжалось, когда он глядел на ужасные когти в непосредственной близости от глаз ларанцу,

однако тот несколько бесцеремонно — наподобие Карлины, которая любовно сажала певчих птичек на пальчик, — обошелся с этой уродиной, и та сразу довольно заквохтала.

— Красавица моя, — ласково поглаживая птицу, заговорил мастер Гарет. — Хорошая, хорошая… Ступай, посмотри, что там творится.

Он подбросил птицу в воздух — стервятник тут же развернул огромные крылья и, на мгновение спланировав почти до земли, тут же могучими взмахами подбросил тело почти до самых туч. Вот он черной точкой мелькнул на фоне облаков и сразу исчез. Мелора, успевшая сесть в седло, вдруг осела, взгляд остекленел, и Гарет, понизив голос, обратился к Барду:

— Вам, господин, не следует здесь оставаться. Я сейчас подключусь к Мелоре и глазами птицы увижу все, что вы желаете знать. Когда все кончится, я явлюсь и доложу обстановку.

— Как долго будет продолжаться сеанс?

— Трудно сказать, зависит от обстоятельств.

Бард опять почувствовал укор в словах старого служаки. Может, именно поэтому, надеясь на его опыт, Одрин и направил его в отряд Барда, чтобы тот смог познакомиться с этими вещами, необходимыми командующему. Уметь сражаться

— мало, надо суметь заранее поставить противника в безвыходное положение, обыграть его, используя разведку, учитывая психологию, применяя различные средства обнаружения врага… Это была обширная и трудная наука, с мечом в руках ей не научишься… Хотя бы вот задачка на сообразительность — как вести себя со старым опытным ларанцу? Здесь тоже подход нужен, смекнул Бард.

Что ж, учиться так учиться…

Мастер Гарет тем же тихим голосом сказал:

— Когда птица высмотрит все, что лежит на нашем пути, и повернет обратно, только тогда мы можем сняться с места. Она сама найдет нас, где бы мы ни были. Однако Мелора в таком состоянии не может скакать верхом. Либо держать связь с птицей, либо двигаться — тут выбора нет. Она сразу свалится со своего осла. Она и в лучшие времена неважно держалась в седле.

Бард нахмурился — это было удивительно, как могла быть зачислена в армию женщина, не способная удержаться на муле. Что же будет, когда ей придется пересесть на лошадь?

Мастер Гарет, словно прочитав его мысли, ответил:

— Дело в том, господин, что она является самой

искусной лерони в Астуриасе среди тех, кто способен поддерживать связь со сторожевой птицей. Я сам, например, не в состоянии… Я могу руководить их полетом, направлять куда требуется, но видеть землю мне не дано. А Мелора обозревает окрестности, как будто сама находится в полете. Более того, она способна передавать мне эти картинки. Ну, теперь, господин, я должен подсоединиться к Мелоре. Ступайте, ступайте… — Его лицо вдруг обмякло, он на мгновение застыл, глаза у него закатились. Его уже не было *здесь* — он тоже был в полете.

Неожиданно Бард подумал, что это к лучшему, что Джереми нет с ними. На этого чужака, так внезапно погрузившегося в транс, мгновенно умчавшегося в некую заоблачную волшебную страну, смотреть было неприятно и тяжело. Если бы на его месте был родственник, сводный брат и друг, он бы просто не выдержал этого зрелища.

Тем временем третья лерони наконец развязала завязки и распахнула плащ. Откинула капюшон… Перед Бардом предстала совсем юная девушка, лицо ее было красиво каким-то неземным, навевающим мысли о небе очарованием. Огненно-рыжие кудри были стянуты сзади в узел, только отдельные локоны выбились и те-

перь нежно касались щек. Заметив, что Бард разглядывает ее, лерони покраснела и отвела глаза — чем-то это движение, робость напомнили юноше Карлину. Они были схожи и фигурами — рыжеволосая девица была так же хрупка и пуглива.

Лерони взяла коня под уздцы и, бросив мимолетный взгляд на товарищей, истуканами застывшими поодаль, повела скакуна к роднику. Бард спешился и, приблизившись к девушке, предложил:

— Дамисела, разрешите, я помогу вам?

— Спасибо.

Она передала юноше уздечку, при этом даже не взглянула на него. Когда он попытался встретиться с ней взглядом, щеки девушки разгорелись еще ярче. Она была удивительно хороша! Бард подвел лошадь к узкой вымоине — та сразу всхрапнула и потянулась к воде.

— Когда мастер Гарет и госпожа Мелора придут в себя, — наконец он решился нарушить молчание, — я пришлю двух человек, и они помогут вам устроиться. Позаботятся о лошадях…

— Благодарю вас. Это было бы замечательно. Мои товарищи после работы с птицей всегда чувствуют себя совершенно обессиленными, а

мне трудно со всем управиться.

Голосок ее был нежен и тих.

— Вы тоже искусная лерони? — спросил Бард.

— Нет, ваи дом, я только начинающая. Подмастерье, или ученица… Может, когда-нибудь… Мой дар заключается в том, что я могу проникнуть взглядом туда, куда они не могут послать птицу. — Девушка вновь опустила глаза и покраснела.

— Как вас зовут, дамисела?

— Мирелла Линдир, господин.

Лошадь наконец оторвалась от воды, зафыркала, повертела мордой. Крупные капли упали на сапоги Барда, оставили темные отметины на плаще Мирелллы.

— Может, помочь вам распаковать сумы? — спросил юноша.

— Спасибо, не надо. Не теперь. Лошади лерони очень терпеливы. Они подолгу могут стоять без движения. — Она кивком указала в сторону Гарета и Мелоры. — Их сейчас нельзя тревожить.

— Понятно. Как прикажете. — Бард кивнул. Действительно, что ему еще здесь делать, пора вернуться к своим людям, посмотреть, все ли там в порядке. Белтран, в общем-то, должен был бы позаботиться о них, но, судя по его разговорам,

по тому разочарованию, которое вызывала у него экспедиция, на него не стоило надеяться. Уж лучше самому за всем проследить, чем кому-то довериться…

Тут еще Мирелла тихо, вежливо, но со значением сказала:

— Спасибо, ваи дом, за заботу, однако я больше не смею задерживать вас здесь.

Он поклонился ей и ушел. Шагал и думал — было все-таки в этой девушке что-то резко отличавшее ее от Карлины. Что именно? Ага, взгляд! Точно… Пугливый и робкий, но по-иному, чем взор Карлины. Вряд ли Мирелла до сих пор девственница. Определенно, она разглядывала его с немалым интересом. Бард упрекнул себя — тебе-то что за дело, ты же дал обещание прекратить все шашни с девицами, хранить верность Карлине. Однако на войне солдату грех не полакомиться тем, что само идет в руки. Согретый этой мыслью, юноша принялся насвистывать что-то бравурное.

Настроение у него поднялось еще больше, когда немного погодя хорошенькая Мирелла, все так же кутаясь в плащ, провожаемая взглядами солдат, подъехала к нему и робко сообщила:

— С вашего позволения, господин, мастер Гарет

докладывает, что птица вернулась и мы можем выступать.

— Благодарю вас, дамисела, — ответил Бард и повернулся к Белтрану, ожидая распоряжений.

— Командуй, — с безразличным видом ответил принц и нехотя вскочил в седло. Когда люди были готовы, Бард отдал приказ и, уже в седле, пропустил колонну вперед. Внимательно оглядывал каждого всадника — все ли в порядке с упряжью, с оружием, бравый ли вид у его молодцов, потом, когда отряд проехал, направился к трем лерони.

— Что скажете, мастер Гарет? Что принесла на хвосте ваша птица?

Длинное лицо пожилого ларанцу выглядело крайне изможденным. Он жевал кусок сухого мяса. Мелора, стоявшая рядом, была также утомлена, глаза у нее покраснели, словно она целый день «плакала. Женщина ела сухофрукты с медом…

— Караван от нас примерно в двух днях пути, — ответил мастер Гарет, указывая направление. — Птица прилетела оттуда. Четыре фургона. Охраны две дюжины. Успел рассмотреть, как они вооружены, насколько хороши их кони. Судя по мечам, наемники из Сухих земель.

Бард поджал губы — новость была не из при-

ятных. Наемники из Сухих земель были самыми свирепыми бойцами в Ста царствах. И самыми известными. Сколько же придется положить людей в бою против этих берсерков. И вооружены они как-то странно — щитов они не признают, в одной руке изогнутый меч, в другой — длинный кинжал.

— Необходимо предостеречь людей, — наконец вымолвил юноша. Теперь главное — успокоиться, решил Бард, и все взвесить. Хорошо, что раньше ему по наитию пришла в голову мысль набрать в отряд несколько ветеранов, участвовавших в войнах против Ардкарана и знакомых с этими головорезами. Два дня пути — значит, успеют позаниматься с молодыми солдатами. Собственно, хитрости тут особой нет — не дай врагу зайти с тыла, не открывай фланг.

— Вот еще что!.. — Бард чуть нахмурился и глянул на мастера Гарета. — Вы, господин Макаран, старый вояка. Я не говорю, что женщины обязаны знать об этом, но вы!.. Меня еще в детстве приучили, что нельзя есть в седле. Разве что в исключительных случаях. Вы же теряете контроль над лошадью — она может ступить в какую-нибудь ямку, и что тогда?

Бард почувствовал, что мастер Гарет чуть улыб-

нулся, однако за обильной порослью на верхней губе ничего не было видно.

— Ясно, что вы имели мало дел с лараном, командир. Знали бы вы, как этот дар вытягивает все силы. Спросите лучше квартирмейстеров, они скажут, что на каждого из нас было приказано взять тройной запас еды. Я жевал в седле потому, что если бы вовремя не подкрепился, то свалился бы с лошади. Это было бы куда большим несчастьем, чем жевать в седле.

С детства Бард ненавидел, когда ему выговаривали, однако, если упреки были справедливы, он, делая вид, что его это не касается, старался больше не ошибаться в подобных вопросах. Собственно, это был единственный принцип, которому он следовал, обучаясь военному делу. И на этот раз Бард хмуро глянул на мастера Гарета и поскакал прочь.

Присоединившись к своим людям, он сообщил, с кем им придется сражаться. Потом слушал воспоминания ветеранов о сражениях, где им доводилось встречаться с наемниками из Сухих земель. Это было в ту пору, когда отец Барда, Рафаэль Астуриен, еще участвовал в сражениях, а самого Барда еще и на свете не было.

— Вся хитрость заключается в том, чтобы

следить одновременно за обеими руками противника. Они, мерзавцы, настолько ловко владеют чертовыми кинжалами, что глазом не успеешь моргнуть, как тебе всадят лезвие в бок. Они обычно нарочно цепляют своим мечом твой и сближаются, чтобы добраться до твоих ребер.

— Ларион, — сказал Бард, — объясни людям, как этому противостоять.

После этого командир надолго замолчал — погрузился в свои мысли. Все-таки это задание — большая удача! Сколько чести прибудет ему, если он сумеет захватить обоз с клингфайром и доставить липучий огонь королю Одрину. Подобно большинству воинов, он ненавидел это дьявольское зелье, однако оно было незаменимо для уничтожения укреплений противника… В случае успеха операции эта гадость не полетит на башни замка ди Астуриен. Сколько бед мог причинить враг, используя клингфайр!..

На ночь отряд остановился уже за границами Астуриаса, в маленькой деревушке, лежавшей в преддверии Валеронских равнин. Это были пустынные края; редкие, разбросанные по равнинам селения сохраняли независимость. Здешние жители особой доброжелательностью не отличались — они и на воинов Барда смотрели с

таким видом, словно отказывали им в праве не то что ночевать, но и останавливаться в селе. Рассмотрев, что вместе с вооруженными людьми прибыли и трое лерони, крестьяне еще больше помрачнели и быстро разошлись.

— На эти земли, — сказал Бард Белтрану, когда они спешились, — следовало бы прислать наместника. Очень опасно иметь под боком подобные деревушки — здесь любая шваль, любая разбойничья морда находит приют. Если вовремя не обратить внимания, можно дождаться, что здесь объявится какой-нибудь бандит и провозгласит себя бароном. А то еще, не дай Бог, королем…

Белтран презрительно оглядел деревушку — плохо обработанные поля, хилые огороды, жалкие рощицы ореховых деревьев вдали — листва на них была совсем редкая. Видно, крестьяне обрывали листья, удобряя ими плантации грибов.

— Кто позарится на эту голь? Они не в состоянии платить дань. Не завидую тому господину, кто решит покорить эту банду. Что за честь орлу сразиться с ордой рогатых кроликов?

— Это не так, — вежливо возразил Бард. — Дело не в дани, беда в другом. Какой-нибудь враг Астуриаса может захватить эти края. Тогда нас обложат со всех сторон. Я обязательно доложу его

величеству об этих селах. Думаю, уже следующей весной он пришлет меня сюда. Если местные жители не собираются платить дань Астуриасу, то пусть поклянутся, что не допустят на свои земли сборщиков налогов из Серрaиса или от Риденоу. Белтран, ты распорядишься насчет постоя или это сделать мне?

— Ладно, — зевнул Белтран, — сейчас все устрою. Им следует знать, что их принц заботлив и только тем и занимается, что думает о здоровье и благополучии подданных. В общем-то, я не знаком с этой солдатней и не очень-то разбираюсь, что именно надо делать, но надеюсь, здесь есть ветераны, которые поправят меня, если я ошибусь.

Когда Белтран ушел, Бард усмехнулся. Так было всегда — принц плохо разбирался в тактике, зато охотно посещал уроки стратегии. Особенно он любил всякие заповеди, крылатые слова, наставления, которыми так и сыпали древние. Одно из них звучало так: главная опора трона — это солдатская верность. Следовательно, следует не жалеть сил, чтобы завоевать любовь и признание солдатни. Белтрану хватало ума понимать, что есть вещи, куда лучше не соваться, но есть такие, мимо которых король — тем более наслед-

ный принц — проходить не имеет права. В том и заключалось искусство управления — делать то малое, что необходимо, для того, чтобы все решили, что ты обо всем заботишься. Пусть Бард командует на марше, в бою, но заботу о солдатах ему доверять нельзя. Здесь первым должен быть Белтран. Так учили древние — эту заповедь следует выполнять неукоснительно. Это его, наследного принца, долг — дойти до каждого солдата, осыпать милостями, поинтересоваться самочувствием.

Бард внимательно следил, как Белтран переходил от одного к другому, справлялся о здоровье, о состоянии лошади, об имуществе, питании. Между тем повар уже развел костер и в котле уже аппетитно побулькивало. У Барда даже живот свело, когда он почувствовал запах супа. За весь день всем было выдано по ломтю хлеба и горсти орехов.

Тут Бард еще раз усмехнулся. Хорошо, если Белтран наконец поймет, что от него требуется. Пусть занимается людьми и хозяйством — ничего зазорного в этом нет, только лишний груз снимет с его плеч. Определившись, принц успокоится, с ним будет легче ужиться — именно это обстоятельство все больше начинало волновать Барда.

Тут он обнаружил, что шагает к месту — чуть в стороне от лагеря, — где устроились лерони. Перед глазами сам собой возник образ хорошенькой Мирелы, она притягивала юношу как магнит.

Он нашел ее возле холодного кострища, девушка пыталась развести огонь. Шатер чародеи уже поставили, и сквозь тонкую материю на одной стороне вырисовывались контуры грузного тела Мелоры. Она ворочалась с боку на бок, не находя покоя. Бард опустился на колени возле Мирелы и предложил:

— Давайте я разведу огонь, дамисела. — Он вытащил кремневую, заправленную маслом зажигалку. С ее помощью добыть огонь было куда легче, чем используя трут.

Девушка не посмела даже взглянуть на него. Так и застыла, не поднимая головы. Шейка ее восхитительно покраснела. Наконец лерони тихо ответила:

— Благодарю, господин, но я сама справлюсь.

Бард, заметив краску, невольно сглотнул. В этот момент девушка неожиданно выронила кремень, с помощью которого выбивались искры, и схватилась за кожаный мешочек, висевший у нее на груди. Там, должно быть, лежит волшебный кристалл, сообразил Бард и, осторожно взяв руку

девушки за запястье, шепнул на ухо:

— Если ты, дамисела, хоть разок взглянешь на меня, я тоже вспыхну, как сухое полено.

Она чуть повернула голову в его сторону — очень немного, но этого хватило, чтобы Бард увидел легкую улыбку на устах.

Неожиданно их накрыла тень, послышался ровный голос Гарета:

— Мирелла, ступай в шатер и помоги Мелоре разложить постели.

Вспыхнув, девушка тут же вскочила и поспешила к палатке. Бард тоже поднялся, величественно и грозно поглядел в лицо колдуну.

— При всем моем уважении я должен предупредить вас, ваи дом, — заявил мастер Гарет, — вам бы следовало заводить шашни где-нибудь в другом месте. Она не предназначена для вас.

— Что случилось, старик? Она разве твоя дочь? Или, может, твоя любовница или суженая? — Бард почувствовал, как гнев ударил ему в голову. — Или ты добился от нее послушания с помощью своих чертовых заклятий?

Мастер Гарет отрицательно покачал головой и неожиданно улыбнулся:

— Ничего подобного. Однако во время боевых действий, походов я несу ответственность за

женщин, которые сопровождают меня. И на этот период они неприкосновенны.

— Для всех, исключая тебя?

Опять улыбка и легкое отрицательное покачивание головой.

— Вы же, господин, ничего не знаете об образе жизни лерони. Мелора — моя дочь, и в ее амурные дела я не вмешиваюсь. Она взрослая и может поступать, как ей хочется. Что касается Мирелы, то она обязана хранить девственность, так решили боги. Проклятье ждет любого, кто осмелится взять ее, если только она по собственной воле не откажется от своего дара. Но в этом случае проклятье падет на ее голову. Я предупреждаю, избегай ее.

Теперь Барда бросило в краску, он почувствовал себя словно нашкодивший школяр, которого привели к учителю, и тот с укоризной отчитал ученика. Юноша склонил голову и прошептал:

— Я не знал.

— Вот почему я разъясняю вам, — мягко произнес старик. — Мирелла слишком робка и скромна, чтобы самой все объяснить. Она не может принадлежать мужчине, который не способен проникнуть в ее мысли. Она просто не сможет к нему привыкнуть.

Бард бросил негодующий взгляд в сторону шатра. Он подумал, как порой жестоко несправедлива бывает природа — это жирной и уродливой Мелоре следовало бы хранить девственность. Какой мужчина захочет ее, если лицом Мелора походит на мешок. То ли дело хорошенькая Мирелла! Мастер Гарет вновь понимающе ухмыльнулся, и Барда пронзило жуткое ощущение, что старик способен читать его мысли.

— Ступайте, ступайте, господин Бард. Вы же обручены с принцессой Карлиной. Что за радость заглядываться на простую лерони… Ляжете спать, и боги навеют вам сладостный сон — увидите высокорожденную девушку, которая ждет вашего возвращения. Подумайте сами, вы же не можете обладать каждой приглянувшейся вам женщиной. Зачем выказывать на людях дурной нрав.

Бард коротко выругался, повернулся и зашагал к лагерю. Он едва сдержал себя — ясно, что от умения ларанцу зависел успех рейда и его, Барда, личный успех, но вот голос этого старика!.. Юноша не выносил, когда с ним обращались как с нашкодившим мальчишкой. Тон выговора буквально взъярил его!.. Какое дело мастеру Гарету до его, Барда, личной жизни?!

Денщик тем временем разбил палатку в сто-

роне от общего лагеря. Бард на ходу отведал солдатской еды. Он неукоснительно придерживался старинной заповеди — сначала должны быть накормлены люди, устроены кони, потом только командиру можно брать в руки ложку. Каша ему понравилась… Затем осмотрел лошадей, привязанных к импровизированной коновязи, — проверил ноги, качество корма, и направился в предназначенную для него и Белтрана палатку.

Принц ждал его.

— Что с тобой, Бард? — удивился Белтран. — На тебе лица нет.

— Этот старый хищник! — в сердцах выпалил юноша. — Я только предложил этой молоденькой лерони помочь развести огонь, а он уже встрепенулся. Ах, девица должна хранить девственность! Она дала обет!..

Белтран рассмеялся:

— Ну, расценивай это как комплимент! Он же знает, что ты можешь соблазнить любую женщину, стоит лишь взглянуть на нее. Твоя слава, хочешь ты того или нет, летит впереди тебя. Я понимаю старика — ты только взглянешь, тут же сердце ранишь. Кто может устоять против тебя, кто сохранит девичество в твоем присутствии!..

Бард несколько смягчился, слова друга придали

ему некоторую уверенность, он уже не чувствовал себя провинившимся мальчишкой.

— Что касается меня, — заявил Белтран, — я считаю недопустимым, чтобы женщины принимали участие в военных кампаниях. Тем более следовали вместе с войском… Я имею в виду порядочных женщин… Таких, как эти лерони. От шлюх, повсюду таскающихся за армией, не избавиться — у меня, правда, нет охоты заниматься с ними любовью. Ну, да ладно… Но уж если я должен брать женщин в поход, то предпочитаю иметь дело с достойными. С теми, которые хотя бы умываются, а то ведь есть и такие, у которых только дождь смывает грязь с лица. Однако даже самые хорошие женщины ничего, кроме желания, не пробуждают, а когда отказывают, это ничего, кроме раздражения, не вызывает. Завтра в бой, того и жди, головы лишишься, а эти упрямятся. Вот почему я решительно против присутствия в лагере женщин.

Бард кивнул — он был полностью согласен со сводным братом. Потом добавил:

— Может случиться самое худшее — если женщины доступны, то среди солдат неизбежно начнутся споры. Так и до смуты недалеко. Если женщины хранят целомудрие, то все мужики в

конце концов начинают мечтать о них. Так что в лагере от них только одни заботы.

Белтран откинулся на постель, закинул руки за голову:

— Придет день, когда мне будет поручено командование армией отца, тогда я издам приказ, который бы запрещал лерони сопровождать войска. Достаточно ларанцу. Я считаю, что мужчины более искусны в колдовстве. У женщин вообще слабый организм, чуть что — сразу слезы, переживания… Ты, например, можешь себе представить, чтобы Карлина сейчас находилась в лагере? Ведь детей же не берут на войну!.. Кстати, как твой младший братишка?

— Ему уже восемь лет, — ответил Бард. — В середине зимы стукнет девять. Надеюсь, он не забыл меня. С тех пор как отец отослал меня в ваш замок, я не бывал дома.

Белтран ободряюще хлопнул его по плечу:

— Не беспокойся. Надеюсь, тебе разрешат съездить домой на побывку еще до середины зимы.

— Если кампания против Хамерфела закончится до того, как снег заметет дороги, — сказал Бард. — Я бы очень этого хотел. Мачеха не любит меня, но она не может запретить мне навещать дом. Я просто мечтаю увидеть Аларика… — Он на

мгновение примолк: пришла мысль, что было бы неплохо лично пригласить отца на свою свадьбу. Все-таки Рафаэль ди Астуриен его отец, судьба сына не должна быть ему безразлична.

Они поужинали, потом легли спать — обида и гнев на мастера Гарета давно сменились у Барда благодушным, мечтательным настроением. Мелькнул в сознании образ Мирелы и тут же растаял. Какой смысл вспоминать ее — ясно, что мастер Гарет сказал правду. Бард не так глуп, чтобы искать приключений на свою голову. Ему и так досталось в детстве, так что извини, крошка, у тебя своя дорога, у меня своя… Его ждет Карлина, последнее расставание очень обнадежило Барда. Ничего, жена смирится и даже полюбит его — он это чувствовал. Главное для него сейчас — не оступиться, не совершить ошибку, пусть самую малозначительную, микроскопическую. После свадьбы — пожалуйста, но сейчас ни в коем случае! К тому же Белтран прав, женщинам нечего делать на войне. Их доблесть должна проявляться в другом месте. С тем и заснул.

На следующее утро, после короткого совещания с мастером Гаретом и Белтраном, они направились к броду у Морейской мельницы. И никто из живущих уже не помнил, кто такой был Морей;

судя по легендам, выходило, что он — великан или повелитель драконов. Возле брода еще можно было видеть древние руины. Несомненно, это была мельница, так как к ней от реки шел канал, по которому и поныне текла вода. Дорога к реке была перегорожена. Когда отряд приблизился, им навстречу вышел грузный седовласый мужчина, поднял руку и объявил:

— По приказу его сиятельства, властителя Далерета, эта дорога закрыта. Господа, я имею твердое указание не открывать ворот, пока путники не заплатят положенную дань или не предъявят пропуск на свободный проезд по подвластному краю.

— Зандру вас всех побери! — начал было Бард, однако Белтран жестом остановил его и направил коня в сторону сторожа. Тот был в переднике, который обычно носят мельники.

— С удовольствием, — заявил принц, — заплачу пошлину повелителю Далерета. Твоей головой… Ты не против? Думаю, ваш лорд по достоинству оценит столь щедрую плату. Где еще он сыщет подобного наглеца? Ранвил! — Он жестом подозвал одного из всадников, и тот, на ходу вытаскивая меч, подъехал поближе. — Открой ворота, мужлан, не будь ослом…

Сторож — зубы у него громко стучали — немедля бросился к воротам и начал вращать приводное колесо. Створки медленно, со скрипом открылись. Принц высокомерно швырнул сторожу несколько монет.

— Вот тебе плата. Если ворота, когда мы будем возвращаться назад, тоже будут закрыты, даю слово, что прикажу моим людям сломать их, а сверху положить твою голову, чтобы пугать ворон.

Когда они проезжали ворота, Бард услышал, как сторож что-то злобно проворчал про себя. Он тут же спешился и тряхнул его за плечо:

— Что ты там бормочешь? А ну-ка, смелее, скажи это нам в лицо. Слышишь ты, мерзавец!

Человек поднял глаза, лицо его приобрело решительное выражение, и он гневно выкрикнул:

— Не хочу быть замешанным в свару сильных мира сего, ваи дом. Господа дерутся, а у холопов лбы трещат. Почему я должен страдать из-за того, что вы не можете поделить землю? Все, что меня заботит, это моя мельница. Вам никогда не вернуться этим путем или каким-нибудь другим. Я не имею никакого отношения к тому, что ждет вас у брода. А теперь, если это прибавит вам чести, можете убить безоружного человека.

Бард отпустил его, выпрямился и надменно глянул на мельника.

— Убить тебя? Зачем? Я лучше поблагодарю тебя за своевременное предупреждение. Тебе заплатят за это.

Мужчина неожиданно сорвался с места и бросился к убогому строению, которое возвышалось возле руин на протоке. Бард долго смотрел ему вслед. С четырнадцати лет он на коне, держит оружие в руках, но только теперь впервые он задумался над словами мельника. Собственно, с какой стати каждый благородный считает своим долгом объявить землю своей? Зачем эти непрекращающиеся стычки, сражения, войны? Какой прок от них мельнику, а ведь если не намолоть муки, не испечь хлеб, то много не навоюешь. Раздоры выгодны только наемникам.

«Куда лучше, если земля будет под властью одного государя. Межевые знаки срыть, налоги не брать от Хеллерских гор и до самого моря… Тогда простые люди смогут спокойно возделывать землю, разводить скот… А я бы мог беззаботно жить в замке с Карлиной… В том, который король подарил мне…»

Однако времени размышлять об этом больше не было. Он позвал мастера Гарета и приказал

отряду остановиться.

Ларанцу спешился и подошел к командиру. Тот объяснил:

— Я получил предупреждение… Что-то неладно с этим бродом. На первый взгляд здесь все спокойно. Может, птица разглядит что-нибудь? Или женщины помогут?

Мастер Гарет подозвал Мирелу, которая ехала укутавшись в плащ, и что-то тихо сказал ей. Она вытащила из кожаного мешочка матрикс и пристально вгляделась в него.

Спустя некоторое время она ровным глухим голосом сообщила:

— Не вижу ни человека, ни зверя, ни какого иного чудища, которое могло бы подстерегать нас на противоположном берегу. Однако все точно в дымке, мне потребовалось большое усилие, чтобы оглядеть местность — это неспроста. Следует быть осторожным, родственник.

Мастер Гарет повернулся к Барду:

— У нее есть дар ясновидения. Если ей действительно что-то мешает, если взгляд ее с трудом продирается сквозь пространство, это верное свидетельство того, что дело нечисто. Нам следует соблюдать величайшую осторожность.

Они подъехали к воде. Как раз в том месте, где

уже начинавшая зарастать колея упиралась в мирно текущую реку. Вокруг было тихо, денек выдался солнечный, и малиновые блики весело посверкивали на поверхности. Проглядывало дно. Мелкая галька лишь местами прикрывала скалистые породы… Колесам телеги только ободья намочить… Бард поджал губы, пытаясь определить, какую угрозу могло таить это место. Все вполне безмятежно, привычно — уходит тропа под воду, видно дно. На противоположном берегу дорога ныряет в кусты и теряется в роще. Конечно, место для засады отличное — отряду волей-неволей придется вытянуться цепочкой, и в кустах можно легко перебить всадников по одному. Однако что же это за невидимый враг, если и птицы поют в зарослях, и веточка не шевельнется, хотя они достаточно долго наблюдают за дорогой.

— Раз вы не можете определить, что кроется за этой тишиной, — спросил Бард, — может, есть смысл выпустить сторожевую птицу?

Мастер Гарет кивнул, но сразу предупредил:

— Выпустить-то можно, только птица — это не более чем птица. То есть она видит то, что лежит на поверхности, и не различает колдовства или чар, наложенных опытной рукой. Единственный

магический прием, применяемый в работе с ней, — это способность Мелоры войти в сознание птицы и видеть ее глазами. Я даже не знаю, можно ли назвать подобное умение магией. Мелора, — позвал он, — дитя мое, ну-ка, выпусти птицу.

Большой уродливый стервятник быстро набрал высоту и принялся кружить над бродом. Спустя несколько минут мастер Гарет, застывший на некоторое время, внезапно ожил, встрепенулся и дал знак Мелоре. Та сразу выставила руку, и птица, камнем упавшая с небес, устроилась у нее на запястье. Затем женщина погладила тварь перышком, угостила мясом с душком и надела ей на голову черный колпачок.

— Там, — Гарет указал в сторону противоположного берега, — нет никого. Ни людей, ни какого-нибудь зверья. Одним словом, ничего живого на многие лиги, исключая деревенскую девчонку, пасущую стадо рогатых кроликов. Что бы здесь ни таилось, это не засада, ваи дом.

Бард и Белтран обменялись взглядами. Наконец Белтран решительно заявил:

— Мы не можем торчать здесь весь день в ожидании чего-то ужасного, чего никто не в состоянии увидеть. Я думаю, мы смело можем пе-

реправляться. Мастер Гарет пусть пока останется на берегу. На всякий случай… Я знаю колдунов, которые способны в мгновение ока вырастить лес или поджечь поле на пути армии. Может, что-то подобное они сотворили и с бродом. Мы должны быть готовы ко всему. Так как, Бард, ты отдашь приказ переправляться?

У Барда мурашки побежали по телу. Такое с ним уже пару раз случалось, и всякий раз это объяснялось действием ларана. Он не мог объяснить, почему его охватывал озноб, слышал только, что существует дар ощущать присутствие сверхъестественного. Может, ему при рождении и досталась подобная способность. Конечно, это очень полезное качество, тем более что только теперь он начал понимать, насколько важна для армии работа, проделываемая мастером Гаретом. Раньше он свысока посматривал на Джереми, которого больше заставляли заниматься с ларанцу, чем учиться фехтовать. Случалось, Бард ловил себя на мысли, что Джереми представляется ему странным существом низшего порядка, нежели любой солдат. Теперь же, ощутив нервную дрожь, Бард признал, что ларан — великая сила и пренебрегать им просто глупо. Ощущения и страсти ценны сами по себе; они — незамутнен-

ный источник важнейшей информации. «Дар колдовства уже сам по себе может принести могущество», — подумал Бард и положил руку на рукоять меча.

Он повернулся к людям и приказал:

— Рассчитаться по четыре.

Когда они выполнили команду, распорядился:

— Сдвоить ряды. Первая четверка, за мной, — и первым въехал в светлые воды. В этот момент он буквально содрогнулся от нахлынувшей дрожи, застучали зубы. Конь уперся и принялся решительно мотать головой. Бард легонько ударил его каблуками, понудил идти вперед — струи казались так чисты и прозрачны…

— Двинулись! — крикнул он своим людям. — Не спешить. Держаться всем вместе…

Краем глаза он заметил какое-то неясное движение, тут же подумал, может, мастер Гарет опять выпустил сторожевую птицу… Коротко метнул взгляд назад — Мелора как сидела, так и сидит на муле. «Хорошо, что они наблюдают издали. В случае чего помогут».

Они уже были на середине брода. Неожиданно вода поднялась до животов лошадей. Один из солдат выкрикнул:

— Командир, здесь ничего нет. Можно звать

остальных.

— Подожди, — только и смог вымолвить Бард. Его била крупная дрожь, мурашки бегали по всему телу. Пришлось сжать челюсти — подступила тошнота. Не хватало еще, чтобы его вырвало на глазах у солдат. Как беременную женщину…

Тут до него долетел крик мастера Гарета, тоже направившего свою лошадь в поток. «Назад! — кричал ларанцу. — Немедленно назад!»

Вода внезапно поднялась до холки коня — только что казавшаяся спокойной река вдруг взбунтовалась. Лошадь под ним дрожала, словно они попали в снежный буран в горах. *«Заколдованная река!»* — пронеслось в голове Барда. Он изо всех сил натянул вожжи, пытаясь успокоить отчаянно ржавшую, вырывавшуюся лошадь. Наконец справился со скакуном — развернул его, теперь разбушевавшийся поток уже не мог сбить его. Солдаты из его четверки тоже пытались справиться с конями. Зрелище было жуткое — доселе мирные струи вдруг разъярились. Бард, отчаянно ругаясь, все-таки сумел направить лошадь к берегу. Один из его людей неожиданно пошатнулся и упал в бушующий поток. Другая лошадь начала спотыкаться… Бард успел схватить ее уздечку и подтянуть к себе. Своим конем он теперь управ-

лял одной рукой.

— Держите их! Ради богов, держите их, — закричал он. — Правьте к берегу. Теснее, теснее, все в кучу…

Он все еще не мог прийти в себя от изумления — его лошадь была приучена переправляться через горные реки и держать равновесие на узких тропках. Он сильно сжал коленями бока скакуна. Предупрежденный заранее Бард, вероятно, смог бы форсировать заколдованный поток, но вот люди… С кем бы он остался?.. Вода между тем уже подступала к головам животных. Выбора не было — следовало любым путем выбраться на берег. В этот момент одну из лошадей сбило потоком, она закричала так жалостно, словно раненая женщина, — видно, ногу сломала. В мгновение ока ее уволокло вниз по течению. Седока тоже не было видно. Ужасная смерть!.. Другой солдат соскочил в воду, его перекувырнуло, потащило вниз, но он сумел устоять и даже добраться до берега. Тут ему помогли, правда, некоторые солдаты падали в поток.

Как только все выбрались из воды, река внезапно успокоилась. Ничто теперь не указывало на опасность, которая подстерегала путников у брода возле Морейской мельницы.

Вот что, значит, имел в виду сторож у ворот…

Теперь пришло время подсчитать потери. Бард мрачно усмехнулся — вот тебе и безобидная речушка. Ясно, что лошади, сломавшей ногу, и ее всадника уже нет в живых. Второй солдат сумел вытащить лошадь на берег, но сам в последний момент не удержался, его шибануло о камни… Теперь он лежал бездыханный, с проломленным черепом… На лошадь тоже нечего было рассчитывать — ее хорошенько потрепало.

Бард возблагодарил богов, что сам решил разведать брод. Что бы случилось, если бы весь отряд сразу начал переправу? Он прикинул — точно, с десяток погибших, а сколько лошадей переломало бы ноги, сказать трудно… Командир подозвал мастера Гарета и сурово спросил:

— Вот, значит, какая преграда затуманила взор вашей девице!

Ларанцу виновато повесил голову, вздохнул:

— Прошу прощения, ваи дом… Мы всего-навсего лерони, а не колдуны, наши возможности не беспредельны… Позволю себе заметить, что без нашего предупреждения люди бы безбоязненно сунулись в реку.

— Это правда, — согласился Бард. — Но что нам теперь делать? Если это место заколдовано и

недоступно для переправы, можете ли вы снять заклятие?

— Не могу сказать определенно. Возможно, Мирелла что-нибудь подскажет… — ответил Гарет и подозвал девушку. Он что-то тихо сказал ей, и Мирелла опять устремила взор в недра звездного камня. Потом сказала ровным, бесцветным голосом:

— Ничего не видно… Вода напрочь покрыта тьмой.

Бард помрачнел. Значит, стоит им ступить в воду — и все повторится. Он повернулся к Белтрану:

— Как ты считаешь, мы теперь сможем форсировать поток? Вроде теперь ясно что к чему…

Белтран подумал, потом сказал:

— Возможно, опасность ясна, люди будут настороже, а храбрости им не занимать. Весь вопрос, как переправить мастера Гарета и его лерони? Я вот думаю насчет осла — этот точно не переберется…

Гарет возразил:

— Мы, лерони, знали, на что идем, лорды. Нам достанет опыта, и тяготы, что выпадают на долю солдат, нам переносить не впервой. Обе мои дочери — и родная, и приемная — пойдут до конца.

Мы не испугаемся…

— Никто не сомневается в вашей храбрости, — нетерпеливо воскликнул Бард. — Но осел-то утонет! И женщины не такие уж искусные наездницы… А мы будем крайне нуждаться в них, когда настанет решительный момент. Вы бы лучше подумали, что тут можно сделать.

— Я постараюсь, лорды, однако боюсь, что на этот раз моего искусства недостаточно — уж больно мастерски наложено заклятие. Даже щелочки не оставили, — ответил мастер Гарет.

Бард кивнул. «Век живи, век учись! Уж не с этой ли целью король Одрин дал мне под начало этих колдунов, чтобы я осознал, что они могут, а что нет?»

Даже под давлением неблагоприятных обстоятельств Барда не оставляли мысли о будущем. Конечно, это было несколько по-детски. Он даже с горечью подумал, что его будущее зависит не от умения схватывать все на лету и постоянно учиться, а от этой полоски бегущей воды. Такой мирной, безмятежной… Стоит угробить здесь отряд, и о карьере можно забыть.

— Мастер Гарет, как тут ни крути, но безопасность переправы должны обеспечить именно лерони. Мечом здесь ничего не решить. Что вы

посоветуете?

— Мы можем попытаться наложить на реку встречное заклятие. Гарантировать успех не могу — мы не знаем, с какой силой мы столкнулись. Где находится ее источник, чьих рук это дело?.. Обещаю, что сделаем все, что можем, нам самим результат не безразличен. Удивительно, кто и как смог использовать подобную мощь, чтобы нарушить естественный ход вещей? Что здесь можно сказать — долго сковывать заклятием реку нельзя. Природа всегда возьмет свое, нам лишь следует помочь ей. Мы должны восстановить обычные для воды характеристики — скорость реки, количество протекающей за единицу времени воды. Работа такого плана нас не затруднит.

— Звучит разумно, — согласился Бард, — и все-таки я предупрежу людей. Пусть приготовят веревки…

Он собрал людей, объяснил задачу, приказал готовить веревки. Потом подъехал к Белтрану.

— Ты, сводный брат, поедешь рядом со мной. Я даже на секунду боюсь представить реакцию твоего отца и моего господина, если он узнает, что ты погиб на этой чертовой реке. Если ты падешь в сражении, думаю, смогу взглянуть ему в лицо.

Только если ты погибнешь с честью!

Белтран рассмеялся:

— Ты что, Бард, всерьез считаешь, что лучше меня держишься в седле? Вот уж нет. Кажется, на этот раз ты превысил дозволенную тебе власть. В конце концов, я, а не ты командую отрядом.

Принц сказал это как бы в шутку, и Бард пожал плечами.

— Как пожелаешь, Белтран. Но заклинаю тебя всеми богами — постарайся быть со мной рядом. Моя лошадь сильнее и выносливее, чем все остальные в отряде. Другой скакун меня бы просто не выдержал. Держись ко мне поближе.

Он развернул коня и поскакал к мастеру Гарету.

— Вот что, мастер. Госпожа Мелора не сможет одолеть реку на своем осле. Конечно, если ваше колдовство не сработает. Она на коне удержаться сможет?

— Почему вы меня спрашиваете? Я всего лишь ее отец, а не наставник по верховой езде, не хозяин. Спросите ее сами.

Бард сжал челюсти:

— Я как-то не привык спрашивать женщин, когда есть мужчина, приставленный к ним. Но если вы настаиваете… Демисела, вы умеете держаться

на лошади? Если да, то ваш отец впереди себя посадит госпожу Мирелу — она весит меньше, а вы поскачете на ее коне. Скакун выглядит вполне прилично.

— Я доверяю своему отцу и себе, — ответила Мелора. — Мы очень постараемся. Неужели вы можете подумать, что я способна бросить своего ослика? Или, что еще хуже, позволю ему утонуть.

— Черт побери, женщина! — не выдержал Бард. — Если вы считаете, что способны усидеть в седле, я поручу этого осла заботам одного из моих людей. Надеюсь, он умеет плавать? Эта ваша скотина?..

— Он же хочет как лучше, Мелора, — укоризненно заметил мастер Гарет. — И Белоснежный действительно может сам поплыть. Мирелла, дитя моя, спешься. Позволь Мелоре переправиться на твоем скакуне, а ты садись позади меня.

Девушка ловко соскочила с коня и проворно вскочила на лошадь ларанцу. Наблюдавшие за ней мужчины на мгновение смогли ухватить взглядом, что ножки у девушки стройные, ладные, обтянутые полосатыми — красное с голубым — чулками. Устроившись в седле, Мирелла крепко обхватила руками приемного отца за пояс.

Бард приблизился и помог Мелоре взгромоздиться на коня, потом оглядел ее и презрительно подумал, что та сидит в седле как куль с мукой.

— Заклинаю, ваи лерони, сядьте немного ровнее, крепче держите поводья в руках, — сказал Бард и вздохнул. — Думаю, будет лучше, если вы поскачете рядом со мной, а я поведу вашего коня.

— Превосходная мысль, — вместо дочери ответил мастер Гарет, — так как во время переправы нам надо будет полностью сконцентрироваться на творении заклятия. Я был бы очень благодарен, если бы кто-либо из солдат занялся этим несчастным осликом. Мелора очень переживает за него.

Один из ветеранов громко расхохотался:

— Госпожа Мелора, если вам удастся успокоить эту взбесившуюся реку, я клянусь, что перевезу вашего осла у себя в седле. Как ребенка…

Девушка засмеялась в ответ. Голос у нее был нежный, смех звонкий.

— Думаю, в таком положении он совсем помрет от страху. Лучше ведите его в поводу. Пожалуйста… Он у меня смышленый, сам поплывет, вы его только далеко не отпускайте.

Ветеран принял уздечку, надетую на белень-

кого, ушастого ослика. Бард крепче перехватил повод коня, на котором сидела Мелора. Лошади пришлось шагнуть поближе. Бард огорченно подумал — ну, почему бы такому замечательному голосу не принадлежать Мирелле — и вновь услышал, как рассмеялась Мелора. Он со стыдом подумал, что лерони, возможно, способна читать его мысли, и тут же приглушил их. Следовало думать только о деле — все ты о женщинах да о женщинах!.. Впереди предстоит труднейшая переправа.

— Да помогут нам боги, мастер Гарет, вы готовы?

В следующее мгновение Бард почувствовал, как напряглась восседающая рядом в седле Мелора. Взгляд ее остановился на лице отца, она сконцентрировала на нем все свое внимание. Личико Мирелллы совсем скрылось под капюшоном, так что был виден только ее подбородок. Тут же вдоль хребта у Барда вновь побежали мурашки — это был верный знак того, что лерони включились в работу.

Вокруг стояла безмятежная тишина, нарушаемая легким журчанием струй и шелестом листвы, — оттого, может быть, особенно жуткой казалась необходимость вновь ступить в эту ре-

ку, вести людей, животных, тащить несчастного осла… Казалось, только посмей коснуться воды, нарушь спокойное течение потока — вновь тебя настигнет кара. Взгромоздятся валы, река выйдет из берегов, взревут волны. Однако делать нечего… Бард дал команду. Люди молча, по четыре в ряд, начали переправу. Кони упирались, ржали, Барду едва удалось справиться со своей кобылой.

«Ну, что ты, девочка моя. Не бойся… вот так, вот так», — он принялся поглаживать ее по шее. В тот момент ужас, ожидание опасности необыкновенно сроднили их — человека и животное. Наконец его лошадь вошла в воду.

Все было спокойно… все еще спокойно… спокойно… Ничего не случилось, прозрачный поток по-прежнему бежал позванивая, не спеша. Вот они добрались до середины реки. Ничего не происходило. Бард потянул за узду лошадь, на которой сидела Мелора, — та было заупрямилась, потом шагнула вперед, и в следующее мгновение перед глазами Барда, как бы застилая обзор, поплыли какие-то тени. Озноб усилился, опять застучали зубы, в воздухе разлилось нечто томительно-жуткое, начинающее волновать воду, однако вражья сила оказалась как бы усмиренной. Невидимая могучая рука или, точнее, завеса

сумела удержать реку. Напряжение росло, кобыла Барда с трудом переставляла ноги, словно на них были невидимые путы. Бард изо всех сил понукал ее, тянул за повод лошадь Мелоры…

Вдруг все стихло, наваждение растаяло. Лошадь резво перебирала ногами, Бард, почувствовав, что свободно владеет членами, вздохнул с облегчением. Вражья сила растворилась. Путь был свободен. Выбравшись на противоположный берег, истошно, во всю мощь закричал осел. Словно вознес хвалу… Солдаты от облегчения хохотали как сумасшедшие. Проклятый брод остался позади.

Два дня, которые они провели в пути, побаловали их чудесной теплой погодой, но к вечеру с запада натянуло тучи. Небо скрылось за сплошной серой пеленой, потом повалил снег. Резво кружились в воздухе первые снежинки, началась метель. Мелора, уже успевшая пересесть на осла, укуталась в серый плащ, сверху накинула одеяло. Солдаты, не сговариваясь, начали доставать вязаные широкие шарфы, рукавицы. Скоро все уже прикрылись плащами с капюшонами. Скакали молча, мрачно поглядывая вокруг. Бард догадывался, о чем они думали. Война, по давней традиции, велась исключительно в летнюю пору.

По снегу отваживались сражаться либо безумцы, либо отчаявшиеся, зажатые в угол соперники. Зимняя кампания представлялась очень рискованным делом.

Вот и сейчас, Бард был уверен в этом, солдаты размышляли — и совершенно справедливо — что, несмотря на то что они дали клятву служить королю Одрину, у них тоже есть свои права, освященные обычаем. Они вполне могли отказаться ехать дальше, потому что этот снегопад мог смениться настоящим бураном. Тогда и всем несдобровать. Если бы они вернулись с полпути, король, согласно традиции, не мог бы обвинить их в предательстве. Можно ли теперь рассчитывать на их верность, размышлял Бард и впервые с момента получения задания пожалел, что не скачет теперь с королем к Хамерфелу. Тогда бы у него был свой понятный круг обязанностей — охранять королевский стяг. Это куда легче, чем нести ответственность за людей. Королю, конечно, проще — у него авторитет, он уже столько лет командовал армией… Он может пообещать солдатам вознаграждение. Бард неожиданно остро почувствовал, что ему еще только семнадцать лет, зеленый юнец и к королю имеет косвенное отношение — так, сбоку припека, незаконнорож-

денный племянник. Седьмая вода на киселе… Его и так продвинули слишком далеко вперед, обойдя многих заслуженных офицеров. Может, и в его отряде были такие, которые только и ждут, чтобы он допустил промашку? Может, король специально дал ему это поручение, чтобы продемонстрировать, что ему, молокососу, нечего думать о высших командных должностях?

Король начал выдвигать его после битвы в Снежной долине.

Тогда ему просто повезло, но на этот раз справедливость должна быть восстановлена. Ох, провалит он эту экспедицию, все тогда скажут — поделом! Тогда король с полным правом может лишить его возможности жениться на Карлине. Уж не в этом ли и состояло его тайное намерение? Кто же отдаст свою дочь, тем более принцессу, за подобного неумеху? Как он вернется в замок!

Бард тронул коня и направился к мастеру Гарету, снежной глыбой восседавшему на лошади. Тот не только накинул капюшон, но еще и обернул нижнюю часть лица толстым вязаным красным шарфом.

Бард сразу же воскликнул:

— Сделайте же наконец что-нибудь с этим снегопадом. Не хватало еще, чтобы начался буран!..

— Вы слишком многого от меня хотите. Я всего лишь ларанцу, а не бог. Погода вне моей компетенции. — Мастер Гарет чуть улыбнулся. — Поверьте, господин Бард, если бы я мог управлять погодой, я бы давным-давно воспользовался этой способностью. Я тоже замерз, как и вы, и мне снег не по нраву. Моя лошадь очень страдает от холода. Она уже не первой молодости, моя старушка.

Бард глухо, ненавидя себя за то, что приходится довериться незнакомому человеку, признался:

— Люди ворчат. Боюсь, как бы они не взбунтовались. Во время зимней кампании все может быть. Пока стояла хорошая погода, еще куда ни шло. Но теперь…

— Вас можно понять. Что ж, я попытаюсь проникнуть взглядом и оценить, долго ли продлится снегопад. Не перерастет ли он в бурю? Магическое управление погодой не мой дар. На это способен единственный ларанцу из свиты его величества — мастер Робин, но он отправился с королем на север, к Хамерфелу. Ясно, что там он куда нужнее — тамошние снегопады не чета здешним. Метель может зарядить на неделю. Я сделаю все, что могу. — Когда Бард повернулся, старик добавил: — Не унывайте, господин. Учтите, что снег, конечно, значительно затруднит нам путь, но ведь

каравану с липучим огнем приходится еще хуже. Тащить телеги по такому снегу — жуткая работа. Если снегопад еще продлится, они намертво завязнут. Вот и надо выбрать момент, когда и возчики, и стража окончательно выбьются из сил.

Бард уже подумывал об этом, но страхи за свою судьбу, за будущее выбили его из колеи. Теперь, когда он немного успокоился, у него сам собой родился план предстоящего захвата. Такой снежище, в конце концов, остановит обоз, однако начальник каравана никому не даст передышки. Он будет гонять подчиненных, пока те не попадают от усталости. Если так продлится сутки, их можно будет брать голыми руками. Еще одно обстоятельство — наемники из Сухих земель по большей части южане. Для них такая погода сущее наказание. Самое важное — сберечь силы своих людей, а для этого их надо с головой вовлечь в дело. Посоветоваться с ними, пусть накидают советов, бесспорно полезных, но не в этом суть — совместно обсудив положение, они уже не будут отказываться выполнять приказ. Захват каравана станет их кровным делом. Не трусы же они, в конце концов, не слизни болотные!..

Так оно и вышло. Ясно, что обоз недалеко; ясно, что взять его не составит особого труда. Тогда и

честь, и награда за рейд в зимних условиях будут совсем другими.

Люди повеселели, и, несмотря на усиливающийся снегопад, Бард, посоветовавшись с Белтраном, вскоре объявил привал и ночевку. Главное — до решительного удара не заморить коней и сохранить силы, поэтому Бард приказал и проследил, чтобы был разведен огонь и люди поели горячего, причем удвоенную порцию. Никаких «всухомятку», хорошо выспаться… Лагерь они разбили в ореховой роще — по-видимому, где-то здесь когда-то было поселение, однако люди давным-давно ушли из этих мест. Орехов было великое множество. После сытного ужина женщины отправились спать, а мастер Гарет подсел к мужчинам, собравшимся возле огня. Неизвестно откуда в руках одного из солдат появилась флейта из драконова дерева — звук был нежный, томительный. Он принялся наигрывать печальные баллады, испокон веков любимые в народе. Потом ветераны — те, кто раньше знали мастера Гарета, — попросили ларанцу рассказать что-нибудь из былого. Тот долго отказывался, потом все-таки поведал легенду о последнем драконе. Бард сидел рядом с Белтраном, жевал сухофрукты и жадно слушал историю о том, как король из ро-

да Хастуров убил последнего дракона; и все звери и птицы, все прыгающие, бегающие, летающие и ползающие, уловив особым лараном, что нет уже последнего из рода мудрых змеев, издали вопль тоски и отчаяния. Даже ужасные баньши[12], обитающие высоко в горах, оплакивали гибель царя природы. Случилось, что сын этого Хастура, отыскав место, где лежали останки последнего дракона, поклялся никогда больше не трогать ради развлечения ни единую живую тварь. Охота как спорт была проклята и стала приравниваться к убийству. Так случилось на Дарковере на заре эпохи Сотни царств.

Мастер Гарет кончил рассказ. Все замолкли, потом разом захлопали и начали упрашивать старика, чтобы тот поведал еще что-нибудь, однако старик, сославшись на усталость — он целый день не слезал с седла, — отказался.

Скоро лагерь успокоился. Глухая влажная тишина, соскользнув с покрытых снегом куп ореховых деревьев, легла на крыши палаток, на землю, окружила костерок, где еще потрескивали головешки, легкой сизой струйкой поднимался дымок. Огонь прикрыли от снега зелеными

---

[12] notes: 12
Здесь — хищные птицы.

ветвями, чтобы сохранить пламя до утра, когда придется вновь готовить завтрак. Вокруг кострища прямо на земле устроились люди — лежали группами по двое, по трое, вчетвером. Укутались в одеяла, сверху прикрылись водонепроницаемыми кожаными плащами, а еще выше над каждой группой был растянут тент, чтобы уберечь людей от снега. Белтран лежал рядом с Бардом — тот тоже не спал, посматривал на огонь и на частые росчерки падающих снежинок. Где-то, размышлял командир, совсем неподалеку, также отдыхают люди, везущие клингфайр. Наверное, повалились там, где фуры окончательно завязли в снегу.

— Жалко, что сейчас с нами нет Джереми, — подал голос принц. — Как ты считаешь, сводный брат?

Командир беззвучно рассмеялся:

— Сначала я тоже жалел об этом. Теперь так не думаю. Возможно, двоих зеленых юнцов еще можно стерпеть, если противопоставить им опыт и знания старого Гарета. Что бы случилось, если бы с нами был еще один сосунок, Джереми, да еще в роли ларанцу, совершенно неопытный в своем деле? Нет уж, пусть лучше он отправится с твоим отцом, поднаберется умения. Возможно,

Одрин верно рассудил — пошли нас втроем, и дело примет какой-то несерьезный оттенок, что-то вроде охоты, на которую мы ездили мальчишками… Видишь, как оно все обернулось — сначала этот чертов брод, потом снегопад. Тут не до развлечений…

— Да, — согласился Белтран, — золотые были денечки. Помнишь, как было здорово втроем? Мы располагались возле костра и болтали, мечтали о будущем, о том времени, когда мы станем мужчинами и вместе отправимся на войну, примем командование, начнем большое сражение… Что это за доблесть — отбить караван?..

Бард улыбнулся:

— Да, Белтран, помню. Все до мельчайших подробностей… Какие кампании, какие войны мы замышляли! Верили, что подчиним все земли от Хеллер до Кардона. Потом отправимся в экспедицию за море… В том, что мы задумывали, много дельного и нужного. Видишь, сейчас мы все трое отправились на войну. Свершилось все, о чем мы мечтали еще мальчишками, не знающими, с какого конца взяться за меч.

— И в то же время все не так. Джереми, например, стал ларанцу, отправился с королем и мечтает исключительно о Джиневре. Ты стал

королевским знаменосцем, отличился в битве, скоро женишься на Карлине. А я… — Принц горько вздохнул. — Ладно, я верю — придет день, когда я пойму, что мне надо от жизни, а если нет, то мой отец и король втолкует мне, в чем мой долг.

— С тобой все ясно, — с улыбкой ответил Бард. — В один прекрасный день ты сядешь на трон Астуриаса.

— Это вовсе не смешно, — обиженно засопел Белтран, — знать, что все предопределено и власть мне достанется по роду. С одной стороны, я очень люблю отца, Бард, с другой… Меня доводит до сумасшествия мысль, что я вынужден вот так сидеть и ждать. Я не имею права даже выйти из дома и отправиться куда глаза глядят в поисках приключений. Я даже в этом не свободен.

Бард заметил, что Белтран дрожит. Принц признался:

— Что-то я окончательно замерз, сводный брат.

На какое-то мгновение Барду показалось, что рядом с ним лежит младший братишка. Вспомнилось, как Аларик провожал его в день отъезда в Астуриас. Заплакал, бросился на шею. Он неуклюже похлопал Белтрана по плечу:

— Возьми мое одеяло, мне совсем не холодно. Я привык… Постарайся заснуть. Завтра, возможно, будет бой. Самый настоящий бой. Взаправдашний… Не детская игра, где мы сражались деревянными мечами. Надо сохранить силы, быть готовым.

— Знаешь, Бард, я боюсь. И всегда боялся. Почему ты и Джереми никогда не боитесь?

Бард издал короткий смешок:

— Почему ты решил, что мы не боимся? Не знаю, как Джереми, но я так трясусь от страха, что едва не писаю в штаны, как ребенок. И каждый раз одно и то же. Только у меня нет времени обращать на это внимание, рассуждать об этом, когда начинается бой, а после уже нет охоты. Напрасно ты беспокоишься, сводный брат, ты достаточно храбро вел себя в Снежной долине. Я же помню.

— Тогда почему отец отметил тебя, а не меня?

Бард даже сел на постели и уставился на друга.

— Какая блоха тебя укусила? Белтран, твой отец знает, что ты отважный малый, что у тебя есть все, что надо смелому, решительному воину. Но требуется время, тебе не следует спешить. Ты же его сын и законный наследник. Ты должен быть готов к тому, чтобы занять трон. Власть — это такая штука… Развлечений там с ноготок

мизинца, а обязанностей, сомнений, страха, наконец, — выше головы. Он отметил меня — почему? Потому что — кто я? Всего лишь родственник, да еще темного происхождения. Прежде чем доверить мне отряд, он должен выдвинуть меня, наградить. Как бы сказать — этот годится. Причем все должно быть официально. Как же иначе обеспечить тебе поддержку в будущем! Я в его руках не более чем орудие, с помощью которого ты сможешь укрепить свою власть. Неужели ты этого еще не понял? Черт побери Зандру и все его преисподни. Если ты вдруг взревновал меня, Белтран, то это глупо. Мы же с тобой идем в одной связке, и мне никогда не быть первым. Во главе всегда будешь ты, и я без тебя не удержусь. Твой отец все правильно продумал, так что выкинь из головы всякую зависть. У нас с тобой разные судьбы!.. Только вместе мы сила.

— Понимаю, — откликнулся, немного помолчав, Белтран. — Надеюсь, что так, сводный брат.

Спустя несколько минут он уже ровно сопел. Чуть позже и Бард погрузился в сон.

4

Утром снег сыпал по-прежнему, небо было сплошь затянуто тучами. Сердце у Барда упало — люди ходили мрачные, насупленные, постоянно что-то бормотали. Все делали неохотно — повар, невыспавшийся, угрюмый, варил кашу, коневоды со злобным видом седлали коней. Разговор шел об одном и том же — король Одрин, мол, распорядился бы прервать вылазку… Вообще он не имел права начинать военные действия до конца зимы. Что король… Король — он понимает, а эти сопляки, им бы только выслужиться. Это что, игрушки — месить снег?

— Ребята, надо двигаться вперед, — настаивал Бард. — Если наемники из Сухих земель способны передвигаться в таких условиях, нам нельзя медлить, не то клингфайр обрушится на наши города и селения. Ваши семьи тоже пострадают.

— На то они и наемники, — проворчал в ответ один из солдат. — Война — летнее занятие.

— Вот они и рассчитывают, что мы в такую погоду располземся по домам. Считают, что будем отсиживаться в тепле. Когда же они ударят, то будет поздно… — возразил Бард. — Неужели вы

повернете назад и позволите застать вас врасплох?

— А что в этом плохого? Почему бы нам не встретить их на границе? Это совсем другое дело. Так, что ли, лучше? Ищи иголку в стогу сена.

Ворчать ворчали, однако на открытое неповиновение или дерзость пока никто не отважился. Белтран держался в сторонке, он был бледен и явно испуган. Вспомнив их ночной разговор, Бард понял, что на него рассчитывать нечего. Принц вел себя как мальчишка — по существу, он и был ребенком, столкнувшимся с тяжким мужским делом. Хотя этот рейд был трудным испытанием и для Барда, ведь он всего на полгода старше Белтрана. Так уж получилось, что он всегда казался намного старше своего сводного брата, всегда превосходил его во владении мечом, в борьбе. И на охоте был первым… Одним словом, Бард всегда считался безоговорочным лидером.

Однако сейчас у него не оставалось выбора, поэтому он улучил момент и напрямую поговорил с принцем — пусть тот повлияет на солдат. Ведь он все-таки наследник трона!..

— Ты же представляешь здесь своего отца. Может наступить момент, когда они откажутся повиноваться мне, но перечить наследнику пре-

стола… На это солдаты вряд ли пойдут.

Белтран нахмурился, мрачно глянул на Барда — он еще должен подчиняться сводному брату? — наконец молча кивнул и принялся объезжать колонну. То с одним солдатом поравняется, то с другим, с каждым поговорит, поспрашивает, подбодрит. Командир наблюдал за ним со смутным чувством удовлетворения — возможно, подобное поручение отвлечет Белтрана, и он забудет о своих страхах, и люди тоже притихнут. Одно дело шушукаться между собой и ругаться сквозь зубы, другое — выказать открытое неповиновение на глазах у наследника престола.

Снег между тем продолжал сыпать, и Бард уже начал всерьез беспокоиться, смогут ли лошади продолжать путь. Он направился к мастеру Гарету и приказал запустить сторожевую птицу, однако получил ответ, что птица в такую погоду просто не взлетит. В общем-то Бард ожидал чего-то подобного…

— Слишком она у вас чувствительная, — буркнул Бард. — Если бы в том не было необходимости, я бы не настаивал. Ладно, способны ли вы еще каким-нибудь способом определить, где находится обоз и есть ли надежда сегодня добраться до него?

— Я попрошу Мирелу, — согласился старик. — Собственно, мы взяли ее как раз для этого. Самое время использовать ее ясновидение.

Бард некоторое время угрюмо смотрел, как девушка, оставаясь в седле, принялась высматривать что-то в звездном кристалле. Волосы цвета начищенной меди выбились из-под капюшона, и снежинки белели на них особенно ярко… Голубоватые блики от кристалла падали ей на лицо, серьезное, сосредоточенное. Это сияние и бросающаяся в глаза рыжина волос были единственными цветовыми пятнами в серости сумеречного, постылого дня. Мирелла по-прежнему куталась в серый дорожный плащ, однако на этот раз взгляд Барда жадно схватывал приметные округлости женского тела. Опять прихлынуло нестерпимое желание. Несомненно, более красивой девушки он еще не встречал, по сравнению с ней Карлина казалась плоской как доска. К сожалению, Мирелла была вне пределов его досягаемости. Она была неприкосновенна, лерони, давшая обет хранить девственность. Бард достаточно наслышался жутких историй о том, что случалось с мужчинами, посмевшими посягнуть на подобных девиц против их воли. Боги навсегда лишали их мужской силы. Страшная

кара! Ну, а что, если, задумался Бард, ему удастся навязать Мирелле свою волю, ведь у него тоже есть дар, и она по собственному желанию явится к нему?

Но в этом случае мастер Гарет станет его заклятым врагом. Черт побери, что, ему женщин не хватает — вон их сколько, только успевай пошевеливаться! К тому же он обручен с принцессой, какого рожна ему еще надо?! И время ли сейчас мечтать о женщинах?..

Мирелла наконец оторвала взгляд от кристалла, ожила — голубоватое свечение, отблеском омывшее ее лицо, погасло. Девушка повернулась к Барду — она была необыкновенно серьезна, легкий румянец вспыхнул на ее щечках. Бард на мгновение смутился — неужели она прочитала его мысли?

Девушка, ни словом не обмолвившись об этом, тихим ровным голосом сообщила:

— Ваи дом, они в трех часах пути от нас, стоят лагерем у трех увалов. — Она протянула руку, однако за пеленой падающего снега ничего нельзя было разобрать. — У холмов снега еще больше, и телеги не могут сдвинуться с места. Один из мулов сломал ногу, другие вымотаны до смерти. Если мы сейчас же отправимся в путь, то добе-

ремся до того места к полудню.

Бард поспешил к солдатам, чтобы поделиться с ними новостями, но это известие вовсе не обрадовало их.

— Выходит, нам придется сражаться в этом снегу? А что будем делать, когда захватим караван? Их мулы, наверное, совсем выдохлись. Запалили их… — сказал один из старых солдат. — Я предлагаю встать здесь лагерем и дождаться оттепели. Тогда нам будет легче их взять. Если они не в состоянии стронуться с места, значит, никуда не смогут уйти.

— У нас кончаются запасы еды и корма для лошадей, — возразил Бард. — Нам нельзя терять преимущество во внезапности. Тем более отдать инициативу в руки противника. Мы сами должны выбрать удобный момент для нападения. Так что надо поспешить. По коням!

Отряд двинулся вперед. Снегопад не унимался. Время от времени Бард бросал мрачные взгляды в сторону закутанных в плащи лерони. Наконец он не выдержал и сам подскакал к Гарету.

— Мастер Гарет, каким образом нам защитить женщин во время атаки? Я не могу выделить людей для их охраны.

— Я уже говорил, — ответил ларанцу. — Они

способны сами позаботиться о себе. Мелора уже принимала участие в сражении, Мирелла — нет, и все равно я не боюсь за нее.

— Но эти наемники из Сухих земель… Они же самые безжалостные головорезы, и, если ваши дочери попадут к ним в плен — лерони они или нет, — их участь будет незавидна. Сначала надругаются, потом продадут в Дайлон, в публичный дом.

Мелора, ехавшая рядом на ослике, тихо добавила:

— Не беспокойтесь за нас, ваи дом. — Она чуть откинула полу плаща и показала маленький кинжал, который носила на поясе. — Живыми мы им не достанемся.

От этих слов, сказанных с таким спокойствием, у Барда по спине побежали мурашки. К своему удивлению, он обнаружил, что они не вызвали удивления. Разве их судьбы схожи? Разве ему не придется через несколько часов взглянуть в лицо смерти? Разве его участь, если его захватят в плен, будет менее ужасна? Слова Мелоры всколыхнули воспоминания о первом сражении. Лицо у юноши окаменело. Очнувшись, он обнаружил, что уставился на девушку остекленевшим взглядом с нелепой ухмылкой. Он тут же неловко и чуть

развязно улыбнулся, потом заметил:

— Дамисела, богиня запрещает лишать себя жизни даже в таких крайних обстоятельствах. Да она и не допустит несчастья, клянусь вам… Но знаете, мне еще не доводилось встречать женщин, способных на такое, можно сказать, кардинальное решение. Это что-то из области запредельного. Высшая степень мужества.

— Это вовсе не мужество, — ответила Мелора. Голос ее был удивительно нежен и приятен. — Это значит, что для меня насилие, цепи и публичный дом еще страшнее, чем смерть. Меня учили, что смерть всего-навсего ворота, ведущие в новую и более совершенную жизнь. В любом случае плен не представляется мне желанным. Тем более участь шлюхи в Цайлоне… Кинжал у меня острый, так что счеты с жизнью я могу свести быстро и без особых страданий. — Она неожиданно улыбнулась. — Я, знаете, куда больше боюсь боли, чем смерти.

— Ну, госпожа Мелора, — Бард придержал своего скакуна так, чтобы он не обгонял ослика, — мне следовало бы пригласить вас побеседовать с солдатами. Вы бы быстро подняли их боевой дух. Я еще раз повторяю — мне не доводилось встречать столь храбрых женщин.

Он задумался — способна ли на такое Карлина? Если бы ей довелось принять участие в сражении, смогла бы она с такой же легкостью сделать выбор между пленом и смертью? На этот вопрос он не знал ответа. Ему и в голову не приходило спросить ее об этом.

Так уж случилось, что к пятнадцати годам Бард неоднократно был близок с женщинами. Но сейчас ему почудилось, что он мало что знает о них. Собственно, что они за существа, на что похожи?.. Тела-то их он изучал тщательно, но все остальное оставалось тайной. У него, признаться честно, никогда и не возникало интереса углубиться в этот вопрос. Углубиться во что-то другое — это с удовольствием…

Барду вспомнилось детство — в ту пору он общался с Карлиной так же свободно, как и с остальными сверстниками. Они все время были вместе. Он знал, что она любит из еды, какие цвета предпочитает носить, знал, что девочка пугается сов и летучих мышей. Знал, как она ненавидела кашу из орехов и бисквитные пирожные, туфли на очень высоких каблуках и розовые платьица. Как скучала, проводя долгие часы за шитьем… Помнил, как разминал ей пальцы,

когда они деревенели от игры на ррилле[13], как помогал ей на уроках…

Вот еще что, когда Бард подрос и начал подумывать о женщинах, он сразу отдалился от Карлины. Собственно, он долго не видел в ней женщину. Ему это казалось диким… Прозрел внезапно — в тот день, когда объявили о предстоящем обручении. Тут словно молния сверкнула!.. Почему бы, собственно, и нет, почему бы не разделить с ней постель? С того момента эта мысль неотвязно преследовала Барда, но как-то так выходило, что он не мог откровенно поговорить с Карлиной на эту тему. Постоянно что-то мешало — то обида, то смущение, то непонимание, — и все эти чувства, равно испытываемые ими обоими, совершенно разделили их.

Совсем по-другому чувствовал себя Бард в присутствии этой полной, не очень-то красивой лерони.

Ощущение было тревожное — он вовсе не жаждал уложить Мелору в постель. Действительно, ее формы не вдохновляли, такие женщины ничуть не волновали его. И в то же время уезжать от нее не хотелось. С ней было интересно, хотелось

---

[13] notes: 13
Маленькая арфа.

слышать ее голос, спрашивать и выслушивать ответ. Странное дело, подобное состояние Бард испытывал, только общаясь со сводными братьями. Он глянул вперед, в сторону, указанную Мирелой — вон она, очаровательная, желанная, у него сразу забилось сердце, зашевелилось желание; потом перевел взгляд на Мелору — та по-прежнему сидела в седле точно куль с мукой. Сравнение было явно не в пользу этой щекастой толстухи. Боги, как вы несправедливы — ну, почему бы не наградить Мирелу таким нежным голоском, таким притягательным и волнующим умением беседовать? Зачем вы наделили избытком человеческого тепла эту необъятную лерони с луноподобным лицом?

Наконец, почувствовав, что пауза неумеренно затянулась, юноша спросил:

— Вы с леди Мирелой очень похожи. Она ваша сестра?

— Нет, — ответила Мелора, — но мы родственницы. Ее мать — моя старшая сестра, так что я довожусь ей теткой. У меня есть еще одна сестра, тоже хорошая лерони. Все наше семейство обладает лараном. Дом Рафаэль ди Астуриен не ваш отец? — спросила девушка и, дождавшись утвердительного кивка, добавила: — Моя младшая

сестра Мелисендра входит в свиту вашей мачехи. Она уже третий год прислуживает леди Джеране. Вы ее там не видели?

— Я уже много лет не был дома, — коротко ответил Бард.

— Это печально, — вздохнула девушка.

Ее участие почему-то необыкновенно тронуло Барда. Он, правда, не стал развивать эту тему. Вместо этого спросил:

— Вам, верно, уже приходилось участвовать в сражении, раз вы так разумно и бесстрашно рассуждаете о смерти?

— Ну да, я была рядом с отцом в Снежной долине. Мы запускали сторожевых птиц. Я видела, как вы защищали королевское знамя.

— Я и не догадывался, что там были женщины, — удивился Бард. — Даже среди лерони.

— Но я вас видела, — возразила она. — И я не была единственной женщиной. Там был отряд Отрекшихся — тех, что из Ордена Меча. Они тоже отчаянно сражались. Если бы они были мужчинами, король бы их наградил, как вас. Ну да!.. Когда враги прорубились через наше южное крыло, они сумели, прикрывшись щитами, удержать линию обороны, пока не подоспели всадники под командованием капитана Сиртиса.

Две женщины были убиты — ну да! — еще одна лишилась руки, но удар они выдержали и ни на шаг не отступили.

Бард скривился:

— Я слышал об Ордене Отрекшихся, но не знал, что король Одрин согласился на их участие в битве. Нет ничего хорошего в том, чтобы женщин охватил пожар войны. Уверен — им нечего делать на поле брани!

— Я согласна, — кивнула Мелора. — Но вот в чем загвоздка — я, знаете ли, считаю, что и мужчинам нечего там делать. Даже моему отцу. Лучше оставаться дома, музицировать и — главное — использовать волшебный кристалл для лечения, поиска залежей полезных ископаемых. Однако делать нечего — пока идет война, наше место в строю, наш долг — повиноваться нашим лордам.

Бард мягко улыбнулся и ответил:

— Женщинам никогда не понять подобных вещей. Война — мужское занятие. Для мужиков нет лучше потехи, чем помахать мечом или секирой. Так уж повелось испокон веку. А удел женщин — сидеть дома, сочинять песни и врачевать наши раны.

— Вы на самом деле считаете, что предназначе-

ние мужчины — махать мечом? Я так не думаю! Надеюсь, наступит день, когда мужчины забудут про войны, когда вы полностью посвятите себя женщинам.

— Я солдат, дамисела, — возразил юноша. — В подобном мире мне не найдется места. Такая жизнь не по мне. Но раз вы такая противница крови, почему бы вам не остаться дома и не предоставить войны мужчинам? Пусть потешатся…

— Потому, — воодушевленно ответила Мелора, — что на свете не так уж много мужчин, которым по душе это занятие.

— А я, дамисела?

— Да что вы, мастер Бард! Все дело, может, в том, что вам никогда не открывалась возможность попробовать себя на другом поприще! Может, в этом все дело? — спросила Мелора. — Было время, и на этих землях царил мир — тогда здесь властвовали короли из рода Хастуров. А теперь на месте обширного государства появились сотни мелких владений, постоянно враждующие из-за того, что их правители просто не в состоянии договориться друг с другом. Неужели вы верите, что именно таким путем мы придем в будущее?

Бард улыбнулся и ответил:

— Мир существует сам по себе, госпожа Мелора.

Что от нас зависит? Все уже который год идет своим чередом.

— Нет, события свершаются по воле людей. Их воля, стремления, нужды, потребности управляют миром. Люди в состоянии изменить ход истории. Если им хватит разума. И конечно, мужества. Ну да!..

Юноша рассмеялся. Теперь Мелора вовсе не казалась уродливой или чрезмерно толстой. Наоборот, в ней вдруг отчетливо проступила какая-то скрытая привлекательность. У нее были чудные глаза… Как у червина…[14] Легкий румянец окрасил пухленькие щечки. Бард с удивлением обнаружил, что не может наглядеться на лерони. От нее исходило необъяснимое, кружащее голову тепло; он на мгновение подумал, что с ней, должно быть, приятно позаниматься любовью. Она, верно, не примется рыдать, как эта дура Лизарда, а скажет что-нибудь толковое, проникающее в душу.

— Да, это был бы неплохой мир. По крайней мере, каким вы его описали, госпожа Мелора. Жаль, что по важным государственным вопросам не советуются с женщинами. Возможно, это

---

[14] notes: 14

Червин — местное ездовое животное, что-то среднее между оленем и мулом.

позволило бы избежать многих бед.

В этот момент Бард заметил, как Белтран направил коня к ним. Командир извинился перед лерони и поскакал к принцу.

— Мастер Гарет сообщил, что их лагерь вон за тем лесом, — сказал тот. — Нам следует остановиться — лошадям надо отдохнуть, солдатам перекусить. Затем с помощью этой ясновидящей девицы установить, как лучше их атаковать.

— Верно, — согласился Бард и тут же отдал необходимые распоряжения. Люди забегали — в преддверии неизбежной атаки никто не ворчал, не огрызался. Бард, опасаясь внезапного нападения, собрал людей в тесный кружок. Ветераны начали пожимать плечами — куда уж их атаковать! Неужели наемники совсем разум потеряли?

— Все возможно, — ответил командир. — Надо быть готовыми к любым неожиданностям. Согласен, что атака противника маловероятна. Им нельзя оставлять караван без охраны, да и по снегу особенно не разгонишься.

Он спешился и первым делом задал коню корм — подвесил к морде суму с зерном. Белтран, стоявший рядом, съязвил:

— Я вижу, ты испытываешь сердечную склон-

ность к одной из этих лерони. Ты, конечно, известный у нас обольститель, но ты бы мог подобрать что-нибудь более приличное, чем эта толстая корова. Она так глупа на вид!

Бард не согласился:

— Нет, она в общем-то ничего. В своем роде, так сказать. А вот голосок у нее действительно сладкий. И что бы о ней ни говорили, она далеко не глупа.

Белтран иронически засмеялся:

— Глядя на тебя, я все больше и больше убеждаюсь, что старая пословица права — когда лампа потушена, все женщины одинаковы. Я смотрю, ты готов приударить за любой юбкой. Ты так соскучился по женскому обществу, что не прочь влезть и на толстую лерони?

Бард рассердился:

— Даю слово, что у меня и в мыслях ничего подобного не было. Голова забита предстоящим боем — как незаметно перебраться через холм, не встретят ли нас залпом клингфайра или каким-нибудь колдовством. Я оказывал Мелоре знаки внимания потому, что она дочь мастера Гарета. Клянусь небом, сводный брат, лучше займись подготовкой атаки, ведь именно первый удар решит дело.

Шлем Барда был приторочен к седлу. Командир надел его и начал застегивать пряжки. Потом, словно вспомнив, выпустил сзади перетянутую красным шнуром косичку. Белтран медленно, словно заторможенный, последовал его примеру. Лицо принца стало белее снега, и Бард неожиданно пожалел его — вспомнил разговор этой ночью, однако на утешения времени уже не было.

Он поскакал к солдатам, все проверил: оружие, амуницию, состояние лошадей, коротко подбодрил. В животе уже начал ощущаться тот неприятный холодок, который всегда давал знать о близкой опасности. Будто ледышку под кожу сунули!..

— Нам следует подобраться незамеченными как можно ближе к вершине холма. Главное, чтобы нас не обнаружили, — обратился он к людям. — Там подождем, пока мастер Гарет не даст сигнала. Тогда уж надо ударить по ним как можно быстрее. Держать строй и слушать команду! Если мы нападем внезапно, у нас будет несколько мгновений, пока они сообразят, что к чему.

— Ага, — проворчал один из солдат, — что, их лерони спят, что ли?

Бард решительно Ответил:

— Конечно, если у них есть сторожевые птицы

или хороший колдун, полной внезапности добиться не удастся. Но не могут же они постоянно быть в напряжении, к тому же вряд ли знают, сколько нас и на что мы способны. Помните: наемников из Сухих земель надо загнать в глубокий снег. Там мы их как мошкару передавим.

— Да мы сами в этом снегу потонем, — проворчал кто-то. — Нормальные люди в такую погоду не дерутся.

— Р-разговорчики! — повысил голос Бард. — Вы что, хотите дать им время опомниться и шибануть по нас клингфайром? Если мы допустим это, нам конец. Все, достаточно болтовни, они могут нас услышать.

Он подскакал к мастеру Гарету и приказал:

— Попытайтесь определить, сколько людей охраняют Фуры.

Старик указал на Мирелу:

— Я уже позаботился об этом, господин. Не более пяти десятков — больше не смог сосчитать. Это без возничих, те тоже могут быть вооружены, однако особой угрозы они не представляют — надо же присматривать за животными.

Бард кивнул, жестом подозвал двух самых лучших солдат и объяснил задачу:

— Вы скачите в голову обоза — там гуртом со-

браны тягловые животные. Режьте у них путы и гоните табун прямо на телеги. Надо посеять панику. Смотрите не забывайте прикрываться щитами, они попытаются достать вас стрелами.

Воины отдали честь. Оба были ветеранами, участвовали во многих кампаниях, отличные рубаки, у каждого в косичке — красный шнурок. Один из них поднял забрало и, усмехнувшись, вытащил из-за пояса длинный кинжал.

— Этот как раз подходит для подобной работы, — сказал он.

— Мастер Гарет, — обратился Бард к старику. — Вы исполнили свои обязанности, и исполнили хорошо. Можете остаться с женщинами, будете охранять их. В атаке вам участвовать не надо, только внимательно следите за боем — если они применят какое-нибудь колдовство, тотчас примите меры. Это ваша главная задача.

— Ваи дом, — ответил ларанцу. — Как мне вести себя во время боя, я уж решу сам. И мои дочери тоже. Вы простите, но лучше займитесь людьми, а мы сами разберемся.

Бард пожал плечами:

— Как вам будет угодно, мастер. Когда начнется бой, нам будет не до вас. — Он встретил взгляд Мелоры, и его даже передернуло от гнусной,

жестокой необходимости присутствия этой женщины, вооруженной игрушечным кинжалом, на поле боя. Вместе со своим белым осликом. Этого точно одним ударом завалят… Чем он может помочь? Она же ясно сказала, что не нуждается ни в чьей помощи, что сама сможет постоять за себя.

Он еще раз посмотрел в ее сторону. Жуть брала от одной только мысли, что она попадет в лапы наемников. Все прихлынуло разом: разрубленная плоть, наемники, гогочущие над искалеченным телом; увидел сползающего с седла, разрубленного наискось Белтрана… Бард едва не вскрикнул от ужаса. В этот момент его отвлек сдавленный вопль, который издал один из солдат.

— Гляньте, гляньте, что это? Там, летит!.. Демон…

Бард глянул в том же направлении. Что-то темное, грузное воспарило над ними. Вот стал виден клюв, огромные когти. Чудовище спускалось все ниже, ниже. За спиной громко вскрикнула Мирелла… Затем ослепительно полыхнуло. Бард отшатнулся, чувствуя дыхание огня.

Неожиданно все исчезло — даже запаха гари или паленой плоти не было слышно.

— Держите строй, ребята! — закричал он. — Это всего-навсего иллюзия. Этим только детишек

можно напугать. Что-то вроде фейерверка во время праздника Середины лета. Вперед, ребята, а то, не дай Бог, они на самом деле подожгут лес. А на эту игрушку наплюйте и разотрите. Вперед! — изо всех сил заорал он, зная, что только действием можно расшевелить людей. Нельзя стоять на месте. — Вперед, в атаку! — орал Бард.

Ему наконец удалось стронуть с места цепь. Отряд быстро перешел на галоп и плотной массой помчался к внезапно открывшимся у самого подножия пологого склона крытым фурам. Бард краем глаза отметил, что всего повозок было четыре, понял, что двое, посланные в обход, уже успели обрезать путы и, щелкая длинными бичами, погнали животных прямо на обоз. Перепуганные червины громко ревели и перешли на галоп. Они всем стадом ударили в повозки, одна из них тут же перевернулась. Что-то затрещало — борта, оси? Вот и нападавшие достигли каравана… Высокий, светловолосый, бледный как смерть наемник вскинул копье. Он метил прямо в коня, на котором скакал Бард. Юноша успел опередить противника и, привстав в стременах, наискосок, с оттяжкой рубанул. Тот только охнуть успел — ударила кровь, и боковым зрением Бард уловил, как Белтран сбил конем одного из

наемников, который, визжа и ругаясь, вертелся и дергался, уворачиваясь от конских копыт. Следом на него налетели сразу трое.

После, даже спустя много лет, он так и не мог вспомнить, как начался поединок. Только вопли, визги, кровь, хлынувшая на снег, и, как ни странно, косо падающие снежинки запечатлелись в памяти. Дальше все отрывочно — конь споткнулся, Бард упал, потом отразил удар меча. Со сколькими он сражался, убил ли кого или, может, просто отбивал их удары — не разобрать. Еще запомнился Белтран, оказавшийся лицом к лицу с двумя огромными наемниками — он бросился в ту сторону. Ноги скользили… Выхватил кинжал и в прыжке сразил одного из нападавших на принца. Затем вновь потерял сводного брата из виду. Затем он залез на какую-то фуру и закричал своим людям, чтобы собирались вокруг него. И постоянно лязг оружия, душераздирающие вопли и безумное ржание лошадей.

Затем неожиданно все стихло, теперь Бард уже связно воспринимал события. Его люди брели к повозке. Ступали с трудом, тащили за собой мечи — лезвия корябали расплывшуюся кроваво-снежную массу под ногами. С облегчением он увидел среди них Белтрана, лицо принца было в крови,

однако он шел довольно ровно. Бард приказал сосчитать потери, помочь раненым, а сам вместе с мастером Гаретом отправился проверить содержимое фур. Шел и размышлял — вот будет номер, если в уложенных в повозки бочонках окажутся сухие фрукты, заготовленные армейскими интендантами для снабжения войск, а не жуткое оружие, за которым они отправились.

Юноша осторожно вытащил один из бочонков — в нос отвратительно шибануло горьковато-едкой вонью. Да, это, несомненно, клингфайр, ужасное зелье, которое легко вспыхивает и сжигает все, к чему прикоснется. Липнет намертво, прожигает все насквозь: металл, одежду, тело, кости… Эта гадость в природе не встречается, она — результат зловещего колдовства. Им здорово повезло, что наемники не успели применить эту смесь против его людей. Может, решили, что на снегу это зелье не вспыхнет?.. Или им не сказали, что они везут? Непонятно… Случалось, что стрелы с наконечниками, смоченными в клингфайре, использовались против кавалерии — в подобных случаях лошади просто с ума сходили и приносили больше вреда, чем это страшное оружие.

Прежде всего Бард расставил непострадавших и легкораненых солдат — поручил им охрану

повозок. Командовать ими назначил мастера Гарета. С облегчением он обнаружил, что Мелора цела и невредима, хотя лицо ее было запачкано кровью.

Она тихо пояснила:

— Это чужая кровь. Он набросился на меня, я его заколола. Это не моя кровь. Чужая…

Бард перевел дух, потом подозвал троих солдат и приказал им собрать разбежавшихся коней. Тем из наемников, кто был тяжело ранен, подарили легкую смерть — закололи кинжалами. Кто мог, уже давно бежал с поля боя.

Пора было готовиться в обратный путь. Прежде всего следовало проверить, сколько осталось тягловых животных, без них обоз встанет намертво. В этот момент его отвлек истошный крик. Бард обернулся — длинный, худощавый наемник бросился на него с мечом и кинжалом. Очевидно, прятался где-то между телегами. Он был ранен в ногу, однако оказался достойным противником. Удар Барда отвел ловко, попытался достать его кинжалом. Бард ди Астуриен еще раз попытался сразить врага мечом и, добившись секундной передышки, тоже выхватил из-за пояса кинжал. Затем они сошлись в смертельной схватке. Лезвие кинжала оказалось возле самого горла Барда

— он едва смог сдержать напор врага. Наконец изловчившись, нанес удар наемнику в ребра. Тот коротко вскрикнул, дернулся и через мгновение рухнул замертво.

Юношу била крупная дрожь. Он никак не мог успокоиться. Нападение было внезапным, схватка короткой, перед глазами все еще стояло мерцающее лезвие кинжала. Он невольно сплюнул — густо, отчаянно. Опять полный рот слюны — снова сплюнул. Наконец перевел дух, подобрал меч, сунул его в ножны, потом присел и, тяжело дыша, попытался вытащить свой кинжал из тела погибшего наемника, однако нож не поддавался. Наверное, лезвие застряло в ребре. Бард выпрямился, неожиданно рассмеялся и приказал подбежавшим к нему людям:

— Черт с ним, так и похороните. Пусть возьмет его с собой к Зандру. Я обменяюсь с ним оружием.

Бард подобрал кинжал наемника — с лезвием из темного тусклого металла с травленым орнаментом. Рукоять была сделана из меди и украшена зеленоватыми мелкими каменьями. Бард с интересом осмотрел оружие, потом заметил:

— Он был храбрец, этот наемник. — И сунул

кинжал в ножны.

До конца дня люди чинили повозки, размещали груз, сгоняли животных, похоронили троих товарищей, убитых в бою. Семеро были достаточно серьезно ранены. Один из них — Бард его хорошо знал — вряд ли перенесет обратную дорогу. Зимой, по снегу… Бард особенно сильно переживал за него… Мастер Гарет тоже получил рану, однако заявил, что на следующий день будет готов отправиться в путь.

Между тем снег продолжал сыпать. Осенью смеркается быстро, вскоре на землю опустилась тьма. Солдаты Барда обшарили повозки и нашли вино, которое, по-видимому, принадлежало наемникам из Сухих земель — они слыли известными пьяницами. Вино было доброе, из Ардкарана, и Бард разрешил солдатам отпраздновать победу. К тому же один из тягловых червинов сломал ногу, его тут же прирезали, разделали, и скоро в лагере вкусно запахло жареным мясом. Однако до того Бард долго приставал к Мирелле, спрашивая, нет ли поблизости врагов, приказал мастеру Гарету запустить сторожевую птицу. Невзирая на снегопад!.. Тому ничего не оставалось — только когда и птица подтвердила, что вокруг все спокойно, Бард успокоился.

Уже в сумерках воины, наговорившись, еще раз пережив события последнего боя, дружно запели. Начали с баллад, потом затянули и более веселые песни. Бард сидел в сторонке и слушал их.

Мелора подошла неслышно, остановилась за спиной, потом тихо сказала:

— Всегда удивлялась, как они могут веселиться, петь, жрать — и все в охотку — после крови, убийства. Погибли их товарищи, да и врагов убито не мало. Что ни говори, они ведь тоже люди.

Бард обернулся, девушка куталась в серый, плащ.

— Вы что, дамисела, боитесь привидений? Мертвые уже не встанут. А эти живые, где они будут завтра, неизвестно. Если день и ночь печалиться, то скоро с ума сойдешь.

Она помолчала, потом выговорила:

— Это понятно, ну да. Однако похороны всегда похороны, я не могу избавиться от мрачного ощущения.

— Вы, леди, не солдат. Для воина каждое сражение, из которого он вышел живым, — повод для радости. Ведь он еще дышит!.. Вот и песни, и вино, а если бы мы были в составе армии, то и лагерные шлюхи. А то бы подались в ближайший город за женщинами.

Мелора содрогнулась и спросила:

— А в нашем положении, если поблизости нет поселений, где можно грабить и насиловать?

— Ну, война — это испытание удачливости. Сегодня смерть прошла мимо, завтра — кто знает. Почему вы считаете, что женщины могут застраховаться от ударов судьбы? Многие относятся в этому более спокойно, — сказал Бард, засмеялся и тут же примолк. Мелора, к его удивлению, не отвела взгляд, не захихикала, даже улыбнуться не решилась, как в подобных случаях поступали девицы. Бард догадывался, что они таким образом пытались защититься от ужасающих картин, невольно встающих перед глазами. Защититься покорностью, молчаливой мольбой о пощаде, что, бывало, распаляло солдат куда сильнее, чем дерзкое сопротивление, проклятья и слезы.

Мелора с тем же недоуменным видом пытливо и искренне вглядывалась в него — в мужчину, в человека, который был рожден защищать ее, заботиться о ней, воспитывать их детей, но вместо этого частенько превращался в разнузданного, ополоумевшего зверя, не ведающего, что творит.

Неожиданно она громко, порывисто — точно корова — вздохнула, и Бард в свою очередь тоже, неожиданно для себя, перевел дух. Оказывается,

в те мгновения, что она смотрела на него, добиваясь ответа, он невольно затаил дыхание. Мелора тихо спросила:

— Ну, предположим — это реакция на смертельную опасность, радость, что вместо того, чтобы лежать в земле, он может петь, жрать, глотать вино. Своего рода шок, наступающий после боя… — Она на мгновение задумалась, потом уже более горячо и торопливо заговорила: — Думаю, так и есть. По себе чувствую… Я даже помыслить боялась, что может случиться, если наемники из Сухих земель победят. А теперь внутри меня все поет — я жива. Жива!

Она еще ближе придвинулась к нему, и Бард теперь смог учуять запах ее тела и аромат волос. Мелора зашептала скороговоркой:

— Вы не представляете, я так перепугалась, сердце сжалось — что, если они одолеют? У меня бы не хватило мужества убить себя. Знаете, все разом пронеслось перед глазами: насилие, цепи, рабство, жуть публичного дома — все это казалось лучше, чем смерть… Мысль о гибели была невыносима, особенно после того, как у моих ног умирали мужчины. Слыхали бы вы, как один из них кричал. А другие, что испускали дух молчком, выглядели еще страшнее. Ну да…

Бард повернулся и взял ее руку, женщина не пыталась высвободить ее. Он тихо сказал:

— Я рад, госпожа Мелора, что вы остались живы.

Она так же тихо шепнула в ответ:

— Я тоже.

Юноша притянул ее ближе и крепко поцеловал; с удивлением обнаружил, как податливо и в то же время упруго ее тело, как мягка и пышна грудь. Ее губы были сладки. Тело ее уже уступило, обволокло его мужскую плоть, и в этот момент Мелора твердо попросила:

— Нет. Я прошу» тебя, Бард. Не здесь, не так… Столько людей вокруг… Я не хочу отказывать, я согласна, ну да, но как-нибудь по-другому. Так нехорошо…

Бард, пересилив себя, отпустил ее. Случай еще представится, мелькнуло в голове. Она некрасива, но так желанна… Голова идет кругом…

Его опять начала бить крупная неприятная дрожь. Реакция на прошедший день? Ну и пусть, Бард неожиданно грязно выругался про себя, она права. Права она, черт меня побери!.. Если рядом с солдатами нет доступных женщин, то ему, командиру, строго-настрого запрещено. Даже так, по обоюдному согласию… Что там по согласию

— по обоюдной, разом вспыхнувшей любви! Нельзя! Бард был солдатом до мозга костей и лучше, чем кто-либо другой, знал, что значит командиру воспользоваться тем, что недоступно другим. Разговорчики об этом происшествии тянулись бы до его смертного часа. Но подобная щепетильность необходима только в походе, только возле бивуачного костра. Там, в замке, он должен действовать как раз наоборот: он обязан воспользоваться правом сильного. Иначе затопчут, сомнут. Черт бы побрал эту Мелору. Растревожила, внесла разброд в душу, заставила задуматься о нелепейших вещах на свете — о правах и обязанностях. Зачем над этим ломать голову? Еще не хватало увязнуть в сомнениях, в каких-то глупых любовях?! Его дело — сражаться, посылать людей в бой, и если начнешь в такие минуты задумываться о справедливости, милосердии, человеческих правах, судьбах, мигом пришибут. Не чужие, так свои. Ну да!..

Совсем эта баба его растревожила, от этого на душе стало скверно. Никогда доселе он не испытывал такого родства с чужой душой. Это надо придумать — с женской душой!

Вздохнул Бард глубоко, на мгновение задержал дыхание — и сильно, звучно выдохнул.

— Что поделать, Мелора. Возможно, наступит день…

— Возможно, — откликнулась женщина. Она протянула ему руку, заглянула в глаза. Бард чуть не взвыл по-волчьи тоскливо и жутко: ни одну женщину он не хотел с такой неослабной силой. По сравнению с ней все другие женщины казались похожими на детей, к которым нельзя было относиться всерьез. Рыдающая и капризная Лизарда, даже Карлина, с тупым, непонятным упорством отстаивающая свою невинность. Как еще с ними поступать, если они нормальных слов не понимают! Хватать и укладывать в постель!.. На этот раз у него и мысли не возникло, что можно поступить подобным образом. Бард был уверен, что ему ничего не стоило принудить эту женщину — отойти подальше, за телеги, а то и прямо в телеге, никто и не увидит. Потребуй он — и она явится к нему, когда весь лагерь заснет. Но о подобном продолжении «интрижки», как он вначале обозвал это приключение, он без отвращения подумать не мог. Пес он, что ли, поганый?.. Действительно, Бард даже замер в недоумении — кто же он? Может, зверь? Или все-таки человек?.. По крайней мере, разумное существо, все-таки хватило мозгов сообразить,

что овладей он телом Мелоры — только этой колыхающейся мягкой плотью! — и что-то главное, куда более великое, то, что зовется Мелорой, ускользнет от него. Он с такой острой тоской почувствовал это различие, — и между Мелорой, дарующей свет и радость, и прочими мелочами: ну, тем, что прячется у нее между ног, большими мягкими грудями — понял, что глупо променять богатство существа этой женщины на минутное удовольствие.

Разменяться, конечно, не стоит, но все ее прелести были выставлены на обозрение. Бард сразу помрачнел, поднял голову и угрюмо спросил:

— Ты играешь со мной, Мелора? Наводишь чары?

Девушка коснулась ладонями его щек, глянула прямо в его глаза. Ее мягкие пальчики оказались необыкновенно нежными.

Солдаты возле костра во все горло распевали:

Два десятка лерони явились в Ардкаран.

Когда они уехали, не нужен стал ларан.

— Ах, Бард, конечно нет, — чуть слышно ответила Мелора. — Если не называть колдовством то, что внезапно нашло на нас обоих. На тебя и на

меня. Лучше быть честными друг перед другом — это такая диковинка в отношениях между мужчиной и женщиной. Я очень полюбила тебя — сразу, еще в Снежной долине, ну да… Я хочу встретиться с тобой. Но не здесь, в этом месиве снега и крови, а где-нибудь в другом месте. — Она притянула его голову и крепко поцеловала в губы. — Спокойной ночи, мой дорогой друг. Мой дорогой…

Он невольно сжал ее пальцы, затем ослабил хватку и позволил Мелоре уйти. Потом долго смотрел ей вслед. С сожалением и печалью — это было так ново для него.

Два десятка мужиков несли кули с орехами.

Никто из них не смог бечевки развязать…

Когда Бард подошел к костру и пристроился возле Белтрана, принц шепнул ему:

— Смотри, как развеселились. Этого варианта я еще ни разу не слыхал. — Он неожиданно хихикнул. — Помнишь, как воспитатели лупили нас, когда мы записывали подобные грязные стишки в тетрадь Карлине?

Бард рассмеялся:

— Я помню, ты оправдывался тем, что девочек вообще не следует учить читать. Тогда они, мол, не поймут, что в этих строчках непристойного.

— Ну, вскоре я осознал, что и девушкам, которым нечего делать, следует дозволить научиться читать. — Он привалился к плечу сводного брата — от принца разило вином, и Бард понял, что тот крепко перебрал, — и шепнул Барду на ухо:

— Какая удивительная ночка! Грех не выпить.

— Как твоя рана? — поинтересовался Бард.

Белтран хихикнул:

— Рана? Да ну ее к дьяволу! Лошадь понесла, и я свалился. При падении задел за крюк, что на седле, еще и носом ударился. Так что во время боя я пытался остановить текущую из носа кровь. Я выглядел очень напуганным? Хотелось бы, чтобы между нами была полная ясность. О чем ты задумался?

— Вот прикидываю, есть ли в нашей команде люди, которые смогут управлять повозками и тягловыми животными.

Белтран отчаянно зевнул:

— До утра подождать не можешь. Дело сделано, теперь можно отдохнуть. Я бы дней десять спал, не просыпался. Глянь, еще не так поздно, а люди пьяны, как монахи в праздник Середины зимы.

— Чего еще от них ожидать? Женщин поблизости нет…

— Я их не осуждаю. — Белтран пожал плечами. — Они такие, какие есть. Между нами, Бард, я уже успел испытать это удовольствие. После битвы в Снежной долине ребята затащили меня в один из городских публичных домов. — Принц скривился. — Эти игры мне не по вкусу.

— Я тоже предпочитаю по обоюдному согласию. Платить даме за удовольствие — последнее дело! — согласился Бард. — Однако после такой заварушки, какая выпала нам сегодня, сомневаюсь, чтобы меня это беспокоило.

В душе юноша сознавал, что говорит неправду. Несколько минут назад он страстно желал Мелору, и даже если бы перед ним предстали самые изысканные куртизанки Тендары и Каркосы, все равно выбрал бы ее. А если сравнить с ней Карлину? Об этом Бард и думать не хотел. Карлина была его суженая, это было существенное различие.

— Что-то ты не пьешь сегодня, сводный брат, — сказал Белтран, протягивая ему бутылку. Бард сделал большой глоток, скоро голова закружилась. Он повеселел, смутные мысли, желание обладать Мелорой и совестливость, нахрап и жажда получить от нее все, а не только плотскую

утеху, наконец растаяли, обернулись заумной чушью. Если эта баба играла с ним — черт с ней. Что его, привязали к ней!..

Кое-кто из солдат с увлечением играл на ррилле. Другие стали криками вызывать мастера Гарета — пусть расскажет какую-нибудь байку. Вместо него к костру вышла Мелора.

— Отец просит извинить его. Очень сильно разболелась рана, ему трудно говорить.

— Тогда вы сами, госпожа, подсаживайтесь к нам. Отведайте, вино просто чудесное…

В приглашении не было и капли хамства, однако Мелора отказалась:

— Если вы позволите, я с удовольствием отнесу стакан вина отцу. Может, это снимет боль и он наконец заснет. Благодарю вас, но нам с сестрой необходимо присматривать за ним, менять повязки. И все равно я благодарю вас за приглашение.

Лерони глянула в сторону Барда — тот заметил печаль в ее взоре.

— Я думал, он не так уж опасно ранен, — заметил командир.

— Надо же, — добавил Белтран, — я тоже думал, что рана пустяшная. Хотя, может, все дело в клинке… Я слышал, что наемники из Сухих земель смазывают лезвия мечей и кинжалов особым

ядом. Правду говорят или просто болтают, не могу сказать. — Он опять широко зевнул.

Солдаты за костром меж тем затянули старинную балладу — вероятно, взгрустнулось. Потом еще одну… Костер догорел, и люди начали разбредаться и устраиваться на ночлег. Опять, как и вчера, — по двое, по трое, вчетвером забирались под тенты, заворачивались в плащи, в непромокаемые кожаные накидки и одеяла. Бард напоследок решил проверить, как разместились лерони.

— Что с мастером Гаретом? — спросил он, откинув полу шатра и заглядывая внутрь.

— Рана сильно воспалилась. Слава богам, что он уснул, — шепотом ответила Мирелла, приблизившись ко входу. — Благодарю за участие, — так же тихо добавила она.

— Мелора здесь?

Мирелла подняла голову, взглянула на юношу — ее глаза неожиданно и заметно расширились. В них теперь читалось нескрываемое изумление. Неужели Мелора доверилась ей, подумал Бард. Или молоденькая девушка сумела прочитать их мысли. Сестры и Барда…

— Она спит, мой лорд. — Мирелла запнулась, потом добавила: — Она плакала во сне, Бард. —

Их глаза встретились, теперь в них светились дружелюбие и признательность. Девушка мягко погладила Барда по руке, тот сглотнул ком, вставший в горле.

— Спокойной ночи, Мирелла.

— Спокойной ночи, друг, — ответила она, и Бард догадался, как нелегко ей было выговорить это слово. Она им не бросалась. Горечь и благодарность странно смешались в его душе. В расстроенных чувствах юноша направился к умирающему костру, там залез под навес, который они делили вдвоем с Белтраном. Молча скинул сапоги, расстегнул пояс, на котором крепились меч и кинжал.

— Ты теперь можешь считаться бредином этому бандиту из Сухих земель, — в темноте рассмеялся принц. — Ты же обменялся с ним кинжалом.

Бард достал кинжал, взвесил его на руке.

— Что-то он легковат для меня. Если бы не чудесный орнамент, не красивая рукоять — смотри, она украшена зелеными камнями, — я бы не взял его. Все-таки это ценный приз за выигранную жизнь. Так что буду носить это оружие на зависть окружающим. — Он сунул кинжал в ножны и положил под голову. — Чертов наемник, ему,

наверное, холодно там, в земле…

Потом они долго молча лежали бок о бок. Бард размышлял о женщине, которая плакала во сне. До нее было не так уж далеко, всего несколько шагов… В голове шумело от выпитого вина.

— А я сегодня боялся куда меньше, — неожиданно подал голос Белтран. — Думал поутру, что совсем струшу. Оказалось — ничего… Терпеть можно. И сражаться… Все это не так ужасно, как можно подумать.

— От страха все равно никогда не избавиться, — откликнулся Бард. — Просто со временем к этому относишься проще — даже с какой-то бесшабашностью: а-а, где наша не пропадала. Затем после боя у тебя останется единственное желание — напиться вдрызг или влезть на бабу. Ну, может, и то и другое…

— Только не для меня. Меня может вырвать от какой-нибудь грязной потаскушки. Лучше напиться с товарищами. Зачем женщин берут на войну? Как это глупо!..

— Ну, ты еще слишком молод, — беззаботно заметил Бард и обнял сводного брата. В следующее мгновение ясно осознал — или подслушал мысль Белтрана? — как в голове возникли слова: я бы хотел, чтобы Джереми был здесь с нами. Уже в

полудреме Бард припомнил, как они ночевали втроем. Это случилось на охоте, рядом догорал костерок, потом перед глазами проплыл образ Мелоры. Как-то все само собой устраивалось, будущее казалось безмятежным. У него есть надежные друзья, сводные братья, которые любят его.

Тут Белтран повернулся и почти всем телом навалился на него, прошептал прямо в ухо:

— Я бы… я бы хотел побрататься с тобой, сводный брат. Давай поклянемся в вечной верности и обменяемся ножами.

Бард вздрогнул, удивленно уставился на него и расхохотался.

— Клянусь богиней! — ответил он. — Ты еще совсем сопляк! Что за детские игры, вот уж не думал, что тебя до сих пор волнуют глупые клятвы, обеты и тому подобная дребедень. Или ты считаешь, что, если Карлина твоя сестра, я и тебе должен клясться в верности? — Он не мог остановиться и продолжал смеяться. — Вот уж не думал, что Джереми Хастур до сих пор увлекается подобными…

Бард использовал самое грязное слово, которое существовало в солдатском жаргоне для обозначения подобных романтических глупостей, и тут

услышал, как сдавленно вскрикнул Белтран.

— Ладно, если тебе и Джереми доставляют удовольствие подобные затеи, то играйте на здоровье, а меня увольте. — Бард почувствовал, что несет что-то немыслимое, однако уже не мог взять себя в руки. — Когда же ты будешь вести себя как мужчина, Белтран?

Даже в темноте Бард разглядел, как краска залила лицо Белтрана. Парень, глотая слезы, рывком сел, потом засопел и наконец тихо, но отчетливо сказал:

— Черт с тобой, сын подзаборной шлюхи! Клянусь, ты еще поплатишься за эти слова, Бард… Я убью тебя!..

— Ну вот, сразу «убью». То любовь до гроба, то вдруг ненависть, — в том же насмешливом тоне продолжил Бард. — Давай ложись, братец. Кончай играть в эти детские игры. Впрочем, скоро вырастешь и сам поймешь, что все это чепуха. Все нормально. — Он почувствовал, что наговорил лишнее, на него повеяло холодом.

Однако Белтран отодвинулся, потом бросил сквозь зубы:

— Ты посмел смеяться надо мной. Ты!.. Бард мак Фиана. Попомни мои слова — скорее розы зацветут в девяти преисподнях Зандру, чем ты

увидишь в своей постели Карлину!

Он поднялся, сунул ноги в сапоги, рывками натянул их и ушел в ночь. Бард долго, с тоской смотрел ему вслед.

Отрезвел он сразу, в мгновение ока. Ведь и пьяным не был — так, чуть-чуть. Устал — это да. Намаялся за день. Но разве это оправдание? Он допустил смертельную ошибку. Неужели непонятно, что парень говорил от души? Потянулся к нему, открыл сердце, а он?.. Ну, не по нраву ему всяческие клятвы, обеты, можно было спокойно поговорить с принцем, как-нибудь помягче отказать ему. И зачем вообще отказывать? Что плохого в том, если они побратаются?

Бард сидел и тупо разглядывал складки на кожаном одеяле. Что, собственно, плохого в дружбе, пусть даже на веки вечные? Он вдруг испытал страстное желание вскочить, броситься вслед за Белтраном, извиниться перед ним, заставить его забыть обо всем сказанном здесь. Однако недавнее ледяное прикосновение охладило его пыл. Он же оскорбил тебя. Он назвал тебя сукиным сыном, Бардом мак Фиана, а не Бардом ди Астуриен, как его следовало называть. В глубине души Бард догадывался, что Белтран назвал его не по злому умыслу — просто это были первые

слова, что пришли на ум. Пришли так пришли — черт с ним! Тоже меру надо знать… Сжав зубы, что-то бурча про себя, юноша решительно лег, повернулся на бок. Ничего, поспит где-нибудь в повозке, а может, рядом с лошадьми. К утру все забудется.

5

В праздник Середины зимы Одрин, король Астуриаса, праздновал победу над герцогом Хамерфельским.

Зима в том году выдалась необыкновенно мягкая, поэтому народу в замке собралось много. Был здесь и сын герцога, отцу пришлось отдать его в заложники, хотя официально это называлось «отдать на воспитание». Одрин по характеру был добрый человек, поэтому приветливо встретил мальчика, обращался с ним как со своим воспитанником. Тот питался за королевским столом, к нему приставили лучших учителей, причем по всем наукам, которые необходимо изучать отпрыску благородных родителей. Одним словом, решил Бард, сына герцога воспитывали так же, как недавно его. Вот и на праздник нарядили как игрушку. Мальчик сидел рядом с Джереми Хастуром и Белтраном.

— Все-таки, — сказала Карлина, — я невольно чувствую некую вину перед этим ребенком. В столь нежном возрасте увезли из родного дома!.. Тебе, Бард, когда это случилось с тобой, стукнуло двенадцать, и ты был не ниже взрослого. А ма-

ленькому Гарису сколько? Восемь или девять?

— Думаю, восемь, — рассеянно ответил Бард. Он с тоской думал о том, что его отец тоже мог бы приехать на праздник или по крайней мере прислать своего законного наследника Аларика. И нечего было ссылаться на плохую погоду — Аларик уже достаточно большой мальчик, чтобы появиться в королевском замке.

— Карлина, не хочешь еще потанцевать?

— Пока нет, — ответила девушка, обмахиваясь веером. На ней было зеленое платье, чуть-чуть более скромное, чем то, в каком она явилась на обручение. Странно, но Бард решил, что зеленое не идет его невесте — в этом наряде она выглядела чересчур бледной и несколько болезненной.

К ним подошел Джереми со словами:

— Карли, позволь мне станцевать с тобой. Разреши, Бард, ты и так уже натанцевался с ней, а Джиневры здесь нет. Ей пришлось вернуться домой и провести праздники с матерью. Боюсь, что она не вернется во дворец. Ее мать поссорилась с королевой Ариэль.

— Постыдился бы, Джереми, разносить глупые сплетни. — Карлина легонько ударила его веером по руке. — Уверена, что мама и леди Маржерида скоро помирятся и Джиневра вернется сюда.

Бард, пойди и потанцуй с какой-нибудь дамой из маминой свиты. Не можешь же ты весь вечер провести подле меня. Ты же не на привязи! И к тому же очень многие хотят потанцевать с королевским знаменосцем.

Бард угрюмо ответил:

— Как раз многие и не хотят. Я слишком неуклюж.

— Но мы же не можем провести здесь весь праздник. Ступай и пригласи леди Дару. Она сама такая нескладная, так что ты будешь порхать вокруг нее словно птичка. Если наступишь ей на ногу, она даже не заметит.

— И ты еще упрекаешь меня, что я сплетничаю, — засмеялся Джереми и взял сводную сестру под руку. — Давай потанцуем, бреда[15]. Ты уже распоряжаешься Бардом, словно он твой муж.

— Почти что! — засмеялась Карлина. — Я думаю, у нас уже есть право распоряжаться друг другом. — Она улыбнулась Барду и направилась с Джереми в круг танцующих.

Оставшись один, Бард не последовал совету невесты. Леди Дара может подождать — вот уж удовольствие танцевать с такой колодой! Он

---

[15] notes: 15
Милая; обращение к мужчине — бреду.

направился в буфет и налил себе бокал вина. Там же с группой советников стоял король Одрин. Он пригласил своего знаменосца присоединиться.

— Не правда ли, праздник удался, приемный сын? Смотрю, ты в хорошем настроении.

— И вы тоже, отец. — Бард имел право называть короля так.

— Я советовался с лордом Эдельвейссом насчет поселений у Морейской мельницы, — сказал король. — Это действительно безобразие, что в этих местах нет законного владыки. Скоро придет весна — надо навести там порядок. Если дело дошло до того, что в каждой маленькой деревушке живут по своим законам и заявляют о своей вольности, то нам необходимо твердой рукой очертить границу, а то получается — любой человек, проехав полдня, попадает в новое государство со своими правилами, обычаями…

За спиной раздался голос:

— У парня светлая голова.

Бард обернулся. Сзади стоял седовласый, богато одетый мужчина. Это и был лорд Эдельвейсе. Он продолжил:

— Жаль, ваше величество, что ваш сын не выказывает такие же таланты в политике и военном искусстве. Остается надеяться, что с годами к

нему придет государственный ум. Иначе, клянусь, этот парень к двадцати пяти годам приберет королевство к рукам.

Король Одрин неожиданно закашлялся, потом сдавленным голосом ответил:

— Бард предан Белтрану. Они сводные братья… Бард не представляет угрозы для Белтрана.

Юноша прикусил губу — с той памятной ночи они с Белтраном почти не разговаривали. Сегодня принц даже не прислал ему традиционный подарок к празднику Середины зимы, хотя сводный брат послал ему яйцо от своей любимой ястребихи. Оно было снесено в замковом соколятнике. Любой принял бы его со словами благодарности, а Белтран даже словом не обмолвился. Неизвестно, принял ли он яйцо? Одним словом, Барду было ясно, что наследник избегает его.

В который раз юноша выругал себя за глупые, обидные слова, которые вырвались у него в ответ на предложение побрататься и скрепить их дружбу кровью. Этот разрыв мог иметь самые печальные последствия. Бард ни о чем другом и думать не мог, даже к Мелоре больше ни разу не подошел — как-то сразу отстранился от нее, а ведь девушка по-прежнему вздыхала о нем, томилась… Он тоже, но ничего поделать с собой

не мог. Чего ради набросился на паренька, нашел на ком сорвать злость. Надо же быть таким идиотом?! Его что, дружба с наследным принцем не устраивает? Вместо того чтобы скрепить узы, связывающие их, он вмиг все разрушил. Хорошо, что Белтран пока не настроил против него Джереми… Хотя кто знает? По выражению лица рыжего хитреца трудно что-либо понять. Правда, разгуливает он повесив нос. Может, скучает по Джиневре, но в это верится с трудом. Они даже не обручены, и Джиневра происходит не из столь родовитой семьи, чтобы составить достойную партию наследнику Хастуров из Каркосы.

Может, именно в праздничный вечер следует отыскать Белтрана, извиниться, объяснить, почему он так грубо повел себя… все так, но Бард, вспоминая оскорбления принца, не мог пересилить себя. Это было поразительно — Бард не мог разобраться в себе. В момент, когда на карту поставлено его благополучие, карьера, в ситуации, когда ближайшие королевские советники открыто говорят Одрину, что тот допустил племянника чересчур близко к трону, — и не подойти, не склонить голову?! Возможно, Белтран только этого и ждет, чтобы зачеркнуть нелепую размолвку, ведь он все-таки любит Барда. Как и тот принца… И в

таком положении артачиться?! Ссора в принципе мало что значит — время сгладит ее, но высокомерное упрямство, нежелание дать объяснения своему поступку, извиниться могут иметь самые трагические последствия. Это уже сознательный вызов. В такой ситуации даже король будет вынужден сделать соответствующие выводы…

Все понимал, а пересилить себя не мог! Что за нелепый каприз! Ступай и принеси принцу извинения!.. Но Бард услышал позади себя доброжелательный голос:

— Не правда ли, дом Бард, чудесный праздник?

Бард обернулся и увидел старого ларанцу.

— А-а, это вы, мастер Гарет. Дамы… — Он склонил голову перед Мирелой, очень хорошенькой в жемчужно-голубом одеянии, и Мелорой, одетой в темно-зеленое бархатное платье с глубоким вырезом и меховой опушкой по вороту. Платье было свободное — такое обычно носят беременные женщины, однако оно оттеняло глаза, сверкающую молочной белизной кожу и присыпанные блестками огненно-рыжие волосы.

— Почему вы не танцуете, мастер Гарет?

Старик отрицательно покачал головой и печально улыбнулся:

— Не в состоянии.

Тут Бард заметил, что мастер опирается на трость. Ларанцу увидел его взгляд и пояснил:

— Память о том сражении, мой лорд. Отметка наемника из Сухой башни.

— Удивительно, как долго заживает рана.

Старик пожал плечами:

— Думаю, все дело в отраве, которой было смазано лезвие. Даже после многих сражений яд слабее не становится. Говорят, что, если кого-нибудь ранят подобным оружием, он уже никогда до конца не излечится. И знаете, в этом случае я доверяю людской молве. Ларан и тот это зелье не берет. Однако я все равно пришел на праздник.

Мальчик, сын герцога Хамерфела, подошел к ним и, робея, спросил:

— Леди Мирелла, не согласились бы вы потанцевать со мной?

Та взглядом спросила разрешения у старика — в ее возрасте девушкам не полагалось танцевать на балу, разве что со своими родственниками. Мастер Гарет после некоторого раздумья кивнул — видно, решил, что юный герцог не может представить опасности для его подопечной. В сущности, оба еще дети… Мальчик был высок, почти одного роста с Мирелой, так что и насмешливых взглядов эта пара не вызовет.

— А вы, Мелора, не окажете мне честь?

Мастер Гарет, услышав подобное упрощенное обращение, чуть нахмурил брови, однако девушка тут же согласилась и протянула руку.

Бард решил, что лерони всего несколькими годами старше его. Странно, что она еще не замужем и не обручена.

Недолго покружившись, он спросил об этом Мелору.

— Я из Башни Нескьи, туда и должна уйти. Некоторое время жила в Далерете, но они совсем ополоумели — только тем и занимаются, что готовят клингфайр и торгуют им направо и налево. Совсем свихнулись от жадности, а, по моему мнению, лерони должны свято блюсти нейтралитет и изо всех сил способствовать поддержанию мира. Так что я решила связать свою судьбу с Башней Нескьи, Хранитель которой дал обет не вмешиваться в войны между доменами.

— На мой взгляд, это неправильный выбор, — заметил Бард. — Если мы вынуждены сражаться, почему лерони должны оставаться в стороне? Когда вокруг полыхают войны, они собираются закрыть глаза?

— Нет, ты не понял. Пришла пора кому-то начать борьбу за установление мира. Я говорила

на эту тему с Варзилом, мне показалось — это великий человек.

— Заблуждающийся идеалист, не более того. — Бард пожал плечами. — Башню Нескьи просто сожгут, а затем развяжут новую войну. Надеюсь, леди, что вы не погибнете при этом.

— Я тоже надеюсь, — серьезно ответила Мелора. Дальше они танцевали молча.

Лерони для своего веса двигалась удивительно легко, как дуновение ветерка.

— Вы замечательно танцуете, Мелора. Как странно, когда я впервые увидел вас… ну, вы догадываетесь, о чем я подумал…

Девушка рассмеялась:

— Вы знаете, когда я сейчас поглядываю на вас, вы мне тоже кажетесь очень красивым. Все-таки очень заметно, что вы плохо знаете лерони — я же телепат, мне не надо много времени, чтобы узнать, что у человека на уме. Мне же все сразу становилось ясно, скрываете ли вы что-то от меня или говорите правду. Еще тогда, во время похода, — ну да!.. А теперь мне все завидуют — как же, я танцую не с кем-нибудь, а с самим королевским знаменосцем. Вы их своим вниманием не очень-то балуете, а теперь выбрали меня, какую-то уродливую лерони.

В устах любой другой женщины, подумал Бард, подобные высказывания звучали бы нестерпимо напыщенно. Или неуместно кокетливо… А у Мелоры все вышло просто, естественно.

Потом они вновь танцевали молча, и страсть вновь затрепетала в их сердцах. Ди Астуриен, не в силах сопротивляться, увлек Мелору в дальний конец зала за колонну и там поцеловал. Она с жаром ответила на поцелуй, потом вдруг вырвалась из его объятий, отступила назад.

— Нет-нет, дорогой, — дрожащим голосом выговорила женщина. — Давай не будем заходить слишком далеко и останемся друзьями. Большего нам не суждено.

— Но почему, Мелора? Я же вижу, ты испытываешь те же чувства, что и я. Теперь нам ничто не может помешать, как то было после боя…

Она взглянула прямо в его глаза — смотрела долго, потом сказала:

— То, что мы жаждали близости после битвы — это не более чем попытка избавиться от гнетущих воспоминаний, от вида крови, от близости смерти. Теперь все в прошлом, теперь мы вынуждены держать наши чувства в узде. Сейчас это случиться не может — исключено, ну да! Здесь твоя названая жена. Принцесса Карлина

куда более привлекательна, чем я. Нанести ей оскорбление именно сейчас, пойти с тобой — ты знаешь, Бард, для меня это невозможно.

Ему нечего было возразить, однако самолюбие было задето. Бард не мог смириться так просто.

— Какой мужчина, — спросил он, — согласится быть другом женщины, которая ему желанна?

— Бард. — Мелора отрицательно покачала головой. — Я все больше склоняюсь к мысли, что в тебе как бы уживаются два человека. Один — бессердечный и жестокий, особенно в отношении женщин, защитившийся на своих обидах. Другой — которого я вижу в тебе и которого люблю — чуткий, способный понять и согласиться с тем, что ни эту ночь и никакую последующую я не смогу провести с ним. Я верю, я очень надеюсь, ради вашего с Карлиной счастья, что перед ней ты предстанешь своей человечной стороной. Именно этого, второго, я буду любить всю жизнь. Ну да… — Она погладила его руку и, быстро повернувшись, скрылась в толпе танцующих.

Бард, оставшись один, попытался было высмотреть ее зеленое платье — сердце кипело от гнева, — но Мелора исчезла, будто растворилась в воздухе. Неожиданно по спине побежали мурашки — это было удивительно! Неужели она

раскинула за собой завесу, сделавшую ее невидимой? Бард знал, что некоторые лерони способны на это. Он окончательно вышел из себя.

«Глупая толстая женщина, — с холодной яростью подумал он, — возможно, и меня она околдовала, иначе какой мужчина взглянул бы на нее… Значит, Варзил из Нескьи был ей особо мил. Ну, и черт с ним! Хорошо бы, кто-нибудь подпалил эту проклятую Башню — пусть рухнет им на головы!» Юноша решительно двинулся в буфет и одним залпом осушил бокал вина, потом еще один… Это уже было слишком — в голове мелькнула запоздалая трезвая мыслишка — король Одрин, сам человек воздержанный, не выносил пьяных… Ну и пусть!

И Карлина тоже — почему она вдруг решила упрекнуть его. Для того и разыскала в буфете, чтобы корить?

— Бард, ты выпил больше, чем следовало.

— Смотрю, ты уже до свадьбы решила прибрать меня к рукам.

— Зачем ты так говоришь, дорогой? — Девушка вспыхнула. — Если отец увидит тебя, он будет сердиться. Ты же знаешь, как он не любит, когда кто-нибудь из молодых офицеров на праздниках напивается до бесчувствия и начинает буянить.

— Разве я буяню? — спросил Бард.

— Нет, — Карлина чуть смягчилась и улыбнулась, — однако обещай, что ты больше не будешь пить, Бард.

— А вес ордрас, ваи домна, — согласился юноша, — если ты станцуешь со мной.

В этот момент зазвучала музыка. Это был танец, в котором женихам и невестам дозволялось обнять друг друга, что запрещалось другим парам. Бард заметил, что Джереми получил высочайшее разрешение королевы и вывел ее в круг. Они, конечно, держались на почтительном расстоянии друг от друга. Белтран — вероятно, по настоянию Карлины — пригласил леди Дару. К удивлению Барда, она двигалась очень легко, почти с той же грациозностью, что и Мелора. Может, это свойственно всем полным женщинам? Ах, ну их к дьяволу, этих полных! И Мелору туда же!.. Нашел время вспоминать об этой толстухе. Тоже, нашла дружка!.. Ее дружки там, в преисподнях Зандру, пусть они ее и приглашают. Он притянул Карлину поближе, почувствовал ее тонкое гибкое тело. От таких объятий могли синяки остаться…

— Не так крепко, Бард, ты делаешь мне больно… — попросила девушка. — Это же не совсем прилично…

Он ослабил хватку, потом, посопев, сказал:

— Ни за что в мире я бы не хотел причинять тебе боль, Карли. Кому угодно, только не тебе.

Танец кончился. Король и королева в окружении пожилых придворных удалились на покой, теперь молодежь могла веселиться вовсю. Молодого Хамерфела увела приставленная к нему гувернантка, мастер Гарет уже подал накидку хорошенькой Мирелле. Король Одрин, задержавшись у выхода, объявил оставшимся, что те, если пожелают, могут гулять до рассвета.

Карлина, стоявшая возле Барда, улыбнулась, услышав эти слова.

— В прошлом году меня тоже отправили спать пораньше. На этот раз родители решили, что я уже достаточно взрослая, уже невеста. Мой суженый защитит меня. — Она подмигнула Барду.

Она была права, и Бард знал это лучше, чем кто-либо иной, — случалось, молодежь веселилась так, что порой удаль перехлестывала через край. После того как старшие покинули бал, в зале сразу стало шумнее. По углам начались игры, наградой служил дамский поцелуй, танцы стали резвее, музыка разухабистей… Чем ближе к утру, тем все больше пар скрывалось в галерее и боковых проходах. В очередном танце Бард увлек

Карлину поближе к колоннам, и там, во время одной из фигур, она увидела крепко обнявшуюся парочку. Карлина стыдливо отвела взгляд, однако ее жених настойчиво повел ее в полутемную галерею.

Здесь он прошептал:

— Карлина, ты предназначена мне судьбой. Знаешь, у меня перед глазами так и стоят влюбленные парочки. Тебе не кажется, что они поклялись друг другу в верности или по крайней мере обручены? — Он взял ее руки в свои. — Ты знаешь, как я страстно желаю тебя. Я считаю, что ты моя законная жена. Уже Середина зимы, почему бы нам не довести дело до конца? Закон ведь позволяет…

Он привлек ее и пылко прижался к ее устам, но Карлина вырвалась и тяжко, порывисто вздохнула.

— Даже твой отец не имеет права возразить!.. — Бард чуть повысил голос.

Он почувствовал, как в Карлине поднимается панический страх. Тем не менее ответила она спокойно, изо всех сил стараясь сохранить дружелюбие в тоне:

— Нет, Бард, нет. Поверь, я уже готова подчиниться необходимости. Обещаю, что буду тебе

достойной и верной женой. Но… не теперь.

Карлина отчаянно пыталась скрыть отвращение и ненависть, которые вызывала в ней одна мысль о физической близости. Это уязвило юношу сильнее всего, болью отозвалось в сердце.

— Дай мне время, — добавила она, едва заметно ломая пальцы. — Только не теперь. Не сегодня…

Ему показалось, что откуда-то издали эхом отозвались слова Белтрана, сказанные в ту роковую ночь: «Скорее розы расцветут в девяти преисподнях Зандру, чем ты получишь в жены мою сестру».

— Значит, Белтран осуществил свою угрозу, не так ли? — закипая от гнева, спросил Бард.

Что за напасти сыплются на него со всех сторон? Сначала отказала Мелора, хотя всего сорок дней назад она страстно желала его. Да и сейчас он чувствовал в ней ответное желание… Но не сложилось. Мелора обладала телепатическими способностями — она, должно быть, сумела различить в ворохе мыслей тот страх, который вызвала в сознании Барда ссора с Белтраном. И причина ссоры вряд ли осталась для нее тайной. Может, принц уже все рассказал отцу, и Мелора поняла это. Может, поэтому она столь решительно отказала — кто же согласится на роман с

впавшим в немилость придворным? Почему бы Белтрану и не настроить лерони против Барда, а потом взяться за Карлину…

Голос у принцессы дрогнул:

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, Бард. Ты что, поссорился с моим братом?

— А если и так? Ты теперь изменишь свое отношение ко мне? — усмехнулся юноша. — Значит, и ты ничем не отличаешься от других женщин? Значит, поиграла со мной, словно я бесчувственный чурбан, и хватит? Нет уж — ты моя названая жена, у меня есть все права на тебя. Почему я должен силком тащить тебя, почему здесь должно смердеть насилием?

— Ты же сам заявил, — горько ответила она, — что даже помыслить не можешь, что способен причинить мне боль. А теперь выходит, что, если я не буду покорна, ты пойдешь и на насилие? Значит, ты считаешь, тебе даже это дозволено, раз я твоя невеста, подобное вовсе не будет считаться принуждением? Послушай, Бард, я люблю тебя как брата, как друга, и если богиня смилостивится над нами, то придет день, когда полюблю тебя и как мужа, которого дал мне мой отец. Пока же рано. Было сказано, что свадьба состоится посреди лета. Бард, прошу тебя, отпусти!

— И в этом случае у твоего отца достанет времени, чтобы изменить решение. И Белтран по-прежнему будет настраивать его против меня? В конце концов тебя отдадут тому, кто тебе больше понравится.

— Ты имеешь в виду Джереми?

— А хотя бы и так!

— Как ты смеешь говорить что-то подобное о Джереми? — разгневалась Карлина.

Это имя еще больше разъярило Барда:

— Что-то ты слишком горячо печешься о чести этого бредина, этого получеловека…

— Не смей говорить в подобном тоне о моем сводном брате! — Теперь Карлина совершенно вышла из себя.

— Как хочу, так и говорю, и уж не женщине затыкать мне рот!

— Ты, Бард, совершенно пьян. Ты не соображаешь, что говоришь, — укорила Карлина, и это замечание переполнило чашу терпения Барда. Из уважения к невесте он позволил уйти Мелоре, а принцесса, мало того что отказала ему, еще смеет упрекать! Два раза за вечер потерпеть полный афронт — да еще от кого? От женщин!.. Нет уж, довольно… Он схватил Карлину — та сдавленно вскрикнула в его объятиях — и повлек в галерею.

Здесь, не обращая внимания на сопротивление, поцеловал. Ярость и неукротимое желание мешались в душе, он уже не сознавал, что делает, — во второй раз женщина, которую он хотел, которая находилась в его власти, отказывала ему. На этот раз его не провести! Он настоит на своем, чего бы это ни стоило!.. Черт побери, жена она ему или не жена, сегодня же вечером он возьмет ее.

Карлина все еще билась в его руках, молотя кулачками по груди.

— Бард, нет, нет. — Она принялась плакать. — Только не так, только не это… Ну, пожалуйста!..

Он сжал ее так, что девушка вскрикнула от боли.

— Сейчас мы пойдем в мою комнату. Немедленно! И не заставляй меня применять силу!..

Карлина внезапно ослабла, обмякла. Это что еще за женские штучки? Притворяется? Посмотрим… Бард встряхнул ее. Она должна желать его так же страстно, как и он ее, они должны испытать экстаз, слиться в нем.

Неожиданно ему на плечо легла рука.

— Бард, ты что, пьян или сошел с ума?

Джереми с ужасом глядел на него. Карлина, вырвавшись, закрыла лицо руками и зарыдала.

— Не лезь не в свое дело. Ты, недоносок!

— Карлина моя сводная сестра, — возразил Джереми. — Я не допущу, чтобы над ней совершили насилие, пусть даже ее жених. Бард, заклинаю богами, опомнись, извинись перед Карлиной — и забудем об этом. В следующий раз пей поменьше…

— Да кто ты такой?! — Бард ринулся на Джереми, но в этот момент кто-то сзади схватил его за руку.

— Тише, ты, — выкрикнул подошедший Белтран. — Карлина, ты не хочешь этого?

— Нет, — рыдая, ответила она.

Бард гневно воскликнул:

— Она моя невеста! Она не имеет права отказывать мне! Ни в коем разе… Не обращай внимания на ее слезы. Что вы здесь шляетесь? Если бы не вы, все случилось бы по любви и согласию, а теперь она корчит…

— Ты лжешь! — Белтран уже не мог сдержать гнева. — Все, кто в этом зале обладают хотя бы зачатками ларана, слышали ее крики о помощи. Она отбивалась. Обещаю, что мой отец обязательно узнает об этом возмутительном случае. Чертов ублюдок, пытаешься взять силой то, что никогда не достанется тебе!

В ответ Бард выхватил из ножен кинжал. Зеле-

новатые камни сверкнули в колеблющемся свете свечей. Сквозь зубы прорычал:

— Ты, педик-мечтатель, не смей совать нос куда не просят. Прочь с дороги…

— Да вы что! — Джереми схватил его за руку. — Бард, ты с ума сошел! Ты обнажил оружие в праздник? Да еще на принца? Белтран, он пьян, не слушай его. Бард, ступай проспись, даю слово чести, что король ничего не узнает об этом.

— Ты тоже, значит, против меня? Ты, юный дамский угодник!.. Так и ищешь, где что плохо лежит?..

Бард сделал выпад. Джереми увернулся, пытаясь избежать удара кинжалом. Однако Бард другой рукой схватил его, повалил, они покатились по полу. Джереми, извернувшись, сумел вскочить. Он выхватил свой кинжал и все равно попытался еще раз образумить Барда:

— Бард! Сводный брат!.. Нет…

Однако тот уже ничего не соображал, и Джереми понял, что схватка шла не на жизнь, а на смерть. Они и до этого боролись — в детстве, мальчишками, но тогда у них в руках не было настоящего оружия. Бард был сильнее. Джереми ударил его коленом, и в следующее мгновение взмахнул кинжалом. Лезвие резануло рукав и

впилось в плоть. Тут же Бард ударил его в бедро чуть ниже паха. Джереми вскрикнул, внезапно почувствовав, что нога онемела.

С десяток стражников растащили их. Разум вернулся к Барду — он с изумлением уставился на скрючившегося на полу стонущего Джереми.

— Силы Зандру! — Он бросился к сводному брату. — Бреду!..

Однако тот потерял сознание. Рыдала Карлина, ее успокаивал Белтран.

Принц обратился к одному из солдат:

— Проводи мою сестру до ее апартаментов. Разыщи девушек и пришли к ней. Затем разбуди отца.

Он опустился на колени перед Джереми, при этом с силой отпихнув Барда.

— Не смей прикасаться к нему — ты! Хорошо потрудился, ублюдок. Джереми, бреду, брат, скажи что-нибудь. Прошу тебя, ответь. — Принц зарыдал, в его голосе Бард услышал прорвавшуюся боль.

Один из солдат оттащил Барда, другой поднял кинжал, усмехнулся.

— Отравленный, — объяснил он и понимающе покивал. — Из Сухих земель.

Тут только Бард с ужасом вспомнил, что имен-

но этот кинжал он взял у погибшего наемника, с которым ему совсем недавно пришлось сразиться и который кинжал Барда унес с собой в могилу. Раны, нанесенные этим оружием, неизлечимы — тому свидетельство мучения старого Гарета. Как же он посмел ударить подобным ножом лучшего друга? Ударил изо всей силы, наверное, повредил сухожилие. Бард опустил голову и не сопротивлялся, когда солдаты повели его в арестантскую.

Сорок дней ди Астуриен провел под домашним арестом. С ним никто не общался. У него была уйма времени, чтобы раскаяться в содеянном. Как он позволил себе перебрать, почему дошел до полного умопомрачения? И в то же время порой он во всем винил Карлину. Еду приносили солдаты, они сообщили, что Джереми неделю провалялся в бреду. Жизнь его висела на волоске. Король послал за каким-то особенным ларанцу из Нескьи, который спас его и даже сохранил ногу. Как говорят, нога под действием яда ссохлась, и, возможно, Джереми никогда больше не сможет передвигаться без посторонней помощи.

Барда обдало волной ужаса.

Что же они теперь с ним сделают? Как поступят? Одно то, что во время праздника он обнажил оружие, было серьезным проступком, но ранить

сводного брата, пролить кровь — это уже тяжкое преступление. Помнится, в детстве Белтран во время игры разбил Барду нос, и, невзирая на то что он принц, его высекли. Кроме того, за обедом в присутствии всей семьи заставили извиниться перед сводным братом и по требованию короля Белтран подарил Барду своего лучшего охотничьего ястреба и искусной работы часы. Они до сих пор отлично ходят.

Бард попытался было подкупить солдата, чтобы тот тайно передал послание Карлине. Девушка была его единственной надеждой, только она могла ходатайствовать за него. Да, вполне можно ждать изгнания и лишения королевских милостей. Разорвать брак с Карлиной они не имеют права, но воздвигнуть препятствия на пути к свадьбе — вполне! Если бы Джереми умер, его должны были присудить к трем годам изгнания. Как минимум… И еще он должен был бы уплатить виру семье Хастуров. Слава богам, Джереми выжил. Однако отнести записку Карлине солдат решительно отказался, сказав, что сам король запретил ему что-либо передавать или принимать от узника.

Оставшись один, Бард погрузился в печальные раздумья. Мало-помалу он пришел к выводу, что

во всем виновата Мелора. Если бы она была более покладистой, он бы не взъярился и не излил бы свой гнев на Карлину. Смог бы сообразить, что лучше подождать еще полгода, чем идти на открытый скандал. Не успело пройти полгода после помолвки, как под руку подвернулась эта Мелора. Наговорила, наговорила, увлекла, раздразнила — и вдруг коварно отказала! Чертова девка!..

Или та же Карлина! Сама же заявила, что придет время, когда она полюбит его как мужа. Зачем же тогда откладывать? А эти — Джереми и Белтран, чертовы бредины, посмели вмешаться в их разговор? Какое их дело! Белтран, понятно, злится, что в ту ночь Бард отказался брататься с ним, и теперь сводит счеты. Позвал своего любимчика… Или подослал его… Конечно, они во всем и виноваты! Он не сделал ничего плохого!..

Барда вновь опалила ярость. Он широкими шагами подошел к окну. На улице шел мелкий весенний дождь. Лило несколько дней, потом потеплело. Настала весна. Спустя еще несколько дней Барда вызвали на королевский суд. За ним явились два солдата и объявили:

— Дом Бард, собирайся-ка побыстрее, король ждет тебя.

Бард тщательно побрился, расчесал и заплел во-

лосы в косичку, подвязал красный шнурок, надел свой лучший наряд и отправился на суд. Может, вновь увидев своего любимца, Одрин поймет, что смысл жизни племянника в добросовестном служении его величеству. Если бы он поднял руку на наследного принца — убил его или искалечил, — уже бы ничто не могло спасти его. В этом случае Бард должен был бы молить богов, чтобы они даровали ему легкую смерть. Иначе его могли просто-напросто подвесить за ребро на крюке. А Джереми был всего лишь заложником, как его ни люби, сыном враждебного Астуриасу королевства. Таков его официальный статус.

Это с одной стороны… С другой — Джереми приемный сын короля, а наследному принцу сводный брат и побратим. Эти обстоятельства могли резко изменить ход дела.

Бард решительно вошел в приемный зал, с высоты своего роста оглядел всех собравшихся. Здесь была и Карлина — сидела вместе с фрейлинами, бледная, молчаливая. Волосы стянуты сзади в узел, лицо открыто, в огромных, широко открытых глазах застыл испуг. Белтран сидел с сердитым выражением на лице, он даже не взглянул на Барда. Юноша посмотрел на Джереми — тот тоже был в зале. Раненая нога в мягкой

обуви лежала на специальной скамеечке.

Бард почувствовал, как сжалось горло. Он не хотел причинять вред Джереми. Черт побери, зачем тот вмешался? Какое ему дело, что происходит между мужем и женой?

Когда Барда подвели поближе к трону, король Одрин спросил:

— Бард мак Фиана, что ты можешь сказать в свое оправдание?

Подобное обращение — Бард, сын Фианы, — оглушило его. Так обычно обращаются к незаконнорожденным. Его должны были назвать ди Астуриен, что означало принадлежность к королевской семье. Мак Фиана — это страшное оскорбление! Или самое дурное предзнаменование…

Бард, преклонив колено перед приемным отцом, ответил:

— Отец, я не искал ссоры. Меня спровоцировали… Вот что я могу сказать в свою защиту. И еще — я пять лет верно служил вам. Вы сами после сражения в Снежной долине наградили меня красным шнурком. К тому же я руководил отрядом, который захватил обоз с клингфайром. Я люблю своего сводного брата и никогда нарочно не нанес бы ему вреда. Клянусь, я не знал, что

лезвие кинжала отравлено.

— Он лжет, — с места выкрикнул Белтран. — Я могу засвидетельствовать, что, когда я пошутил, что Бард, обменявшись с убитым наемником из Сухой башни кинжалами, стал ему как бы бредином, он ответил, что госпожа Мелора, лерони, сообщила ему, что ее отец ранен таким же оружием и что лезвие отравлено.

— Я совсем забыл, что это был чужой кинжал, — сердито возразил Бард. — Я согласен, отец, что не имел права обнажать оружие на празднике. Признаю, в этом моя вина, но Джереми вынудил меня выхватить кинжал. Принц Белтран обвиняет меня из зависти.

Король Одрин спросил:

— Судя по твоим словам, Джереми первым вытащил оружие?

— Нет, отец. — Бард опустил голову. — Но я клянусь, что не знал, что лезвие отравлено. Просто забыл. К тому же я был пьян. Если бы они хотели предотвратить ссору, то должны были предупредить об этом, а не хватать меня за руки. Я выхватил кинжал для самообороны. Я не хотел быть избитым подобно лакею. Их было двое против одного.

— Джереми, — обратился король к раненому, —

это правда, что вы первыми коснулись Барда? Ты и Белтран? Я требую, чтобы ты сказал всю правду. Без утайки…

— Да, дядя, — подал голос Джереми, — но он неподобающим образом вел себя с Карлиной. Я и Белтран не могли допустить, чтобы грубо обращались с нашей сестрой. Могло свершиться насилие.

— Это правда, Бард? — Король удивленно глянул на юношу. В его взоре промелькнуло явное отвращение. — Они ничего не говорили мне об этом. Ты действительно настолько забылся, что позволил себе дурно обращаться с Карлиной? Этого даже подпитие не оправдывает.

— Что касается этого… — сказал Бард, чувствуя, как в нем закипает прежний гнев. — Карлина моя суженая, они не имели права вмешиваться. Белтран сделал свое заявление из зависти, он хочет, чтобы Карлину выдали за Джереми, чтобы они стали еще ближе! Он завидует потому, что в сражениях я проявил себя более искусным бойцом. И с женщинами тоже. Когда он остается с женщиной один на один, то даже не знает, что с ней делать. Где был Белтран, когда я защитил вас в Снежной долине?

Бард знал, что Белтран находился в королев-

ской гвардии. Король Одрин, вздохнув, глянул на приемных сыновей.

— Отец, — вскочил Белтран, — разве вы не видите, что этот негодяй замыслил вырвать королевство из ваших рук, любой ценой овладеть Карлиной, настроить против вас армию? Зачем иначе выхватывать кинжал во время праздника — выпил, ударило в голову, а когда ему помешали, взбунтовался и решил сразу разделаться с теми, кто служит опорой трону.

— Так это или нет, — заметил Одрин, — ясно, что я вырастил в своем доме волчонка, а теперь он цапнул меня за руку. Разве тебе мало, что ты обручен с Карлиной? Всего несколько месяцев осталось, и она бы стала твоей. Зачем такая дерзость?

— Согласно законам королевства, Карлина моя… — начал было Бард, но король знаком заставил его замолчать.

— Хватит. Ты и так слишком много себе позволяешь. Обручение еще не женитьба, и никто, даже приемный сын короля, не смеет принуждать королевскую дочь. Ты нарушил одновременно несколько законов, Бард. Ты — источник несчастий при дворе, и я не могу считать родственником человека, плюющего на обязательные

для всех нормы поведения, калечащего близких мне людей. Ступай отсюда. Я дам тебе лошадь и меч, охотничий лук и доспехи, а также кошелек с четырьмястами серебряными монетами. Таким образом, я считаю, что щедро расплатился с тобой за службу. Имя твое будет объявлено в Астуриасе вне закона. У тебя есть три дня, чтобы оставить королевство, и если в течение семи лет тебя увидят в его пределах, любой имеет право убить тебя как дикого зверя и вина за пролитую кровь не падет на него. Он не будет обязан выплатить виру твоим родственникам.

Бард стоял, невольно моргая от изумления. Наказание было обидно несправедливым! Ясно, что место при дворе ему не сохранить, ничего другого и ждать было нельзя. На год его в любом случае отправили бы в изгнание. Ладно, пусть три года, если у короля в этот день было плохое настроение. Бард был уверен, что и это наказание в какой-то мере было бы условным — в случае начала большой войны Одрин непременно вызвал бы его из ссылки. Не из изгнания, а из ссылки!.. Он был бы прощен, восстановлен в правах. Но семь лет изгнания!..

— Это слишком жестоко, ваи дом, — попытался было возразить юноша, стоя на коленях перед

королем. — Я не жалел сил, служа вам, а ведь я еще очень молод. Разве я заслужил столь суровое наказание?

Лицо Одрина оставалось неподвижным, словно камень.

— Если твои годы позволяют тебе встать в один ряд со взрослыми мужчинами, то кроме почестей ты должен принимать и наказание. Так что нечего ссылаться на возраст. Некоторые из моих советников будут упрекать меня за излишнюю мягкость и недальновидность. По совокупности твоих прегрешений тебя вполне можно предать смерти. Я пустил в дом ласкового щенка, он обернулся волком, который только и ждет момента, чтобы вцепиться в горло. Отныне объявляю тебя врагом. Ты вне закона. Я изгоняю тебя — до захода солнца ты должен покинуть дворец и в течение трех дней — границы королевства. Я люблю твоего отца и только ради него сохраняю тебе жизнь — не хочу марать руки в крови родственника. Но не медли, если спустя три дня ты все еще будешь в пределах Астуриаса, тебя убьют как дикого зверя. И не появляйся здесь в течение семи лет.

— Тиран, ты не увидишь меня не только в течение семи, но семижды семи лет! — воскликнул Бард, вскочив на ноги. Он сорвал красный шну-

рок и швырнул его к подножию трона. — Боги свидетели: мы встретимся в сражении, и пусть тогда вас, сир, охраняет ваш сын и его верные лизоблюды. Вы говорите о нарушении законов? Какой закон важнее обязанностей жены по отношению к мужу? А вы нарушили его! — Он повернулся и решительно направился туда, где в толпе женщин стояла Карлина. — Что скажешь ты, моя жена? Надеюсь, теперь ты наконец проявишь уважение к закону и последуешь за мной в изгнание, как и подобает верной жене?

Она подняла глаза и ответила тихо и решительно:

— Нет, Бард, не последую. Объявленный вне закона не сможет защитить свою жену. Я покорилась воле отца и обручилась с тобой. Еще тогда я умоляла его избавить меня от этой обязанности, теперь я рада, что он изменил свое решение. Ты знаешь почему.

— Я помню, ты сказала, что сможешь когда-нибудь полюбить меня.

— Нет, — оборвала его Карлина, — призываю Аварру в свидетели — я надеялась, что, возможно, когда я стану постарше, а ты помудрее, если богиня будет милосердна к нам, то может наступить день, когда мы полюбим друг друга, как то

и должно быть между женатыми людьми. Скажу искренне — я надеялась и хотела, чтобы так и случилось, но, как видишь, небо было против. Теперь я в этом твердо уверена. Было время, когда я любила в тебе сводного брата и друга, но ты сам все разрушил. Собственными руками…

Лицо Барда исказила гримаса ярости.

— Значит, ты ничем не лучше всех прочих женщин. Ты — сука! А я еще считал, что ты способна понять…

— Нет, Бард, я… — Карлина прижала руки к груди, попыталась объяснить, однако король прервал ее:

— Все, хватит, девочка! Можешь считать, что ты не давала ему никакого слова. С этой минуты он тебе никто! Бард мак Фиана, — обратился он к племяннику, — даю тебе три дня, после их истечения за тобой будут охотиться как за диким зверем. Ни мужчина, ни женщина, ни старик, ни ребенок не имеют права предоставить тебе убежище, дать кусок хлеба, глоток воды. Если тебя поймают в наших границах, ты будешь убит как враг и тело твое будет брошено зверям на съедение. Ступай.

Обычай требовал, чтобы после оглашения приговора преступник преклонил колени перед

королем. Это означало, что объявленный вне закона покоряется судьбе. Вероятно, если бы король Одрин подверг Барда обычному наказанию, тот так бы и поступил, однако Бард был молод, безрассуден, гнев ослепил его.

— Да, я уйду, — хрипло выговорил он. — Теперь это называется справедливый суд. Вы назвали меня волком — что ж, с этого дня я стану волком. Пусть теперь ваше благоволение ляжет на плечи этих двоих, которых вы предпочли мне. Что касается Карлины… — Он взглянул в ее сторону, и девушка съежилась от страха. — Клянусь, что она будет моей. Придет день! По ее воле или против ее воли — мне все равно. В том я, Бард мак Фиана, даю клятву. Я — Волк!..

Он повернулся и вышел из зала. Огромные створки ворот медленно закрылись за ним.

6

— Куда ты теперь направляешься? — спросил сына дом Рафаэль ди Астуриен. — Как ты представляешь свое будущее, Бард? Каковы твои планы? Ты же еще юнец, ты не понимаешь, что значит остаться без родины, без собственного дома, да еще быть объявленным вне закона. Властелин света! Какое легкомыслие! Какой позор!..

Бард тряхнул головой:

— Что сделано, то сделано, отец! Слезами теперь не поможешь. На меня какое-то помешательство нашло. Твой брат и мой так называемый король наглядно продемонстрировал, что значит справедливость и милосердие. И за что меня наказали? За ссору, которой я вовсе не хотел. Я сделал то, что и должен был сделать, — повернуться спиной ко двору Одрина ди Астуриена и поискать удачу на чужой стороне.

Они разговаривали в комнате, которая была отведена Барду в тот самый день, когда он маленьким мальчиком впервые появился в замке. Здесь он рос, и, даже когда его отправили к Одрину, дом Рафаэль по доброте душевной или из сентиментальности сохранил комнату за стар-

шим сыном. С первого взгляда было видно, что в этом помещении живет мальчишка, а не мужчина, — Бард вздохнул, оглядываясь, — мало, что можно было взять с собой в изгнание.

— Послушай, отец, — он положил руку на плечо дома Рафаэля, — не надо так убиваться. Даже если король проявил бы снисходительность и ограничился высылкой из дворца, я бы все равно здесь не остался. Леди Джерана любит меня еще меньше, чем прежде. Она и теперь едва скрывает радость, что меня изгнали из королевства. Так и сияет… — Бард неожиданно злобно оскалился. — Она все никак не может успокоиться; все трясется, как бы я не прихватил наследство Аларика. Впрочем, так же решил и король… Скорее всего по наущению Белтрана — уж тот, наверное, успел нашептать ему на ухо. Отец, ты-то не держи подобных мыслей. Что по закону принадлежит Аларику, то его. Да, в прежние дни случалось, что старший сын присваивал долю младшего. Но это не для меня!

Дом Рафаэль ди Астуриен долго и серьезно разглядывал старшего сына. Бард был высок, строен, однако отец тоже был еще вполне крепкий мужчина, широкоплечий, с мощной мускулатурой. Ему еще рано на покой.

Наконец он вздохнул и откровенно вымолвил:

— Но ведь так и есть, Бард. Я тоже считаю, что ты именно так и поступишь. После моей смерти… Почему бы нет, сынок?

— Потому что нет! — решительно заявил Бард. — Я знаю, что ты думаешь — раз он там заварил такую кашу, поднял руку на сводного брата, значит, у него нет чести. Где-то втайне ты вполне допускаешь, что в опасении дяди о судьбе трона вполне может быть толика истины. Так вот я заявляю — нет и еще раз нет! Ссора… Далась вам эта ссора!.. Нелепая случайность… Ну, выпил я лишку, с кем не бывает. Не было у меня умысла! В голове в тот вечер что-то словно сдвинулось — сначала одна, потом другая… Ну, это не важно… клянусь Властелином Света, который способен повернуть время вспять, — пусть он сотворит чудо — я бы первым все переиначил. В руки бы не брал проклятый кинжал… А-а, не важно. Что касается Аларика и его наследственных прав, то вот что я скажу, отец: да, большинство незаконнорожденных сыновей выросли париями. Без имени, рядом с ними не было мужчины, не было руки, которая способна наказать и защитить. У них нет будущего, все достается им силой, грабежом и разбоем, а этот путь недолог и ведет он в

никуда. Ты воспитал меня в собственном доме, который и стал мне родным. У меня было детство — были достойные товарищи, наставники, учителя. Меня приняли в королевском замке. И там ко мне хорошо относились, я получил образование… — Неожиданно молодой воин смущенно и в то же время страстно обнял отца. — Ты вполне мог бросить меня и без всяких угрызений совести посиживать вечерком у камина; ты мог отослать меня в кузницу или на ферму, приставить к какому-нибудь ремеслу. Вместо этого у меня появился собственный конь, собственные ястребы, я рос как благородный. Представляю, какое сопротивление тебе пришлось выдержать — и со стороны кого? Твоей законной супруги… Неужели ты считаешь, что я могу забыть все это? Или, обуянный гордыней, сочту, что этого мало, и потребую еще. Но я ведь не мальчик, я уже догадался, что если у кого-то прибавляется, то у кого-то отнимается. Неужели я посмею отнять надел у своего младшего брата, таким образом нарушив волю богов? За кого ты меня принимаешь? Аларик мой брат, он считает меня братом, я люблю его. Посягнуть на него… Каким неблагодарным подонком надо быть? Наказывать родного брата и бросать вызов року? Послушай, отец, я очень жалею, что затеял

ссору с этим капризным мальчишкой Белтраном, — в этом я виноват. Но неужели в подобных обстоятельствах я решусь обидеть Аларика? Или тебя?.. Ведь тогда я останусь на свете один-одинешенек…

— Обо мне не беспокойся, меня сейчас занимает другой вопрос, — ответил дом Рафаэль. — Я все никак не могу понять, почему Одрин так жестоко поступил с тобой. Проявив пренебрежительное неуважение к годам, которые ты провел у него на службе, к верности, которую ты выказал за это время, он тем самым и меня обидел. Он сам вынудил меня задаться вопросом: так ли уж справедлив наш король? Идет ли его правление на пользу Астуриасу?.. Раньше у меня не возникало и тени сомнения, но если изгоняют лучших, если какие-то тайные соображения начинают подминать законы ради каких-то невидимых подданным целей, то волей-неволей начинаешь спрашивать себя: что же дальше? Мы уже не дети, Бард, и ясно понимаем, что на тропу зла достаточно ступить одной ногой — потом уже не сойдешь.

Он замолчал, долго смотрел в окно. Бард не посмел прервать размышления отца. Наконец дом Рафаэль вымолвил:

— Что касается Аларика… — Он рассмеялся. — Ты можешь сам поговорить с ним на эту тему. Я думаю, он очень обрадуется, увидев тебя. Не важно, почему ты оказался дома. Он только и говорит о тебе, о твоей доблести.

Аларик словно услыхал слова отца. Дверь распахнулась, и мальчик лет восьми, худенький, бледный, вбежал в комнату.

— Брат! — воскликнул Бард. — Как же ты вырос! Когда я уезжал в королевский замок, ты был еще совсем ребенком, а теперь только поглядите, какой большой. Тебе уже пора седлать коня и отправляться на подвиги. — Он обнял мальчика и поднял на руки.

— Бард, позволь, я тоже удалюсь с тобой в изгнание. — Аларик чуть не плакал. — Отец хочет отправить меня в замок старого короля, в заложники. Я не хочу служить королю, который так жестоко обошелся с моим братом.

Бард рассмеялся, и мальчик, обиженный недоверием брата, принялся настаивать:

— Ты еще увидишь, я прекрасно держусь в седле. Я могу быть твоим пажом, даже оруженосцем. Буду ухаживать за конем, чистить оружие и латы…

— Что ты, парень. — Бард опять рассмеялся и

опустил его на пол. — Дорога, на которую меня толкнули, трудна. Там мне не понадобится ни паж, ни оруженосец. За всем должен быть собственный догляд. Твой долг в том, чтобы остаться дома и помогать папе, пока я буду в изгнании. Знаешь, сколько у него теперь прибавится забот? Именно так поступают настоящие мужчины. Что касается короля — то он больше любит тихонь, чем храбрецов, способных высказать свое мнение. Он недалек умом, но он — король, и ему следует повиноваться, будь он даже глупее, чем Дураманов осел.

— Куда же ты поедешь, Бард? — требовательно спросил мальчик. — Я слышал, как на перекрестке выкрикивали, что ты приговорен к изгнанию на семь лет и никто не смеет дать тебе ни крова, ни пищи.

Бард снова рассмеялся:

— У меня с собой запас еды на три дня. Мне хватит. За этот срок я должен покинуть пределы Астуриаса. Поеду в такие земли, где людям плевать, что думает по этому поводу король Одрин. К тому же у меня добрый конь и достаточно монет. Думаю, первое время перебьюсь…

— А потом? — Тут глаза Аларика расширились, в них ясно читались ужас и восхищение. — Потом

ты станешь разбойником?

Теперь засмеялся и дом Рафаэль.

— Нет, — ответил Бард. — Я стану простым солдатом. На свете много владетельных господ, которым нужны храбрые и умелые бойцы.

— Но куда ты поедешь? Ты пришлешь весточку? — продолжал допытываться мальчик, и Бард, улыбнувшись, спел куплет из старинной баллады:

Коня направил на закат,
Где солнце гаснет в море.
Изгнание — мой жребий, брат.
В его теперь я воле.

— Как бы я хотел отправиться с тобой, — тихо молвил Аларик.

Бард отрицательно покачал головой:

— У каждого человека своя судьба, братишка. Твоя дорога — в королевский замок. Принц уже взрослый, однако при дворе растет твой ровесник, новый заложник, Гарис из Хамерфела. Не сомневаюсь, вы подружитесь, станете брединами. Не сомневаюсь, что король вызывает тебя именно с этой целью.

— Не совсем так, — усмехнулся дом Рафаэль. — Это сделано, чтобы дать мне понять, что в

немилость попал только ты. Прекрасно, если брат желает верить, что я быстро все забыл, пусть так и будет. Что касается тебя, Бард, то, на мой взгляд, тебе лучше двинуться в сторону Эль-Халейна и поступить на службу к Макарану. Приключений и забот на твою долю в том краю выпадет много. Макаран, сидя в Эль-Халейне, сражается со всеми соседями. Кроме того, по его стране погуливают шайки бандитов, а на Вензейских холмах полным-полно диких кошек — они частенько спускаются к стенам города. Главное — Макаран достаточно силен, чтобы не обращать никакого внимания на Одрина, в отношениях с людьми он придерживается законов и рад каждому лишнему мечу.

— Я уже думал от этом, — ответил Бард. — Беда в том, что Эль-Халейн слишком близко к Тендаре, а там правят Хастуры. Родственникам Джереми может взбрести в голову поквитаться со мной. Придется день и ночь опасаться нападения, а это несколько утомительно. Лучше найти убежище, которое было бы равно далеко и от Одрина, и от Хастуров… — Бард вдруг замолчал, опустил голову.

Перед глазами возник образ Джереми — лицо бледное, осунувшееся, нога в лубке, какая-то

неестественно скрюченная, лежит на подставке. Дьявол бы побрал этого Белтрана! Зачем он втянул в это дело Джереми? Если уж дошло до поножовщины, почему бы ему не ткнуть лезвием в зачинщика? Глупая ссора! Глупейшая!.. Слов не хватает, чтобы клясть себя, этого обидчивого Белтрана… Совсем как ребенок!.. Жаль, что в скандал оказался втянут Джереми — с ним-то Бард вовек не ссорился; за все то время, что они знали друг друга, слова худого не сказали. Теперь Джереми остался калекой на всю жизнь. Ладно, что сделано, то сделано. Что теперь сожалеть? Поздно! И в этот момент Бард понял — эти несколько лет были лучшей порой в его жизни. Он и сейчас ничего бы не пожалел, чтобы вновь увидеть Джереми, протянуть ему руку, пожать ее…

Юноша невольно сглотнул и поиграл желваками.

— Думаю, стоит двинуться на восток, к Эйрику из Серрараиса. Там я смогу отомстить, приняв участие в войне с Одрином. Это будет королю наукой. Надеюсь, тогда он поймет, что лучше дружить со мной, чем враждовать.

Дом Рафаэль ответил:

— Что толку советовать? Тем более тебе. Ты уже заметно повзрослел и скоро будешь так далеко,

что не услышишь моих советов. Семь лет ты будешь предоставлен сам себе. Однако не могу не попросить об одном. Лучше, если ты проведешь это время как можно дальше от Астуриаса и ни в коем случае не ввязывайся в войну с родственниками.

— Я как-то не думал от этом, — признался Бард. — Совсем упустил из виду… Стоит мне примкнуть к врагам Одрина, ты тоже станешь его врагом. Выходит, Аларик — заложник не столько за тебя, сколько за меня. Чтобы я не смел делать глупостей и был паинькой. Хитро придумано.

— Опять ты спешишь с выводами. Молод, горяч… Это похвально, однако мозгами тоже надо время от времени шевелить. Зачем же давать волю безрассудному гневу? За семь лет ты станешь настоящим мужчиной и, когда вернешься домой, сможешь заключить мир с Одрином, поступить к нему на службу и добиться признания. Сделать карьеру, наконец. Пойми, ты можешь добиться этого только на земле предков. Кто рискнет доверить важный пост чужаку? И вот что еще… Семь лет, Бард, это и очень много и в то же время мало, чтобы окончательно забыть, откуда ты родом. На все воля богов, никто не может предугадать, что случится за такой срок. Это я говорю к тому, чтобы

ты не терял присутствия духа и постоянно ждал вестей из Астуриаса. Семь лет — целая вечность и короткий миг… Запомни эти слова.

Бард презрительно фыркнул:

— Одрин ди Астуриен помирится со мной, когда аларские волчицы станут питаться травой, а кворебни[16] — рогатыми кроликами. Отец, пока живы Белтран и Джереми, никто со мной здесь и разговаривать не будет, даже если самого Одрина не будет в живых.

— Как ты можешь знать? — спросил дом Рафаэль. — Придет день, и Джереми вернется на родину, а принц Белтран может погибнуть в сражении. У Одрина нет больше сыновей. Может такое случиться, что Белтран умрет и не оставит наследника? Вполне. Следующим наследником является Аларик. Я думаю, Одрин постоянно держит это в памяти. Вот почему мальчика и призывают во дворец. Чтобы был он под присмотром, чтобы получил соответствующее воспитание и образование. В этой игре ты — невеликая фигура, но в будущем можешь стать козырем. Я тебе еще раз повторяю — за семь лет может произойти что угодно. Семь лет! — Неожиданно дом Рафаэль

---

[16] notes: 16
Стервятники.

ударил ладонью по подлокотнику. — Неизвестно, что случится через два дня. Понимаешь, нельзя загадывать. Единственное, что дано человеку, — это подумать, прикинуть и не допустить неисправимых ошибок. И на мой взгляд, такой промашкой будет твое участие в войне против Астуриаса. Тогда ты вовек не сможешь участвовать в семейных делах и Аларик лишается важнейшей поддержки, если, не дай нам боги, начнется смута или, что еще хуже, пойдет дележ наследства Одрина.

— Отец, королева Ариэль еще вполне способна родить ребенка. Вдруг у короля появится еще один сын?

— А я о чем говорю! Кто может знать наперед, что случится? Хорошо, давай разберем и такую возможность. Если новый король сядет на трон, то ему будет нетрудно простить тебя — ведь к этой ссоре он вообще не имеет никакого отношения. А если ты к тому времени прославишься как воин, то он охотно помирится с тобой, с недестро.

Бард пожал плечами, потом кивнул:

— Вполне может быть. — Он помолчал, затем добавил: — Это звучит убедительно. Отец, я клянусь, что не приму участия в военных действиях против Астуриаса или лично короля Одрина. Хо-

тя, конечно, мне больше по сердцу отомстить ему. Разгромить бы Астуриас и взять Карлину в плен.

Аларик широко раскрыл глаза:

— Принцесса Карлина так прекрасна?

— Ну, что касается этого, — криво усмехнулся Бард, — то все женщины, по-моему, похожи одна на другую. Когда потушишь лампу… Карлина — принцесса, мы вместе росли, нас признали сводными братом и сестрой. Я к ней в общем-то неплохо относился, и, согласно обычаям, она мне жена. И если другой мужчина уложит ее в постель, это будет нарушением закона.

Юноша невольно сжал кулаки, в голову ударила ярость — он припомнил все разом: и отказ Карлины последовать за ним в изгнание, как поступила бы верная жена; и довольное лицо Белтрана, когда он услышал приговор; и попытки Джереми остановить его в галерее; и нелепый, невозможный отказ Мелоры. С него все и началось… Это лерони довела его до белого каления, это из-за нее он потерял контроль над собой, из-за нее напился и поднял руку на Карлину…

— Что ты волнуешься, — успокоил его Аларик, — хорошенько послужи какому-нибудь чужеземному королю, и он даст тебе в жены свою дочь.

Бард невольно рассмеялся:

— И половину государства в придачу. Как в сказках?.. Всякое может случиться, братишка…

В этот момент его прервал отец. Дом Рафаэль шутить был не намерен:

— Ты в чем-нибудь нуждаешься?

— Король Одрин, черт бы его побрал, заплатил мне сполна. Пожаловаться не могу… Я после суда совсем расстроился, рассвирепел так, что даже не потребовал, чтобы мне выдали положенное. Так они пригнали сюда лакея и передали все, что было указано: отличный мерин родом с Валеронских равнин, меч и кинжал — оружие, по-видимому, из наследства древних Хастуров. Прислали также кожаные доспехи, в которых я сражался в Снежной долине, кошелек с монетами. Я их пересчитал и нашел, что туда добавили пятьдесят рейсов[17]. Так что я не могу сказать, что меня обделили. Едва ли такую награду смог бы получить какой-нибудь из его капитанов, выходя в отставку после двадцати лет службы. Хочет остаться чистеньким, Зандру его побери! Я хотел отослать все это назад и приписать, что с того момента, как он лишил меня жены, я не при-

---

[17] notes: 17
Мелкая монета.

знаю справедливым его суд, но… — Бард пожал плечами, — мне следует быть разумным. Более практичным, наконец. Напиши я что-нибудь подобное — и это сочтут за отказ от обручения. Кроме того, оружие мне тоже пригодится…

Он на мгновение умолк, обернулся к порогу, через который в комнату ступила полная молодая женщина. Волосы ее были заплетены в две медного отлива косы. Бард замер на мгновение — ему показалось, что это Мелора. Нет, эта женщина была моложе, изящней. Чертами лица она очень напоминала лерони, особенно похожи были большие серые глаза. У порога она остановилась и робко сказала:

— Господин, леди Джерана послала меня узнать — не может ли она чем-нибудь помочь вам прежде, чем вы оставите нас. Она просила передать, что если Бард мак Фиана в чем-либо нуждается, то следует сообщить заранее мне или ей, чтобы она могла успеть подготовить все необходимое.

Юноша, в упор глядя на нее, ответил:

— Мне нужен запас продовольствия на три дня. Буду благодарен, если в дорожную суму положат бутылку или две вина. Это все — в дальнейшем я не стану беспокоить госпожу.

Он все еще рассматривал появившуюся в ком-

нате фрейлину. Рыжие волосы были гуще, чем у Мелоры, девушка была куда симпатичнее. Вот покраснела она так же, как и лерони, оттого, может, Бард вновь ощутил одновременно и негодование, и тайное влечение, которое он испытывал при мысли о Мелоре.

— Как видишь, — заметил Рафаэль, — моя жена не так уж плохо относится к тебе, Бард. Она желает облегчить тебе путь; желает, чтобы ты не страдал от нехватки самого необходимого. У тебя есть запас белья? Кроме того, надо взять с собой посуду — в чем ты будешь варить пищу?

Бард засмеялся:

— Ох, как хочется вам, отец, убедить меня, что леди Джерана испытывает ко мне теплые чувства. В этом они с королем одна пара — побыстрее расплатиться со мной и тут же выставить за порог. Однако она великодушнее. Не так уж плохо — целых два одеяла, и если я буду хорошо вести себя, то, может быть, получу и кожаный плащ. Как, дамисела, я могу рассчитывать на накидку? Смотрю, ты новенькая, что-то я тебя не помню. Давно служишь?

— Мелисендра не служанка, а приемная дочь моей жены, — пояснил Рафаэль, — значит, в некотором роде твоя родственница. Она из Макаранов,

кстати, твоя мать тоже была из этого клана.

— Неужели? Прекрасно, дамисела, я знаком с вашими родственниками, — сказал Бард. — Например, мастер Гарет. Он был ларанцу, когда я отправился в военную экспедицию, с нами также была ваша сестра Мелора, а также ваша родственница Мирелла…

Лицо девушки вспыхнуло, мелькнула быстрая улыбка.

— Неужели? Мелора куда более искусная лерони, чем я. Она прислала мне весточку, что вскоре должна отправиться в Нескью, — тараторила Мелисендра. — Как себя чувствует отец?

— Когда я видел его в последний раз, на празднике Середины зимы, неплохо. Надеюсь, вы слышали, что он был ранен в бою неподалеку от Морейской мельницы? Клинок оказался отравленным. Пока он не может обходиться без трости.

— Он прислал мне письмо. Мелора тоже приписала — она с восторгом отзывается о вашей храбрости… — Девушка неожиданно опустила глаза и покраснела.

Бард со всей возможной любезностью заметил:

— Я рад, что Мелора так высоко оценила мои скромные заслуги. — Ему пришлось приложить

усилие, чтобы скрыть гнев, вновь вспыхнувший в душе. Та самая Мелора, которая отказала ему! С нее все и началось!.. Клялась в дружбе, любви, а на поверку оказалось… Однако эта девица ни в чем не виновата, и он повторил: — Рад, что ваши родственники с уважением относятся ко мне, дамисела. Вы знаете, я подумал, что, возможно, самый лучший вариант для меня, если я поскачу в Эль-Халейн, к вашему родственнику Макарану, и там поступлю на службу.

— К сожалению, Макараны в настоящее время не нуждаются в наемниках. Правитель Эль-Халейна объявил о перемирии с Хастурами и с Башней Нескьи. Они дали клятву, что прекращают всякую междоусобицу, будут хранить мир внутри границ и воевать только за пределами принадлежащих им территорий. Вас, мой лорд, ждут большие неприятности, если вы направитесь туда. Они больше не занимаются наймом солдат за пределами владений.

Бард удивленно вскинул брови. Вот новость так новость! Выходит, Хастуры из Тендары и Хали распространили свое влияние и на Эль-Халейн?

— Благодарю за предостережение, дамисела. Мир, возможно, хорошая новость для крестьян, но для воина — это печальное известие.

Мелисендра простодушно улыбнулась:

— Если мир продержится достаточно долго, если все стихнет, то, может, придет день, когда мужчины займутся и другими делами, а не только войной. Хотелось бы, чтобы такие люди, как мой отец, нашли иное применение своим талантам. Уверена, в этом случае они принесли бы больше пользы.

Тут подал голос дом Рафаэль:

— Ступай, девочка, к моей жене — пусть она приготовит все необходимое. Скажешь, что Бард уедет сразу после захода солнца. — Голос у него был недовольный.

— Зачем, отец? — удивился Бард. — Вы что, гоните меня? Я хотел переночевать в родном доме. Я же не увижу его в течение семи лет. И вас не увижу!

— Гоню тебя? — воскликнул отец. — Ты разве забыл, что тебе отпущено только три дня, чтобы покинуть пределы Астуриаса?

— Мне же хватит одного дня, чтобы добраться до границы! А если я поскачу к северу, к Кадарину, и того меньше. Правда, в той стороне как раз и расположен Эль-Халейн, который, как утверждает Мелисендра, теперь в руках Хастуров… Что ж, подамся в Хеллер — погляжу, не нуждается ли

лорд Ардаис в мечах. Или, может, вы полагаете, что ваш дорогой брат пошлет за мной убийц, которым будет дано указание тайно прирезать меня? Так, что ли, отец?

Дом Рафаэль долго не отвечал, потом изрек:

— Искренне надеюсь, что до этого не дойдет. Дело в том, что и так есть кому заняться этим делом. Отомстить за Джереми или за принца — один из них вполне способен шепнуть хватким людям. Думаю, для кое-кого это наилучший выход из положения. Даже через семь лет твое возвращение может прийтись не по душе. Я должен все предусмотреть, сын мой. Я не желаю, чтобы меня поставили перед фактом твоей гибели.

— Я буду осторожен, отец, но я не собираюсь, словно побитый пес, крадучись пробираться к границе!

На какое-то мгновение его глаза встретились с глазами Мелисендры. Девушка покраснела и попыталась было отвести взгляд, но ничего не получилось. Бард по-прежнему вглядывался в ее лицо. Помнится, мастер Гарет предостерегал его насчет Мирелы — посмел устроить ему выволочку, словно мальчишке. Вот и Мелора раздразнила его, разожгла страсть, а потом сбежала. Он продолжал неотрывно глядеть на Мелисенд-

ру, пока по телу девушки не побежали судороги. Она густо покраснела и стремительно выскочила из комнаты.

Бард засмеялся и наклонился к Аларику:

— Ступай, там, в игрушках… Можешь выбрать лук и стрелы и еще что хочешь. Да все забирай. Мне они больше не понадобятся, зачем лежать попусту, когда я уеду. Пусть хотя бы мой брат в них поиграет. Ты пока разберись тут с ними, потом я расскажу, как должен вести себя заложник при дворе короля.

Позже, когда мальчик ушел — унес, придерживая обеими руками мячи, воланы, охотничьи луки и прочие игрушки, — Бард подошел к окну, улыбнулся от благостных предчувствий. Никуда она не денется, девица Мелисендра, сама придет. Вряд ли сможет противостоять чарам, которые он наложил на нее. Это только слово такое — наговор, а если по правде, то ей не устоять против него. Все эти чертовы женщины одинаковы — им только кажется, что они могут дразнить его, отказывать. Это только в те минуты, когда он способен дрогнуть, пожалеть их. Стоит ему взять себя в руки — и им не устоять. Бард усмехнулся, когда услышал на лестнице легкие шаги.

Она вошла медленно, робко, едва переставляя

ноги.

— Мелисендра, — он повернулся к ней, — что вам угодно?

Она глядела на него широко раскрытыми глазами — с недоумением, испуганно.

— Я… Я сама не знаю. — Она задрожала. — Я решила… Мне показалось, что мне надо прийти.

Чуть скривив губы, он подошел к ней, прижал к себе и крепко поцеловал. Впился в ее губы — надолго, страстно. Услышал, как гулко бьется сердце.

Он должен был поступить так же с Карлиной. По крайней мере, стоило попытаться… Тогда бы ничего не случилось — они не смогли бы навредить ему. И принцесса бы не смогла уже слова против сказать. Ну и осел же он был! Почему он решил, что она сделана из другого теста, что и остальные женщины? Как он мучился — пусть бы и она отведала этих страданий. Он все еще желал Карлину — сам удивился, однако тяга была сильна. Даже неодолима… Может, потому, что она по закону принадлежала ему и вот все сорвалось. Это было поражение, а он не хотел испытывать горечь неудач. Это чувство было не для него. Для других — пожалуйста! Но не для него!.. Вот еще что — она была королевской дочерью,

следовательно, неким символом, к которому сам, не сознавая этого, страстно тянулся. Он, недестро, женится на принцессе — это ли не честь, это ли не успех. И в этот момент король Одрин посмел разрушить сказку.

Его руки добрались до кружевных оборок, которыми было обшито нижнее белье Мелисендры. Она ему все позволяла, даже дыхание затаила — стояла не шевелясь, как вкопанная. Словно рогатый кролик под взглядом чудовищной птицы баньши. Потом судорожно вздохнула, когда его рука коснулась сосков. Слезы беззвучно покатились из глаз. Грудь у Мелисендры пышная — не то что у Карлины, едва распустившиеся бутоны. Какой нежный розовый поросеночек, мелькнуло у Барда, совсем как Мелора. И точно так же, как ее сестра, эта девица поддразнивала его, манила… Одним словом, насмехалась… Ну, на этот раз она не убежит! Он легко поднял ее, понес на кровать — сжал так, что Мелисендра не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Мысли тоже оказались под тяжким спудом… Она даже не сопротивлялась, когда он бросил ее на постель, содрал юбки. Просто беззвучно плакала — слезы были крупные, горьковато-соленые, собирались в уголках рта… Потом принялась что-то бессвязно

шептать — сопротивляться, что ли, вздумала?.. Еще чего!.. Бард уже взгромоздился на нее. Она жалостно вскрикнула. Всего один раз…

Потом лежала молча, ее колотила дрожь, но она не плакала. Она просто не могла плакать. Ужас сковал ее. Дрожь жертвы вновь возбудила его. Только не надо сопротивляться, ты же не Карлина. Вот так, вот так, вот и будь паинькой!..

Он наконец сполз с нее — теперь лежал отдыхая, усталый и ликующий. Что теперь хныкать! Она так же хотела этого, как и он, и он щедро поделился с ней тем, что женщина жаждет больше всего на свете. Каждая из вас должна пройти через это, так что хнычьте, рыдайте, твердите одно и то же: «Не хочу, не хочу!..» Ну да, не хочешь! Так тебе и поверили. Неожиданно, с острым уколом, он вспомнил, как они сидели с Мелорой неподалеку от лагерного костра. Беседовали… Он не хотел тогда воспользоваться чарами, вот она и обвела его вокруг пальца. Что ж, сама потом пожалеет, что упустила такой удобный случай овладеть им. Женщины — они в душе хоть самую капельку, но шлюхи. Уж он-то знает, его не проведешь! Почему рожденные в благородных домах девицы должны отличаться от крестьянок? Вся разница, что цена у благородных более высокая. Шлюхи требуют

оплаты монетами, а благородных надо занимать светскими беседами, ухаживанием, вежливой иносказательной демонстрацией своих мужских достоинств.

Наблюдение, возможно, верное, но какое-то… куцее. По крайней мере удовлетворения оно не принесло — наоборот, породило мрачное, тягучее предчувствие. Внезапно на него навалилась неодолимая, нестерпимая тоска. О чем он размышляет? О женщинах! Это в тот самый миг, когда ему необходимо спасаться бегством, когда ему семь лет не видеть дома. Самое время думать об этих самках, черт бы их всех побрал! Мелисендра по-прежнему лежала рядом и горько рыдала. Теперь она не стеснялась слез. Ну и черт с ней! С Карлиной все должно быть не так. Она же к нему всегда хорошо относилась, обещала полюбить когда-нибудь. А что, вполне возможно, ведь они же дружили с детства. Он ее и пальцем не тронет, даже прикоснуться без ее согласия не посмеет… Здесь, рядом, должна находиться Карлина. Зачем в тот вечер напился, позволил себе облапать ее? Хотел тем самым отомстить Мелоре? Ну что, отомстил? И эта, что лежит рядом… Мелисендра, так, кажется. Тоже месть сконфузившей его Мелоре. Не удалось на ней,

поездил не сестре? Его сердце жег стыд, он сам себе на какое-то мгновение стал ненавистен. Что теперь скажет мастер Гарет? Мысль о нем тут же убила всякое раскаяние. Ничего, будет знать, что Бард мак Фиана не мальчишка, которому можно выговаривать — эту женщину не трожь и ту не трожь.

Однако сколько можно рыдать? Он протянул руку и погладил девушку:

— Мелора, не надо плакать.

Наступила тишина. Девушка повернулась к нему, в ее глазах сверкнули отчаяние и боль, лицо исказилось.

— Я не Мелора, — раздельно сказала она. — Если бы вы посмели так поступить с сестрой, она бы уничтожила вас с помощью своего ларана.

Конечно, усмехнулся про себя Бард. Мелора хотела меня, но по каким-то соображениям своими руками разрушила мост, возникший между ними. Да, Мелисендра была девственница, к сожалению, он не подумал об этом, а надо было бы подумать. Известно, что большая часть лерони обладает привилегией самим выбирать любовников. Он хотел, чтобы на ее месте была Мелора. Только эта рыжеволосая, все понимающая толстуха могла утолить его не только телесный, но

и душевный голод. Мелисендра не более чем игрушка, покладистое тело. Радует только то, что — и это опять возбудило его — он все-таки взял ее по своей воле, не впадая в сомнения.

— Хватит, — наконец сказал он. — Что сделано, то сделано. Да перестань ты плакать.

Мелисендра попыталась сдержать рыдания, потом с трудом вымолвила:

— Опять не угодила! Что же я должна сделать на этот раз?

Она выговорила эти слова таким тоном, словно совсем не желала того, что случилось. Бард удивленно глянул на нее. Что здесь непонятного — он просто предоставил ей шанс осуществить то, о чем она давным-давно мечтала. Не надо теперь укоров, обвинений. Это по крайней мере глупо.

— Дама сердится, — сказал он, но Мелисендра не приняла его иронического тона.

Не оскорбилась, не ударилась снова в слезы. Просто сообщила:

— Леди Джерана выгонит меня, если я рожу ребенка.

Бард швырнул ей одежду:

— Ничем не могу помочь. Я, считай, уже далеко-далеко. Если же ты сходишь с ума от любви ко мне и желаешь разделить мою судьбу, как са-

моотверженные девицы в старинных балладах, которые бросали родственников ради любимого, — переоденься мальчиком и стань моим пажом. Не желаешь? Тогда, дамисела, могу тебя обрадовать: не ты первая, не ты последняя, кто таким вот образом поставлял детей благородной семье ди Астуриен. Собственно, чем ты лучше моей матери? Но если и в самом деле принесешь в подоле, думаю, отец простит тебя и не сошлет вместе с несчастным дитем на ферму.

— Ну, ты и негодяй! — вымолвила Мелисендра. Слезы у нее сразу просохли.

— Нет, — горько засмеялся Бард. — Всего-навсего волк. Изгнанник без роду, без племени. Так сказал король. Мы должны верить королям, не так ли? А ты ожидала, что я поведу себя как порядочный человек? Расплачусь, возьму тебя за руку — и стремглав к папеньке. Мол, обручите, папенька, простите грех. Так, что ли?

Мелисендра рывком схватила платье, мигом оделась и, вновь разрыдавшись, выскочила из комнаты. Каблучки ее дробью простучали по лестнице.

Бард бросился на кровать. Простыни еще хранили ее запах. «Черт… — с резанувшей по сердцу тоской подумал он, — на месте этой дурочки

должна была быть Карлина. Без нее я никто. Ничтожество, человек вне закона. Бастард… волк…» От этих мыслей стало совсем дурно. Он окончательно разъярился. Лежал уставившись в потолок. «С тобой было бы все по-другому, Карлина… Так-то, Карлина!»

В дорогу Бард отправился поздним утром — получив напутствие отца, нежно попрощавшись с Алариком. По мере удаления от замка печаль улетучивалась. Он был молод, полон сил, его ждали приключения. Не так все плохо. Пусть его изгнали из Астуриаса, однако отважный воин нигде не пропадет. Судьба еще улыбнется ему, следует надеяться на удачу, а через семь лет он вернется.

Ближе к полудню клочья тумана, скрывшего холмы, начали редеть. Выглянуло солнышко. Денек обещал быть удачным. Может, стоит поскакать прямо в Сухие земли и поинтересоваться — не нуждается ли владетель Ардкарана в наемниках. Или в телохранителях, знающих язык Астуриаса и других западных стран. Он мог заняться обучением наемников владению оружием, и в первую очередь мечом. Судя по стычке у Морейской мельницы, с этим у степняков не все ладно. Ему также по силам организовать оборону

тех краев. Сами собой в голове всплыли слова солдатской песни.

Два десятка лерони явились в Ардкаран.

Когда они уехали, не нужен стал ларан.

Эти колдуньи, вероятно, были наподобие Мирелллы. Посвященные… Обязанные хранить девственность. Удивительное дело, почему только девственницы обладают определенным видом ларана? В общем-то Бард почти ничего не знал об этом даре. Как и все, испытывал страх перед ним. Что еще? Тот, кто обладал телепатическими способностями, имел право выбрать — стать ли ему ларанцу или воином… как Джереми…

Юноша ехал, насвистывая фривольные народные песенки, хотя, собственно, веселиться ему было не с чего. Как только подумал об этом, радость угасла. Стало тоскливо. Одному было скучно, не с кем даже поболтать. Хоть какой-нибудь попутчик. Пусть даже женщина… Помнится, ему было легко и приятно с Мелорой — она ехала рядом на своем беленьком ослике. О чем они только не беседовали — и о войнах, об этических вопросах, о том, чего Бард хочет добиться в жизни. Он ни с кем не говорил об этом раньше. Не

стоит вспоминать Мелору. Чуть что — тут же в памяти всплывают ее рыжие волосы. Такие же, как у ее младшей сестры.

Карлина. Если бы Карлина согласилась, как то и положено верной жене, последовать за ним в изгнание!.. Было бы здорово… Ехала бы по правую руку, смеялась. Они бы вспоминали детство, а когда наступит вечер, остановились на ночлег. Он бы спешился, нежно взял ее на руки, укрыл одеялом. Укутал бы так, чтобы не единая струйка холода не проникла к ее телу. Эти уютные, благостные мысли потянули за собой вопросы, недоумение, наконец, гнев… Неужели король Одрин сразу отдаст Карлину другому? Тому же Джереми Хастуру? Он злобно пожелал невесте испытать счастье в объятиях этого искалеченного ублюдка. Он еле ногу таскает!.. Карлина, отдающаяся Джереми!.. Картинка! Черт с ними, все женщины одинаковы, что с них возьмешь?

В полдень Бард сделал привал — надо дать отдохнуть коню. Привязал его под деревом, достал из сумы хлеб и мясо, пожевал без особой охоты, пока конь щипал травку. Припасов у него было вдосталь — леди Джерана не поскупилась. Ему не надо было тратить деньги на еду и корм коню, пока он не пересечет границу Астуриаса.

Воду можно брать из родников — она там куда вкуснее, чем в городских колодцах. Так что Барду можно было не обращаться к людям — каждый из них был вправе отказать ему. Не боялся он, что за ним начнут охоту лихие люди, — король Одрин не назначил награду за его голову. Туда, куда он направился, вряд ли смогут добраться родственники Хастуров, желающие отомстить за Джереми. Так что все складывалось просто замечательно.

Только одиночество донимало Барда, он не привык к нему. Ему было просто необходимо общение, даже со слугой. Юноша припомнил, что однажды они вместе с Белтраном уже следовали этой дорогой. В тот раз они собрались на охоту. Им было по тринадцать лет или около того. Они еще считались мальчиками — впереди был обряд посвящения в воины. Тогда в доме не все было ладно — то ли их наказали за шалость, то ли оставили без сладкого, — и по дороге они обсуждали возможности побега из замка. Что, если скакать прямо в Сухие земли и там наняться в солдаты? Конечно, оба понимали, что это наполовину игра, но зато какая увлекательная! Они в те дни были большими друзьями. На ночь остановились в каком-то разрушенном амбаре, вечером налетел

буран, и они укрывались одним одеялом и говорили, говорили. Почти до утра… Где-то за полночь дали друг другу клятву, что будут с этой поры настоящими брединами… Боги, боги, что затуманило ему мозги, зачем он обидел Белтрана? Ведь пришло время и вправду стать побратимами. На всю жизнь!.. А потом все покатилось, словно под откос. Эта толстая, умело вползшая в душу Мелора. Дурацкий танец и глупейший — ну в самом деле! — отказ, потом ссора с Карлиной, и чем дело кончилось? Членовредительством. Какое-то затмение нашло на него! Он что, не соображал, что Белтран искренне предлагал ему дружбу? Как можно смеяться над благородным порывом? И зачем?.. Ну ладно, затеял скандал, так пойди извинись перед Белтраном. Ведь им нечего делить, а связывало их очень многое. И будущее Барда во многом зависело от наследного принца. Став королем, тот передал бы армию под командование сводного брата. Это было выше, чем мог мечтать незаконнорожденный, пусть и признанный отцом.

Бард закрыл лицо руками и в первый и последний раз заплакал. Он и в детстве слезливостью не отличался, но теперь не мог сдержать горя. Боги, боги, кого безжалостный рок ссудил ему во

враги? Друга детства, брата, родственника жены. Они всю жизнь были не разлей вода. А Джереми? Он-то за что пострадал?

Погас огонь в костерке, но Бард по-прежнему лежал, подложив руки под голову, плача от горя и бессилия. Что на него нашло? В чем он провинился перед небом? Кто виноват? Ответ был ясен — женщина! Эта двуногая сисястая тварь, похотливая и лицемерная!.. В этом и ищи разгадку. Даже лучшая, чистейшая из них и та предала его. Карлина отказалась следовать в изгнание.

Солнце клонилось к закату, однако Бард не мог заставить себя двинуться с места, лицо было мокро. Ну, все, все, хватит… Лучше бы его убили возле Морейской мельницы. Лучше б погиб в водах заколдованной реки, наемник ударил бы его отравленным кинжалом…

Ох, не забудешь, не вернешь.

«Вот и остался один. Впрочем, я всегда был один. Даром, что ли, Волком окрестили. Один против всех, и все против меня».

Вот когда ему открылась бездна, таившаяся в слове «изгнанник». Даже перед лицом короля, выслушивая приговор, он держался спокойно, а сейчас дрогнул.

Что ж, поделом.

Проснулся Бард мгновенно, как пробуждаются дикие звери — разом, готовый к действию. Почувствовал на губах соленый привкус — видно, слезы так и высохли на лице. Слезы ушедшего навсегда детства…

По высоте солнца догадался, что уже позднее утро — нельзя столько спать; инстинкт его ни разу не обманывал. Вот и сейчас он почувствовал, что кто-то находится рядом.

Все эти ощущения он испытал в одно мгновение, еще не до конца открыв глаза, тут же схватил меч и вскочил на ноги.

День был пасмурный. Поодаль стоял Белтран в голубой накидке с капюшоном. В руке он держал обнаженный меч.

— Итак, — сказал Бард, — тебе мало, что меня отправили в изгнание. Ты сразу понял, что и после семи лет ты не будешь чувствовать себя в безопасности. Так, что ли, Белтран? Что же ты не убил меня во сне? Храбрости не хватило?

— Я не желаю тратить на тебя слова, Волк, — ответил принц. — Ты сам растранжирил те три дня, что были отпущены тебе, чтобы покинуть границы Астуриаса. Наступил четвертый день — теперь тебя может убить любой и не понести за это наказания. Отец был милостив к тебе, но я

не желаю видеть тебя в моем королевстве. Теперь твоя жизнь в моих руках.

Бард хмыкнул:

— Подойди и возьми ее! — И бросился на Белтрана.

Противниками они были равными. У них были одни учителя фехтования — лучшие воины королевства, и практики им обоим хватало. Каждый из юношей отлично знал сильные и слабые стороны другого. Бард был выше, руки у него длиннее — ему было легче, однако до сегодняшнего утра они никогда не сражались боевым оружием один против другого.

Вот что мешало Барду больше всего — нескончаемый поток воспоминаний о том роковом вечере, когда он искалечил Джереми. Они неотвязно лезли в память, мешали сосредоточиться, проявить мастерство в полную силу. Бард не хотел убивать Белтрана — это было немыслимо. Непонятно почему принц так взъелся? Неужели он на самом деле хочет его смерти? «Но почему, именем Зандру, скажите почему?.. Только по тому, что в этом случае сможет в законном порядке отдать Джереми его невесту? Но тогда Карлина станет вдовой, практически еще не побывав замужем. Опять Карлина, все из-за Карлины. Все

из-за женщины!..»

Бард пришел в ярость и несколькими ударами смял оборону Белтрана. С ним это случалось — в бою он порой становился просто невменяемым, к нему уже никто не решался подойти. Бард выбил оружие из рук принца. Меч упал в нескольких шагах от Белтрана.

— Сводный брат, я не хочу убивать тебя. Позволь мне уйти из королевства. Если и через семь лет ты все еще будешь мечтать, как бы разделаться со мной, то пришлешь вызов, я приму его, и мы вновь сразимся.

— Только попробуй тронуть меня, невооруженного, пальцем, — ответил Белтран, — и за твою жизнь никто и полушки не даст. Тебя найдут в любом уголке Сотни царств.

Бард усмехнулся:

— Подойди, возьми свой меч, мы сразимся вновь. Может, тогда поймешь, что ты мне не соперник. Неужели ты, мальчишка, считаешь, что способен убить меня на поединке? Глупо.

Белтран промолчал, осторожно двинулся к мечу. Когда он уже хотел поднять его, совсем близко послышался топот копыт, и какой-то всадник, ворвавшись на поляну, поднял коня на дыбы как раз между двумя уже готовыми к бою

противниками. Бард в изумлении сделал шаг назад, невольно прикрыл голову рукой. Это был Джереми Хастур. Лицо его было бело как смерть. Он выпрыгнул из седла и тут же, скривившись от боли, схватился за луку — без поддержки он стоять не мог.

— Я прошу вас — Бард, Белтран… Умоляю!.. — тяжело дыша, выговорил он. — Неужели только смерть способна прекратить этот идиотский разлад! Не делайте этого, бредины. Пусть я никогда не смогу ходить, но стоит ли из-за этого проливать кровь брата? Белтран, прошу тебя, позволь ему уйти. Если ты любишь и уважаешь меня — исполни мою просьбу. Пусть Бард уйдет.

— Не вмешивайся, Джереми, — ответил Белтран. Губы у него дрожали.

Бард в свою очередь сказал:

— Клянусь честью отца и моей любовью к Карлине, на этот раз не я начал распрю. Белтран хотел убить меня во сне. Я обезоружил его, я не хочу ни смерти, ни крови. Если ты способен привести в чувство этого парня, именем богов, сделай это. Пусть мне позволят спокойно уйти.

Джереми несколько повеселел:

— Я не испытываю к тебе ненависти, сводный брат. Ты, Бард, был пьян, ничего не соображал,

раскаяние твое было искренним. От меня не скроешь… Я верю, ты забыл, что лезвие кинжала было отравлено. И если король не поверил, будто ты был уверен, что у тебя в руках тот самый нож, которым мы в детстве резали мясо, то это судьба. Белтран, не будь идиотом, спрячь меч в ножны. Я прискакал проститься с тобой, Бард, и помириться. Подойди и обними меня, брат.

Он протянул руку, у Барда вновь защипало в глазах. Приблизившись к Джереми, он обнял его, поцеловал в обе щеки. Тот легонько похлопал его по спине. Бард почувствовал, что вот-вот расплачется по-настоящему, и в этот момент напрягся, в голову ударил гнев: краем глаза он заметил, как Белтран с искаженным от бешенства лицом бросился к ним.

— Предатель! Изменник чертов!.. — воскликнул Бард и, вырвавшись из объятий Джереми, успел развернуться, отскочить в сторону и выхватить меч. Он отбил два удара, которые обрушил на него Белтран, услышал отчаянный крик Джереми и в этот момент поразил Белтрана мечом в самое сердце. Тот сразу обмяк, как-то неприятно скорчился и рухнул на землю.

Джереми, рванувшийся к ним, тоже упал на землю — искалеченная нога не держала его. Он

отчаянно зарыдал. Бард подошел ближе и горько сказал:

— Христофоро[18] говорят, что Хранитель Разума тоже предал своего сводного брата. Пока он его обнимал, его зарезали врачи. Я не знал, Джереми, что ты христофоро. Я бы никогда не поверил, что ты способен сыграть со мной такую игру.

Губы у него задергались — Бард ничего не мог поделать с собой. Так, рыдая, и отошел от трупа.

Джереми сжал челюсти и попытался подняться. У него ничего не получилось. Тогда он сел на траву и горько вымолвил:

— Я не предавал тебя, Бард. Клянусь!.. Помоги мне, сводный брат.

Бард наконец справился с собой и, покачав головой, спокойно ответил:

— Нет, два раза на одну и ту же удочку я не попадусь. Значит, вот как вы с Белтраном решили избавиться от меня.

— Нет, — так же спокойно возразил Джереми. Он пополз по земле к коню, подтянувшись, достал до стремени и с трудом поднялся. — Нет и еще раз нет, Бард. Веришь ли ты мне или нет, мне все равно. Я только хотел помирить вас. Белтран мертв?

---

[18] notes: 18
Религия и монахи, исповедующие ее.

— Не знаю. — Бард наклонился, послушал, бьется ли сердце. Тело уже начинало остывать, землистая бледность легла на лицо. Бард с отчаянием смотрел на мертвеца.

— У меня не было выбора, — только и сумел выговорить он.

— Знаю, — откликнулся Джереми. В голосе слышалась хрипотца, словно в горле что-то треснуло.

Ди Астуриен сжал зубы, собрался с силами и одним рывком вырвал меч из тела принца. Потом вытер лезвие пучком травы, сунул в ножны. Джереми неожиданно расплакался, тихо, чуть подвывая. Он и не думал скрывать слезы. Наконец, на мгновение успокоившись, сказал:

— Что я теперь скажу королю? Он же находился под моим присмотром. Он был самым младшим из нас… — Договорить он не смог.

— Знаю, — ответил Бард. — Просто мы уже повзрослели, а он все еще оставался мальчиком. Мне бы следовало сразу догадаться…

После долгой паузы Джереми наконец выговорил:

— У каждого своя судьба. Бард, мне ненавистна сама мысль просить тебя об этом, но я не в состоянии ходить — положи тело Белтрана на

седло, чтобы я смог доставить его в замок. Если бы со мной был слуга или солдат, я бы не просил тебя…

— Конечно, зачем тебе свидетель твоего предательства.

— Ты все еще веришь в это? — вглядываясь в лицо Барда, спросил Джереми. — Я приложил столько сил, чтобы убедить Белтрана помириться с тобой. Я тебе не враг, Бард. Все, хватит смертей! Ты и меня хочешь убить?

Бард знал, что погубить Джереми ему ничего не стоит. Калеку? Безоружного ларанцу? Раз плюнуть! Но зачем? Он отрицательно покачал головой. Ни слова не говоря, поймал лошадь Белтрана, подвел ее к мертвому телу, уложил его на седло, затем крепко привязал.

— Сам-то ты сможешь сесть в седло, Джереми?

Джереми наклонил голову. Он избегал взглядов Барда. Он неохотно принял помощь сводного брата — тот легко закинул его в седло. Джереми вдруг начал бить озноб. Колотило так, что зубы застучали. Неожиданно глаза сводных братьев встретились. Посмотрели друг на друга и отвели взгляды. Что тут скажешь? Джереми перебрал поводья, подобрал уздечку коня Белтрана, выехал на дорогу и повернул в сторону замка. Так же

молча наблюдал за ним Бард. Когда Джереми скрылся из виду, он оседлал своего коня и, выехав на дорогу, направился к границе. За весь короткий путь ни разу не оглянулся.

Не мог заставить себя…

Часть вторая
«Киллгардский волк»

1

За полгода до истечения срока изгнания Бард мак Фиана, прозванный Киллгардским Волком, получил известие о смерти короля Одрина. Теперь он мог вернуться на родину.

Послание нашло его в Хеллерах, в маленьком королевстве Скаравел, столицу которого, Святой Утес, в ту пору осаждали разбойничьи шайки, пришедшие из-за Алардина. Спустя несколько дней после того, как осада была снята, Барду ди Астуриену вручили письмо.

Спустя три года после смерти принца Белтрана королева Ариэль родила стареющему королю второго сына, которого назвали Валентином в честь знаменитого святого, чей монастырь прятался высоко в горах. После смерти Одрина Валентин был провозглашен королем, и Ариэль благоразумно пригласила с Валеронских равнин своих родственников, чтобы малолетний сын ее смог удержаться на троне. Замок тут же заполнили жадные до чужого добра иностранцы. Мало того, в дело вмешался Джереми Хастур, чья мать являлась двоюродной сестрой короля Одрина. Он заявил, что в прежние времена, когда правила

династия Хастуров, все эти земли находились под единым управлением и тогда, мол, во всей стране царили мир и порядок. Стало быть, и теперь пора объединить мелкие государства под эгидой Хастуров.

Дом Рафаэль писал сыну:

«Я никогда не преклоню колени перед Хастурами. Вот что я предлагаю — и считаю, это дельная идея, — Аларик, мой законный наследник, имеет право унаследовать земли Одрина после Валентина. Сын мой, пришла пора возвращаться и помочь мне вырвать Аларика из-под опеки Джереми. Твой брат должен взойти на престол, иначе страна погибнет в позоре и смуте».

Бард прочитал послание в караульном помещении Скаравела. Так и не успел снять латы — письмо ему вручили, как только снял шлем. Эти семь лет он провел в наемниках — сначала простым воином, потом капитаном. Так и кочевал со своим отрядом по крохотным королевствам. Слава о нем — о Киллгардском Волке — распространилась по всем горам, добралась и до равнин за рекой, даже до Валеронских равнин. Все эти годы были заполнены бесконечными стычками, боями, сражениями, он уже рассчитывал на скорый отдых, однако письмо перевернуло

ему душу. Впереди его опять ждали битвы — будет ли им конец? Обязательно будет, и, когда наступит мир, он займет заслуженное почетное место при дворе короля Астуриаса.

Бард хмуро глянул на гонца и спросил:

— Отец больше ничего не просил передать? Может быть, на словах, с глазу на глаз.

— Нет, ваи дом.

Значит, от жены нет никаких новостей, решил Бард. Неужели Джереми набрался наглости и женился на Карлине? Все-таки непонятно, почему он так осмелел, что даже решился посягнуть на трон Астуриаса. Это могло случиться только в том случае, если бы он женился на дочери прежнего короля. Все, что было сказано о правах древних Хастуров, пустая брехня, об этом вам каждый конюх скажет. Джереми не так уж глуп, чтобы верить дедушкиным сказкам…

— Господин, леди Джерана просила передать вам весточку, — неожиданно подал голос посланец. Бард удивленно глянул на него. — Она приказала сообщить, что домна Мелисендра шлет вам привет и пожелание доброго пути домой. От себя и от вашего сына Эрленда.

Бард хмуро глянул на гонца, и тот вздрогнул.

Он совсем забыл Мелисендру, даже черты лица

припомнил с трудом — осталось в памяти хныканье, пышная грудь. В общем, она была пухленькая — это точно. Первая в длинной череде женщин, прошедших через его руки за эти годы. И детишек у него, должно быть, теперь немало — разбросаны по многим королевствам… Он как-то не следил за этим. Правда, недавно он выделил небольшую сумму кочующей с отрядом женщине — сердце тогда дрогнуло, уж очень сильно ребенок напоминал его самого в детстве. Кроме того, она стирала ему, готовила пищу — куда вкуснее, чем из общего котла, — подстригала волосы. Одним словом, вела хозяйство. Услышав последнюю новость, Бард с неприязнью подумал о Мелисендре. Тихая, скромная плутовка! Как мышка… И плакала так же. В тот день он в последний раз воспользовался своим даром — может, потому и вспоминал о том приключении с нескрываемым отвращением. С той поры ему претила сама мысль о том, чтобы с помощью ларана уложить женщину в постель. Конечно, Мелисендра была невинна и, вероятно, так испереживалась, глупая девчонка, что не нашла ничего лучше, как открыться леди Джеране. Бард представил, как в тот миг рассвирепела леди Джерана, но, как всякая умная женщина, она решила не торопить события. Рассчитала верно…

Бард с досады ударил кулаком по ладони — гонец из Астуриаса опять вздрогнул и заморгал, однако выйти из караулки не решился. Киллгардский Волк даже не глянул в его сторону.

Все-таки мачеха достала его! Недаром Бард с детства боялся Джерану; мрачнел, когда она вдруг ласково говорила с ним, с великой осторожностью принимал от нее подарки. И объяснить не мог, почему робел и злился. Особенное ее нерасположение к себе почувствовал, когда маленький Аларик потянулся к старшему брату, — вот тут леди Джерана дала волю своей антипатии к пасынку. По-видимому, она убедила Мелисендру сохранить плод и, когда родился мальчик, вероятно, долго потирала руки.

Уж с кем-кем, но с Мелисендрой Барду встречаться совсем не хотелось. Одной этой причины было вполне достаточно, чтобы не возвращаться в Астуриас. Нельзя сказать, что Бард и к ребенку ощущал неприязнь — совсем наоборот, это было не так уж плохо — иметь сына от матери из благородной семьи. Его, конечно, и воспитывали как родовитого недестро. Мальчику, должно быть, лет шесть. Достаточно большой, чтобы начать заниматься с преподавателями. Прежде всего фехтованием и борьбой. В этом деле очень важны

навыки, полученные в детстве. Тогда и приемы лучше запоминаются, привыкаешь действовать инстинктивно. Интересно, как отнесся отец к появлению нежданного внука? Судя по сообщению, вполне официальному, — а гонец обязан передавать все слово в слово — вполне благосклонно. Бард мог себе представить, как мальчик относится к отцу. Наверное, впитал к нему ненависть с молоком матери. Нет, такой сын ему не нужен. Он сам должен воспитать ребенка и зачать его не от этой смазливой полногрудой сучки. Несомненно, к воспитанию этого… как его, Эрленда, приложила руку и мачеха.

Да, Джерана сейчас ликует. Этим сообщением она в первую очередь хотела показать, что о его шашнях с Мелисендрой известно всем. Не составляет тайны и имя отца ребенка — Бард издали разглядел, как довольно усмехается мачеха. Ну-ка, пасынок любезный, недестро чертов, разберись-ка со своим ублюдком. Откажешься от него? Как теперь откажешься, если он до шести лет в замке воспитывался. Значит, усыновляй? Но в этом случае встает вопрос о статусе Мелисендры. Ох, стерва!..

— Скажи отцу, — прервал Бард затянувшуюся паузу, — что через три дня я буду в Астуриасе.

Ступай.

Прежде чем отбыть на родину, Бард отыскал в военном лагере женщину по имени Лила и передал ей большую часть денег, заработанных в Скаравеле.

— Этого должно хватить, — сказал Бард, — чтобы купить небольшую ферму где-нибудь поблизости. А может, останется, чтобы найти и мужа, который бы заботился о тебе и помог воспитать сына.

— Я так понимаю, — спросила Лила, — ты уже не вернешься сюда?

Бард пожал плечами:

— Думаю, что нет.

Он заметил, как судорожно глотнула женщина, и сразу напрягся, ожидая бурной сцены, однако Лила была слишком умна, чтобы испортить расставание. Она тихо приблизилась к любовнику, обняла и поцеловала.

— Счастливого пути, Волк. Пусть у тебя будет все хорошо. Пусть на холмах Киллгард тебя ждет удача.

В ответ он поцеловал ее, потом грустно усмехнулся:

— Вот настоящая солдатка! Я бы хотел попрощаться с мальчиком.

Лила кивнула и позвала сына. В палатку вбежал толстощекий мальчуган, замер, уставившись на блестящий шлем на голове Барда — тот уже был готов отправиться в дорогу. Отец взял мальчика на руки и потрепал по подбородку.

— Понимаешь, я не могу признать его, Лила, — сказал Бард. — Я даже не знаю, есть ли у меня дом. Куда я его возьму? У тебя было много мужчин до меня и после меня их тоже будет хватать. Так что…

— Волк, я понимаю. Я и не ждала… Я найду себе мужа — такого, чтобы он был добр к ребенку. Чтобы хорошо его воспитал.

— Вот еще, — продолжил Бард, улыбаясь вместе с ребенком, который радостно засмеялся, когда отец вновь потрепал его подбородок. — Если к двенадцати годам он выкажет какие-нибудь способности к военному делу, если у тебя появятся другие дети, если на ферме можно будет без него обойтись и будет кому поддержать тебя в старости — пришли его ко мне в Астуриас. Я научу его зарабатывать на хлеб мечом. А если буду в силе, то как-нибудь устрою его будущее.

— Как это великодушно, — проронила Лила, и Бард рассмеялся.

— Легко быть великодушным, когда это ничего

не стоит. Все, что я сказал, возможно только, если я останусь в живых. Сама знаешь, какова солдатская судьба… Если услышишь, что я погиб, — что ж, значит, пареньку придется самому пробивать дорогу в жизни. Надеяться только на свои мозги, на руки. Пусть все черти мира будут к нему добрее, чем ко мне.

Лила усмехнулась:

— Странное напутствие ты даешь сыну, Волк.

— Волк ничего другого пожелать не может, — рассмеялся Бард. — Вполне может быть, что он вовсе не мой сын, тогда ни мои проклятья, ни добрые пожелания ему не повредят. В таких вещах я, Лила, на судьбу не полагаюсь. Все это ерунда — благословения, проклятья… Еще обеты и клятвы. Особенно в вечной любви, верной дружбе. Сначала предлагают стать побратимами, потом пытаются зарезать во сне. Так что чем проще, тем лучше — желаю вам удачи. — Он поцеловал ребенка в щеку, потом чмокнул Лилу. Наконец вышел к коню, сел в седло и, перебрав поводья, тронулся в путь. Только когда его фигура скрылась из виду, Лила дала волю слезам — крепилась до последнего момента, чувствовала, что реветь в присутствии Барда нельзя.

У Барда, как только он выбрался на широкий

проселок, ведущий на юг к Кадарину, напротив, настроение поднялось. Наконец-то один из узлов, завязанных им за эти годы, распустился, да еще удалось отделаться всего-навсего деньгами. Волк их никогда не считал, не нуждался — деньги легко приходили и так же легко уплывали. Черт с ними!.. Ребенок? Он бы и щепотку пряной травы не поставил на то, что этот мальчик — его сын. Все они, светловолосые, смахивающие на ангелочков, похожи друг на друга как две капли воды. Ничего, вырастет, встанет на ноги, научится месить навоз на мамашиной ферме. Справится… Просто надо забыть о нем, выкинуть из головы…

Вокруг, по холмам, ступенями спускавшимися к Кадарину, лежали разоренные деревни, разрушенные дома. Когда-то, в молодые годы дома Рафаэля, здесь правили Алдараны, потом началась междоусобица — четверо братьев не поделили наследные земли и пошли войной друг на друга. Все они были жадны до власти, до земли и денег, и эта неуемная страсть в конце концов разорила некогда цветущий край. Братья забрались в дикие леса, там, в труднодоступных местах, построили замки. Людей у них было мало, так что войны велись преимущественно с помощью ларана и клингфайра. Целый год

Бард служил одному из братьев — дому Андре из Скатфелла, пока между ними не произошла размолвка. Властитель позарился на законный трофей Барда — тоненькую черноглазую девчушку четырнадцати лет. У нее были замечательно красивые каштановые волосы. Барду она напоминала Карлину. Поссорившись в Андрей, Киллгардский Волк бежал к его младшему брату, дому Лерису. Там он организовал поход против прежнего хозяина и тайными тропами привел войско Лериса к замку, где укрывался его брат. К удивлению Барда, братья очень быстро помирились и, как призналась та самая девчушка, ценою мира стала голова Волка. Эта же девушка вывела Барда из замка, где ему была устроена западня, и указала путь на запад. Так Бард оказался у Скаравела — при этом он дал зарок никогда больше не участвовать в раздорах между родственниками.

Тут он улыбнулся — именно сейчас, спеша к Кадарину, он ввязывается в подобную усобицу. Да, но теперь в ней принимают участие его родственники!

Утром следующего дня Бард переправился через Кадарин и взял направление на холмы Киллгард. Повсюду царило опустошение. На земле Астуриаса следы раздора сразу бросались в глаза.

Здесь совсем недавно велись боевые действия. В деревнях еще чернели остовы сожженных домов. Добравшись до перекрестка, Бард некоторое время раздумывал, куда направить коня. Судя по всему, война уже началась и войско дома Рафаэля осадило королевский замок, где засел Джереми. С другой стороны, послание пришло из дому — неужели отец успел выступить в поход? Что-то не верилось, и Бард поехал в сторону родного гнезда.

Вот что еще удивительно — как сильно за эти семь лет изменилась местность. Это было странное ощущение бытия и небытия, словно он посещал эти холмы и в то же время ему не доводилось бывать здесь. Стояла ранняя весна, всю ночь шел снег, теперь все вокруг было белым-бело… Вот и роща пуховых деревьев, увешанных длинными семенами. Они были очень красивы — каждый стручок, набитый пухом, был прикрыт снежной шапочкой. В детстве Бард и Карлина любили играть под такими деревьями — они росли неподалеку от замка. Помнится, подростком, уже свысока поглядывая на малышню, он с удовольствием по просьбе Карлины лазил за стручками на самую верхушку. Потом, расщепив плоды, она устраивала в половинках постельки для своих ку-

кол. Однажды им повезло, и они отыскали такой огромный стручок, каких раньше не видывали. Карлина сделала из него колыбель для котенка — укачивала его на руках, пела ему, однако котенок хотел играть, он вырвался и спрыгнул на землю. Как живая, перед взором предстала Карлина: чудесные волосы спускались до талии, в глазах — слезы. Так, в растерянности, она стояла, держа в руках стручок, лизала оцарапанный палец. Бард поймал котенка, взял шалуна за шкирку, хорошенько тряхнул, чтобы знал, как царапаться, — тут Карлина, забыв о слезах, бросилась на помощь своему любимцу, выхватила киску из его рук и укрыла на груди. Тот громко замурлыкал. Да, покачал головой Бард, мурлыкал он на удивление громко.

Карлина… Он наконец возвращался к ней, своей законной жене — так гласил древний закон. Все-таки он должен был настоять, чтобы Одрин выполнил его требование. Карлина должна была отправиться с ним в изгнание. Если же они выдали ее замуж за другого, то опять же, по стародавнему укладу, он первым делом должен был убить ее нового мужа. Если же этот другой не кто иной, как Джереми, он отрежет ему яйца и зажарит у него на глазах.

К тому моменту, когда вдали показались шпили башен замка дома Рафаэля, Бард так распалил себя, что был готов тут же кинуться на врага. Ругался он отчаянно. Досталось и Карлине… Одно слово, баба! Храбрости не хватило отправиться с мужем в дальние края, а согрешить с этим чудовищем Джереми — пожалуйста!

Скоро солнце село, однако ночь выдалась на редкость светлая, тихая. Серебряный свет трех полных лун освещал округу. Бард решил, что это добрая примета, он поспешил вперед, однако ворота замка захлопнулись на его глазах. Когда же он, возмутившись, принялся стучать в них, раздался предупреждающий окрик:

— Ступай прочь! Кому это пришло в голову, что можно по ночам наезжать в гости? Если у тебя есть дело к дому Рафаэлю, приди утром.

Бард узнал голос отцовского коридома[19] Гвина. Он окликнул его:

— Эй, Гвин, это же я, Киллгардский Волк. Неужели ты хочешь, чтобы я скинул тебя со стены? А что, если меня ограбят у порога замка, заберут коня? Я возьму с тебя виру за то, что ты вовремя не открыл мне ворота. Ну-ка, поспеши, а то я

---

[19] notes: 19
Управляющего.

сейчас выломаю их, так не терпится прижать к сердцу отца.

— Это вы, молодой хозяин? Это точно вы, Бард?.. Бринат, Халдрен, идите сюда, открывайте ворота! Мы слышали, молодой господин, что вы выехали из Скаравела. Кто бы мог подумать, что вы так скоро доберетесь до дома. Ну, как ястреб, только крыльями взмахнуть…

Ворота со скрипом приоткрылись. Сердце Барда забилось гулко, тревожно. В лунном свете, словно по мановению волшебной палочки, стал виден двор, место его детских игр. Словно наплывали на него мшистые стены, кое-где присыпанные свежим снежком, зарешеченные окна подвалов, повыше — толстые, деревянные, обитые крест-накрест металлическими полосами двери, еще выше — стрельчатые, витражные окна, узкие, похожие на бойницы… Бард снял шлем, почему-то решив, что вдруг заденет плюмажем за верхнюю балку. Никогда не задевал, а вот на тебе… Обомлел от радости… Путь был открыт. Воин пришпорил коня, тот неожиданно, как будто приветствуя, заржал — Бард едва не подхватил его возглас, потом соскочил с коня и, уже ведя его в поводу, вошел на знакомое подворье. Старый Гвин приблизился, потянулся к Барду

одной рукой — рукав левой был заткнут в карман камзола — и обнял изгнанника. Управитель совсем поседел, ссутулился, едва переставлял ноги. Руку Гвин потерял во время осады замка. Это случилось давным-давно, еще до рождения Барда. Тяжело раненный, он все-таки сумел спрятать первую жену дома Рафаэля на чердаке. Господин высоко оценил верность вассала и объявил публично, что никто, кроме Гвина, не будет занимать должность коридома, пока тот жив. Старый слуга ревниво относился к своим обязанностям и, хотя уже с трудом добирался до отведенного ему помещения, никого и близко не подпускал к бухгалтерским книгам. Так и заявил — пока хожу, буду работать. Он стал первым учителем Барда по фехтованию — уже в семь лет показал ему основные приемы. Старик обнял и поцеловал молодого господина. Бард спросил:

— Гвин, с какой стати вы закрываете ворота в такую рань?

— Время тревожное, молодой лорд, — ответил тот. — Опять пошла смута… Все из-за Хастуров, объявивших, что, мол, раз земли окрест принадлежали им, значит, и теперь они должны здесь править. Это надо же! Земли, которые испокон веков принадлежали роду ди Астурией. Само на-

звание Астуриас означает «земли ди Астуриен». Как не стыдно этим наглецам Хастурам утверждать, что это их вотчина! Дошло до нас, что жители Хали совсем ополоумели и поклялись вернуть наши края под власть своих лордов. Теперь они издали указ, что все наши люди должны сдать оружие. Это что ж, выходит, теперь мы должны сдаться на милость всяким грабителям и живодерам? Ох, молодой лорд, наступили черные дни…

— Я слышал, король Одрин умер? — спросил Бард.

— Правда, правда, мой лорд… И молодой принц Белтран погиб от руки убийц, как раз когда вы покинули нас. Между прочим, я уверен, что Хастур, который теперь нагло претендует на наш трон, приложил к этому руку. Они, как рассказывают, уехали вместе, а вернулся Джереми один. Так что, когда погиб принц Белтран и умер король Одрин, королева Ариэль тоже покинула страну — так сказал дом Рафаэль. Вот что он еще добавил, господин наш: «Та страна обречена на гибель, где король — младенец». Они перевернули Астуриас, все поставили вверх дном, так что честный народ боится выехать в поле собрать урожай. А разбойников в округе расплодилось видимо-невидимо.

Я слышал, что, если Хастуры победят в войне, они всех разоружат. Заберут даже охотничьи луки. Оставят нам только ножи и вилы. Если дело и дальше так пойдет, смею сказать, пастуху нельзя будет держать дубинку, чтобы отгонять волков. — Гвин здоровой рукой перехватил у Барда поводья и добавил: — Ладно, что-то мы заболтались. То-то будет рад дом Рафаэль, услышав, что вы прибыли.

Старик позвал конюхов и передал им поводья. Отдал распоряжение расседлать скакуна, багаж отнести в замок, зажечь свечи, разбудить слуг. Тут же в замке и во дворе началась суматоха — забегали люди, подняли лай собаки…

Бард огляделся и спросил:

— Что, мой отец уже лег спать?

Откуда-то снизу, от самых его ног, донесся голосок:

— Нет, мой лорд. Я только что сообщил ему, что вы должны были приехать сегодня вечером. Я увидел вас в моем звездном камне. Сеньор ждет вас в главном зале.

Бард удивленно разглядывал мальчишку лет шести, который вертелся у его ног и так толково разъяснил что к чему.

Старик Гвин испуганно вскинул руки:

— Дом Эрленд! Вам же было запрещено появляться в конюшне. Лошади могли затоптать вас! Теперь ваша мама устроит мне хорошую взбучку!

— Лошади ко мне привыкли, они узнают меня по голосу, — ответил мальчик и вышел на свет. — Они на меня не наступят.

Точно, ему было не больше шести лет, маловат для своего возраста, почему-то расстроившись, отметил про себя Бард. Копна кудрявых волос в свете факелов отливала темной медью. Тут мальчик церемонно преклонил колено, склонил голову и громко произнес:

— Добро пожаловать в родной дом, отец. Я очень хотел первым встретить вас. Гвин, ты можешь не волноваться, я попрошу и господина не сердиться на тебя.

Бард угрюмо разглядывал мальчика.

— Значит, ты и есть Эрленд, — наконец произнес он.

Странно, что он не сразу сообразил, кто этот мальчишка. Быстро — да, но не сразу. Даже с некоторым мучительным сопротивлением в душе, словно не желал признавать его. Что тут сомневаться: волосы мамочкины, у них это из рода в род, — вот она, кровь Хастура и Касильды

— Макараны были их потомками. Однако больше всего его удивило то, что мальчик обладает лараном.

— Значит, тебе известно, кто я? — наконец нарушил молчание Бард. Интересно, каким же предстал он в рассказах матери. Этаким кровожадным чудовищем, не иначе…

— Да, господин, — ответил мальчик. — Я сумел различить ваш образ в сознании матушки. Тогда я был еще меньше, чем теперь. Сейчас она очень занята. Мама говорит, что, когда смотрит на меня, такого большого, невольно вспоминает прежние дни. Я видел вас в волшебном камне, и старый господин сказал, что вы — знаменитый воин, храбрый донельзя. И вас прозвали Волком. Я бы тоже хотел стать знаменитым воином, хотя мама считает, что скорее всего я стану ларанцу, как ее отец и мой дедушка. Можно, я посмотрю на ваш меч, отец?

— Да, конечно, — согласился Бард и сам испугался той легкости, с какой пошел на поводу у этого не по годам серьезного, рассудительного мальчика. Он присел на корточки, вытащил меч из ножен. Эрленд осторожно, уважительно коснулся рукояти, потом положил на нее маленькую ладошку. Бард испугался — не хватало еще, чтобы

ребенок поранился, однако тут же почувствовал, что мальчик не станет баловаться. Он все понимает — и что такое острая сталь, и что такое кровь. Бард осторожно опустил меч в ножны и положил руку сыну на плечо.

— Значит, первым в родном доме меня приветствовал мой сын. Что ж, это годится… Пойдем со мной, я хочу поздороваться с отцом.

Парадный зал сразу показался Барду маленьким, обстановка — обветшалой. Зал представлял собой низкое, вытянутое в длину помещение. На стенах были развешаны щиты и знамена рода ди Астуриен. Там же размещалось и старинное оружие. Здесь были выставлены пики, тяжелые копья — они были слишком велики для ближнего боя. Это оружие применялось против кавалерии и в сомкнутом строю, называемом фалангой. Такого построения Бард ни разу не видел. Где в горах развернуться строю? И здесь, на холмах Киллгард, тоже действовать подобным образом было несподручно.

В зале также были вывешены древние гобелены, изображающие богов. На одном из них собирающая урожай великая богиня мановением руки прогоняла с поля птиц баньши. На другом — Хастур, спящий на берегу озера Хали, на сле-

дующем — неясный образ Кассильды. Каменный пол был шероховат и даже на глаз неровен. В каждом углу зала устроен камин — там всегда пылал огонь. У дальней стороны толпились женщины, и Бард, войдя в зал, услышал характерный звук — там играли на ррилле. Возле ближайшего камина в кресле сидел дом Рафаэль ди Астуриен. Увидев сына, вошедшего в зал с Эрлендом на руках, он поднялся.

Одет он был просто, по-домашнему — в длинный, до пят, шерстяной темно-зеленый балахон с расшитыми рукавами и воротником. Все мужчины из рода ди Астуриен были светловолосы, а дом Рафаэль особенно, так что нельзя было сказать, поседел он или нет. Он заметно постарел, правда, глаза смотрели живо, молодо, однако в них застыла тревога.

Он протянул руки, однако Бард сначала отпустил мальчика, потом преклонил колено. За семь лет он ни разу не склонил головы ни перед одним нанявшим его властителем.

— Я вернулся, отец, — сказал он и тут же уловил удивление стоявшего рядом мальчика. Тот не мог понять, почему такой знаменитый воин, изгнанник, встал на колено перед дедушкой. Как будто он его вассал!..

— Благословляю тебя, сын. Хвала богам, что они позволили тебе так быстро добраться до дома. Я, впрочем, и не сомневался в этом. Кто посмеет встать на пути у такого молодца! Встань, сынок, обними меня.

Бард поднялся. Увидев совсем близко лицо отца, он едва унял дрожь: «Ну и ну, как же он постарел! В детстве он казался мне великаном, а теперь совсем одряхлел». Теперь он мог с легкостью поднять отца на руки. Так же, как и Эрленда…

Как быстро пролетело время! Пока он сражался, годы летели. Ему тоже досталось. Бард вздохнул…

— Я смотрю, Эрленд успел встретить тебя, — сказал дом Рафаэль, когда Бард сел в кресло напротив. Потом старик обратился к мальчику: — Теперь, внучок, пора спать. О чем думает твоя нянька, время уже позднее!..

— Кажется, она уверена, что я уже в постели. Там, где она меня оставила, — сказал Эрленд. — Я просто не мог не встретить отца. Спокойной ночи, господин, спокойной ночи, мой лорд.

Мальчик церемонно и очень потешно поклонился, взрослые так же серьезно простились с ним. Только когда Эрленд вышел из комнаты, дом Рафаэль расхохотался.

— Каков маленький чертенок! Настоящий ларанцу!.. — объяснил хозяин замка. — Половина слуг уже боится его, ни одно упущение не остается незамеченным. Для своего возраста очень развитой и сообразительный мальчик. Я им горжусь. Жаль, что ты сразу не рассказал мне, что обрюхатил Мелисендру. Это помогло бы защитить ее от гнева жены. Мне тоже досталось — я не знал, что Мелисендра дала обет хранить девственность, чтобы стать лерони. Одним словом, нам крепко досталось, видел бы ты, как разошлась Джерана… Еще бы, потерять такую талантливую колдунью.

— Я не сообщил, потому что сам ничего не знал. Не такая уж она была перспективная, если ее ларан не помог ей. Она же сама явилась ко мне…

Бард со стыдом почувствовал неточность в своих словах. Может, наоборот, все дело в ларане. Не обладай она даром, она, вероятно, сумела бы противостоять его цепкому повелевающему взгляду. Или он ошибается? Ах, с этим такая неразбериха!.. Он неожиданно рассердился — что тут неясного? Ларан — это сила; выходит, обладай им Мелисендра, она бы никогда не потеряла голову. Что-то он не слышал, чтобы сильные лерони позволили кому бы то ни было сесть себе на шею. Он же ничего не мог поделать с Мелорой. Вот пример

могущества дара.

— Но я не в обиде ни на тебя, ни на нее. Эрленд — просто замечательный мальчишка. Здоровый, крепкий, умишком не обделен…

— Я смотрю, он здесь живет на полных правах, а ведь ты не усыновил его… — сказал Бард.

Прежде чем ответить, дом Рафаэль долго смотрел на огонь.

— Ты был объявлен вне закона, тебя отправили в изгнание. Это нелегкая доля. Опасная… У меня было очень тяжело на душе в те дни. Я решил, пусть хотя бы этот ребенок останется как память о тебе. Погляжу на него — и легче делается… — Дом Рафаэль вновь замолчал, как будто чуть устыдился проявленной слабости. — Должен признаться, меня удивила леди Джерана, она по-прежнему любит Мелисендру и хорошо к ней относится.

Бард с удивлением подумал, что он всегда считал, что у леди Джераны вообще нет сердца. Подобное отношение к падшей девушке несколько смутило его. Он поспешил перевести разговор на другую тему:

— Я гляжу, мать обучает его всяким колдовским штучкам. Он уже что-то различает в волшебном камне. Такой маленький, а туда же… Ладно, о детях и женщинах мы поговорили. Теперь давай

о самом главном. Надеюсь, ты уже принял меры против этого обнаглевшего Хастура, жаждущего прибрать к рукам наши земли?

— Нет, в этом деле поспешить — врага насмешить. Действовать следует крайне осторожно. Не забывай, что Аларик в его власти. Я поэтому и послал за тобой — одна голова хорошо, а две лучше. Прежде всего нам следует вызволить Аларика из королевского замка.

Бард сердито заявил:

— Джереми, подобно змее, всех опутал кольцами — сжал так, что никто и дернуться не смеет. Однажды я уже совсем было взял его за горло, да пожалел. А зря! Жаль, что я не обладаю способностью Мелисендры прозревать будущее.

— Бард, не надо кипятиться. Страсть и чувства в таких делах вредны. И Джереми не так плох, как ты себе воображаешь. Он вовсе не злодей — просто парень попал в тяжелые обстоятельства. Не сомневайся, на его месте я бы поступал точно так же. Он был заложником при дворе Одрина, чтобы король Тендары Карелии не плел интриг против Астуриаса. Как ты не можешь понять, что Джереми рос с ощущением опасности, постоянно пребывая в страшном напряжении? Стоило отношениям между Астуриасом и Тендарой

ухудшиться, его голова первой бы слетела с плеч. Никакое побратимство с наследным принцем не спасло бы его! Задумайся, каково ребенку, подростку, юноше ощущать холод топора возле шеи?.. То-то… Кстати, о сыне Одрина, ты слыхал о том, что Белтран погиб?

Бард сжал челюсти и молча кивнул. Придет час, и он расскажет отцу об обстоятельствах смерти принца. Но не теперь. Сейчас его заботило другое.

— Отец, выходит, я тоже был заложником при дворе? Значит, и тебе следовало быть паинькой?

— Ты разве сомневался! Я был уверен, что тебе все известно. Одрин никогда до конца не доверял мне. Нет-нет, он высоко ценил твои воинские способности, иначе никогда бы не назначил тебя знаменосцем, никогда бы не выделил в обход родного сына. Все складывалось великолепно, однако ты, мой мальчик, по собственной глупости все испортил. Расклад намечался замечательный: Белтран — король, ты командуешь армией… Кто бы в королевстве мог противостоять вам, кто бы посмел затеять смуту? А я бы помог вам советом. Ты взрослый мальчик, понимаешь, в чем сейчас главная задача правителя?

— Обеспечить безопасность государства.

— Это само собой, — недовольно хмыкнул старик. — Главная задача — обеспечить мир внутри страны. Хотя бы на десяток лет. При ситуации, какая сложилась в Сотне царств, государь, обеспечивший спокойствие на своей земле, станет так могуществен, что окружающие королевства волей-неволей попадут к нему в зависимость. Кое-кто уже понял это. Например, Хастуры в Хали. Даром, что ли, они объединили три королевства? Хастуры начинают мутить воду в Астуриасе, а у нас не хватает силенок, чтобы разом, одним ударом, навести порядок. Что теперь вспоминать об этом… За эти семь лет ты, как я слышал, больше не совершал крупных ошибок. Пока ты, а потом Аларик находились при дворе Одрина, он мог быть уверен, что корона надежно защищена и я не выступлю с претензиями на трон Астуриаса, хотя мои права на него куда весомей, чем его младшего сына. Брат, может, и понимал, что складывающееся будущее — связка Белтран и ты — меня устраивало, однако до конца мне не доверял. Но это его дело… Теперь же, со смертью Одрина и Белтрана, разразилась катастрофа. Можешь вообразить — ребенок на троне, а в стране — смута! Вольно будет крысам орудовать на кухне, когда вместо кота держат котенка. И

если ты со мной…

— Неужели вы в этом сомневаетесь, отец? — перебил его Бард, но, прежде чем он смог выплеснуть нахлынувшие на него чувства, к ним подошла худенькая седовласая женщина в богато расшитом платье.

— Значит, ты вернулся, приемный сын? Смотрю, семь лет изгнания не очень-то отразились на тебе. Конечно, — добавила леди Джерана, глядя на его отделанный мехом плащ, украшенное драгоценными камнями оружие, на косичку, в которую были вплетены самоцветы, — ты неплохо нажился на войнах. Это на тебе костюм волка?

Бард вежливо поклонился мачехе. Тут же мелькнула мысль: «Ты тоже, хладнокровная, язвительная сучка, ни капельки не изменилась. Чтобы в тебе проснулось что-то человеческое, необходимо три раза по семь лет. Но лучше всего ты будешь выглядеть в гробу…»

— А вам, приемная матушка, эти семь лет пошли только на пользу, — вежливо ответил Бард.

Женщина чуть усмехнулась:

— Да, твои манеры заметно улучшились.

— Конечно, домна, ведь семь лет я был вынужден полагаться только на свой разум и меч. Там, где я был, с теми людьми, с которыми имел

дело, — одно из двух: либо быстро научиться хорошим манерам, либо погибнуть. Как видите, я оказался в числе выживших.

— Вижу, твой отец не очень-то радушный хозяин. Он даже не предложил закусить. А ты крайне неосторожен. Разве можно в нынешнюю пору скакать ночью? — Тут она сделала жест слугам, и те быстро накрыли на стол.

— Разве это так опасно, домна? Точно, старый Гвин тоже поминал лихие времена. Я подумал, в его возрасте начинает мерещиться всякая чертовщина.

— Рассудок у него вполне ясный, — вступил в разговор дом Рафаэль. — Это я распорядился закрывать ворота с заходом солнца. К этому времени все люди и скот должны быть в замке. Более того, я выслал отряды по границам земель — они должны предупредить нас, если наши пределы пересечет более трех конных. Потому, Бард, тебя и встретили не так любезно. Никому из нас и в голову не могло прийти, что ты помчишься сломя голову — без охраны, без слуг!

— Не зря меня Великим называют, — ответил Бард. — Да еще кличут либо Одиноким Волком, либо Бродягой. Это еще самые ласковые имена.

Отец не обратил на это замечание никакого

внимания и продолжал говорить о своем:

— Несмотря на все меры предосторожности, разбойники так и шныряют по округе. Сам-то я думаю, что их подсылает Джереми. Вот и грабят, угоняют лошадей, чтобы навести страх на людей. Нам пришлось соорудить укрепления перед замком и внутри стен. Там можно и скот держать, но крестьяне все равно отгоняют его по подворьям. Налетчики забирают в основном зерно и орехи, уже потеряна половина урожая яблок. До голода дело не дойдет, однако рынок заметно обеднел. Значит, цены вырастут, людям потребуется больше денег, вот некоторые деревни сами начали вооружаться. Был даже разговор о том — не нанять ли лерони. Решили оборониться от налетчиков с помощью колдовства, однако ничего из этого не вышло. И хорошо! Подобные меры мне не по сердцу.

— Мне тоже, — кивнул Бард. — Маленький Эрленд упоминал, что и его тренируют как ларанцу.

Леди Джерана ответила:

— У мальчика уже проявился ларан, и воспитатели считают, что его будущие не в умении обращаться с мечом.

Между тем слуги принесли вино, аппетитно

выглядевшие закуски. Бард замер, глянув в глаза невысокой полной женщины, чьи волосы напоминали цветом огонь, игравший в камине. Косы были кольцами подвешены на затылке, и все равно соблазнительные пряди вились на висках и шее.

— Мелисендра!

— Мой лорд, — ответила она и, чуть присев, склонила голову. — Эрленд прибежал ко мне и сообщил, что уже виделся с вами.

— Замечательный, сообразительный мальчишка. О его существовании я узнал совсем недавно, перед самым отъездом. Я, если честно, никогда не думал об этом. Любой мужчина может гордиться таким сыном.

Мелисендра слабо и, как почувствовал Бард, облегченно улыбнулась:

— Такие слова являются лучшей наградой, полноценной платой за перенесенные страдания. Теперь верю, что этот ребенок — достойное возмещение того, чего я лишилась. Я, правда, не сразу догадалась об этом.

Бард молча изучал лицо женщины, родившей ему сына. Все те же округлые черты, пухлые щеки, мягкая линия подбородка… Одета она была скромно: серая накидка без пуговиц наброшена

на простенькое голубое платье, украшенное вышивкой на груди и рукавах. Мелисендра держалась свободно и уверенно. Тут Барда кольнула мысль — вот в кого пошел мальчик рассудительностью. Раньше она была другой… Ну, какая она была раньше, Бард, собственно, и припомнить не мог, что-то смутно маячило в памяти: хныканье, безответность, пышная грудь. Да, это точно… Остальное расплывалось в дымке лет.

— Леди Джерана была очень добра к нам. Так же как и ваш отец… — сказала Мелисендра.

— Рад слышать, — отозвался Бард. — Я был воспитан в доме отца. Не вижу причин, почему моему сыну должно быть отказано в этом.

В глазах женщины блеснула ирония.

— Как раз об этом вы мне сказали в тот вечер — заверили, что ваш отец не позволит сослать меня и ребенка на ферму.

— Внук есть внук! — Бард словно не заметил укола. — Даже если его рождение обошлось без всякой церемониальной чепухи. Без благословения…

— Любое рождение угодно небесам, — тихо заметила Мелисендра. — Церемония, Бард, должна всего-навсего смягчить сердце неверующих. Мудрые люди ведают, что в любом случае бла-

гословляет только богиня. Разве может то, что утешает душу, просветляет мысли, быть чепухой?

— Я так понимаю, что ты не относишься к числу невежд, которые жаждут официальных обрядов?

— Я нуждалась в них, мой лорд, когда была столь неопытна, что вы вряд ли можете себе представить. Молодая, глупая… Теперь я знаю, что только богиня способна утешить человека. Все остальное — церемонии, обряды — всего лишь декорации.

Бард хмыкнул:

— Все богиня да богиня! О какой именно вы говорите? Как мне известно, их несколько дюжин.

— Спасительница одна, как ее ни назови. Каким бы стихиям ни поклонялись непосвященные, над всеми ними довлеет одна рука. Справедливость и добро едины…

— Выходит, мне следует самому выбрать подходящую форму обращения, чтобы поблагодарить ее за подаренного мне сына. Но мне как-то приятней думать, что в первую очередь следует выразить признательность вам, Мелисендра.

Она покачала головой:

— Это вовсе не обязательно, Бард, — и тут же повернулась и ушла.

Он хотел было последовать за ней, однако в эту минуту в зале появились музыканты и сразу заиграли знакомую мелодию. Бард вернулся и вновь сел рядом с отцом. В другом конце зала начались танцы, женщины вышли в круг, однако краем глаза Бард заметил, что Мелисендры среди них нет. Он наклонился и негромко спросил отца:

— На каком основании Джереми заявляет, что эти земли принадлежат Хастурам? Ведь само название Астуриас — производное от нашей фамилии. Астуриас — значит «земли, принадлежащие ди Астуриен». При чем здесь Хастуры?

— Он заявляет, — ответил дом Рафаэль, — что когда-то ими владела одна из ветвей рода Хастуров и что они были отданы ди Астуриен исключительно по воле Хастуров. Со временем первый звук перестали произносить, за ним на письме исчезла согласная, а на древнем языке Астуриас — значит «земли Хастуров».

— Он сумасшедший!

— Если и так, то это очень удобная форма помешательства. Исключительно в свою пользу. Одним словом, Джереми заявляет, что сувереном Астуриаса является король Карелии из каркосских Хастуров.

— Фантастическое заявление! — развел руками

Бард и тут же выпрямил спину, как-то подобрался. — Давай-ка покончим с главным. Я скорее соглашусь с претензиями принца Валентина на трон — пусть даже ты прав, говоря, что несчастья приходят на землю, где в правителях двухлетний ребенок, — чем с требованиями Джереми, основанными на преданиях и мифах о потомках Хастура и Кассильды. Я никогда не присягну тому, чье право на корону основывается на бабушкиных сказках.

— Я тоже, — поддержал его дом Рафаэль. — Я скорее поверю, что когда-то, как утверждают легенды, Хастуры являлись богами и первый Хастур был сыном Властелина Света. Да пусть он окажется сыном самого Алдонеса — все равно они не дождутся, чтобы я безропотно уступил свое право на земли Астуриаса, которые все эти годы принадлежали нашей семье. К тому же народ решительно настроен против Хастуров. Однако я и пальцем не могу пошевелить, пока Аларик в их руках. Возможно, Джереми рассчитывает использовать Аларика как марионетку, но для этого они должны сломать парня. — Рафаэль на мгновение задумался, потом бросил в сердцах: — Негодяй!

— Как только Хастур узнает, что я вернулся, у него появится веская причина для беспокой-

ства, — заметил Бард. — Однако все происходит как-то странно. Я считал, что для Джереми есть более короткий путь к трону. Всего-то жениться на дочери короля Одрина и якобы сохранить трон для ее детей!

— Ты имеешь в виду Карлину? — И, не дожидаясь ответа, дом Рафаэль покачал головой: — Я о ней ничего не слышал, однако знаю наверняка — Джереми на ней не женился, иначе я бы узнал об этом.

Вскоре, когда музыкантов отпустили, леди Джерана позволила уйти и женщинам. Дом Рафаэль пожелал сыну спокойной ночи.

Когда Бард явился в свою комнату, постель уже была расстелена. В комнате царил полумрак. Он разделся, разулся, и тут в дверь постучали. Пришел лакей, чтобы забрать его одежду и обувь. Уже стоя у порога, слуга почтительно осведомился — не желает ли молодой господин женщину? Бард долго раздумывал, и слуга вышел из комнаты. Он хотел было вернуть его, потом зевнул, пожал плечами… Он очень устал за долгий путь. К тому же девицы, что прислуживали в зале, не заинтересовали его. Он задул свечу и полез под одеяло. Тут рука наткнулась на что-то теплое и мягкое. Кто-то уже занял его место.

— Зандру меня побери! Кто здесь?

— Это я, Бард, Мелисендра.

Женщина села в постели. На ней была длинная тонкая полупрозрачная рубашка, рыжие волосы светились в полумраке. Бард рассмеялся:

— Значит, ты все-таки пришла, хотя, помнится, хныкала и горько жаловалась, что я тебя принудил. А теперь явилась по своей воле?

— Нет, Бард. По воле леди Джераны, — ответила Мелисендра. — Возможно, она опасается, как бы ты не испортил еще одну лерони. Что касается меня, я уже потеряла то, что можно потерять единственный раз в жизни. — Она цинично пожала плечами. — Она позволила мне жить в этих комнатах — сказала, что я имею на это полное право. Маленький Эрленд и его няня спят поблизости. Ты не хуже, чем любой другой. Богиня ведает, что я не настаивала. Согласна была и уйти, лишь бы сохранить мир в этом доме. Леди Джеране приятно думать обо мне, как о баррагань е[20] приемного сына, к тому же я принесла тебе ребенка. Если ты не хочешь, чтобы я осталась, я с удовольствием уйду. Где-нибудь найду местечко, хотя бы рядом с сыном.

---

[20] notes: 20
Официальной любовнице.

Барда озлобила тихая, безразличная покорность. Тут же понял, что, окажи она сопротивление, прояви недовольство, это тоже вызвало бы раздражение. Он уже совсем было собрался вышвырнуть женщину из постели и пинками прогнать из комнаты, однако мысль, что и это унижение она примет без ропота, заставила смириться. Чертова баба! Мелисендра, должно быть, считает, что он обидел ее тогда, но, если здраво рассудить, он подарил ей сына благородной крови и достаточно почетное место барраганьи в знатном доме. И леди Джерана, чертовка! Тоже что-то замышляет, интригует потихоньку. Что за жизнь — куда ни плюнь, повсюду эти бабы. Только одна является исключением — Карлина. Она должна была лежать в этой постели, даже если в темноте все бабы выглядят одинаково.

Что было делать? Бард ничего не мог придумать.

— Ладно, оставайся, — мрачно объявил он. — Только лежи тихо. Не люблю, когда от женщин сплошная суета. И больше не упоминай при мне о богинях… Вообще помалкивай…

Она удивленно глянула на него и, когда Бард обнял ее, улыбнулась.

— Как прикажете, господин. Я покоряюсь.

Боги… — Тут же спохватилась, ойкнула, но все-таки закончила: — Боги запрещают мне хоть чем-нибудь, хоть самой малостью вызвать ваше неудовольствие.

Больше Мелисендра рта не открывала. Бард потом долго не спал, терзался от гнева, ждал… Чего ждал, сам понять не мог — может, ее болтовни, хныканья, упреков, восторгов, обвинений, оправданий?.. Одним словом, лежал и ждал, чтобы был повод спихнуть женщину с кровати. Можно было и поддать хорошенько, только ради того, чтобы взглянуть, будет ли она при этом улыбаться.

Как сейчас, уже во сне, отвернувшись, улыбается…

2

Бард проснулся от грохота и криков — тут же сел в постели. Он участвовал во многих битвах, приходилось засыпать, не окончив сражения, так что он хорошо знал, что означает этот шум. Мелисендра прижалась к нему.

— Нас что, штурмуют?

— Похоже. Как же это, дьявол их побери, случилось? — Он уже выскочил из постели и быстро начал одеваться.

Мелисендра тоже встала, набросила поверх ночной рубашки накидку.

— Мне необходимо спуститься к моей госпоже, позаботиться о безопасности женщин и детей. Позволь, я помогу тебе обуться.

Бард удивился — как она догадалась, что отсутствие слуги в самый нужный момент, когда нельзя медлить, вызвало у него раздражение. Ну, конечно, Мелисендра же лерони… Была…

— Вот твой меч и плащ, — сказала женщина, протягивая ему вещи.

Бард бросился к выходу, уже у порога бросил через плечо:

— Побереги ребенка!

Тут он совсем расстроился — вчера еще этого мальчишку знать не знал, а сегодня, когда шум за окном ясно свидетельствовал, что началась осада, он вдруг вспомнил о нем. Мало того что вспомнил, еще и сердце защемило…

Он нашел отца в парадном зале:

— Нас атакуют?

— Нет, всего лишь разбойное нападение. Чужаки ворвались в деревню, захватили коней, которых мы оставили в резерве, и какое-то количество зерна. Шум подняли крестьяне — они еще затемно прискакали сюда. Я направил солдат, чтобы схватить грабителей. Может, и коней удастся вернуть…

— Люди Джереми?

— Вряд ли. Эти сразу бы ударили по замку. Что им в деревне делать? Эти налетчики из Серраиса. Пронюхали, что в стране анархия, вот и полезли через границы. Какое только отребье не попадается! Астуриас буквально кишит ими!.. Как бы я хотел, чтобы они потрепали королевский замок, где отлеживается Хастур.

В этот момент в зал, запыхавшись, вошел Гвин. Дом Рафаэль нетерпеливо повернулся к нему:

— Что еще?

— Послание от короля, мой лорд.

Хозяин замка нахмурился и требовательно спросил:

— Где на этой земле ты нашел короля?

— Прошу прощения, ваи дом. Я должен был сказать, что доставили послание от дома Джереми Хастура. Гонец прибыл как раз в самый разгар заварушки, когда наши люди бросились преследовать разбойников.

— Я должен был отправиться с ними, — сказал Бард, однако отец погрозил ему пальцем:

— Не сомневаюсь, что этого они жаждут более всего на свете. Чтобы ты растратил свой пыл, участвуя в мелких стычках. — Затем повернулся к Гвину и заявил: — Я приму посланца Джереми. Передай леди Джеране, чтобы ее лерони навела здесь чары и прочла мысли гонца. Я не стану разговаривать с ним, не приняв мер предосторожности. Бард, ты будешь присутствовать при этом.

К тому моменту, когда в зал вошел посланец Джереми — в руках мирный флаг и знамя Хастуров из Каркосы: серебряное дерево на голубом фоне и горящие свечи, — Бард успел перекусить. Быстро проглотил ореховую кашу, запил кислым пивом, не теряя времени бросился к себе и переоделся в костюм цветов ди Астуриен — голубой

с серебряным. Дом Рафаэль встретил гонца, восседая в огромном резном кресле. Сзади на стене висели две скрещенные боевые секиры. Бард стоял рядом, руки — одна на другой — на рукояти меча. Мелисендра, тоже в голубом с серебряным — Бард, глянув на нее, с удивлением отметил, что и Хастуры, и ди Астуриен выбрали одни и те же цвета, — сидела на низкой скамеечке, склонившись над матриксом, голубоватым кристаллом, излучавшим слабое сияние. С помощью его определяли истинные мысли говорившего.

Посланник на мгновение задержался у порога, хмуро глянул в сторону Мелисендры:

— Ваи дом, разве это необходимо?

— Здесь, — ответил дом Рафаэль, — я сам решаю, что необходимо, что нет. Я не признаю за Хастуром право указывать мне. Тем более его гонцу… Либо ты изложишь суть дела, с которым тебя прислали сюда, в лучах звездного камня, либо можешь покинуть мои владения.

Гонец был слишком хорошо вышколен, чтобы выказать свои чувства, тем не менее все присутствующие догадались, что полномочный представитель Джереми Хастура остался крайне недоволен.

— Как вам угодно, ваи дом. До сих пор с моих

уст еще ни разу не срывались лживые слова, так что использование матрикса говорит больше о нравах, царящих при вашем дворе, нежели касается данного мне поручения. Теперь спокойно и без предубеждения выслушайте, с чем обратился к вам высокорожденный лорд Джереми Хастур, повелитель Астуриаса и наместник его величества, законного короля этой земли Каролина из Каркосы…

Дом Рафаэль вежливо, но решительно перебил его:

— Что скажет об этом заявлении уважаемая лерони? Думаю, мы пошли на эту меру не для того, чтобы выслушивать здесь ложь и всякие невероятные утверждения…

Бард сразу догадался, что дом Рафаэль сказал это только ради того, чтобы вывести гонца из равновесия — звездный камень имел дело только с фактами (вернее, с их изложением в устах говорившего) и интонацией, но не с официальными заявлениями, сложившимися формами обращения и титулами. Посланец, конечно, был знаком с подобными тонкостями и сделал вид, что не обратил внимания на реплику хозяина замка. Он даже позу не переменил, только голос его стал как бы чужим, вещающим — точно гонец

впал в транс и принялся излагать послание слово в слово, вплоть до акцентирования отдельных слов. Каждый опытный вестник мог передать сообщение со стенографической точностью и так же донести ответ до пославшего его человека.

— Родственнику и старому другу моего отца, дому Рафаэлю ди Астуриен, — заговорил посланник чужим, измененным голосом. Бард даже вздрогнул, лицом к лицу столкнувшись с таким превращением, словно сам Джереми Хастур держит речь. Однако и не верить глазам тоже было нельзя — перед ним стоял невысокий, упитанный мужчина с рыжеватыми усами, любитель выпить и поесть. И в то же время Бард явственно видел перед собой друга детства, у которого теперь, как говорят, одно плечо выше другого, искалеченная нога чуть короче и касается пола кончиками пальцев. Барда оторопь взяла — кто бы мог подумать, что так закончится их по существу дурацкая ссора.

Наконец он собрался с мыслями, преодолел мгновенную растерянность — это всего-навсего особым образом обученный слуга. Настоящий Джереми далеко.

— Уважаемый родственник, наши разногласия насчет трона Астуриаса мы можем обсудить

позже. В настоящее время нам обоим угрожают шайки, приходящие в эту землю со стороны Серраиса. Именно оттуда исходит главная опасность. Они считают, что раздор в нашей стране приведет к тому, что можно будет захватить трон Астуриаса, как коршун хватает свою добычу. Давай на время забудем о нашем споре, заключим перемирие и совместными усилиями изгоним чужаков из границ королевства, тогда можно будет по-родственному решить, кто должен править этой землей и как. Призываю вас в это трудное время объединить усилия — обращаюсь к вам, самому знатному из всех полководцев, верой и правдой служивших моему кузену Одрину в прошлые годы. Даю слово Хастура, что на время перемирия ваш сын Аларик, проживающий здесь как родственник, будет надежно защищен от любых опасностей, которые нередки на войне. Когда же захватчики будут изгнаны, я обязуюсь лично встретиться с вами — каждый без оружия и в сопровождении не более чем четырех телохранителей, — чтобы обсудить будущее этой земли и возвращение Аларика под отчий кров.

Наступила пауза, потом гонец тем же чужим голосом прибавил:

— На этом лорд Джереми Хастур заканчивает

свое послание. Прошу вас, уважаемый родственник, ответить на него по возможности не теряя времени.

Дом Рафаэль мрачно смотрел в пол. Тогда Бард подал голос:

— Сколько чужаков пересекло нашу границу?

— Мой лорд, их целая армия.

Теперь и дом Рафаэль откликнулся:

— Выходит, у нас нет выбора, иначе эти, из Серраиса, нападут на нас поодиночке. Скажи уважаемому родственнику, что я принимаю его предложение и как можно быстрее присоединюсь к нему со своим войском, а также со всеми людьми, которых смогу собрать. Со мной будут все лерони. Выступлю я после того, как сделаю все возможное для надежной защиты семьи, и в первую очередь внука. Можешь также передать, что все это я говорил при свете звездного камня.

Посланец поклонился, попрощался с хозяином и удалился. Дом Рафаэль повернулся к Барду:

— Что ж, сынок, мне доводилось слышать, что тебя считают славным полководцем. Скажу по правде, весь Астуриас считал дни до твоего возвращения.

— Я бы лучше сразился с Джереми, — угрюмо ответил Бард. — Однако ясно, что, прежде чем

делить трон, нужно его не упустить, а то и делить будет нечего. Если Джереми решит, что наша поддержка есть свидетельство признания его прав на корону, следует каким-то образом показать, что он заблуждается. Ладно, когда мы выступаем?

В тот же день по всем селениям были разосланы гонцы с факелами, которые огласили указ о сборе всех людей, обязанных с оружием в руках защищать Астуриас. Кроме того, было объявлено о найме добровольцев. Чем дальше посланцы забирались в глубь страны, тем больше воинов стекалось к королевскому замку. Среди них были и конные дворяне в полном вооружении: кожаные доспехи с нашитыми металлическими пластинами, мечи и щиты, сопровождали их вооруженные слуги. Были пешие лучники, из колчанов торчали как обычные, так и смоченные в клингфайре стрелы, в руках они к тому же держали длинные пики; спешили крестьяне на ослах и червинах, вооруженные шипастыми булавами, вилами и дубинами.

Бард скакал во главе отряда гвардейцев рядом с домом Рафаэлем, за ними следовала группа мужчин и женщин в серых плащах с капюшонами, закрывавшими лица, — это были лерони, которым без оружия предстояло сражаться бок о бок с

солдатами. Время от времени поглядывая на них, Бард внезапно осознал глубину замысла отца. Его с самого начала поразило количество лерони в замке дома Рафаэля ди Астуриен. Стольких сразу, постоянно тренирующихся, в отличной форме чародеев он не встречал даже при дворах куда более могущественных королей, а уж в замках властителей, равных отцу, лерони вообще встречались редко. А здесь целая свита… Зачем? Ответ явился неожиданно, Барда даже оторопь взяла. Неужели дом Рафаэль уже давным-давно вынашивал планы захвата трона? Или стечение обстоятельств — и прежде всего табель Белтрана — вынудили его заранее побеспокоиться о будущем? Выходит, что решение добыть корону для Аларика не плод ответа на посягательства Хастуров, не реакция на неумолимый ход событий, а заранее продуманный, хитроумно закрученный план? Что ж, в этом надо отдать должное старику — у него светлая голова. Если бы перед Бардом стояла эта задача, он выбрал бы тот же путь. Деньги и поддержка обладающих лараном — это первоочередной и в общем-то основной залог успеха. Армию набрать нетрудно, но в этом случае планы сразу бы стали явными и, оценив опасность, более могущественные Хастуры сразу

бы раздавили соперника. А в этом случае вряд ли кому придет в голову связывать наличие большой группы лерони с какими-либо секретными планами.

Если рассуждать в том же духе, то отцу хватило выдержки дождаться самого благоприятного момента для осуществления своего замысла. Появление старшего сына, испытанного, уже проверенного в деле полководца, и несколько поспешные действия Хастуров, сделавших первый ход и тем самым давших возможность дому Рафаэлю отстаивать права рода ди Астуриен. Теперь отец в любом случае выступает символом свободы и независимости этих земель. Это было разумно, даже хитро — Бард отдал должное родителю, его выдержке и предусмотрительности. Хастуры явно поспешили со своими претензиями, словно дом Рафаэль — фигура незначительная, с которой можно не считаться. Вот тут-то, лорды, вы явно ошиблись — в любом случае Астуриас не конгломерат сельских общин, не территория, где правят случайные вожди, а сложившаяся, с четкими границами, страна с исконным, осознавшим свою самобытность населением. Так что Хастуры сами развязали руки дому Рафаэлю.

Сыновний долг заставлял Барда следовать за

отцом при любых обстоятельствах, но этот замысел устраивал и лично его. Уже сложившийся как личность, ди Астуриен ощущал себя исключительно человеком войны, и только войны. Он предпочитал получать приказы, чем заниматься разработкой стратегических планов, брать на себя ответственность за всю хозяйственную и культурную жизнь страны. Мало того что трон был недоступен ему в силу происхождения, Бард не стремился к нему еще и потому, что слишком хорошо знал, что власть — это в основном интриги, коварные уловки, закулисная борьба, изматывающая, бесконечная… И для него тем более невыносимая, что, как ни старайся, его никогда не признают законным властителем. Еще чего — мак Фиана и полез в короли. То ли дело любимый и любящий брат-король, а он его надежная опора. Это был предел мечтаний. Бард даже принялся насвистывать про себя.

Собственно, это была давнишняя, уже испробованная схема. Еще король Одрин склонялся к ней, только в ту пору Бард должен был стать верной опорой Белтрану. Бард и тогда был не против служить сводному брату, однако человек предполагает, а небеса располагают.

Он вздохнул, однако это воспоминание не нару-

шило благостного настроения, и молодой человек опять принялся насвистывать что-то бравурное, пока взгляд его не уперся в одну из фигур в сером. Даже под свободной накидкой Бард сразу угадал Мелисендру.

— Отец, — возмутился он, — зачем мать моего сына следует на войну? Она не лагерная девка…

— Нет, просто она находится на службе и к тому же является одной из самых умелых лерони.

— Ничего не понимаю! Я всегда считал, что леди Джерана обвиняла меня именно в том, что я испортил ее любимую чародейку и теперь она не годна для работы…

— Так и есть с точки зрения ясновидения. Но для этого у нас достаточно девственниц не старше двенадцати лет. Во всех же других областях она сохранила свое искусство. Одно время я сам хотел сделать ее своей барраганьей, на этом и Джерана настаивала, она ей была по душе. Ты же знаешь, брать любовницу против воли жены — себе дороже. Однако, — он пожал плечами, — леди Джерана решила сохранить ее девственность. Я решил — пусть так и будет. Ну, ты знаешь, что дальше случилось. Я даже рад, что так вышло, — лучше уж иметь внука. И если Мелисендра проявила себя с самой лучшей

стороны, оказалась такой плодовитой, то, может, придет время, и ты возьмешь ее в жены. Род ее нам ровня… Подумай, сынок…

Веселое настроение сразу улетучилось. Бард насупился:

— Я бы хотел напомнить вам, господин, что у меня уже есть жена. Пока жива Карлина, я не возьму другую.

— Да, конечно, если ты сможешь найти ее, — согласился дом Рафаэль, — однако со дня смерти ее отца Карлины нет в Астуриасе. Она покинула замок еще раньше королевы Ариэль, увезшей Валентина к родственникам в Валерон.

Бард удивился — может, принцесса оставила двор, чтобы не выходить замуж за Джереми? Ясно, что этот брак открывал ему прямой путь к трону Астуриаса. Женитьба на дочери Одрина вводила Хастура в число законных претендентов на корону. Может, Карлина ждала, когда он придет и потребует вернуть ему жену?

— Где же она теперь?

— Сынок, знаю не больше твоего. Все, что мне известно, это то, что Карлина отправилась в какую-то Башню — решила, верно, стать лерони или даже… — Дом Рафаэль взглянул на очередную группу вооруженных людей, присоединившихся

ко все более растущему войску. Старик проследил за тем, как вновь прибывшие, переговорив с квартирьерами, заняли место в длиннющей колонне вооруженных людей. Теперь, с удовлетворением отметил про себя Бард, за ними двигался не отряд, не дружина, не войско, а полноценная армия.

— Так вот, — прокашлялся отец, и вновь голос его сел, и он закончил полушепотом: — Она могла обрезать волосы и дать клятву на верность Ордену Меча.

— Никогда! — выговорил Бард и даже привстал в стременах.

Мимо них в этот момент проскакал отряд женщин в алых блузах. Все они были коротко подстрижены — совсем как монахи, — в ушах серьги, вооружены ритуальными кинжалами, которые носили не за голенищами сапога, как солдаты, а на перевязи через плечо. Это был знак того, что всякий мужчина, посмевший без разрешения прикоснуться к ней, должен погибнуть. И сама меченосица обязана была убить себя в случае угрозы ее чести. Под плащами у женщин-воительниц были алые блузы, кавалерийские бриджи и короткие сапоги. Кони у них у всех были добрые, отлично выезженные; лица каменные, взгляды холодные… Бард оглянулся им

вслед, потом только нарушил молчание:

— Никак не ожидал, отец, что в твоем войске есть эти… Эти шлюхи…

Дом Рафаэль пожал плечами:

— Они весьма искусные и опытные вояки, готовые погибнуть, но не сдаться. Их еще пока никому не удалось взять в плен. Поклявшись на верность, они не изменят. С нравами у них очень строго.

— Ты хочешь сказать, что в походах они живут отдельно от мужчин? Не могу в это поверить, — усмехнулся Бард. — И как к этому относятся солдаты?

— Они относятся к ним с уважением, как и к лерони. Между ними существует негласный договор — во время военных действий всякая попытка сблизиться, завести шашни считается преступлением.

— Уважением? К женщинам в штанах, с серьгами в ушах? Кто, кроме отъявленных головорезов, бандитов, носит серьги в ушах? И я буду обращаться с ними, как того заслуживают суки, забывшие, какого они пола!

— Я бы не советовал поступать таким образом, — предупредил дом Рафаэль. — Я слышал, что, если какая-то из сестер подвергнется на-

силию и не покончит с собой или с негодяем, совершившим это, Орден открывает охоту за ними обоими. Любой может подтвердить, что они блюдут целомудрие как и служительницы, правда, никто не знает, что там у них, в общежитиях, творится. Их подворья есть в каждом крупном городе; может, там они предаются тайному разврату, но мне что-то не верится. Понимаешь, все они отличные солдаты.

Бард даже представить не мог, что Карлина станет одной из этих грубоватых, хмурых женщин. Теперь он скакал задумавшись, пока его не отвлекли. Всем было ясно, кто станет главнокомандующим, поэтому постепенно к нему все чаще и чаще стали обращаться за распоряжениями и советами. На этот раз Барда пригласили помочь проверить вооружение молодых крестьян. Один из них имел доставшийся по наследству меч — видно было, что клинок был семейной реликвией. Другие были вооружены топорами и пиками.

— На коне можешь удержаться? — спросил Бард у мужика, вооруженного мечом. — Если да, то присоединяйся к моим всадникам.

Тот отрицательно покачал головой:

— Нет, ваи дом, не могу. Я даже на червине не

сумею, — признался он. Говорил крестьянин с таким акцентом, что Бард едва его понимал. — Меч принадлежал моему предку, родившемуся в Файртоне более сотни лет назад. С ним я немножко наловчился обращаться, а с конями — нет, не совладаю. Я уж лучше пешком, со своими братьями.

Бард одобрительно кивнул. Не оружие делает человека солдатом…

— Как пожелаешь, парень. Удачи тебе. Ты и твои братья присоединяйтесь вон к тому отряду. Они говорят так же, как и ты.

— Ну да, ваи дом, мы же соседи, — ответил парень, потом спросил: — Слушай, а не ты ли старший сын нашего господина? Такой, говорят, верзила, его еще Волком прозвали!

Бард, довольный, улыбнулся:

— Да, это меня так называют.

— Что же ты здесь делаешь, господин? Я слышал, тебя того… объявили вне закона, и ты скрываешься в иноземных краях.

Бард засмеялся:

— Тот, кто объявил меня вне закона, сам уже давно в аду. Уж не собираешься ли ты прикончить меня, чтобы получить награду за мою голову?

— Нет, еще не хватало, — перепугался крестья-

нин. — Ни в коем случае, лорд. Только вот что, дом Волк, ты уж сам веди нас в бой, ладно? Нам чужаков не надо. С тобой мы вмиг разгромим этих бандитов.

— Видят боги, я бы хотел, чтобы эти дикие псы думали так же, — кивнул Бард и медленно направился в голову колонны, где развевалось знамя его отца. Неожиданно он натянул поводья, конь остановился, и Бард ди Астуриен, отъехав в сторону, стал наблюдать, как только что встреченная им группа крестьян присоединилась к указанному отряду. Воин стоял и слушал, как в скрипе колес, топоте копыт, звяканье железа, гуле человеческих голосов то и дело слышалось: «Волк, Киллгардский Волк… Смотрите, братцы, сам Киллгардский Волк ведет нас…» — и опять с прохождением нового отряда шуршало и с приглушенным восхищением летело: «Эй, ребята, ну дела, это же сам Киллгардский Волк!»

«Что ж, — решил Бард, — может, им это имя поможет в бою».

Когда он догнал отца, то указал ему на самого юного из лерони — мальчишку лет двенадцати, чью пламенную шевелюру не мог скрыть даже капюшон.

— Рори, — подозвал его дом Рафаэль, — расска-

жи-ка моему сыну, что ты там увидел.

— Прямо за лесом, дом Волк… дом Бард, — поправился мальчик — щеки у него были на удивление румяные, — в той стороне расположилась группа вооруженных людей. Мне кажется, они устроили засаду.

Бард сощурил глаза:

— Ты сам видел? С помощью ясновидения?

Юный ларанцу объяснил:

— Видел сам, но смутно — на ходу образ расплывается. В звездном камне или на поверхности воды я бы разглядел получше, но они точно там.

— Сколько? Где? Как выстроены? — Бард забросал мальчика вопросами.

Рори тут же слез с пони и палочкой принялся рисовать на земле схему.

— Всего их четыре, может, пять дюжин, дом Бард. Прячутся вот здесь… Десять всадников… — Он быстро вычертил примерный план расположения вражеского отряда. — Остальные вооружены луками.

Мелисендра, спешившись, склонилась вместе с Бардом и Рори над рисунком.

— Есть с ними лерони? — спросила она.

— Думаю, нет, домна. Тогда я вряд ли что-нибудь разобрал бы.

Бард с некоторым раздражением оглянулся — войско, в котором то там, то тут виднелись крытые повозки, растянулось на несколько миль. Черт побери! Как же он упустил? Давным-давно надо было сформировать походную колонну. Армия его в тот момент больше напоминала толпу паломников или крестьянский обоз, следующий на ярмарку. Стоит небольшой группе врагов ударить с фланга, они в момент разорвут ее надвое. Начнется паника… Такого страху нагонят!..

— Ну-ка, Рори, — приказал он. — Взгляни-ка, позади нашего войска никого нет? Нас никто не преследует?

Глаза мальчика вдруг закатились — в общем-то жуткое зрелище, однако Бард уже привык к этому, — наконец ларанцу пришел в себя и сообщил:

— Нет, дом Волк, дорога чиста вплоть до самого замка дома Рафаэля и даже дальше — до самой границы с Маренжи.

Это означало, что захватчики располагались между спешащим на помощь войском и королевским замком. Скорее всего, замок уже осадили и с целью остановить или задержать армию дома Рафаэля выставили заслон. План был прост — возможно, они рассчитывали расправиться

с Джереми до подхода его союзника. Выходит, враг каким-то образом узнал о заключенном перемирии. Что толку гадать, упрекнул себя Бард, тратить драгоценное время! Засада до смешного немногочисленна — вот в чем загвоздка! Вот над чем надо подумать… Раздавить этот отряд ничего не стоит. А потом? В этом, вероятно, и кроется ответ — любым способом задержать его армию на полдня. Ну, может, на день… Им придется позаботиться о раненых, снова сформировать колонну, значит, они не доберутся до королевского замка до ночи. Разве что на следующий день… Выходит, штурм назначен на ночь или в крайнем случае на раннее утро. Конечно, враги уже знают, что дом Рафаэль выступил в поход — такое войско не спрячешь. Здесь ни лерони, ни сторожевые птицы не нужны… Да, другого объяснения нет. Разумный ход. Люди в засаду отобраны опытные, умеющие быстро разбираться в боевой обстановке. Такие сумеют навести панику — своих солдат Бард почти не знает. Что от них можно ожидать?

Ни слова не говоря, он отъехал в сторону от проселка, по которому неспешно двигалось войско, и, въехав в придорожный кустарник, с высокого места осмотрел окрестности. За низким увалом, на который только-только начала взбираться

передовая походная застава, лежала обширная низина, окаймленная слева неровной опушкой леса. Дорога загибалась в сторону, где хоронились враги, так что нападение на самом деле внесло бы сумятицу в войско астурийцев. Лес был обширен, вправо в низине лежало болото — туда сворачивать нельзя, влево же от развилки уходила в лес едва различимая колея. Бард, вернувшись к колонне, приказал отыскать местных жителей, которые подтвердили, что и этой дорогой можно добраться к замку. Тропа, мол, трудна, но вполне проходима.

Бард выслушал их и, подъехав к отцу, описал положение.

— Что же нам делать? — спросил сына дом Рафаэль.

— Жаль, что мы не можем окружить засаду и перебить их там. Нельзя также скрыть наше передвижение. Как только поднимемся на увал и начнем спуск в низину, будем как на ладони. Никаких сторожевых птиц не надо. Рори сказал, что скорее всего лерони с ними нет, но это еще не значит, что в отряде нет человека, способного связаться с главными силами с помощью телепатии и передать все, что он увидит. Атаковать их бессмысленно — об этом тут же доложат в штаб. И

позиция у них замечательная — по лесу за ними можно до ночи гоняться, — Бард на мгновение примолк, размышляя. — Конечно, в конце концов мы с ними справимся — пять-шесть десятков человек не могут долго противостоять целой армии. Но эта задержка полностью выдаст и состав нашего войска, и вооружение, и количество людей. Правда, лерони не могут сообщить то, чего они не видели собственными глазами. Решаем так: главные силы сворачивают на обходную дорогу — там ни враги, ни сторожевые птицы не сумеют разглядеть подробности — и полным ходом к королевскому замку. Отец, выбери человека, передай ему свой плащ и коня — мы с ним и с твоим знаменосцем возглавим отряд, который будет следовать прежним маршрутом. Ты же возглавь движение к королевскому замку… — Он опять на минуту задумался, потом продолжил: — Мне же выдели десять — двенадцать всадников, дюжину мечников с большими щитами и человек двадцать лучников. Если боги на нашей стороне, то вражеские наблюдатели решат, что мы и есть войско, которое поспешает на помощь осажденным. Возьми с собой всех лерони, и, пока не приблизился к замку, пусть они выведают все, что возможно, об армии Серрайса. Те, что в засаде,

в любом случае атакуют нас. Иного приказа у них и быть не может.

Дом Рафаэль согласился с предложенным планом.

— Лучников, — сказал он сыну, — возьми из Гвилда. Всадники? Лучше всех люди лорда Ланзела. Их как раз пятнадцать человек. Рубаки что надо, проверены в деле. Пеших мечников отбери сам.

— Отец, я же не знаю людей…

— Джерил знает, — ответил дом Рафаэль и кивнул на своего знаменосца, — он же со мной двадцать лет воюет. Слушай, — обратился он к воину, держащему знамя младшей ветви ди Астуриен. — Отправляйся с моим сыном, ты в его подчинении. Повинуйся ему так же, как и мне.

Построив отобранный отряд таким образом, чтобы создалось впечатление, что это и есть силы, отправленные на подмогу Джереми, Киллгардский Волк некоторое время выжидал, наблюдая, как армия, ведомая домом Рафаэлем, сворачивает в лес. Странные ощущения он испытывал в данный момент — даже горло от волнения сдавило. Он воевал с тринадцати лет, однако сейчас впервые должен был вступить в бой под флагом отца. В сущности, только под этим стягом и следовало

сражаться. В первый раз ему выпало счастье защищать землю, на которой он родился…

Прежде чем отдать приказ о начале движения, Бард разделил свой отряд. В момент начала вражеской атаки схоронившиеся в тылу лучники поразили половину чужих коней. По первой же команде астурийцы создали непробиваемый барьер из щитов, из-за которых зажигательными стрелами добили оставшихся всадников. Потом началась рукопашная. Враги, ошеломленные первым обстрелом, сразу дрогнули, и через полчаса все было кончено. Люди Барда захватили вражеское знамя, несколько лошадей, при этом собственные потери составили три человека. Оставшиеся в живых серраисцы разбежались. Киллгардский Волк приказал добить раненых лошадей и собрать вражеское оружие и доспехи.

Догнав армию, в присутствии дома Рафаэля и опытного ларанцу, способного отличить правду от лжи, Бард по очереди допросил пленных. Стало ясно, что, как они и предполагали, армия Серраиса вклинилась между союзниками — домом Рафаэлем и Джереми Хастуром, не позволяя им соединиться. Замок уже осадили, и штурм действительно должен был начаться под утро. Если первая атака не удастся, враги готовы были

взять Джереми измором, при этом они сочли, что войску дома Рафаэля можно будет противопоставить несколько застав. Бард пытался дознаться, был ли среди находившихся в засаде ларанцу и успел ли он передать сообщение о движущихся к замку силах. Да, такое сообщение было передано, и именно в том виде, на который рассчитывал Волк; в ходе боя человек, способный передавать мысли на расстояние, был убит.

Бард при этом известии скривился, мрачная ухмылка заиграла на его лице.

— Мы должны ударить по ним непременно ночью. — Он чеканил слова, словно гвозди забивал. — Повозки придется оставить, иначе не поспеем вовремя. Много людей нам не потребуется, только лучшие из лучших. Двигаться придется быстро, привал будет перед самой атакой.

Выступил сводный отряд в густых сумерках, когда начал накрапывать обычный вечерний дождь. Люди в общем-то местные, каждый из них не раз добирался этим путем до замка, так что воины шагали бодро и уверенно. Даже редкий снегопад, сменивший дождь, не смог задержать их. Правда, среди шагавших солдат то там, то тут возникали недоуменные вопросы: «Неужели командир считает, что они решатся на штурм

в такую погоду? Да тут в пяти шагах ничего не видно…»

Киллгардский Волк слышал эти разговоры и, отъехав в сторону, пропуская колонну, невольно вспомнил свой первый самостоятельный поход. Тогда тоже шел снег, и люди хмурились, недоумевали… Заметил группу лерони, и среди них Мелисендру, чьи ярко-рыжие волосы, выбившиеся из-под капюшона, были ясно различимы даже в скудном сумеречном свете. Тут же сердце кольнуло — Мелора!.. Боже, где она теперь?

Женщина отделилась от группы и подъехала к Барду. Киллгардский Волк затаил дыхание — ее голос напомнил мелодичный говорок Мелоры.

Мелисендра сказала:

— К утру небо прояснится, снегопад кончится. Можешь быть уверен, что колдунам Серраиса это тоже известно, а вот внутри замка — не знаю. Осажденные могут решить, что в такую погоду никто не решится на штурм, и потерять бдительность. Однако, когда снегопад прекратится, станет светло от яркого лунного света.

Бард удивленно — даже несколько ошарашенно — глянул на лерони.

— Это тебе твое колдовство подсказало, домна?

Мелисендра рассмеялась:

— Нет, просто мне известны фазы наших лун. Любой крестьянин смог бы объяснить тебе… У нас на небе четыре луны, сейчас Лириэль и Киррдис в полнолунии. Когда небо очистится, будет так светло, что ястребу впору вылетать на охоту. Так что нам нельзя опоздать с началом атаки, иначе они успеют захватить замок. Однако… — Она на мгновение запнулась. Потом продолжила: — Это все известно и вражеским лерони, скоро они почувствуют и наше приближение.

— Они смогут разобрать, сколько нас? — встревожился Бард.

— Вряд ли, но в любом случае попытаются нагнать на нас и на осажденных страху с помощью магических уловок. Нам следует быть готовым к этому.

Киллгардский Волк с уважением посмотрел на женщину, словно впервые увидел ее. Какая рассудительная! И докладывать умеет… Коротко, точно… Встревожило только предостережение насчет возможных защитных колдовских приемов. Бард этой пакости терпеть не мог. Он предпочитал открытый бой — пусть дело решит меч или копье.

Между тем снегопад усилился, и лерони были распределены между отрядами с пылающими

факелами в руках, чтобы указывать направление движения, а юного Рори отослали в авангард, в передовой пикет, где он с помощью ясновидения прозревал окрестности. Настроение в войске падало — люди брели по щиколотку в снегу, чертыхались, скользили, падали. Бард на мгновение задумался — не могли ли вражеские лерони нагнать эти снеговые тучи? Уж больно обильно повалил снег, однако спросить об этом Мелисендру не решался. По всему выходило, что именно она старшая в группе чародеев из свиты дома Рафаэля. Но в этом случае она в какой-то мере становилась ровней ему, Киллгардскому Волку. Они оба, оказывается, верные служаки, и еще неизвестно, чье искусство более важно для армии. Это было так необычно! Бард никак не мог преодолеть некоторую оторопь. Баба — и соратник! И какая баба? Его *баррaганья*!.. Ну дела…

Снегопад неожиданно стих — как отрезало! Над головами чернело ясное, бархатистое небо, залитое светом двух полных лун. Две другие едва виднелись тончайшими серпиками. Ветер стих… Бледно-сиреневый диск Лириэля, голубоватый, колеблющийся Киррдиса победно светили в вышине. По колонне пробежал восхищенный шепот. Вскоре передовой пикет вступил на вершину

холма, с которого открывался вид на равнину, где стоял королевский замок.

Вместе с Мелисендрой и другими лерони Бард выехал вперед.

Вокруг было удивительно тихо. Залитый лунным светом стоял замок — вокруг него было пусто. Ни единого огонька, ни следов бивуака, ни истоптанного снега… Первозданное белое покрывало укутало землю. И все-таки враг был там. Возле замка был разбит их лагерь, вокруг стен линия постов… Киллгардский Волк, не веря глазам, глянул на Мелисендру — она уверяла, что враги плотным кольцом окружили замок.

— Они здесь. Здесь… — почему-то шепотом откликнулась она, и в этот момент в сознании Барда возникла картина того, что видела Мелисендра, — может не столь яркая, но все же вполне отчетливая, чтобы разобрать ряды палаток, снующих между ними людей, лошадей, привязанных к коновязям, какие-то непонятные машины.

— Как ты все это видишь, Мелисендра?

— Не знаю. Возможно, мой звездный камень ощущает тепло их тел и преобразовывает в картинку, которую я воспринимаю мысленно. Каждый, кто способен обращаться с волшебным кристаллом, видит все это по-своему. Рори, на-

пример, рассказывал, что может даже *слышать* их. Возможно, он чувствует, как подрагивает воздух у них в гортанях, а может, просто различает, как вскрикивает трава, когда они мнут ее ногами.

Бард только покачал головой — расспрашивать подробнее он не решился. Глядя на Мелисендру, он все больше и больше удивлялся. Он обладал этой женщиной, она родила ему сына, и все равно он, оказывается, ничего не знал о ней. Сейчас даже слегка побаивался ее. Он слышал, что опытная и искусная лерони способна убить силой мысли. Интересно, Мелисендра владеет таким даром? По-видимому, нет, иначе она бы точно прихлопнула его как муху, когда он лишал ее девственности.

— Вражеские лерони знают, что мы близко? — спросил Бард.

— Уверена, что да. Они догадываются, что мы недалеко. Такое количество людей и животных невозможно спрятать от человека, обладающего лараном. Но мы с Рори договорились и совместными усилиями стараемся внушить им, что мы куда дальше, чем на самом деле. Мы оставили старого мастера Рикота и леди Арбелу с обозом. Они проинструктированы и посылают оттуда ложные

телепатические сигналы, как будто вся армия движется в прежнем порядке. Нам остается лишь ждать и наблюдать за действиями противника.

— Еще чего! — огрызнулся Бард. — Это ваша обязанность наблюдать, вот вы и наблюдайте, а моя — подготовить атаку.

Он собрал командиров, наметил план операции. Каждый отряд получил индивидуальное задание, занял исходную позицию… Бард вновь подъехал к Мелисендре, которая, вперив взгляд в пространство, недвижно сидела на лошади.

Шло время. Киррдис клонился к горизонту, восточный край неба уже начал светлеть. Вдруг Мелисендра тронула Барда за рукав:

— Там, внизу, объявлен приказ: «Приготовиться к атаке!»

Тот мрачно заметил:

— Значит, пришел срок. Мы атакуем первыми.

Он подозвал посыльного и шепнул ему пароль. Киллгардский Волк совершенно не чувствовал усталости — был бодр, свеж, хотя и не спал уже третью ночь. Лишь на какое-то время смежил глаза… Он достал особый походный хлебец с мясной начинкой. Вкусом эта пища напоминала сырую кожу, однако он должен был что-то проглотить. По опыту знал, что если ринется в бой с пустым

желудком, то у него сильно начнет кружиться голова и подступит тошнота. Другие в преддверии боя, крови, ужасов успокаивали себя каким-то другим способом. Белтран, например, заявлял, что в такие минуты ему кусок в горло не лезет, а если бы он съел что-нибудь, его бы вырвало в первые минуты сражения. Интересно, почему ему вдруг припомнился Белтран? Зачем его дух тревожит его в такой момент, лезет в голову?..

Усилием воли Бард отогнал навязчиво-глупые мысли, призрачное видение. Теперь его ждало *дело*. Необходимо было сокрушить армию захватчиков и спасти бесценную жизнь Джереми Хастура. На мгновение он словно провидел будущее и осознал, что эта атака открывает бесконечную череду боев и сражений. Неужели Джереми считает, что, сохранив его драгоценную жизнь, они позволят ему в дальнейшем всерьез выступать претендентом на трон Астуриаса? Или хотя бы на роль правителя-регента? Неужели думает, что это перемирие вечно? Оно будет в силе, пока выгодно дому Рафаэлю. Джереми сам просил прийти к нему на помощь. Они пришли, а дальше посмотрим…

Прежде всего следует выяснить, какая часть прежней королевской армии поддерживает

Хастуров? Кто согласен дать клятву на верность дому Рафаэлю? Тех, кто смирился с Джереми, вообще должно быть единицы…

Внизу блеснул огонек, и Бард, встрепенувшись, коротко приказал:

— Огня!

В то же мгновение по всей линии атаки запылали припасенные факелы. Лучник из передового охранения выпустил зажигательную стрелу. Оставляя дымный след, словно комета, она взлетела в воздух и устремилась в самую сердцевину лагеря серраисцев.

— Вперед! — во всю мощь легких заорал Бард.

Со всех сторон послышались истошные вопли, боевой клич астурийцев, и тут же армия, осененная факелами, под знаменем дома Рафаэля, набирая скорость, покатилась с холма на лагерь захватчиков.

К тому времени, когда огромное красное солнце всплыло над горизонтом, армия Серраиса уже была расчленена и отдельные ее части безжалостно уничтожались. Боевой дух противника был сломлен уже после первого ошеломляющего удара астурийцев. В мгновение ока арьергард был смят и половина его вырублена. Враг не успел развернуть ни имеющуюся у них катапульту и другие

метательные орудия, ни особые установки для разбрызгивания клингфайра. Разведывательный отряд из отборных бойцов успел захватить их. Тут же несколько бочонков липучего огня вылилось на головы ошеломленных серраисцев. Тогда-то и началась страшная паника — вокруг ревели и метались обожженные животные. Клингфайр поразил и людей, нарушилась связь и управление войсками. Началась резня и как следствие — массовая сдача в плен. Со стен на врагов обрушился град стрел, причем стреляли выборочно, залпами по убегающим, и в наступивших сумерках все поле было усыпано убитыми захватчиками. Тут еще ужаса подбавили совместными усилиями лерони. В этом аду, что творился в чужом лагере, даже появление кошмарных зубастых чудовищ могли счесть совершенно естественным явлением.

Сам Эйрик Риденоу, правитель Серраиса, был захвачен в плен, и как знак того, что сражение окончено, по дороге в замок под сенью своих победоносных знамен Бард и дом Рафаэль в присутствии пленника обсуждали, как же с ним поступить — то ли взять в заложники и держать в Астуриасе с целью утихомирить серраисских лордов, либо отпустить домой за большой выкуп, взяв с него клятву соблюдать нейтралитет, или

повесить на стене замка в назидание всем прочим, зарящимся на земли Астуриаса.

— Ничего лучше не могли выдумать! — возмутился старик. Он так сжал челюсти, что его светлая борода грозно встопорщилась. — Вы считаете, мои сыновья будут спокойно смотреть, пока вы расправляетесь с их отцом? Они соберут всю армию, как только узнают, что случилось с их авангардом.

— Он лжет, — сказал юный ларанцу. — Это войско совсем не авангард. В поход было мобилизовано все способное носить оружие мужское население. К тому же его дети не в том возрасте, чтобы сражаться. Он рискнул всем…

— Их попытки будут так же безуспешны, как и ваши, — заметил по этому поводу Джереми Хастур, встретивший победителей у ворот и проводивший их в тронный зал. Он обрядился в длиннополую рясу — обычный наряд ученого — темно-пурпурного тона, настолько густого, что она казалась черной. Оружия при нем не было, только маленький кинжал. В руке — трость, при ходьбе он тяжело опирался на нее и заметно прихрамывал, так что со спины его вполне можно было принять за древнего старика. На висках пробилась седина, однако рыжая шевелю-

ра была по-прежнему густа. Джереми отпустил небольшую округлую бородку, которая заметно прибавляла ему лет. Бард с презрением отметил, что в сводном брате не осталось ничего от того лихого паренька, каким он был в детстве, — теперь Хастур больше походил на чудных женщин-меченосиц, сражавшихся в рядах армии дома Рафаэля.

Отец Барда и Джереми обнялись, как добрые родственники, и тут же отошли подальше друг от друга. Взгляд Джереми упал на Барда, который стоял за спиной дома Рафаэля.

— Ты?!

— Что в этом удивительного, брат?

— Но в этом королевстве ты все еще считаешься вне закона. Семь лет еще не миновали, Бард… На твоих руках кровь члена королевской семьи. Твоя жизнь дважды в опасности. Назови хотя бы одну извиняющую тебя причину, иначе мне придется приказать моим людям схватить тебя и повесить на крепостной стене.

Бард вспылил:

— Ты же знаешь, каким образом эта кровь омыла мне руки…

Однако дом Рафаэль жестом заставил его примолкнуть:

— Значит, в этом заключается твоя благодарность, кузен? Бард возглавил армию, которая разгромила неприятеля и спасла замок. Если бы он не вернулся на родину, твою голову лучники дома Эйрика использовали бы теперь в качестве мишени.

Джереми поджал губы:

— Я не сомневался, что мой сводный брат — храбрый человек. Я как раз собирался объявить ему амнистию, он вполне заслужил ее. Так тому и быть. Но сейчас, Бард, уезжай за пределы Астуриаса и можешь вернуться, когда отменят прежнее решение. С той минуты ты наш законный подданный. Но только не в моем присутствии. Когда армия будет распущена, уйди вместе с ними и не появляйся в окрестностях дворца до тех пор, пока тебя не вызовут, иначе тебя казнят…

— Знаешь что… — опять начал было Бард, однако дом Рафаэль вновь жестом осадил сына.

— Все, хватит! Прежде чем вынесешь приговор, Хастур, тебе бы следовало позаботиться о троне. Обзаведешься короной, тогда и будешь вещать. На каком основании ты здесь командуешь?

— Как регент принца Валентина, сына Одрина. Такова воля королевы Ариэль. И как наместник над этими землями, которые в незапамятные

времена были частью владений Хастуров, под чье начало они должны вернуться, как только стихнет эта смута. Хастуры из Каркосы — мирные люди и позволят ди Астуриен править, если они признают Хастуров своими сюзеренами. Валентин уже присягнул на мече.

— Браво! — воскликнул дом Рафаэль. — Как вы великодушны, как ослепительно величественны, Джереми Хастур, что позволили ребенку, которому еще и пяти лет не исполнилось, поклясться вам в верности! Вы же не вымогали клятву, не принуждали мальчишку, не правда ли? Что вы пообещали малышу за это — деревянный меч или нового пони? Или ограничились куском торта и горстью конфет? С него и этого хватит?

Джереми даже вздрогнул.

— Он только следовал наставлениям своей матери, королевы Ариэль! — воскликнул Хастур. — Она прекрасно знает, что я не посягаю, а только охраняю права будущего короля, пока он не вырастет. В свое время он должен будет дать клятву на верность Хастурам и будет править здесь как их наместник.

Дом Рафаэль зло ответил:

— Нам здесь, в Астуриасе, не нужны Хастуры. Эти земли ди Астуриен много веков назад отвое-

вали у народа кошек.

— Все население Астуриаса признало Валентина своим законным правителем, вассалом Хастуров, из рук которых он и получит корону!..

— Неужели? Тогда поспрашивай их, Хастур, прежде чем так уверенно заявлять об этом.

— Я уже спрашивал, поэтому и заявляю с полной уверенностью. — Джереми едва справлялся с раздражением. — Мы ведь заключили перемирие, дом Рафаэль?

— Да, до той поры, пока армия Серрaиса находилась на нашей территории. Но где теперь эта армия? Сомнительно, что в течение ближайших десяти лет дом Эйрик сможет собрать подобное войско. Даже если мы сохраним ему жизнь... Да, кстати, — дом Рафаэль подозвал одного из стражников и обратился к нему: — Поместите дома Эйрика в надежное место.

— В темницу, мой лорд?

Дом Рафаэль оглядел Эйрика с ног до головы.

— Нет, — наконец вымолвил он, — это испытание не для его старых костей. Если при звездном камне он даст клятву, что не будет предпринимать попытку бежать, пока мы не определимся с ним, мы поселим его как почетного пленника.

— Клянусь своими сединами! — с внезапной

яростью воскликнул дом Эйрик. — У тебя, дом Рафаэль, в запасе только десять лет!..

— Если даже и так, я все равно размещу вас, дом Эйрик, в замке до тех пор, пока ваши сыновья не выкупят вас. Ваши ребятки крайне нуждаются в строгой отцовской руке. Слыхал, они очень нетерпеливы, без догляда могут наделать много глупостей.

Дом Эйрик хмуро глянул на него, потом махнул рукой:

— Ладно, зовите ваших лерони. Клянусь стенами Серраиса, что не покину эти места, пока вы сами не отпустите меня, живого или мертвого.

Бард засмеялся:

— Ну и клятва, дом Эйрик. Ваши стены я могу разрушить в любой момент. Приду и срою их. Отец, надо придумать что-то более серьезное…

Дом Рафаэль ничего не ответил, хотя, конечно, Бард верно подметил, и старик знал это. Наконец он обратился к стражнику:

— Подыщите в замке подходящее помещение и держите там пленного под строгой охраной. Потом мы вызовем его, чтобы уладить этот вопрос. Вы отвечаете за него головой…

Джереми с мрачным видом наблюдал за этой сценой. Когда же дома Эйрика увели наверх, он

не выдержал:

— Не кажется ли вам, дорогой кузен, что вы зашли слишком далеко? По-моему, вы чересчур вольно обращаетесь с моим пленником!

— Вашим пленником?! Кузен, не пора ли взглянуть в лицо правде? — спросил дом Рафаэль. — Ваше правление — или, если угодно, наместничество — подошло к концу. — Он жестом подозвал Барда, и тот тоже прошел на балкон, выходящий во внутренний двор крепости, заполненный вооруженными людьми.

Внизу раздался торжествующий рев сотен глоток:

— Киллгардский Волк! Наш Волк!

— Предводитель! Он привел нас к победе!

— Да здравствует сын дома Рафаэля! Да здравствует несокрушимый дом ди Астуриен!..

Дом Рафаэль подошел к перилам, поднял руку. Крики во дворе постепенно стихли.

— Послушайте, люди! Вы отстояли свою свободу, вы разгромили армию Серраиса! Вы хотите вернуть Астуриас под власть Хастуров? Объявляю, что этот трон навечно принадлежит семье ди Астуриен. Не о себе я хлопочу, а о сыне моем, Аларике!

Дикие крики восторга раздались во дворе. Дом

Рафаэль вновь поднял руку.

— Сейчас к вам обратится дом Джереми Хастур. — И обернувшись к побелевшему наместнику, старик предложил: — Ваша очередь, кузен. Спросите их, есть ли в их рядах такие, кто жаждет более десяти лет жить под властью Хастуров, пока сын Одрина Валентин достигнет совершеннолетия.

Бард почувствовал, как волна гнева и ярости затопила Джереми, однако сводный брат сумел взять себя в руки и подошел к перилам. Снизу раздались два возгласа: «Долой Хастуров!», «К черту тиранию Хастуров!» Затем все стихло.

— Люди ди Астуриен! — выкрикнул Джереми. Голос у него неожиданно оказался звучный, басистый, никак не подходящий к щуплому искалеченному телу. — В былые дни Хастур, Сын Света, захватил эти земли и власть над ними передал ди Астуриен. Я представляю здесь интересы короля Валентина, сына Одрина. Неужели вы посмеете восстать против своего законного короля?

— Где этот король? — выкрикнул кто-то из толпы. — Если он наш законный король, почему его нет вместе с нами? Почему он не повел в бой своих верных подданных?

— Нам не нужны марионетки Хастуров! — с

неожиданной силой завопил один из солдат. — Возвращайся в Хали, там и царствуй, Хастур!

— Нам нужен настоящий ди Астуриен на троне, а не хастурский лизоблюд!..

— Мы не станем целовать задницы Хастуров!..

Бард с удовлетворением отметил, что крики становились все громче, все настойчивее и слитней. Тут он невольно искоса глянул на отца и поразился его спокойствию. Все шло как по маслу — первые подготовленные крикуны зажгли массу. Народ, упоенный победой при виде своих вождей, мог смести любого, и этот момент нельзя было упустить. Дом Рафаэль и не упустил.

Кто-то швырнул камень в наместника. Джереми даже не вздрогнул — просто камень вдруг вспыхнул ярким голубоватым светом и растаял в воздухе.

После мгновенно наступившей тишины внизу поднялась буря. Рев и яростные возгласы слились в единый рокочущий гул:

— Долой короля-колдуна!

— Мы солдаты, а не проклятые лерони!

— Дом Рафаэль! Дом Рафаэль! Кто знает Алариk! — В толпе даже в нескольких местах послышалось: — Бард! Бард ди Астуриен! Мы хотим Киллгардского Волка!

Кто-то опять метнул камень, он пролетел, чуть задев одежды Джереми. Он и на этот раз не пошевелился, однако никакой вспышки не последовало. Потом снизу швырнули полную горсть конского навоза, и бурая масса темным пятном расплылась по пурпурной мантии Джереми. Его гвардеец прикрыл наместника телом и оттеснил от края балкона.

Дом Рафаэль обратился к нему:

— Неужели, дом Джереми, ты еще считаешь возможным заявлять какие-то права на трон Астуриаса? Может, придется отослать твою голову королеве Ариэль как предостережение, что ей следует более осторожно выбирать слуг. И народ Каркосы пусть полюбуется…

Джереми мрачно усмехнулся — в этот миг он действительно напомнил старика.

— Я бы не советовал. Это будет безрассудный поступок. Король Валентин, конечно, любит своего кузена Аларика, но я не сомневаюсь, что, получив подобный подарок, королева Ариэль пришлет в ответ не менее драгоценный дар.

Бард, сжав кулаки, невольно шагнул вперед, однако дом Рафаэль остановил его:

— Ни в коем случае, сынок. Ни единой капли крови, ни единой царапины. Мы не желаем ссо-

риться с Хастурами — пусть они правят на своих землях и не вмешиваются в наши дела. Но вы, дом Джереми, останетесь моим гостем, пока мой сын Аларик вновь не вернется под отчий кров.

— Неужели вы полагаете, что Каролин Хастур из Каркосы будет иметь дело с узурпаторами?

Дом Рафаэль развел руками:

— Я буду счастлив принимать у себя высокого гостя столько, сколько он пожелает. Должно быть, я не доживу до вашего возвращения в Каркосу, но у меня есть внук, который будет объявлен наместником Астуриаса до той поры, пока Аларик не вернется на родину.

Потом дом Рафаэль обратился к Барду:

— Проводи нашего высокого гостя в его покои, ведь он из рода Хастуров из Каркосы. Приставь к нему слуг, чтобы наш гость ни в чем не нуждался. Мы должны позаботиться о сыне короля Каркосы, ведь мы же родственники.

— Присмотрю, — ответил Бард, — за тем, чтобы он оставался в своих комнатах. Чтобы ничто не помешало ему заняться медитацией и прочими упражнениями. За ним будут внимательно приглядывать, чтобы он случайно не повредил себя. — Потом он положил Джереми руку на плечо и пригласил: — Пойдем, брат.

Джереми вздрогнул, словно это прикосновение обожгло его.

— Не смей прикасаться ко мне, ты, бастард!

— Для меня это тоже небольшое удовольствие. Если тебя не устраивает моя помощь, пусть будет по-твоему. — Бард сделал знак двум солдатам. — Дом Хастур нуждается в поддержке, помогите ему добраться до его покоев.

Джереми не удержался и вскрикнул, когда два бородатых латника схватили его, затем собрался с силами и, вспомнив о достоинстве, смирился и позволил утащить себя. Напоследок бросил взгляд на Барда — столько испепеляющей ненависти было в нем, что ди Астуриен понял — одному из них не бывать в живых.

«Я должен был убить его тогда, у границы, — горько подумал Бард, — но я уже принес ему несчастье. Я не мог убить безоружного. Нет уж, лучше иметь Джереми в друзьях и родственниках, чем враждовать с ним. А то, что он сейчас ненавидит меня, это пройдет».

Смена власти в Астуриасе заняла несколько дней и прошла гладко. Без сучка и без задоринки… Пришлось повесить несколько верных Джереми людей, которые пытались организовать сопротивление. План уже был готов, однако

один из ларанцу что-то успел разнюхать прежде, чем дело зашло слишком далеко. Вскоре в замке восстановилась прежняя размеренная жизнь. От Мелисендры Бард узнал, что одна из фрейлин королевы Ариэль носит под сердцем ребенка Джереми. Она просила позволения присоединиться к заключенному, чтобы скрасить его дни.

— Никогда бы не подумал, что у Джереми может быть любовница. И кто же она?

— Джиневра, — ответила Мелисендра.

Бард вскинул брови. Он сразу вспомнил Джиневру.

— Ты опытная лерони, Мелисендра. Можешь ли ты каким-нибудь образом принудить ее избавиться от ребенка.

Глаза Мелисендры побелели от гнева.

— Как ты можешь предлагать такое! Ни одна лерони не имеет права злоупотреблять своей силой.

— Ты считаешь меня полным дураком, женщина? Только не надо мне петь о добродетелях! Любая лагерная шлюха, забеременевшая против воли, может найти колдунью, которая вмиг вытравит ей плод.

Мелисендра дрожащим от ярости голосом ответила:

— Если женщина не желает носить ребенка, рожать в грязи, в нищете или во время войны, если не желает плодить безотцовщину или точно знает, что не сумеет выкормить его — тогда да! Тогда сердобольная лерони может пожалеть ее. Но убить ребенка только потому, что какой-то мужчина решил, что он сможет представлять опасность для правящей династии… — В ее глазах заиграли неприятные огоньки. — Ты думаешь, я так желала получить ребенка от тебя, Бард ди Астуриен? Но что сделано, то сделано, значит, пусть все идет своим чередом. Раз я должна была лишиться дара ясновидения — да будет так! Ты считаешь, что я способна посягнуть на невинную жизнь? Даже против своей воли?.. Неужели ты всерьез считаешь, что я способна хотя бы мысленно повредить ребенку Джиневры? Она любит свое дитя, любит его отца… Если тебе это так нужно, найми убийцу, и он перережет ей горло.

Бард ничего не ответил. Ошарашивающая мысль кольнула его — действительно, Мелисендра легко могла избавиться от ребенка, и теперь у него бы не было Эрленда. Почему же она не сделала этого?

И все-таки что же делать с Джиневрой? Чертова баба, вечно суется со своими укорами. В

битве Мелисендра, не задумываясь, работала на то, чтобы убивать людей, а тут заартачилась! Этот еще не родившийся ребенок представлял серьезную угрозу для ди Астуриен. Был опаснее любого претендента с мечом в руке. И его следует оставить в живых?! Он не должен был унижать себя спором с поглупевшей от добродетели бабой, однако и перечить себе тоже позволять нельзя. Он так и предупредил Мелисендру и, хлопнув дверью, вышел из комнаты.

Игра судьбы! О женщине, которая была рядом с ним, родила ему ребенка, он даже вспоминать не хотел — та же, которую он часто вспоминал, была ему недоступна. Однако эта мысль не успокоила его, к тревожным ожиданиям постоянно примешивалась дума об угрозе, исходящей со стороны Джиневры.

Когда страна была наконец усмирена и войско было распущено по домам, за исключением постоянных отрядов и дружин — Бард постоянно занимался с ними, отрабатывая планы отражения нападения со стороны Хастуров (ясно было, что рано или поздно, невзирая на наличие заложников, это непременно случится), — леди Джерана перебралась со своими приближенными в королевский замок. Бард отвел ей апартаменты, ранее

занимаемые королевой Ариэль.

Как-то раз, встретив мачеху в коридоре, Бард поинтересовался:

— Госпожа Джиневра, та, что носит ребенка Хастура, — с ней все в порядке? Здорова, бодра? Когда она собирается рожать?

— Примерно через три месяца, — ответила Джерана.

— Присмотрите за ней, приемная матушка. Приставьте к ней дам и добросовестную повивальную бабку.

Леди Джерана нахмурилась, пытаясь понять, к чему клонит пасынок.

— Конечно, рядом с ней три женщины, все они симпатизируют Хастурам. И акушерка — та самая, что принимала вашего сына. Но я не понимаю, почему вы вдруг так беспокоитесь о леди Джиневре?

— Что же здесь непонятного? — пожал плечами Бард. — Разве вы забыли, что Джереми мой сводный брат?

Джерана скептически посмотрела на него, но Бард больше ничего не сказал, однако в тот же день, убедившись, что все сказанное мачехой правда, он явился в покои, которые занимал Джереми.

Тот в это время был занят игрой, называемой «замок». Сражался со своим пажом, который навестил его. Когда Бард зашел в комнату, Джереми отодвинул кости и с трудом встал на ноги.

— Не надо вставать, Джереми. Это совсем не обязательно.

— Так уж заведено, что узник должен подняться, когда в камеру входит тюремщик.

— Можешь порадоваться. — Бард не обратил внимания на колкость. — Я принес тебе известие, что с леди Джиневрой все в порядке. Я знаю, ты слишком горд, чтобы интересоваться ее положением по собственной воле, и уверяю тебя — с ней все замечательно. Устроили ее очень удобно, как раз рядом с комнатами, отведенными супруге моего отца. Ей прислуживают добрые женщины — ты их должен знать: Камила и Рафаэла Деллерей и Фелиция Макандра. Уже и повитуха извещена — очень опытная повитуха, она у нас всех младенцев принимала.

У Джереми невольно сжались кулаки:

— Зная тебя, я уверен, что бедная женщина и ее подруги брошены в темницу, где ей и придется рожать. Это что — месть за какое-то оскорбление, которое тебе нанесли? Ты же у нас вечно ходил в обиженных. Этакий невинно страдающий анге-

лочек… С детства… Клыки только прорезались…

— Ты несправедлив ко мне, брат. Госпожа Джиневра помещена в светлое, теплое, уютное помещение. Получше, чем твои комнаты. Если не веришь, я могу подтвердить это при свете матрикса.

— Зачем все это? — спросил Джереми и подозрительно глянул на брата.

— Потому что знаю, как мучает мужчину неизвестность в отношении судьбы любимой женщины. Я думал, что эта новость обрадует тебя. Меня бы, например, очень обрадовала. Если ты пожелаешь, то Джиневру можно поселить вместе с тобой… Здесь, например…

Джереми невольно опустился в кресло и закрыл лицо руками. Потом глухо спросил:

— Тебе нравится терзать меня? Бард, Джиневра-то в чем виновата? Если тебе доставит радость увидеть мое унижение, я готов встать на колени, только не обижай Джиневру и ее ребенка.

Бард открыл дверь и впустил в комнату лерони — не Мелисендру! Когда голубоватое сияние звездного камня залило комнату, он сказал:

— Послушай, что я скажу, Джереми. Леди Джиневра помещена в самых лучших апартаментах, совсем недалеко от комнаты королевы Ари-

эль. Она питается, как и подобает беременной женщине, у нее есть все необходимое. Я уже распорядился на этот счет… С нею ее подруги, они спят в той же комнате, так что никто не сможет войти к ней незамеченным. Повитуха, которая принимала и моего сына, живет рядом. Стоит только подать голос…

Джереми жадно следил за ровным сиянием — оно ни разу не дрогнуло. Подозрения еще не до конца оставили его, однако уж кто-кто, а он был хорошо знаком с особенностями ларана, сам упражнялся в этом искусстве, поэтому сам факт использования кристалла убедил его в искренности сводного брата. Тем не менее он решительно спросил:

— Зачем весь этот спектакль? Что ты хочешь?

— Я просто хотел доказать тебе, что способен тебя понять. Ведь у меня тоже есть жена, которую я не видел уже семь лет. С той поры, как меня отправили в изгнание. Если ты скажешь при свете кристалла, где я могу найти Карлину, я готов разрешить Джиневре перебраться к тебе. Или тебе к ней. Естественно, тебя будут охранять, но там ты сможешь жить вплоть до рождения ребенка.

Джереми откинул голову и внезапно расхохотался. Смеялся долго, пока в смешинках не

зазвучали горечь и отчаяние.

— Вот что, оказывается, я должен открыть тебе, — наконец вымолвил он. — Я же совсем забыл, с какой серьезностью ты отнесся к тому обручению… Правда, мы все слишком серьезно отнеслись к этому…

— Карлина — моя жена! — заявил Бард. — В присутствии волшебного камня скажи мне правду — не тебе ли Одрин отдал ее, чтобы увеличить приплод Хастуров?

— Он все время раскаивался, что решился на этот брак. И конечно, предложил мне ее руку. Ты только челюсти не стискивай и бровями не играй, Волк, — у нас с Карлиной ничего не было. Она так и сказала мне — ничего у нас с тобой, Джереми, быть не может. Ты знаешь, я ей поверил… Правда, странно? Знаешь, и Одрин с ней согласился. Просто фантастика, не так ли, Бард? Послушаться женщины!.. Каково, а, Волк?

Бард не обратил на эти уколы никакого внимания — он внимательно следил за звездным камнем. Стало ясно — Джереми говорил правду. Он почувствовал прилив радости. Карлина помнила о своем слове, она ждала его, даже Джереми отказала.

— Где же она теперь? Скажи, и Джиневра тотчас

переедет к тебе.

Джереми вновь невесело рассмеялся:

— Где она теперь? Охотно, очень охотно поделюсь с тобой, брат. Она дала обет и теперь является служительницей Аварры. В этом желании ей не смог отказать даже отец. Она покинула двор, королевство и отправилась на остров Безмолвия. Там она поклялась провести жизнь в целомудрии и молитвах. Если тебе уж так приспело, то поезжай и добудь ее там. Брось вызов богине!..

3

После захвата Астурийского замка дом Рафаэль назначил сына главнокомандующим. Серраис уже не представлял собой угрозы — дети дома Эйрика вели себя тише воды, ниже травы; Хастуры тоже притихли, и, выбрав момент, Бард попросил отца разрешить ему отлучиться на несколько дней.

— Согласен, — откликнулся старик, — ты заслужил отдых. Куда собираешься отправиться?

— Я заставил Джереми сообщить мне, где скрывается Карлина, — ответил Бард. — Попытаюсь вернуть ее домой.

— Но только в том случае, если она вновь не вышла замуж, — встревожился дом Рафаэль. — Я уважаю твои чувства, но не могу позволить тебе насильным путем забрать жену у человека, мне подвластного. На мне лежит ответственность за эту землю, я не намерен преступать закон.

— Какой закон сильнее, чем тот, что связал мужчину и женщину узами брака? Даже если они только обручены? Будь спокоен, отец, Карлина не вышла замуж, она нашла убежище там, где никто не смог бы принудить ее к повторному

замужеству.

— В таком случае не возражаю. Отбери людей для сопровождения и ступай. Когда вернешься с ней, мы сыграем настоящую свадьбу. — Он задумался, пожевал губами, потом сказал: — Конечно, леди Мелисендра расстроится. Вряд ли ей удастся остаться барраганьей, когда здесь поселится твоя жена. Я намереваюсь отослать ее в деревню. Там она сможет позаботиться о сыне и прожить в чести и достатке.

— Нет, — жестко сказал Бард. — Она будет прислуживать моей жене.

Что-то в душе его взыграло при одной только мысли, какие муки испытает Мелисендра в ожидании прибытия Карлины, потом она будет помогать ей одеваться, расчесывать волосы, чистить обувь…

— Тебе видней, — согласился дом Рафаэль, — поступай как знаешь. Но учти — она мать твоего старшего сына. Унижая мать, ты унижаешь и его. И Карлина, мне кажется, вряд ли испытает большое удовольствие день и ночь лицезреть свою соперницу. Видно, ты не очень хорошо разбираешься в женщинах…

— Возможно, и не разбираюсь, — ответил Бард. — Можешь не сомневаться, если Карлина

пожелает отослать Мелисендру, та в тот же день покинет дворец. В качестве моей жены Карлина обязана воспитать всех моих детей, она и за Эрлендом присмотрит.

Это будет лучше, сразу решил Бард, чем позволить Мелисендре вливать яд моему первенцу. Маленький Эрленд ему очень понравился, и он совсем не собирался расставаться с ним.

Он выбрал двенадцать гвардейцев — дюжих, умелых, проверенных. Этого, по мнению Барда, вполне достаточно, чтобы показать монашкам с острова Безмолвия, что его намерения тверды и бесполезно пытаться прятать Карлину от законного мужа. Какие тут особые силы нужны, чтобы справиться с горсткой безоружных женщин-затворниц?

Кроме того, в путь с ним отправились два чародея: юный ларанцу Рори и Мелисендра. С детства Бард наслышался сказок о необыкновенной колдовской силе, которой обладали монахини, и он не желал запутаться в их сетях. Цель похода он сообщил Мелисендре — пусть вот она и потрудится, чтобы Бард смог вернуть себе законную жену. Неожиданно злобно Бард подумал, что с этой бабой только так и следует обращаться.

Остров Безмолвия лежал далеко за пределами

Астуриаса, в независимых землях Маренжи. О тех краях известно было немного — разве то, что тамошний правитель избирался раз в несколько лет на общем сходе. Даже не выбирали, а назначали того, чье имя выкрикивали громче. Не было у них постоянного войска, ни в какие союзы с соседними королями и властителями не вступали. Однажды дому Рафаэлю довелось принимать в парадном зале шерифа Маренжи — помнится, тогда они выпили несколько бочонков вина и договорились о том, что отец Барда будет охранять их границы.

За рубежами Астуриаса лежала мирная земля. Вокруг по холмам были разбросаны рощи диких яблонь и груш, росли сливы. Потом вдоль дороги потянулись сады ореховых деревьев и плантации пухового кустарника. Скоро они добрались до широкой запруды, где была устроена мельница и возле нее крупная валяльня, где сбивали пух. Рядом с мастерской располагалась деревня, жители которой занимались ткачеством. Бард вспомнил, что именно в Маренжи изготовлялись лучшие шерстяные ткани. Рисунок был традиционный — разновеликая клетка любых цветовых сочетаний. Нигде в округе не встретишь следов укреплений, ни единого вооруженного человека

на пути.

Заманчивая мысль пришла в голову Киллгардскому Волку — эти земли примыкали к Астуриасу. Далее начинался Серраис. Если оставить в Маренжи гарнизоны, создать укрепленные пункты, то защита границ Астуриаса станет куда легче. А местному шерифу своя выгода — налог с них будут брать минимальный, зато можно не беспокоиться о будущем. Если же он не согласится, можно обойтись и без разрешения. Кто здесь может оказать сопротивление? Как только он вернется, надо будет подсказать отцу, что нельзя затягивать решение этой проблемы.

Чем дальше, тем мрачнее становилась местность. Холмы скоро сменились горами, то там, то здесь лежали живописные озера. Все более бедные и мелкие крестьянские подворья попадались им, все дальше и дальше друг от друга располагались они. Мелисендра и мальчик держались вместе, в этой земле они чувствовали себя неуютно.

В дороге Бард постарался припомнить все, что он знал и слышал о служительницах Аварры. С незапамятных времен они жили на острове, расположенном на середине озера Безмолвия. Извечный закон гласил, что любой мужчина,

ступивший на священный остров, должен умереть. Известно также, что послушницы давали пожизненный обет хранить невинность и провести свои дни в молитвах. Допускались на остров и другие женщины — замужние, незамужние, вдовы, девушки и старухи, сраженные горем и отчаянием. Там всех их брала под свою защиту Аварра, Таинственная Мать всего живого, богиня и покровительница тех, кто дарит жизнь.

Кто бы ты ни была, ты можешь прийти на остров Безмолвия, облачиться здесь в серую просторную рясу и жить сколько пожелаешь. Единственное условие — соблюдение целомудрия и отказ от похотливых мыслей… Никто из мужчин на самом деле не ведал, как устроена жизнь на этом острове; женщины, вернувшиеся оттуда, а их было не мало, об этом не распространялись. Потерявшие ребенка или любимого человека, страдающие от бесплодия, страстно жаждущие испытать счастье материнства, вымаливающие здоровье для своих детей, отчаявшиеся, опечаленные, ищущие смысл жизни — все шли сюда, чтобы поклониться Аварре, матери всего сущего. И посредницами в этих мольбах выступали жрицы богини.

В детстве, припомнил Бард, в свите леди Дже-

раны была одна старушка, которая побывала на острове и часто рассказывала о том паломничестве подругам. Бард был еще так мал, что женщины не стеснялись его — вот он и выслушал один из рассказов от начала до конца. Крепко засело в памяти странное заявление старушки: «Тайна острова Безмолвия, спрашиваете вы? Секрет острова в том, что там нет никакой тайны. Я провела там все лето. Женщины живут в избах, каждая отдельно, молятся, голос подают, только когда их спросишь о чем-нибудь. Молятся с утра до вечера, занимаются благотворительностью, собирают лечебные травы. Они дают обет помочь любой, кто с именем богини на устах попросит о помощи. В этом деле они такие искусницы — могут от болезни избавить и хворь душевную снять. Святые, просто святые женщины».

Тут-то и скрывалась загадка — что же это за доброта, если они дали клятву убить любого мужчину, кто ступит на остров? Хотя, возможно, пошутил он про себя, чтобы унять неясную тревогу, жительницы острова совсем не похожи на других женщин, если они столь молчаливы. Всем известно, что основная доблесть женского пола — болтовня без конца и без краю.

Странным казалось то обстоятельство, что

женщины живут одни, сами по себе, без всякой охраны. Был бы он шерифом Маренжи, он бы непременно послал солдат, чтобы оградить их от непрошеных гостей.

Вскоре отряд добрался до вершины перевала, откуда открывалась ровная как стол долина, в которой лежало священное озеро.

Это было очень тихое и спокойное место. Лишь топот конских копыт нарушал вековую тишину. Вот что еще гармонично, весомо вплеталось в застывшее безмолвие — крики встревоженной птицы, испуганно взлетевшей в небо, пронзительные, странные… Берега озера были пологи, поросли деревьями с темной листвой — ветви клонились до самой воды, листья купались в чистых струях. Закатное солнце путалось в их кронах, озабоченно постреливало лучами, пробивающимися сквозь купы. Как только всадники приблизились к кромке воды, тут же на берегу начали поквакивать лягушки. Места были топкие, под копытами коней сразу начала скапливаться вода. Делать было нечего, и Бард повел отряд вокруг озера.

Ну и мрачный же уголок открылся перед ним! Карлина, несомненно, будет рада, если он заберет ее отсюда. С другой стороны, она правильно

сообразила, что лучшего убежища не отыскать. У озера напрочь забывались всякие политические мотивы, никому бы не пришло в голову тайком вывезти ее с острова! Бард был уверен, что семи лет в печали, мольбах и постах вполне достаточно. Все, хватит! Она все же принцесса, жена главнокомандующего королевскими вооруженными силами!.. Пора и честь знать!..

К вечеру озеро начал покрывать туман. Белесая хмарь густыми и таинственными клубами поднималась прямо от воды, стала наползать на берег, и уже через несколько минут Бард, ехавший впереди, с трудом мог различать тропку. Люди за спиной принялись ворчать — что-то угнетающее было в этой пелене, так густо застилавшей глаза. Маленький Рори догнал Барда и, подняв к нему совершенно бледное, испуганное лицо, заявил:

— Пожалуйста, ваи дом, нам следует вернуться. Мы заплутаем в тумане. Они не желают, чтобы мы были поблизости, я чувствую это!

— Попробуй воспользоваться ясновидением, — приказал Бард. — Что-нибудь можешь разобрать?

Парнишка вытащил медальон со звездным камнем и глянул в него. Всматривался несколько минут, потом лицо его исказилось — он словно

бы пытался и не мог крикнуть.

— Ничего… Я ничего не вижу. Сплошь туман… Они пытаются скрыться от меня, они умоляют уйти — уверяют, что мужчине здесь нельзя появляться.

— Это ты, что ли, мужчина! — презрительно усмехнулся Бард.

— Нет, — ответил мальчик, — но они взывают ко мне, они требуют, чтобы я ушел из этих мест. Пожалуйста, лорд Волк, давайте повернем назад!.. Мать обратила ко мне свой темный лик, она сердится — ну, пожалуйста, господин, здесь нам нельзя появляться. Нам следует поскорее покинуть эти места или случится что-то ужасное!..

Черта с два, выругался Бард. Если эти колдуньи с острова считают, что могут запугать его, нагнать морок, как на этого трясущегося от страха парнишку, который что-то увидел в своем дурацком кристалле; если они думают, что и он вздрогнет и перетрусит, — они очень ошибаются.

— Придержи язык. Будь мужчиной! — жестко сказал Бард, обращаясь к пареньку, и тот, вытирая на лице слезы, подрагивая и озираясь, дальше ехал молча.

Между тем туман сгущался, вокруг становилось все темнее. Неужели приближается буря? Стран-

но, когда они подъехали к озеру, погода была прекрасная, небо чистое. Возможно, к вечеру на топи спускается туман? Все-таки удивительно, как много людей подвержено предрассудкам! Что таинственного и угрожающего в этом влажном молоке? Разве что белесые струи движутся слишком быстро?..

Действительно, пряди тумана впереди начали перемещаться, сплетаться… Его конь нервно шарахнулся в сторону — прямо перед его мордой в мелькающем крошеве внезапно обозначилась фигура пожилой женщины. Самое удивительное, что это было не привидение, сотканное из тумана, а самая настоящая женщина. Волосы у нее были светлые — Бард даже мог различить мелкие завитки на висках и шее, — заплетены в две косы, лежащие на груди. Лицо покрывала черная вуаль. Одета она была в шерстяную черную юбку, на плечах толстая вязаная черная шаль — одним словом, обычная крестьянка.

Женщина решительно подняла правую руку:

— Вернись! Ты знаешь, что мужчина не смеет ступать на эту землю. Это святая земля, владение Аварры. Остановись, поверни коня и ступай туда, откуда пришел. Здесь зыбучие пески, здесь опасное место, ты о нем никогда не слыхал.

У Барда отпала нижняя челюсть, он вдруг потерял способность говорить; пришлось прокашляться, прежде чем голос вернулся к нему. Наконец, когда оторопь прошла, он ответил:

— Я вовсе не намерен нанести вред святым местам или проявить неуважение. И тебя, мать, я не обижу и никаких служительниц Аварры не трону. Я приехал сюда, чтобы вернуть свою нареченную, Карлину ди Астуриен, дочь короля Одрина.

— Здесь нет нареченных, — ответила старая женщина. — Здесь живут только сестры, давшие обет служить Аварре, — дни и ночи их заполнены молитвами и обрядами. Есть здесь и несколько раскаивающихся грешниц, есть странницы, которые явились пожить среди нас и подлечиться.

— Ты не ответила на мой вопрос, мать. Есть среди них госпожа Карлина?

— Здесь нет никого, кого бы звали Карлина. Мы не спрашиваем, каким именем наши сестры были наречены в миру. Приходят странницы — как назовут себя, так и хорошо. Когда же женщина является с желанием дать обет и посвятить себя служению богине, она забывает, кем была в прошлой жизни. Только Аварра знает, как окликали жрицу до нового рождения. Среди них нет твоей

жены, нет принцессы, нет дочери. Уверяю тебя — я говорю правду. Не твори богохульства, иначе гнев Матери падет на твою голову.

— Не надо меня пугать, старуха! Я знаю, что моя жена здесь, и, если ты не вышлешь ее ко мне, я сам приду и заберу ее. Тогда я не отвечаю за то, что натворят здесь мои люди.

— Нет, мужчина, — ответила женщина, — придет час, и ты ответишь за это, и тогда уже никого не будет интересовать: берешь ли ты на себя ответственность или нет.

— Зачем лишние слова? Давай не будем препираться! Лучше пойди и сообщи ей, что пришел ее муж, чтобы забрать с собой. Вот поступишь так, и мне не придется святотатствовать. Я могу подождать и здесь… Могу отойти подальше…

— Твои угрозы мне не страшны, — ответила пожилая жрица. — Не испугают они и Великую Аварру…

Неожиданно сгустившийся туман скрыл ее лицо, и в следующее мгновение фигура растворилась в белесом жутком месиве. Облако, плотностью своей выделявшееся даже на фоне тумана, истаивая, поплыло к прибрежным камышам, внезапно открывшимся взорам всадников, к зеркалу чистой озерной воды.

Киллгардский Волк даже в стременах привстал, принялся озираться… Как этой бабе удалось так незаметно исчезнуть? Что это было? Живой человек или сотканная с помощью чар иллюзия? Странно, но теперь он более чем когда-либо был убежден, что Карлина скрывается именно в этом месте. Они нарочно спрятали ее. Почему бы старой жрице не исполнить его просьбу, ведь он просил достаточно вежливо? Разве трудно ей было объявить Карлине, что Бард пришел с миром, что он не желает никому причинять вреда или творить богохульство? Он просто хочет вернуть ее домой, он имеет право создать семью. В любом случае, чтобы ни случилось, она, как и прежде, его законная жена.

И все-таки душу грызло сомнение — не богохульствует ли он. Что ни говори, а применить силу в таком месте… Плюнуть и растереть — Бард окончательно взял себя в руки. Он повернул коня и подъехал к Мелисендре.

— Пришла пора использовать твою силу, — сказал он. — Ну-ка глянь — где-то здесь зыбучие пески. Что там у нас впереди?

Она вытащила свой кристалл и посмотрела в него. Лицо ее окаменело, взгляд застыл, словно женщина пребывала в каком-то невидимом при-

чудливом мире, где тайное становится явным, где можно разглядеть лики богов. Может, потому в таком благоговейном страхе и восторге замирают лица у лерони, когда они погружают свой взор в недра звездного камня. Более того, в этот миг лицо ее стало очень похожим на лицо сестры ее, Мелоры.

— Здесь рядом полоса зыбучих песков, только они в общем-то не опасны. Мелководны они… Бард, неужели ты совсем потерял голову? Это же крайнее безрассудство… Нельзя гневить Аварру. Если Карлина пожелает вернуться к тебе, она вернется. Не под замком же здесь ее держат.

— Не знаю, не знаю… — ответил он. — Они очень подозрительны, эти безумные женщины. Зачем они решили жить без мужчин? Что за необходимость целыми днями читать молитвы, хранить целомудрие? Что им вообще делать в этом месте, в котором ни одна нормальная женщина…

— Ты считаешь безбрачие и желание молиться неуместным для женщин? — саркастически спросила Мелисендра.

— Не имеет значения. Я уверен, что женщина может молиться столько, сколько ей заблагорассудится, но пусть занимается этим у семейного

очага. Нет и не может быть такого, чтобы замужняя женщина могла позволить себе целомудрие против воли супруга. Что полезного в этих многосуточных бдениях, если они нарушают законы природы и права мужчины?

Вопрос, конечно, был риторический, однако Мелисендра ответила на него, ответила сухо, педантично:

— Мне рассказывали, что служительницы совершают много добрых дел. Собирают лечебные травы, варят снадобья; они могут излечить бесплодие. И молитва сама по себе не такая уж плохая вещь. По крайней мере, обращаясь к богам, повторяя их имена, еще никто и никогда не сотворил зла. Вопреки им — да, это было, но взывая к небесным силам, к добру — никогда!

Бард словно не слышал ее.

Неожиданно они выехали из тумана, плотной завесой окутавшего землю до верхушек деревьев, и оказались на широкой песчаной излучине у самой воды. По обе стороны пляж обрамляли заросли неподвижного камыша. Здесь же, за небольшим холмиком, виднелась деревянная лачуга, от нее к воде вела едва заметная тропка. На берегу к колышку бечевкой была привязана лодка.

Бард подъехал к колышку, долго смотрел на него, потом грузно спрыгнул на песок. Конь тут же ступил в воду и принялся жадно пить.

— Эй, — крикнул он. — Перевозчик!

Невысокий человек вышел из хибарки — даже вблизи трудно было понять, мужчина это или женщина. Какая-то серая роба покрывала фигуру с ног до головы, кроме того, на голове был намотан дырявый шерстяной платок. Только когда перевозчик приблизился к Барду, он с раздражением и даже некоторым испугом осознал, что перед ним женщина. Старуха… Седые пряди выбивались из-под платка, лицо сморщенное. Глазки зоркие, так и поблескивают…

— Где перевозчик? — требовательно спросил Бард.

— Я держу здесь перевоз, господин хороший. Явится какая-нибудь добрая леди, я и везу ее на остров…

— Быстро перевези меня на этот остров. Слышишь? Или ты глуха как пробка?

— Слышу я, господин хороший, малость слышу. А вот перевезти не могу. Запрещено!.. Если, к примеру, на бережок явится леди, попросит — перевези, мол, я тут же — хвать весло!.. А мужчину не могу — этого не дозволяется, богиня против…

— Глупости! — перебил ее Бард. — Как ты можешь судить, что желают бессмертные, а что нет! Даже если допустить, что они существуют. Даже если служительницам и придется это не по нраву, что они смогут поделать?

— Ох, господин хороший, что они могут поделать, не знаю, только я не хочу брать грех на душу. Вы погибнете, а мне потом отвечай — зачем, мол, старая, взялась за весла; знала, что запрещено…

— Ладно, хватит глупить, старуха. Не будь ослицей! Тащи весла, и поживей!

— Ох, господин, вы уж такими словами, как «ослица», не швыряйтесь. Вы сами не знаете, что говорите. Только я вот так скажу — эта лодка вас на тот берег никак не доставит. Меня — да; леди — пожалуйста, а вас не повезет, и все тут.

Бард решил, что старуха явно свихнулась, потому толку от нее не добиться. Возможно, жрицы наняли ее держать перевоз. Из милосердия… Однако она считала, что ее главная задача — отваживать от этого острова мужчин. Но его не отвадишь. Он вытащил кинжал.

— Видишь это? Ну?.. Тащи весла и помалкивай. Быстро!

— Не могу! — заплакала старуха. — Ну, как я могу!.. Здесь воды опасные, стихают, только когда

сестры захотят того. Я и с места не стронусь, пока они не позовут с того берега.

Бард нахмурился. Ему припомнился случай возле брода, что рядом с Морейской мельницей. Там река тоже была заколдована — с виду течение спокойное, но стоило войти в воду, как река в мгновение ока превращалась в бушующий поток.

Черт с ней, решил Бард, он все равно не отступит.

— Где весла? — рявкнул он.

Старуха кивнула в сторону хижины. Бард сам сходил за ними, бросил на сиденья и коротко приказал:

— В лодку.

Перевозчица сделала шаг, другой — ее всю трясло. Бард почувствовал, как ярость ударила в голову.

— Лезь!

Женщина разрыдалась, закрыла лицо руками.

— Не могу! — всхлипнула она. — Никак нельзя!..

Она сползла на землю. Бард сразу не понял почему — может, он ее ударил? Вроде нет. Все равно… Он поднял старуху, опустил в лодку, вставил весла в уключины — тут его посетила

злобно-радостная мысль: если уж вы тут такие святые, то и лодка могла бы сама поплыть. Но нет — пришлось взяться за весла. Он погнал лодку вперед, в сторону тумана, лежащего на поверхности совершенно неподвижной, темной воды. Лодка была очень легка, послушна, Барду было не впервой справляться с подобным суденышком. Было время, когда он не выпускал весел из рук. Было это на острове Мирион…

Греб долго, даже повеселел; все дальше и дальше забирался в глубь водного пространства, со всех сторон занавешенного клочьями тумана. Наконец впереди показались заросли камыша, стеной вставшие у берега. Сердце забилось гулко, радостно. Бабка уже очухалась и сидела на корме, вжав голову в плечи. Бард, сделав несколько мощных гребков, обернулся, глянул через плечо — и обомлел. Лодка ткнулась носом в песок. Вот и колышек, поодаль ветхая лачуга. Кружил, кружил и в конце концов вернулся на прежнее место.

Бард бессильно выругался — кто бы мог подумать, что в этой стоячей воде на самом деле существуют такие сильные течения. Что еще могло увлечь его с прямого курса? Он развернул лодку и опять погнал ее в глубь озера. Только теперь он заметил, что лодку действительно ста-

ло сносить в сторону. Бард приложил все силы, выбрал на берегу ориентир, а когда тот скрылся из виду, принялся следить за оконечностью одного из клочьев тумана — так и гнал суденышко, стараясь придерживаться заданного курса. Все равно медленно суденышко опять начало сносить. Оборачиваясь, Бард вроде бы разглядел впереди кусты — значит, там была земля, может, нужный ему остров, однако лодку с неодолимой силой вновь утянуло вбок. Старуха вдруг захихикала. Лодка опять ткнулась носом в песок.

Бард сделал еще одну попытку. Теперь он не щадил себя, однако все кончилось так же, как в первый раз.

Старуха опять захихикала, тоненько, противно:

— Я же говорила вам, господин хороший, хоть целый день гребите, толку не будет. Эта лодочка никогда не пристанет к острову, если сестры не пожелают.

Барду показалось, что некоторые из его людей, собравшиеся на берегу, посмели усмехнуться. Он бросил на них такой разъяренный взгляд, что все они невольно построились и вытянулись по стойке «смирно». Тут еще это противное хихиканье… Он почувствовал неодолимое желание свернуть

шею перевозчице, однако сумел одолеть себя — гневом делу не поможешь. Тем более смертью… Что взять с этой дуры, ее дело — возить, а куда, зачем, ее не касается.

Он поразмышлял, глядя на нее. Брод у Морейской мельницы был заколдован — так? Очевидно, эта лодка — тоже. В любом случае, если служительницы Аварры действительно намереваются любым путем задержать Карлину у себя, ясно, что они должны использовать колдовство. Выходит, сколько ни пытайся в одиночку переправиться на ту сторону, ничего у него не получится.

Тогда, возможно, лерони смогут расколдовать эти воды. Так тогда и поступила Мелора, и его люди сравнительно легко переправились на другой берег.

— Мелисендра!

Она тут же подошла к нему. Бард задумался, может, она тоже хихикала у него за спиной, однако об этом ни словом не обмолвился, сказал только:

— Если служительницы Аварры наложили заклятие на эти воды, сможешь ли ты расколдовать их? Успокоить хотя бы на короткое время?

— Нет, господин. Я боюсь вызвать гнев богини.

— О какой богине ты болтаешь?

— Она — богиня всех женщин, я страшусь рас-

сердить ее.

— Мелисендра, предупреждаю… — Он замахнулся на нее.

Она с мертвым безразличием глянула на него.

— То, что ты сотворил со мной… — неожиданно спокойно откликнулась она, — хуже не бывает. После того как ты сломал меня, неужели ты считаешь, что твои зуботычины что-то исправят? Ну что ж ты, бей!..

— Если ты меня так сильно ненавидишь, ты должна помочь мне вернуть жену! Тогда мы бы расстались, ты обрела бы свободу. Надо же! — Бард не выдержал и хлопнул себя по бедрам. — Я ей, видите ли, отвратителен! И до какой же степени?

— Сам реши, но в любом случае покупать свободу ценой несчастья другой женщины я не буду. Еще одну жертву отдать в твои руки? Спасибо!..

— Вот в чем дело! Ты ревнуешь!.. — воскликнул Бард и ткнул в Мелисендру пальцем. — Вот почему ты не желаешь, чтобы я забрал ее!

Она смело взглянула на Барда, горько усмехнулась:

— Если даже сестры захватили твою жену и силой удерживают ее на острове, а она мечтает побыстрее вернуться к тебе, то и в этом случае

я рискую вызвать гнев Матери, если окажу тебе помощь. Этот гнев может пасть не только на меня, но и на головы моих детей. Осмелюсь ли я подвергнуть их будущим несчастьям? Тем более мне кажется, что твоя Карлина вовсе не жаждет вернуться в твои объятия — зачем ей забираться в такую глушь, куда испокон веков все являлись по своей воле. Если бы тебе хватило рассудительности, Бард, ты бы не мешкая приказал своим людям покинуть это место, пока не случилось беды.

— Тебе это стало известно с помощью лара-на? — с нескрываемым раздражением спросил Бард.

Она опустила голову, потом вымолвила сквозь всхлипывания:

— Нет, господин. Способность проникать за пределы видимого я потеряла навсегда. Я знаю наверняка — богиня не любит, когда ей бросают вызов. Безнаказанной такая дерзость не останется. Бард, умоляю, нам лучше уйти отсюда.

— Ты-то что печалишься, если со мной что-то случится? Радоваться должна!.. — зло бросил он, однако Мелисендра не ответила — повернулась, подошла в своему коню и, молча развернув его, поскакала вдоль берега в обратную сторону.

«Чертова баба! Чертовы шлюхи и их богиня!»

— Эй, ребята! — закричал он, обращаясь к своим людям. — Мы поплывем на лошадях, только лодка, заколдована. — Он вскочил на коня и направил его в озеро. Тот отчаянно сопротивлялся, вздрагивал, всхрапывал, упирался всеми ногами. Бард едва смог удержать поводья, когда тот вдруг начал тихонько взбрыкивать. В этот момент он заметил, что никто из сопровождавших его людей не последовал его примеру.

— Давайте, ребята! В чем дело? За мной, мужики! Там бабы на острове. Они решили подразнить меня, так что я освобождаю вас от всякой ответственности. Вперед, ребята! Там добыча и женщины. Не бойтесь этих старых ведьм! За мной!..

Около половины отряда сразу отступили, послышались испуганные и в то же время оправдывающиеся возгласы:

— Нет, дом Волк, это невозможно. Это запрещено!

— Богиня не простит, господин. Не делайте этого.

— Богохульство!..

Однако двое после некоторых колебаний смело выехали вперед, принялись нахлестывать упира-

ющихся коней.

Между тем туман начал сгущаться на глазах. Рваные редкие клочья взбухали, расползались по воде, причем на этот раз белесая муть приобрела какой-то на удивление ядовито-зеленый оттенок. Жуткое зрелище! Едко-травянистого цвета колеблющаяся стена влаги начала надвигаться на берег, и в этот момент сердце Барда вдруг замерло — он явственно различил в тумане нелепые ужасающие рожи. Они корчили гримасы, показывали языки, подмигивали. И все бы ничего — эти детские шалости несли с собой леденящий кровь ужас. Словно вот так, с ужимками, с ухмылочками, подбирается к человеку смерть. Словно мрак небытия решил прикрыться глупой личиной, где один глаз смотрел в одну сторону, другой в противоположную. Один из смельчаков, бросившихся к воде, внезапно истошно взвыл. Так обычно вопят сумасшедшие…

— Мать Аварра, пощади! Пожалей нас!..

Он бешено задергал поводья — конь даже голову задрал, истошное ржанье разнеслось окрест. Наконец обезумевший человек сумел развернуть дрожащего коня и галопом помчался к берегу. Этот стремительный рывок словно знаком оказался, словно тем пределом, толчком,

после которого уже не было сил терпеть, и один за другим его спутники, сбившиеся на берегу, принялись разворачивать коней, поднимая их на дыбы. Наконец все они помчались вдоль берега вслед за Мелисендрой. Это несмотря на то, что Бард, встав в стременах, приказал им вернуться, сыпал проклятиями и угрозами. Ладно, черт с ними! Тумана перепугались! Трусы, дьявол их раздери! Какие трусы! Надо было заставить их переломить себя. Ладно, все они будут понижены в звании, если только он не прикажет их повесить за трусость! Тут и последний, замерший в растерянности храбрец не выдержал и, отчаянно нахлестывая коня плеткой, помчался вслед за другими.

Бард на мгновение успокоился. Черт с ними! Он злобно, с угрозой обратился к туману: «Ближе, ближе!..» Вскричал громко, словно стараясь напугать гнусные рожи, что корчились в зеленоватой склизкой мути. Бард хлестнул кобылу, однако та не двинулась с места. Ее била крупная дрожь, седло ходуном ходило под ним, как будто он попал в снежную бурю и ветер с неодолимой силой дул им навстречу. На мгновение мелькнула мысль — неужели его кобыла тоже различает эти чудовищные лики, без конца дергающиеся

и гримасничающие в наплывающем на кромку берега тумане?

Как смертельный ужас проник в его в душу, Бард понять не мог. Ледяной холод пробрал его до костей. Каждой жилкой, каждой клеточкой почувствовал, что стоит одному из этих ухмыляющихся исчадий коснуться его — он погиб. Жизнь, храбрость, ощущение справедливости, которым он жил все это время, необходимость восстановить ее — если тебя отдали в жены, то будь женой, нечего таиться по святым местам! — воля и терпение будут высосаны по каплям. Его воля и разум станут пустыми, холодными, чужими! Стоит только мельчайшей пряди тумана коснуться его, он тут же выпадет из седла и рухнет на землю. Бессильный, отчаянно голосящий, умирающий. И уже никогда больше не сможет подняться. Волк рывками начал дергать поводья, пытаясь развернуть своего скакуна и умчаться вслед за Мелисендрой и своими спутниками. Однако тот даже переступить не мог — подрагивал, но с места не трогался. Когда-то где-то Бард слышал, что Аварра способна перевоплощаться в кобылу. Неужели она околдовала его лошадь?..

Между тем полоса тумана, словно пропитанная пугающими рожами, подползала все ближе и

ближе. Тут только Бард начал соображать, что в этих бестелесных, мятущихся призраках пробивается что-то знакомое, уже виденное… Лики мертвых мужчин, обесчещенных женщин, черепа, подрагивающие остатки костей скелета — вся эта чертовщина плясала, мешалась, пялилась на него, скалила зубы. Боги, это же лица тех, кого он убил! Порубал в сражениях, стычках, на узких дорожках… И женщины… Эту он, помнится, ограбил, эту сжег в собственном доме, закрыл дверь на щеколду и сунул факел под стреху… Эту обесчестил… И эту, и эту… Тут же промелькивало когда-то искаженное от ужаса, а теперь сияющее улыбкой лицо жительницы Скаравела — он вырвал из ее рук ребенка и сбросил со скалы. Помнится, из разбившегося тела торчали кости. Белые как сахар… Эту он изнасиловал, убив ее мужа, труп так и лежал рядом с постелью, на которой он ублажал себя. А вот эта зачем? Эту не надо! Эту прочь… Совсем ребенок, сколько ей было? Лет двенадцать? Сначала попользовался сам — пришлось изрядно отлупить ее, потом отдал двенадцати солдатам. Ее лицо все сплошь было в синяках, тело в кровоподтеках. Что теперь скалиться! Ну, было, было…

Тут же, в хороводе мерзких рож, затесалась

и Лизарда — ишь, лицемерка, прикрыла лицо руками и рыдает, а сама так хитро посматривает между раздвинутыми пальцами… Белтран, ты что здесь делаешь? Ты сам, ты первый начал. Боже, как ты изменился — мясо уже сгнило, лоскутьями висит на костях…

Полоса тумана подползла под ноги коню, мельтешащие в нем рожи коснулись подошв сапог, ласкаясь полезли выше, добрались до колен. Прочь! Прочь!.. Не трогайте меня! Бесы, бесы!.. Бард как безумный принялся дергать уздечку, стараясь поворотить коня — тот застыл как каменный… Великая Мать!.. Крошево ликов, образов, поганых рож, гримасничающих, внезапно оживших мертвецов, похваляющихся торчащими — белыми как сахар! — костями, ползло все выше и выше. Вот это мерзкое облако добралось до поясницы, полезло под одежду, под кожу, начало глодать его внутренности. От подобной щекотки Бард вскрикнул как безумный и рухнул на землю.

Он кричал и кричал, и, может, эти вопли вернули ему рассудок. На время, но этих секунд хватило, чтобы схватиться за узду. Он начал бешено нахлестывать кобылу по бокам. Та встала на дыбы, заржала и лягнула его, но он не отпу-

стил поводья. Лошадь взбрыкнула еще раз и поскакала по пляжу к лугу. Бард волочился за ней по песку, потом по влажной траве. Только под сенью древних деревьев лошадь перешла на шаг, потом совсем остановилась. Человек, не выпуская спасительной узды, полежал немного, отдыхая, потом с трудом, хватаясь за траву, встал на колени. Рядом стояла еще одна лошадь — Бард поднял голову. Его поджидала Мелисендра.

Гневливая злоба ударила в голову Барду. Если она посмеет хоть слово вымолвить, если только взглядом укорит его — вот, мол, предупреждали тебя; если решится дать совет или пожалеть его — он прибьет ее на месте. На это сил у него достанет. Он не позволит ей насмехаться над ним! Вот чертова баба! Как же всякий раз выходит, что она берет над ним верх? Если только посмеет улыбнуться… Или спросит, чьи лица всплывают в тумане и почему он таким странным образом выбрался на луг, — это будет последний вопрос в ее жизни!

— Зачем ты вернулась, чертова баба? — выкрикнул он. — В тебе скопилась бездна жалости и милосердия? Поверь, я в них не нуждаюсь! Что, рада теперь? Нагляделась, как я тут корячился?..

Мелисендра не ответила, даже не взглянула на

него. На лицо у нее была опущена вуаль, вглядевшись, Бард догадался, что она, закрыв глаза, плачет.

Наконец лерони прошептала:

— Я должна была уехать. Я так хотела этого!.. Но они меня прогнали — сказали, что колдунье лучше держаться от них подальше. Я испугалась, Бард.

И вновь слезы.

Бард нарочито откашлялся, потом степенно, с паузой, сел на коня. Ярость ослабла, обратилась в жгучую, исподволь терзающую мысль — и на этот раз Карлина ушла от него. Опять выставила его на посмешище, а ведь он был уверен, что уже добрался до нее. Опять все рухнуло, и он опять остался с Мелисендрой, которую начинал ненавидеть. Перед тем как тронуться с места, он повернулся в сторону озера и погрозил кулаком. Туман между тем начал таять, распадаться на отдельные хлопья — и цвет его сменился на серовато-жемчужный.

Возвращался Бард не спеша; успел отдышаться, когда они с Мелисендрой миновали топкое место и выбрались на пригорок — дальше начинался пологий подъем. Успокоившись, он ощутил, что и мысли пошли ровнее, отчетливее, все об одном

и том же — на этот раз эти старухи одержали верх, но пусть они не надеются, что он так легко сдастся. Он еще вернется сюда. Вот только сообразит, как одолеть все их дьявольские ухищрения, и вернется. Пусть они поберегутся!

И Карлина, если решила, что нашла надежное убежище, тоже пусть побережется!

4

Наконец наступило лето — жара легла на холмы Киллгард. Все свободные люди были расставлены в лесах — в такую пору смолистые деревья вспыхивали как спички.

Бард с отрядом копейщиков и личной охраной возвращался домой в Астуриас. За спиной лежали оккупированные земли Маренжи. Утром миновав границу Астуриаса, он с удовлетворением отметил, что, собственно, теперь никакой реальной границы не существует. Повсюду расставлены отряды, каждый солдат устроен на постой. Все жители Маренжи обязаны были нести эту повинность. Бард организовал систему оповещения, были построены вышки, заготовлен хворост для сигнальных костров, приведена в действие и связь посредством ларана, так что теперь Астуриас был защищен и с севера и с востока. Никакая банда из-за Кадарина, никакой отряд со стороны Серрaиса не могли проникнуть в Астуриас незамеченными. Конечно, шериф Маренжи выразил протест, но это его дело. Другое было удивительно — недовольные, мрачные лица местных жителей! Все эти меры были приняты

для их же собственной безопасности, однако крестьяне явно смотрели на астурийцев как на захватчиков. Но в таком случае им следовало самим создать армию, которая бы охраняла их границы.

Переночевал Бард и его отряд в старом замке дома Рафаэля. Теперь он был пуст, единственным жильцом являлся старый коридом. Да еще несколько приходящих из ближайшей деревни слуг… Эрленд? Мальчика отправили к матери в королевский замок. Точно, вспомнил Бард, об этом уже был разговор. Тут мысли его потекли по новому руслу — мальчишка подрастает, вскоре его придется отдать в надежные руки. В какой-нибудь благородный дом, чтобы он получил хорошее воспитание. Как-никак он все же его сын, и пока единственный. И любимый… Пусть ему судьбой предназначено стать ларанцу, он все равно должен научиться владеть оружием, и прежде всего мечом. Взять хотя бы того же Джереми. Тот с детства знал, что карьера воина ему не светит, однако никогда не был последним на уроках фехтования. И в играх тоже… Никогда не прятался за спины сводных братьев… Это были горькие воспоминания — к чему они? Ну их!.. Только душу травить… Бард сжал челюсти

и попытался думать о чем-нибудь другом. О несвершенном, например, о несделанном, но заставить себя не мог. Стало скучно и противно. О несвершенном — значит, о будущем, но это было слишком общо, беспредметно. То ли дело маленький Эрленд. Ларанцу так ларанцу, ведь во всяком случае он недестро, то есть не обладал полным правом наследовать корону, и это существенно. Вот когда Бард отыщет возможность вернуть Карлину, она нарожает ему много законных сыновей. В любом случае Эрленд должен быть воспитан, как то надлежит отпрыску благородного рода. Возможно, дом Рафаэль вместе с Мелисендрой уже придумали, в какой форме следует усыновить его. Что ж, он не против, если только в это дело не будет замешана Мелисендра. Вот чертова баба! Чертова, чертова и еще раз чертова!.. Это не баба, а сущее наказание. Надо же попасть в такое дурацкое положение: все неприятности, обязанности, расстройства, которые доставляет брак, налицо, и никаких преимуществ. Надо же — усыновлять собственного сына, ежедневно видеть ее рожу, чувствовать, как она осуждает тебя, каждый поступок взвешивает, словно на весах, и при этом такая скромница, так покорна! Если бы она не являлась самой ценной отцовской лерони,

он бы давным-давно отослал ее в деревню. Пусть за коровками походит, в навозе покопается… Может, кто-нибудь из подданных дома Рафаэля согласится жениться на ней? А что, неплохая идея — уверен, отец даст за ней богатое приданое.

До королевского замка они добрались к вечеру, когда на окрестные холмы уже легли сумерки. Вдали лежала розоватая дымка, все тихо, спокойно. Не то что в замке. Стоило им въехать на двор, как Бард удивленно осмотрелся — вокруг было полно чужих лошадей. Тут же стояли знамена Хастуров, стяги с гербами почти всех граничащих с Астуриасом королевств и даже дальних, что лежали за Кадарином. По какому случаю столь представительное посольство? Может, король Карелии прислал выкуп за Джереми?

Однако выкуп, как ему растолковали, был только частью дела, с которым в замок прибыла родовитая знать. Сорок дней назад домна Джиневра Херил успешно разрешилась от бремени мальчиком. Первым делом Джереми Хастур решил узаконить ребенка, а для этого ему следовало немедленно жениться на Джиневре. Собственно, сам Джереми настаивал на том, чтобы обряд бракосочетания состоялся как можно быстрее. По обычаю, он брал в жены дворянку ниже себя

по происхождению. Подобный брак считался законным, ребенок обладал всеми правами, однако была в этом некая неловкость, ведь жена объявлялась ди катенас[21]. Поэтому свадьбу решили сыграть во дворце ди Астуриен по всем правилам, тем более что Джереми официально считался почетным гостем, а не пленником. Когда Барду напомнили об этом, он усмехнулся — как же, так обо всех заложниках говорят. Однако сколько ни усмехайся, а свадьбу сыграть, как того требует обычай, вызвался сам дом Рафаэль. Так как было принято решение устроить пышный праздник, в замок наехали Хастуры и прочие родственники. Дом Каролин, лорд Каркосы, рисковать не стал и послал вместо себя первого министра, ларанцу Варзила из Нескьи, который должен совершить торжественный обряд.

Свадебные приготовления мало интересовали Барда — правда, досадно было, что все это делалось не в его честь. Он мечтал о чем-то подобном, когда отправлялся в поход к озеру Безмолвия, но сорвалось. Ничего, будет и на его улице праздник… Тем не менее в качестве главнокомандующего королевской армией он был

---

[21] notes: 21
Законной.

обязан присутствовать на бракосочетании, вот и пришлось надеть на себя расшитую тунику и парадный голубой плащ. Мелисендра в своем лучшем одеянии тоже выглядела очень величественно — заплетенные в косы волосы были уложены венцом. Зеленое платье оттеняло глаза, сверху была наброшена пелерина, отделанная мехом. В тот самый момент, когда они уже собрались покинуть свои апартаменты, в комнату вбежал маленький Эрленд и, восхищенно вытаращив глаза, застыл на месте:

— Ой, мама, какая ты красивая! Ой, а папочка — ты тоже очень красивый!

Бард засмеялся и взял сына на руки. Эрленд с тоской протянул:

— Как мне хочется пойти с вами и посмотреть на гостей! На всех такие прекрасные наряды, лорды такие важные… И дамы тоже.

— Там малышам не место, — ответил Бард, а Мелисендра добавила:

— Твоя няня могла бы взять тебя на галерею, оттуда все будет видно. Вот еще что, Эрленд, если ты будешь хорошо вести себя, она угостит тебя пирожным. На ужин…

Бард поставил Эрленда на пол, и Мелисендра, наклонившись, поцеловала его.

Мужчина ревниво наблюдал, как сын прильнул к матери, потом неожиданно предложил:

— Хочешь, я завтра возьму тебя покататься на лошади?

Мальчик довольно кивнул и, подскакивая, как лошадка, помчался к няньке. Надо же, все сразу — и пирожные, и катание на лошади! Вот повезло!

Когда Эрленд выбежал, Бард помрачнел и, выходя с Мелисендрой из комнаты, в сердцах бросил:

— Пусть меня простят боги, но я не могу понять, зачем отцу понадобилось с таким размахом устраивать эту злосчастную свадьбу!

— Думаю, у него есть задумка — какая, не знаю. Ясно только, что он так выложился не из любви к Джереми. И не ради Джиневры, хотя, с другой стороны, дом Регис Херил — один из старейших и самых уважаемых ноблей Астуриаса. Херилы состоят в отдаленном родстве с Хастурами, они до сих пор помнят об этом, хотя минуло уже несколько поколений.

Бард думал о том же. Ясно, что дом Рафаэль любыми путями хотел удержать трон для Алариса, поэтому жизненно важно иметь хорошие отношения с аристократией Астуриаса. Если вдуматься, то только благородные из самых старых родов королевства обладали реальными возмож-

ностями не допустить Аларика на трон, ведь его права были достаточно спорны. Только высшая знать могла поставить вопрос о законности наследования короны. Если бы такое случилось, дому Рафаэлю уже никакая армия не помогла, потому что все нобли были связаны родственными узами с соседними королевствами. Этот спор о династических правах являлся единственной целью, через которую смута могла пробраться внутрь государства. Стоило части знати присягнуть Валентину, и страна неизбежно погрузилась бы в пучину гражданской войны. Силой здесь ничего нельзя было сделать — поэтому, верно, дом Рафаэль не поскупился на свадьбу. О чем спорить, этот мотив четко прослеживался в решении старика регента, но было здесь еще что-то, и вот эту тайну Бард никак не мог разгадать. Это мучило. Раздражало количество гостей — и все Хастуры! Кругом одни Хастуры. Что будет, если завтра они все обернутся против ди Астуриен?

— Ты что, в самом деле считаешь, что мы можем отважиться на войну с родом Хастуров? — вдруг спросила Мелисендра.

Бард скривился — его всегда раздражала привычка барраганьи заглядывать в его мысли, — однако ответил спокойно:

— Я не вижу способа, как нам этого избежать.

Мелисендра даже вздрогнула:

— Ты же сам этого хочешь…

— Я только солдат, Мелисендра. Мое дело, впрочем как и любого другого патриота Астуриаса, война. Во что бы то ни стало мы должны удержать это государство. Пусть даже силой оружия…

— Я думаю, проще помириться с Хастурами. Война страшит их куда больше, чем нас.

— Тогда пусть поскорее нам подчинятся. Все, хватит! — прервал он пытающуюся что-то сказать Мелисендру. Она и так слишком много о себе воображает — лезет с советами в дела, которые ее совсем не касаются.

— Но это же очень даже касается меня, Бард! Я — лерони и обязана принимать участие в битвах. Но даже если мне и не придется воевать, я все-таки женщина, для которой нет ничего дороже родного уголка — дома, семьи, детей. Что со всем этим будет, если начнется война? Опять грабежи, пожары, разорение, смерть и ежеминутные страшные думы о детях, ушедших в армию… Война куда больше касается женщин, Бард, чем мужчин.

Мелисендра не могла сдержать возмущения, щеки ее пылали. Бард зевнул и грубо ответил:

— Все это чепуха! Запомни: если ты еще раз начнешь копаться в моих мозгах, то пожалеешь об этом!

Она сразу сжалась и тихо ответила:

— Прости, я в этом не властна. Если ты желаешь, чтобы я не читала твои мысли, то должен уметь скрывать их, а то у тебя что на уме, то и летит в пространство. Что я — любой их может услышать. Ты всегда так громко думаешь…

Бард задумался. В конце концов, он же знал, что у него в какой-то степени проклевывается ларан. Почему же Мелисендра утверждает, что его мысли так легко уловить? Здесь что-то не так, надо наконец выяснить, в чем тут дело.

Парадный зал Астурийского замка был заполнен. Больше всего поразил Барда рев плачущих младенцев. Что за странная причуда охватила некоторых благородных молодых матерей самим кормить детей? Еще более вызывающей прихотью было явиться на торжественную церемонию с грудными. Они голосили на весь зал. Может, все дело в Джиневре — она сама была кормящей матерью, вот и другие недалекие умом простушки приволокли своих чад на церемонию. То-то зрелище на фоне древнего оружия, трофейных знамен, искусно выделанных щитов с гербами

ди Астуриен. Неужели в подобном шуме будет происходить обряд? Что, все обезумели или это насмешка над женихом и невестой? Но жениха Хастуры считают невинным страдальцем, почти святым, вряд ли они позволили бы себе насмехаться над ним во враждебном доме. Бард решил, что, когда будет играть свадьбу с Карлиной, не допустит подобных причуд, а то парадный зал превратится в подобие пастбища, где разгуливают кобылы с жеребятами.

Однако к началу церемонии молодых мамаш вежливо, но настойчиво попросили из зала — видно, леди Джеране хватило ума настоять на этом. Нечего превращать священный обряд в посмешище! Наконец обручальные браслеты были сомкнуты на запястьях Джереми и Джиневры, и регент Астуриаса дом Рафаэль с великой торжественностью объявил: «Теперь вы едины навсегда». Теперь Джереми был женат, а положение Джиневры определилось. Молодые тут же попали в объятия родственников. Поздравления сыпались со всех сторон.

Джиневра и Мелисендра крепко обнялись, тут же всплакнули — таков обычай. Бард церемонно поклонился.

— Поздравляю, кузен, — вежливо сказал он. Ему

пришло в голову, что, если Джереми сохранил ясность рассудка, он должен вести счет обидам и добрым делам, который в конце концов должен предъявить к оплате. Для этого, собственно, и существуют войны. Он вовсе не приписывал Джереми какие-то подспудные злобные намерения, просто в его условиях он, Бард, вел бы себя точно так же.

— Гляжу, твои родственники понаехали со всей Сотни царств. Это большая честь, сводный брат.

— Еще большая для дамы моего сердца, — любезностью на любезность ответил Джереми и представил Джиневру. Это была маленькая женщина со смуглым личиком — похоже, она родом из племени подземных кузнецов. Джереми стоял чуть согнувшись — все равно жена едва доставала до его плеча. Она, верно, следовала последней глупейшей моде — зеленое платье на груди было стянуто шнурком. Стоит распустить его — и сразу при всех можно кормить ребенка. Как это неблагородно!

Бард поклонился новобрачной и вежливо заметил:

— Надеюсь, ваш ребенок здоров?

Она что-то вежливо прощебетала в ответ, Джереми примолк — видно, внутренне согласился с

Бардом, что не стоит в такой момент проявлять враждебность и давать пищу пересудам, затем доброжелательно ответил:

— О да. Женщины говорят, что он замечательный мальчик. Я в таких вещах не разбираюсь. По мне, так он выглядит как всякий младенец. Постоянно мокрый, плачет, однако Джиневра утверждает, что он очень хорошенький, что примирилась со всеми муками после его появления на свет.

— Я рад, — сказал Бард, — что мне довелось познакомиться со своим сыном, когда он уже начал ходить и разговаривать. Совсем как взрослый человек… Я, по совести говоря, побаиваюсь новорожденных.

— Я встречался с маленьким Эрлендом, — согласился Джереми. — Прекрасный ребенок. Такой рассудительный, совсем не по годам. Я слышал, что его мама известная лерони и сам малыш обладает ярко выраженным даром.

— Его мать и мне сказала то же самое.

— Этого следовало ожидать, — заметил Джереми, — ведь он такой же рыжеволосый, как и Хастуры. Ты не хотел бы отдать мальчика на обучение в какую-нибудь Башню? Например, в Хали или Нескье. Уверен, они бы с радостью приняли

его. Здесь мой родственник, Варзил из Нескьи, он мог бы устроить это дело.

— Не сомневаюсь. Но мне кажется, во время войны не стоит посылать мальчика в чужие страны. К тому же он еще мал. Вот уж чего мне меньше всего хотелось бы, так это чтобы он попал в заложники.

Джереми даже вздрогнул:

— Ты не понял, брат. Башни дают торжественную клятву соблюдать нейтралитет. Это общее положение, всеми уважаемый закон. В этом случае происхождение и родство не играют никакой роли. К примеру, Риденоу стал Хранителем Башни в Хали. И что? Они по-прежнему живут наособицу. После того как Нескью восстановили после пожара, там обосновался Варзил. Он дал клятву, что будет следить, чтобы Великий договор непременно соблюдался. Он стоит на том, чтобы в войнах ни в коем случае не применялось оружие, основанное на использовании ларана.

— Имеется в виду, что Хастуры как раз могут применять его, — усмехнулся Бард. — Какой умник Каролин, и с этой стороны подстраховался.

— Нет, кузен, вовсе нет. Это обязательство касается и Хастуров. Они тоже вправе использовать звездные камни только в мирных целях.

— И Карелии позволяет распускать такую крамолу? Он даже не пытается сжечь Башню, откуда она исходит?

— Мой отец полностью разделяет эти взгляды, — ответил Джереми. — Наши земли уже который год разоряют никому не нужные войны — что в результате? Сколько себя помню, ни разу крестьяне не смогли полностью собрать урожай. Клингфайр страшен, но существует более ужасное оружие, созданное с помощью колдовства. Правительница Валерона использовала воздухоплавательные аппараты и с их помощью напустила разжижающий кости туман к северу от Тендары. Думаю, тамошняя земля навсегда останется бесплодной. Любой человек, который ступит на зараженное место, тут же умирает. Кровь обращается в воду, кости становятся мягкими, тут же ломаются… Ужасное зрелище! Я даже не хочу вспоминать о них на празднике. Так что мы все поклялись не использовать ларан на войне. Все окружающие государства тоже обязались соблюдать Великий договор.

— Я ничего не знал об этом соглашении, — признался Бард. — Каков же результат?

— Там, где оно соблюдается, никто не имеет права атаковать противника таким оружием,

какого нет у врага. То есть все должны быть в равных условиях…

— Не слышал об этом, — удивился Бард. — Я, конечно, предпочитаю сражаться мечом против меча, копьем против копья, а не спасаться от неведомых штучек, изобретенных тем или иным колдуном. Я, например, против использования в сражениях лерони, как, впрочем, любой солдат. Их вообще бы не следовало держать в пределах королевства, но я вынужден это делать. Но кто иной способен противостоять козням враждебной стороны? Ну-ка, расскажи об этом договоре поподробнее.

— Но, Бард, я уже столько лет не был на родине, меня мальчиком увезли оттуда, так что я многого не знаю. Разве только то, что рассказал мне родственник Варзил из Нескьи.

— А Риденоу из Серраиса тоже твой родственник?

— Все Хастуры в родстве, — ответил Джереми. — У всех в крови что-то общее. Хастур, Кассильда… Зачем нам ссориться?

Эта новость буквально сразила Барда, он сразу как бы протрезвел. Если Хастуры из Серраисы объединятся, что тогда будет с королевством Астуриас? Он испытал неодолимое желание

немедленно разыскать отца и передать ему эту новость, однако заиграла музыка и пары собрались в центре зала.

— Не желаешь ли потанцевать, Джиневра? — обратился к новобрачной Джереми. — Что тебе стоять возле меня? Я уверен, многие из моих родственников хотели бы пригласить тебя.

Она улыбнулась и мягко пожала ему руку.

— В день своей свадьбы я бы хотела танцевать только со своим мужем, но раз он не может присоединиться ко мне, то ни с кем. Я подожду, пока в круг не выйдут женщины, вот тогда я станцую с ними.

— Тебе досталась верная жена, — сказал Бард.

Джереми пожал плечами:

— Джиневра всегда знала, что мне не сорвать аплодисменты на поле битвы или в искусстве танца.

В это время к ним приблизился один из Хастуров, одетый в голубое с серебряным, и пригласил Джиневру на танец. Наблюдая за тем, как грациозно и весело — совсем не обидно — Джиневра отказала молодому человеку, Бард начал понимать, почему его сводный брат выбрал эту темноликую, плоскогрудую женщину. Что-то в ней было от королевы — обаяние, некий шарм,

который либо присущ даме, либо нет. Некая грациозная величественность сквозила в каждом ее движении. Глядя на нее, невольно проникаешься уважением к этой не очень-то красивой и изящной женщине.

— Я вас очень прошу, — продолжал настаивать молодой человек, — ведь вы не можете отказать тому, кто мечтает в этом году обвенчаться со своей возлюбленной. Вы не должны своим отказом разбить наши сердца, домна! Ведь это такая верная примета!..

Джиневра весело улыбнулась:

— Вы знаете, я просто мечтаю потанцевать с незамужними девушками — со всеми вместе. Это поможет им обрести счастье в браке уже в этом году. Вам не кажется, что это и вас коснется? Так что простите, я бы хотела, чтобы эта примета сбылась сразу для многих.

Она махнула рукой музыкантам, и те сразу заиграли новую мелодию. Джиневра взяла Мелисендру за руку, и они вместе выступили на середину зала. Тут же вокруг них образовался круг. Были тут и незамужние взрослые женщины, и юные девушки, которым еще не дозволялось танцевать с мужчинами, и замужние матроны. Все закружились в хороводах, двигающихся в

разных направлениях. Бард неотрывно следил за Мелисендрой, с печалью в сердце думая — где теперь Мелора? Почему воспоминания о ней чем дальше, тем чаще приходят к нему? В этом было что-то нездоровое. Почему вдруг мысли об этой женщине оказались так прилипчивы? Тот же зал, тогда тоже были танцы — он пригласил Мелору и чувствовал какое-то смущение от близости к ней. Если бы этот бред осуществился, если бы его и Мелору связывали узы, подобные тем, которые опутали Джереми и Джиневру, сложилась бы его жизнь по-другому? О чем бы они говорили? Чем бы занялись? Бард вспомнил, как недавно Джиневра коснулась пальцами щеки Джереми — он бы никогда не позволил женщине так обращаться с ним, да Мелоре это и в голову бы не пришло. А почему, собственно? Это был тоскливый, полный горечи вопрос. Ответа на него не было…

Чепуха! Он не мог жениться на Мелоре. Ее род недостаточно благороден. В любом случае ее ждала Башня. Так что ни о какой женитьбе и речи не могло быть. Бард не одобрял желания Джереми сочетаться браком именно с Джиневрой — пусть девушкой из хорошего, но недостаточно знатного рода. Тут ни манеры, ни грация не спасут. Только дурак решит вступить в брак, который не дает

влиятельных и могущественных союзников. Ну, из-за богатого приданого тоже можно рискнуть… Поэтому Бард никогда не думал о том, чтобы жениться на Мелисендре, — смешно было даже рассуждать об этом. Она была дочерью бедного ларанцу. Или он ошибается? Что там Джереми говорил насчет Хастуров и всех рыжеволосых? Конечно, ошибается — вряд ли Мелисендра из простых. Из нищих-то точно, но из благородных.

— Верю, — обратился Джереми к Барду, — скоро мы будем танцевать на твоей свадьбе. Тебе не удалось убедить Карлину покинуть остров Безмолвия?

— У меня не было возможности поговорить с ней. Там кругом колдовство — до острова просто так не добраться. Надо взять с собой полк лерони, чтобы одолеть их чары. Но поверь моему слову, я все равно добьюсь своего!

На лице Джереми отразился испуг:

— Ты не страшишься гнева Аварры?

— При чем здесь Аварра! Стану я бояться толпы выживших из ума баб, которые богохульно выдают собственное желание за желание самой богини.

— Но ведь может так быть, что твоя невеста предпочитает целомудренную жизнь, которую

ведут служительницы на острове? Может, ей это больше по нраву, чем женитьба?

Джереми с любопытством глянул на Барда, однако тот неожиданно круто повернулся и пошел прочь. Он испытывал неодолимое желание поставить Джереми на место. Зачем он задает свои глупые вопросы? Однако устраивать скандал не следовало. Опыт в этом отношении у него был богатый. И вообще, все Джереми и Джереми — он-то в чем виноват?..

Позже, во время танцев, он немного поговорил с отцом насчет преобразований, проведенных на северных границах.

— Маловероятно, что на нас могут напасть люди Серрaиса, пока дом Эйрик у нас в заложниках, — сообщил он, — однако мы со всех сторон окружены Хастурами, и Серрaис не преминет воспользоваться любым конфликтом между нашими семьями. Я слышал, что между Алдараном и Скатфеллом заключено перемирие; если они решатся вместе напасть на нас, нам придется тяжело, ведь значительная часть астурийской армии стоит на границе Серрaиса. Кроме того, много влиятельных сеньоров не прочь стать союзниками Хастуров. Например, Варзил из Серрaиса. В таком случае мы должны склонить на

свою сторону Макарана из Эль-Халейна. Тогда можно надежно защитить южные границы, а Маренжи станет буфером на севере.

— Мне что-то не верится, чтобы Макаран или люди из Сиртиса рассорились с Хастурами, — ответил дом Рафаэль. — Говорят, что Сордин из Сиртиса может взойти на донжон и оттуда обозреть все свои владения. Он, как мышь за котом, следит за Хастурами — ему нет никакой выгоды лишний раз попадаться им на глаза. Каролин сожрет его и даже усов не испачкает. — Он нахмурился. — Если мы освободим дома Эйрика, все они еще до зимы набросятся на нас. Если не освободим, будет то же самое, только под иным соусом. Вот в чем мы больше всего нуждаемся — во времени! Может, нам следует взять с дома Эйрика клятву хранить мир и тем самым выиграть время? Если нам не дадут передохнуть, мы погибнем! — Он ударил ладонью по колену. — Нам бы еще с Хастурами заключить перемирие…

Бард презрительно бросил:

— Я бы охотно вышел на бой с Хастурами! Вот уж кого я совсем не боюсь. Я удержал Скаравел с горсткой людей, а уж Астуриас — тем более отстою.

— Ах, Бард, ты же не можешь разорваться, —

вздохнул дом Рафаэль. — Ты возглавишь оборону какого-либо направления, а если враги полезут с трех, четырех сторон? Тебя одного не хватит. Серраис — с востока, Хастуры — с запада, и, возможно, эти, что стоят за Кадарином, того и ждут, чтобы вцепиться нам в глотку. Навалятся с севера… Астуриасу не устоять!

— Но у нас же гарнизон в Маренжи, и всякий, кто пожелает явиться с севера, сначала должен разгромить их. К тому же, думаю, нам придется нанять людей на севере и в Сухих землях. Они меня знают и охотно встанут под наши знамена. И конечно, надо попытаться склонить дома Эйрика к миру. Его сыновья слишком молоды, чтобы начать войну. Если нам удастся заключить с ним перемирие хотя бы на полгода и, естественно, отпустить его через этот срок, он не сможет начать войну раньше конца следующей весны, а к тому времени мы успеем навербовать армию и даже найти союзников. Тогда у нас появится возможность самим выступить против Серраиса. Подумай об этом, отец. Как удержать от войны соседей на востоке? Ведь мы воевали с Серраисом, когда я еще был совсем ребенком.

— Было дело, — откликнулся дом Рафаэль. — И еще раньше. Но если мы захватим Серраис, то

окажемся лицом к лицу с Хастурами. Они уже заявляли, что все эти земли когда-то были под их управлением.

— Джереми говорил что-то подобное, и каков результат? Я бы не обращал на его слова внимания. Но если Карелии вновь затронет эту тему, нам ничего не останется, как и его хорошенько проучить.

— Как же ты собираешься проучить его, если я вынужден заключить перемирие? — уныло справился дом Рафаэль. — Как ты не понимаешь, что время буквально уплывает у нас из рук? Мы обязаны освободить Джереми. Каролин согласился на наши условия, и Варзил из Нескьи увезет его домой, а нам пришлют Аларика.

— Уж о ком я не буду жалеть, так это о Джереми. Невелика потеря для нашего двора! — заявил Бард, хотя в душе ясно сознавал, что с отъездом Джереми положение дома Рафаэля резко ухудшится. Это серьезное дипломатическое поражение. Астуриас отдает свой главный козырь. С Джереми в качестве заложника вполне можно было рассчитывать на перемирие с Хастурами, и возвращение Аларика явно не возмещало потерю столь ценного пленника. Что такое Аларик? Не более чем символ. Он себя за это время никак не

проявил.

— Что там с братом? — спросил Волк отца. — Он здоров? Как с ним обращался Каролин? Когда королева бежала, я сразу понял, что все подстроили Хастуры.

— Я уже столько лет не видел его, — с горечью признался дом Рафаэль. — Он все еще под присмотром Варзила. Формальный обмен произойдет позже. Как я понимаю, Варзил — уполномоченный Каролина и вручение официального послания состоится завтра во время аудиенции.

Бард вскинул брови. Выходит, что Хранитель из Башни Нескьи пал до уровня лакея Хастуров? Значит, положение еще хуже, чем он рассчитывал; значит, все земли от холмов Киллгард до Тендары находятся под властью Хастуров. Неужели через несколько лет и Астуриас попадет в их число? Только через мой труп!

Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился. Если трезво взглянуть на происходящее, то невольно придешь к выводу, что если и дальше события будут развиваться в том же направлении, то слова насчет трупа могут стать пророческими. Этого не избежать — впрочем, на что еще рассчитывать солдату? В конце концов, никто не избежит смерти.

Как только Аларик вернется, дом Рафаэль сразу совершит коронацию. Отец постоянно твердит, что он всего-навсего регент, охраняющий трон для младшего сына. Вот ведь как бывает — приходится выбирать между двумя детишками, но в любом случае Аларику, если он воцарится здесь, будет обеспечена поддержка и защита. Если же принять Валентина, кто защитит ребенка и страну? Дом Рафаэль? Зачем? Чтобы потом быть уничтоженным прихвостнями нового короля? С другой стороны, нелепо рассуждать об Аларике так, как будто и не было этих семи лет, — все-таки не так уж он и мал. Уже юноша. Давным-давно нет того малыша, которому он когда-то подарил игрушки. Брату скоро пятнадцать — он сам, Бард, в этом возрасте уже участвовал в сражении, заслужил красный шнурок. Каким стал младший брат, пошло ли ему на пользу воспитание у Варзила?

Время… Время — враг каждого человека. Барду еще повезло, что большинство наемников уже спят в земле сырой. Где только не разбросаны их кости! Однако он не имеет права терять время на женитьбу и обзаведение законными наследниками. Должно обеспечить оборону королевства, только потом можно попытаться еще раз проник-

нуть на остров Безмолвия, даже если для этого придется взять с собой целую армию колдунов. А если и это не поможет, то подобрать ключ к этому таинственному месту и освободить наконец Карлину.

«Я не женюсь на другой женщине». В то мгновение Бард впервые задумался — может, он совершает ошибку, вот так безрассудно отыскивая Карлину. Может, действительно она вовсе не желает быть его женой, может… Нет, нет и нет! Карлина — дочь Одрина, его нареченная, и, если она решила отказаться от него, он заставит ее исполнить свой долг. Ни одна женщина дважды ему не отказывала!

На следующий день, утром, дом Рафаэль освободил дома Эйрика из Серраиса.

— Почему именно сейчас? — спросил Бард. — Разве нельзя было отложить освобождение?

— Варзил из Нескьи происходит из рода Риденоу. Он жаждет поговорить с домом Эйриком, и, согласно протоколу, я не могу отказать гостю. Но и он со своей стороны не имеет возможности настаивать на этой встрече, пока не состоится обмен заложниками, — дом Рафаэль говорил с грустной усмешкой, он очень устал за эти дни. — Кроме того, он не может видеться с пленником без мо-

его разрешения. Собственно, на этот крючок я и поддел дома Эйрика — можешь не беспокоиться, я успел взять с него клятву не вести против нас военных действий в течение полугода, а также не вступать ни в какие союзы против Астуриаса. И успел настроить его против Варзила. Не хватало еще, чтобы Риденоу искали себе союзников в моем доме!

Бард кивнул. Итак, отцу удалось склонить дома Эйрика к обязательству. Это очень хорошо! Он в который раз поразился прозорливости старика, так долго просидевшего в захолустье, но не растерявшего ни ясности ума, ни нюха в дипломатических интригах, ни умения добиваться своего. Что ж, начало было положено — и обнадеживающее начало. С дипломатическим искусством отца, с военными талантами Барда появился шанс отстоять Астуриас.

Теперь его очень интересовал Варзил, нынешний союзник Хастуров. Нескья уже более двухсот лет находилась в руках Риденоу, хотя в общем-то Башня стояла далеко от границ Серрaиса. В те годы Хастуры и Риденоу вели долгие кровопролитные войны друг с другом, мир был заключен только во времена царствования Аларика из Тендары. Неужели Хастуры до сих пор питают

надежду прибрать к рукам Серраис?

Бард как главнокомандующий королевским войском обязан был присутствовать на заседании государственного совета, которое состоялось в тот же день. Приглашение было послано и Мелисендре. Она явилась в повседневном сером платье. Поверх серый же плащ с капюшоном — знак того, что она лерони, в руках матрикс. Бард, глянув на нее, испытал смутное беспокойство и даже гнев. Ясно, что получить приглашение она могла только как глава астурийских чародеев. В таком случае статус Мелисендры был очень высок, сравним с положением самого Барда. Что такое мать внука регента? Так, тьфу, пустое место! Но как с членом государственного совета с ней уже нельзя было не считаться. Это и раздражало! Зачем отец так настойчиво продвигал эту бабу? Что, у него не было достойного ларанцу? Так почему он выбрал именно ее? Неужели это делалось специально, чтобы она могла свысока относиться к своему законному господину, отцу ее сына?

Потом мысли его метнулись к Аларику. Бард мечтал только об одном — только бы Аларик немного разбирался в военном искусстве! Как воспитанник Одрина он должен был чему-ни-

будь научиться. В это так хотелось верить! Отец прав — одного Барда не хватит. Что, ему разорваться, если враги попрут со всех сторон? Другое дело, если трон займет не полководец, но хотя бы понимающий в военном деле человек, способный подстраховать его, провести небольшую кампанию. Король, который бы не ставил ему палки в колеса. Умеющий повести людей в атаку, броситься грудью на врага. Иначе ох как трудно придется!..

Тут внимание Барда привлек Варзил из Нескьи. Вот этот маленький, как бы сказать точнее — хрупкий человечек и есть знаменитый ларанцу? Тот, кто вдохнул жизнь в Великий договор?.. В роскошных церемониальных одеяниях на свадьбе он выглядел куда внушительнее. В первое мгновение Бард даже не узнал в этом симпатичном, одетом в золотое и серое сморчке первого министра могущественного Каролина. Бард с презрением отметил, что он совсем как женщина. Руки нежные, кожа тонкая, видно, ему не доводилось держать кинжал или меч. Вот и на голове, на висках нет отметины, которую оставляет шлем. Нет, это явно человек не военный — так, дворцовый лизоблюд!.. И этого хлыща Хастур сделал послом?! *Я его голыми руками придушу.*

Как цыпленка!..

Даже Джереми, присутствующий здесь, чуть сгорбленный, хромой — носком покалеченной ноги он едва касался пола, — был выше Варзила. Джереми тоже был в повседневном платье, на поясе маленький, украшенный гравировкой кинжал. Пояс инкрустирован драгоценными камнями.

Бард стоял чуть позади трона. Отсюда удобно было следить за сиянием волшебного кристалла и за всеми присутствующими на заседании.

Наконец шум стих, дом Рафаэль поднял руку и произнес:

— Джереми Хастур, как только мой сын вернется в замок, я объявлю тебя свободным распоряжаться своей персоной, женой и маленьким сыном, а также людьми, которые служат тебе. Учти, что твоя жена — моя подданная... Ты имеешь право вернуться на родину или в любое другое место, в которое пожелаешь. Более того, в знак уважения, которое моя жена питает к твоей супруге, я объявляю, что если близкие к твоей жене женщины пожелают сопровождать леди Джиневру, то они свободны в своем выборе. При условии, что их отцы не будут возражать.

Джереми поклонился и ответил коротко, пере-

сыпая свою речь благодарностями и уверениями в совершенном почтении, которое он испытывает к дому Рафаэлю и к его гостеприимству. Ирония была отчетливо слышна в его словах, и сияние на его лице заметно подрагивало. Говорит вежливо, решил Бард, но явно не от души.

— Джереми, — между тем продолжал дом Рафаэль, — ты свободен в выборе и, если пожелаешь, можешь оставить своего сына в моем доме. Мы его воспитаем. Отец его матери верный мне человек, и заверяю тебя, что твой сын ни в чем не потерпит ущерба. Относиться к нему будут, как к моему отпрыску или другу моего внука.

Джереми опять вежливо поблагодарил и отклонил предложение, сославшись на то, что его сын слишком мал, чтобы разлучать его с матерью — нельзя отнимать от груди. Потом он добавил, что госпожа Джиневра хочет сама воспитывать своего ребенка.

В этот момент вперед шагнул Варзил:

— Именем Каролина, великого короля Тендары, покровителя Валентина ди Астуриен, законного короля Астуриаса и верховного правителя всех этих земель, я пришел сюда, чтобы вернуть Аларика ди Астуриен, сына регента и властителя Астуриаса, его отцу. Аларик… — позвал он.

У Барда даже дыхание перехватило. Он даже вздрогнул, когда из-за спины Варзила вышел юноша-калека, щуплый, волочащий ногу, одно плечо выше другого. Он являл собою чудовищную пародию на Джереми.

Бард не смог сдержаться.

— Отец! — воскликнул он и вышел вперед. — Ты позволяешь этим людям издеваться над тобой в твоем собственном замке. Посмотри, что они сделали с моим братом — в отместку за Джереми они тоже искалечили его. Я клянусь в присутствии волшебного камня, что не хотел навредить Джереми, и Аларик не заслужил этого от Каролина. — Он выхватил кинжал. — Именем богов, Хастурово отродье, защищайся. На этот раз ты жизнью своей заплатишь за нанесенное нам оскорбление. Я сейчас добью тебя, жаль, что не сделал этого семь лет назад.

Он схватил Джереми за плечи и с силой подтащил его поближе.

— Бери свой кинжал, или я заколю тебя безоружного.

— Назад! Я приказываю — назад!..

Голос Варзила был негромок, но сопротивляться ему было невозможно. Бард ослабил хватку и невольно отступил от Джереми. Он заметно

побледнел, пот крупными каплями выступил на лбу. Уже много лет никто не смел приказывать ему, да еще так решительно. Тем более какой-то ларанцу… Однако и не подчиниться он не мог. Какая-то властная сила заставила Волка вернуть кинжал в ножны. Сопротивляясь ей, он промахнулся, и клинок упал на пол.

— Бард ди Астуриен, — сказал Варзил. — Ни я, ни Карелии не воюем с детьми. Твое обвинение чудовищно. При свете звездного камня я утверждаю, что ты лжешь. И лжешь намеренно… Мы сознательно не сообщали о болезни Аларика, ибо считали, что ты так и воспримешь это известие. Увидишь в ударе судьбы чью-то злую волю. Никто из нас не калечил Аларика. Пять лет назад он свалился в лихорадке, от которой страдают почти все дети в нашем озерном крае. Хотя целители сделали все, что могли, и отвезли Аларика в Нескью, где он и находился под моей опекой, но, несмотря на все усилия, его нога ссохлась, а мускулы спины оказались наполовину парализованными. Теперь он может ходить только с помощью специальной подпорки, твердо охватывающей ногу. Он сам может сказать — есть ли у него повод пожаловаться, что за ним недостаточно ухаживали.

Бард в страхе глянул на брата. Значит, этот калека и был тот замечательный, сильный, хваткий брат, о котором он мечтал, с которым намеревался отразить нападение врагов? Он на мгновение подумал, что боги жестоко отомстили ему. За что? Он не знал ответа. Вернее, не хотел знать, бежал от правды…

Дом Рафаэль простер руки, Аларик, прихрамывая, поспешил к нему и упал в отцовские объятия.

— Сынок! — воскликнул старик. В его голосе ясно прорезались отчаяние и боль.

Аларик с беспокойством оглянулся на Варзила.

— Отец! — обратился к дому Рафаэлю Аларик. — Уверяю, в том, что случилось, нет вины дяди Одрина и, конечно, Варзила. Когда я крепко заболел — это случилось несколько лет назад, — он и его лерони не отходили от меня. Я знаю их доброту, родная мать не смогла бы сделать больше.

— Боги, боги! — застонал дом Рафаэль. — И Одрин даже весточки мне не послал, ни словом не обмолвился. И Ариэль молчала…

— Меня направили в Нескью двумя годами раньше, — объяснил Аларик. — Ты не появлялся при дворе, и я решил, что ты забыл меня, — добавил он, и Бард подумал, что если болезнь и

исковеркала тело брата, то, по-видимому, не повредила его разум. Между тем Аларик продолжил: — Мне показалось, что ты вовсе не желаешь, чтобы я поскорее вернулся домой. Я вообще считал, что из-за вашей распри с Каролином мне еще долго не видать родного дома. Потом мне сообщили, что ты объявил, что хранишь трон ради меня. Это было такое горькое известие — раз уж речь зашла о короне, то, значит, ни о каком выкупе и речи быть не может.

Дом Рафаэль мягко улыбнулся:

— Ты мой сын и очень дорог мне. Я от всего сердца рад обнять тебя здесь, в королевском замке Астуриаса. Это твой замок, тебе здесь править…

Бард невольно, душой, услышал те слова, что отец не договорил: «если ты, конечно, способен на это». Аларик тоже почувствовал их.

Лицо Варзила выражало жалость и сочувствие — впечатление такое, что долгожданная встреча отца и сына произвела на него неизгладимое впечатление. Тем не менее Бард не мог отделаться от ощущения, что обмен развивался по сценарию, задуманному Варзилом. Он как бы наложил свою могучую длань на всех присутствующих. Он и вспышку гнева, охватившую Барда, предусмотрел, и так организовал явление Аларика, чтобы

всем стало совершенно ясно, для какого короля дом Рафаэль сохранил трон. Очень удачно выбрал момент — все просто ахнули, увидев калеку. Тут еще и он, Бард, подбавил жару.

Бард чувствовал отчаяние, гнев и бессилие — чем тут поможешь? Он еще раз взглянул на Аларика. Вот уж воистину храбрый воин, который поведет их — и его тоже! — в бой! Витязь, одним словом… Колченогий и сутулый… И все равно сердце его полнилось любовью и жалостью к брату. Что бы ни случилось, это был его брат. Единственный… Он никому не позволит обидеть его. И как бы ни был коварен Варзил, воочию продемонстрировавший, каков он, новый король, Аларик не должен почувствовать, что его брат и отец разочарованы. А вот Варзил должен поплатиться за этот спектакль. И Джереми тоже… К черту дипломатические условности. Кто сможет остановить его, Барда? Он разделается с ними в одно мгновение.

Да, только этого не будет. По крайней мере, сейчас. Он не может опозорить отца подобным злодеянием. Бард перевел дух, потом, уже трезвея, спросил себя — а что, собственно, случилось? Могло быть куда хуже. К примеру, если бы Аларик и умишком оскудел. Но, к счастью, это не

так. Аларик — инвалид, однако выглядит вполне разумным и здраво рассуждающим человеком, а это главное. У Джереми родился вполне здоровый сын, почему бы и Аларику не наплодить их с дюжину? В конце концов, он не первый калека, который сядет на трон — сколько таких примеров. А защитить его есть кому!

«Я не претендую на его трон, — решил Бард, — куда мне! Я не потяну, и выучка не та, чтобы править. Нет уж, лучше заниматься своим делом».

Наконец дом Рафаэль обрел присутствие духа. Он встал и провозгласил:

— В доказательство того, что я всего лишь исполнял обязанности регента, я обращаюсь к тебе, мой мальчик. Я прошу тебя занять свое законное место полноправного короля Астуриаса. Прошу вас, мой сын и мой повелитель.

Щеки юноши запылали от смущения, однако он был слишком хорошо воспитан, чтобы нарушить протокол. Когда отец преклонил колено и протянул свой меч, Аларик сказал:

— Я прошу вас, отец, встаньте. Этот меч ваш. Вы будете регентом и правителем Астуриаса, пока я не достигну поры зрелости.

Дом Рафаэль встал и занял место в трех шагах

чуть позади трона.

— Брат, — обратился Аларик к Барду. — Мне рассказали, что в данный момент ты главнокомандующий армией Астуриаса.

Киллгардский Волк преклонил колено:

— Я готов служить вам, мой брат и мой господин.

Аларик в первый раз за то время, как возник из-за спины Варзила, улыбнулся. Эта улыбка сразу согрела сердце Барда. Тут же стало легче на душе.

— Я не намерен, брат, просить тебя обнажить свой меч и в знак преданности поднести его мне. Твоя задача — крепить оборону королевства. Обнажай свой доблестный клинок только против врагов. Я объявляю тебя первым в этом королевстве после отца моего. Я решу, как вознаградить тебя за верную службу.

Бард ответил, что сама милость его венценосного брата уже великая награда и честь. В душе он ненавидел подобные церемонии — еще с той поры, когда был ребенком и вынужден был присутствовать во время парадных выходов короля Одрина, когда становилось не по себе от пышных славословий и лицемерных выражений любви. Больше всего он в такие минуты боялся ошибить-

ся, ляпнуть какую-нибудь глупость и потом долго служить посмешищем для всего двора. Хорошо, что и на этот раз удалось избежать какой-нибудь оплошности.

Затем Аларик повернулся к Варзилу:

— Как мне известно, дорогой родственник, вам поручена важная дипломатическая миссия, суть которой по понятным причинам не может быть доведена до сведения ребенка. Теперь вы можете изложить дело моему отцу.

В этот момент вместо Варзила откликнулся дом Рафаэль:

— Я бы осмелился предложить послу короля Тендары перейти в более удобное помещение. Все-таки в тронном зале мы вынуждены соблюдать все требования протокола, а это утомительно. Здесь мы и слова друг другу не можем сказать в простоте…

— Я с вами полностью согласен, дом Рафаэль, — ответил Варзил. — Я бы желал освободиться и от недремлющего ока звездного камня. Смысл наших переговоров заключается не в изложении фактов, но в выяснении позиций. Куда важнее изложить свое отношение, выслушать мнение оппонента, попытаться найти точки соприкосновения. В подобном разговоре звездный камень

ничем помочь не может. Если есть различия, то они есть, тем более что каждая сторона искренне верит в свою правоту.

Дом Рафаэль учтиво согласился:

— Я поддерживаю ваше решение. С вашего разрешения, кузен, мы позволим удалиться лерони. Выразим ей благодарность за трудную работу… Предлагаю встретиться через час в моих личных апартаментах, если, конечно, это, кузен, не ущемляет вашего достоинства. Там удобнее, поймите меня правильно.

— Меня полностью устраивает ваше предложение. В непринужденной обстановке нам действительно будет удобнее…

Когда посольство Хастуров удалилось, дом Рафаэль с сыновьями еще некоторое время задержался в парадном зале.

— Аларик, сынок, если ты устал, то можешь удалиться. Какой смысл тебе тратить время на эти переговоры, лучше пойди отдохни.

— Отец, с вашего разрешения я хотел бы остаться, — ответил тот. — Вы мой регент и защитник, и я должен считаться с вашим мнением, пока не достигну совершеннолетия. И после, не сомневайтесь, я буду прислушиваться к вашим советам. Но я уже достаточно подрос, чтобы разбираться в

политических вопросах. Мне бы не хотелось в тот день, когда придет срок взять бразды правления в свои руки, оказаться на троне простаком.

Дом Рафаэль и Бард одобрительно переглянулись.

— Поступайте как вам угодно, ваше высочество, — ответил дом Рафаэль, используя старинную форму обращения «ва'алтецу». Так могли обращаться только к правителю либо к самым близким к трону людям. Барду с самого начала было ясно, с каким трепетом и ожиданием готовился отец к встрече с Алариком, как он тревожился по поводу его способностей — ведь от них зависела судьба государства. Теперь, всего через несколько минут, отец с облегчением признал, что, несмотря на немощность, Аларик рассуждает здраво, держит себя достойно. Это был добрый знак. Вот что еще порадовало старика и Барда — мужественное поведение Аларика при объявлении его королем. Все обошлось без капризов, долгих уговариваний, льстивых слов, таких, как «родина», «долг зовет», «мы нижайше просим вас»... Надо так надо, а раз уж впрягли, то следует заняться делами, а не прохлаждаться на солнышке. Первые впечатления Барда от встречи с братом были тоже самые благоприятные.

Через час все собрались за круглым столом в комнате дома Рафаэля. Старик сделал знак, и слуга налил гостям вина. Потом дом Варзил обратился к хозяевам:

— С вашего разрешения, дом Рафаэль, и с вашего, ваше высочество. — Он кивнул Аларику. Тон посла совершенно изменился с момента, как его воспитанник был объявлен монархом. — Я бы хотел сообщить, что король Карелии из Тендары действительно направил меня в Астуриас с важной миссией, однако, с вашего разрешения, повременим с официальным заявлением. Прежде всего мне бы хотелось немного рассказать о себе. Я близкий друг Каролина, а также его союзник. Кроме того, я являюсь Хранителем Башни Нескьи. Мы с Каролином подписали Великий договор — он со своей стороны, я за Нескью. Мы просим вас поддержать это знаменательное соглашение. Как вы знаете, поколение назад Башня Нескьи была сожжена липучим огнем, сброшенным с неба. Когда же Карелии Хастур восстановил ее, мы договорились соблюдать известные ограничения. Он не требовал от меня, чтобы я признал его сувереном, но в деле соблюдения договора мы вынуждены действовать очень строго.

— Что это за договор, о котором вы говорите? —

спросил дом Рафаэль.

Варзил ответил уклончиво:

— Земли Ста царств каждый год страдают от войн. Воюют по самым нелепым поводам… Ваша вражда с королевой Ариэль за трон Астуриаса — хороший пример подобной нелепости. Каролин согласен признать дома Рафаэля ди Астуриен законным правителем этого королевства, и королева Ариэль готова отказаться от своих прав на этот трон, если вы подпишете договор.

— Я отдаю должное благородству Каролина, его способности идти на уступки, — ответил дом Рафаэль, — но я не желаю попасть в положение Дурамана, когда он купил осла. Я должен тоже знать, о чем этот договор и какие обязательства он накладывает на подписавших его.

— Подписавшие договор официально заявляют, что во время боевых действий не станут применять любое оружие, изготовленное с помощью колдовства, — ответил Варзил. — Вероятно, войны неизбежны — такова природа человека. В конце концов, я готов признать, что это сложный вопрос и у меня нет на него ответа. Каролин и я — мы оба ежедневно работаем над объединением всех земель Ста царств. И только мирным путем!.. Мы призываем вас присоединиться к

нам и дать священную клятву, что никогда, ни при каких обстоятельствах вы не примените колдовское оружие. Война ужасна, чревата гибелью для наших солдат, участвующих в ней, однако колдовское оружие намного страшнее. Оно не щадит ни женщин, ни детей, с его помощью сжигают леса, заражают землю. Мы просим, чтобы в пределах своего королевства вы объявили вне закона использование ларана в военных целях. Пусть каждый сражается с соперником только тем оружием, которое тот держит в руках; пусть не будет использовано средство, которое губит тайно или издалека; пусть будет гарантирована жизнь мирному населению.

Дом Рафаэль вскинул брови:

— Вы это серьезно?

Потом он долго недоверчиво смотрел на Варзила.

— В каком безумном рассудке возникла эта идея? Неужели мы отправимся на войну с мечами и копьями, зная, что противник приготовил для нас зажигательные стрелы, клингфайр, бомбы и всякие прочие колдовские штучки? Дом Варзил, я не верю, что вы сошли с ума, но неужели вы считаете, что война — это игра, подобная той, что зовется «замками», в которую играют и женщины

и дети? Бросил кости — и выиграл печенье или другие сладости. Неужели вы уверены в том, что любой здравомыслящий человек прислушается к этой бредовой идее?

Лицо Варзила по-прежнему оставалось серьезным. Он словно не слышал те обидные слова, которые ему высказал дом Рафаэль.

— Даю слово, что я был искренен до конца. Должен заметить, что многие небольшие королевства уже подписали этот договор с королем Каролиной и Хастурами. Оружие, придающее храбрость трусам, всякое использование ларана в военных целях там полностью запрещены. Войны при нынешней политической ситуации предотвратить невозможно. Но мы в состоянии удержать разбушевавшиеся страсти в разумных границах, остановить истребление лесов и пашен, гибели невинных людей. Мы должны объявить все колдовские ухищрения дьявольскими и не допустить повторения того, что случилось в Хали девять лет назад, когда у детей начала разжижаться кровь и ломались кости только потому, что они зашли в лес, куда напустили во время войны ужасный туман. Погубили землю надолго, а то и навсегда. Война должна стать состязанием, но не уничтожением, дом Рафаэль.

Конечно, ее нельзя решить, играя в «замки» или бросая кости. Ее правила нигде и никогда не устанавливались, не записывались… И все равно, если не остановить нарастание злобы и — как следствие — применение чудовищного оружия, может наступить день, когда на Дарковере исчезнет все живое и победу будет праздновать смерть. В наших силах добиться, чтобы этот день никогда не наступил. Разве это безумие, дом Рафаэль?

— Мои подданные никогда не согласятся на это, — возразил хозяин. — Я не тиран и не могу силой заставить их отказаться от подобного оружия и оставить беззащитными перед лицом беспринципных, беззастенчивых негодяев, которые никогда не расстаются с подобной силой. Возможно, когда я получу веские доказательства, что все наши враги поступили так же… Но до этого, по моему мнению, очень далеко.

— Бард ди Астуриен, — неожиданно сказал Варзил. Киллгардский Волк удивленно глянул на него. — Вы же солдат, а большинство солдат — люди трезвомыслящие. Вы же командующий армией! Неужели вы не желаете, чтобы эти зверские средства были объявлены вне закона? Вы же сами видели деревни, сожженные клингфайром, и несчастных детей, умирающих от костной

водянки.

Барда даже передернуло от ужаса, когда ему припомнилась деревня возле Скаравела, сгоревшая дотла. Крики детей, на кожу которых попала эта гадость… После липучего огня даже пепелища не осталось, только опаленная мертвая земля. Исчезло все, вплоть до последней былинки… Причем все сгорело не в одночасье, этот кошмар продолжался несколько дней, за этот срок из деревни никого не выпустили. Жгли по мере подвоза снадобья… Их жуткие крики… Сам он никогда бы не использовал клингфайр, но почему Варзил спрашивает именно *его*? Он только солдат, он всегда выполняет приказ.

— Дом Варзил, конечно, я бы охотнее сражался мечом и защищался с помощью щита, если другие тоже будут придерживаться подобных правил. Но я солдат, мое дело — схватки, сражения… Поэтому у меня нет никаких шансов… Поймите, я не могу вести своих людей, вооруженных мечами, против тех, кто использует липучий огонь. Или демонов, от вида которых дрогнет сердце даже у самого храброго человека. Или против бури, потопа, землетрясения, которые могут быть организованы злыми чарами.

— Я спрашиваю о другом, — сказал Варзил. —

Но вот вы, лично, согласились бы не применять все эти ужасы, если бы против вас не использовали ларан? Я имею в виду применить первым, и главное — против мирного населения?

Бард заговорил было, что в такой постановке вопрос звучит разумно, однако дом Рафаэль коротко перебил его.

— Нет, — сказал он, обращаясь к Варзилу, — война не игрушка.

— Если это не игрушки, то что же это? — жестко спросил Варзил. — Игры сильных мира сего. Ради власти они готовы на все.

Дом Рафаэль грустно усмехнулся:

— Тогда, может, стоит подумать о том, чтобы переориентировать всю вашу политику в этом направлении? Отдать все силы установлению правил… Скажем, взять за основу футбол. Или чехарду!.. Представьте себе воинов в доспехах, с оружием в руках, которые играют в салочки: и кто водил больше других, тот и проиграл. Или пусть прыгают через веревочку, как маленькие девочки. В этом смысл наших переговоров?

Варзил спокойно возразил:

— Причины подавляющего большинства военных конфликтов вполне могут быть устранены посредством переговоров. Если люди проявят

благоразумие… Когда этого нельзя добиться путем соглашения, решить спор с тем же успехом можно и с помощью футбола, тем более что все эти бесконечные войны, по существу, заканчиваются ничем. Такое впечатление, что правители просто демонстрируют богам, чьи солдаты лучше обучены.

— Так может рассуждать только малодушный человек! — воскликнул дом Рафаэль. — Да, война может смутить слабосильного, однако вы вряд ли способны оспорить тот факт, что люди в таких вещах уже столько лет действуют по одному и тому же принципу — использовать все доводы для того, чтобы добиться преимущества и потом заставить неприятеля подписать соглашение. Или мир… Собственно, зачем отказываться от желания, вместо того чтобы добиться его исполнения? Вам не дано изменить природу человека — мужчина всегда остается мужчиной. Что тут поделаешь! Если мужчина получает ответ, который его не удовлетворяет, ему наплевать на самые разумные и убедительные доводы, которыми оправдывается подобное решение. Если он настоящий мужчина, он все равно будет сражаться за то, что желает получить. Если бы это было не угодно природе, мы должны были бы рождаться

без рук, без ног, без голов, чтобы никому и в голову не пришло взяться за оружие. Никто, кроме трусов, не может утверждать обратное, ларанцу.

— Грубость, — ответил Варзил, — никогда не была синонимом правды. Меня мало трогают обвинения в трусости, тем более когда я всеми силами борюсь с мелкими душонками, которые не решаются сойтись лицом к лицу с противником, а стараются спрятаться за всякими дьявольскими ухищрениями. Они мне напоминают тех школьников, которые, сотворив какую-нибудь пакость, громче других кричат: «Держи вора!» Вы лучше откровенно ответьте: если у моих солдат, выступивших против вас, в руках будут только мечи, вы решитесь обрушить на них клингфайр?

— Конечно, если у меня будет это зелье. Я не произвожу эту гадость, но, учитывая, что и против меня могут использовать липучий огонь, я заранее должен запастись им и применить раньше, чем это успеет сделать противник. Вы на самом деле считаете, что кто-то будет соблюдать ваш договор, если посчитает, что может проиграть?

— И вы его примените? Даже если этот дьявольский туман, вызывающий размягчение костей, будет разлит на вашей территории и от него пострадают ваши подданные? И любое

другое средство, которое выдумают ваши лероны, — пусть даже в результате погибнут мирные жители? М-да, я считал вас разумным, добрым человеком…

— Я и есть разумный, никому не желающий зла человек, — ответил дом Рафаэль. — Именно поэтому я и не собираюсь погибать со своей армией, когда какой-нибудь захватчик вторгнется на нашу землю, чтобы обратить всех нас в рабов. В моем понимании все, что позволяет быстро добиться победы, является подходящим средством. Разумным и необходимым… Война, где сражаются только холодным оружием, представляется мне чем-то вроде рыцарского турнира, она может продолжаться долгие годы. Мы, например, сражаемся с Серраисом, сколько я себя помню. Пока излишне чувствительные люди дважды подумают, применять или нет клингфайр, я успею разгромить их. Нет, дом Варзил, ваше предложение лишь на первый взгляд выглядит разумным, а на поверку под привлекательной оберткой — сущая чепуха. Люди решат, что война при соблюдении договора — веселая игра. Им понравится размахивать мечами, устраивать поединки… Конечно, это, считай, развлечение, а не беда, не горе, каким на самом деле является

война. Вы можете вернуться к Каролину и сообщить ему, что ничего, кроме презрения, я к этому договору не испытываю и никогда не буду соблюдать его. Если он выступит против меня, то обнаружит, что мои лерони имеют кое-что про запас. Пусть побережет свою голову, если решится отправиться на войну с одними мечами и копьями. Ваш договор — чепуха, нонсенс. Если это все, что вы собирались поведать нам, дом Варзил, то…

— Нет, — ответил тот.

— Что же еще? Я не хочу воевать с Хастурами, я предпочитаю заключить перемирие.

— И я тоже, — кивнул дом Варзил, — и Карелии тоже. Я наделен полномочиями взять с вас клятву в том, что вы не начнете первыми войну против нас. Мы считаем вас разумными людьми, это в ваших интересах получить передышку.

— Я не испытываю желания воевать, — сказал дом Рафаэль. — Но я не являюсь подданным Хастуров, тем более на своей земле, где ди Астурией правили из века в век.

— Это неправда, — возразил посол. — Есть письменные свидетельства — они хранятся в Неварсине и Хали, — это куда более убедительный аргумент, чем патриотические легенды и

народные сказки, которыми вы потчуете своих подданных. Эти документы достоверно свидетельствуют, что менее чем два века назад эта земля являлась частью королевства Хастуров. После изгнания отсюда народа кошек Хастур передал ее ди Астуриен на правах сеньора. Ди Астуриен должны были организовать оборону этого края — не более того. Теперь земли Дарковера оказались разделенными на множество мелких королевств, которые заявляют о каких-то мифических правах на самостоятельность и суверенитет. Наступило время хаоса, анархии. Почему бы нам не замириться?

— Мир? О каком мире вы говорите? — спросил дом Рафаэль. — Ваш мир окажется тиранией для нас. Зачем свободным людям Астуриаса склонять головы перед Хастурами?

— А зачем им склонять головы перед ди Астуриен? Мир вовсе не означает полного подчинения, в своих делах вы будете обладать полной автономией. Предположим, что ваши фермеры — каждый из них — заявят, что он свободный человек и не намерен никому подчиниться. При этом он отказывает любому другому человеку в праве свободно пересечь его землю без уплаты дани, и единственным законом на этой террито-

рии являлась бы его собственная прихоть.

— Это действительно глупо.

— Но ведь не меньшая глупость заявить, что Эль-Халейн, Астуриас, Маренжи — самостоятельные в полном смысле слова государства и могут жить так, как вздумается их правителям. Почему нельзя установить мир между сыновьями Хастура, наладить свободный товарообмен, открыть границы, распустить армии? В своем собственном королевстве вы будете свободны и суверенны. Единственное обязательство — следовать общим правилам, обязательным как для вас, так и для ваших соседей.

Дом Рафаэль отрицательно покачал головой.

— Мои предки завоевали эту землю. Валентин, сын Одрина, лишился наследственных прав в тот самый день, когда сбежал к Каролину со своей предательницей-матерью. Теперь я просто обязан сохранить это королевство для своих сыновей, и если Хастурам это не по вкусу, то пусть они придут и попытаются установить здесь свои порядки. Если смогут, конечно.

Дом Рафаэль говорил спокойно — чувствовалось, что этот человек уверен в себе, однако только Бард знал, что скрывалось за этим спокойствием: он припомнил разговор, который

состоялся у них накануне свадьбы Джереми.

Серраис на востоке, Алдаран и Скатфелл на севере, Хастуры и все их союзники на западе, а с юга лежала Валеронская равнина — рано или поздно оттуда непременно последует вторжение.

— Итак, — заключил дом Варзил, — вы не желаете жить в мире с Хастуром, хотя все, что он просит, — это ваше обязательство не нападать на Хали и Каркосу, а также замок Хастуров и Башню Нескьи, которая находится под его защитой.

— Трон Астуриаса, — ответил дом Рафаэль, — не во власти Хастуров. Это мое последнее слово. У меня нет намерения нападать на Хастура, но он не имеет права вмешиваться в наши внутренние дела.

— Аларик, — обратился Варзил к юноше, — ты — властитель Астуриаса. Пока ты не достиг того возраста, когда имеешь право самодержавно заключать договоры, тем не менее прошу как родственника попросить отца еще раз подумать над моим предложением.

— Мой сын теперь не ваш заключенный, дом Варзил, — заявил регент, и его нижняя челюсть отчетливо выпятилась вперед. — Не знаю, сколько яда вы влили в него, настраивая против отца, но теперь…

— Отец, это несправедливо! — воскликнул Аларик. — Прошу тебя, не ссорься с домом Варзилом. Мы все-таки родственники.

— Только ради тебя, мой сын, я готов заключить мир. И еще, дом Варзил, больше не заводите разговоров насчет признания ди Астуриен вассалами Хастуров!

— Вижу, — сказал дом Варзал, — что вы уже замышляете нападение на соседей. Заметьте, вас окружают не агрессоры. Я знаю, как вы поступили с Маренжи. Я знаю точно, что весной вы собираетесь напасть на Серраис. Кроме того, вы намерены укрепить земли вдоль Кадарина…

— А что вам за дело! — холодно спросил Бард. — Земли вдоль Кадарина неподвластны Хастурам.

— Но они не принадлежат и Астуриасу, — ответил Варзил. — Каролин поклялся защитить их от посягательств жадных до чужого добра маленьких королевств. Внутри своих границ делайте что хотите, но я вас предупреждаю. Предупреждаю от имени всех соседей: даже не пытайтесь высунуться за свей пределы.

— Вы нам угрожаете?

— Да, хотя я и не хотел этого делать. Я требую, чтобы вы, дом Рафаэль, и оба ваших сына дали клятву, что не развяжете агрессию против лю-

бого из ваших соседей, подписавших договор. В противном случае в течение сорока дней мы объявим вам войну и начнем боевые действия. Когда мы освободим королевство Астуриас, мы поставим здесь королем более спокойного и разумного правителя, который будет выполнять условия договора и признает верховную власть Хастуров.

У Барда от этих слов замерло сердце. В животе что-то оборвалось, по спине побежали мурашки. Они никак не могли сейчас воевать ни с Хастурами, ни с живущими по берегу Кадарина, ни с Серраисом на востоке! Если Хастуры выступят против них *немедленно*, Астуриасу не устоять.

Дом Рафаэль гневно сжал кулаки:

— Какую именно клятву вы от нас требуете?

— Вы должны дать слово родственника — не мне, а Джереми Хастуру как представителю Каролина… Это обязательство не может быть нарушено в течение полугода любой стороной… Поклянитесь в том, что вы не начнете военных действий против союзников Хастура и любой другой земли, находящейся под его защитой. Кроме того, вы обязуетесь войти в альянс, который в дальнейшем будет именоваться Союз. Согласны ли вы дать слово родственников?

Наступило молчание, однако ди Астуриен ока-

зались в проигрыше, и они знали об этом. У них не осталось выбора, как только дать подобные гарантии. В этот момент в разговор вступил Аларик и снял напряжение. Его речь позволила ди Астуриен сохранить лицо.

— Дом Варзил, я даю слово родственника, кроме той части, которая понуждает нас вступить в Союз. Разве этого недостаточно? Клянусь, что не пойду войной против Каролина из Тендары. По крайней мере предупрежу об этом за полгода… Однако… — добавил он, и Бард обратил внимание, как крепко отец сжал кулаки — даже пальцы побелели. — Однако это обязательство действительно только до той поры, пока мой родственник Карелии из Тендары позволит мне, Аларику ди Астуриен, беспрепятственно владеть троном Астуриаса. В тот день, когда он заявит о своих претензиях на наш трон, я буду считать себя свободным от обязательств и сочту его своим врагом.

— Я принимаю ваше слово, кузен, — ответил Джереми. — И в свою очередь обязуюсь довести ваши условия — честно и без искажений — до отца моего, Каролина. Но мне неясно, согласны ли с вами ваш отец и брат? Вы еще не вступили в тот возраст, когда получаете право самостоятель-

но принимать решения. Что скрывать — именно они являются опорой вашего трона.

Аларик повернулся к брату:

— Ради богов, чести нашей семьи, прошу тебя, Бард, подтвердить мое слово!

— Я присоединяюсь к твоему обязательству, брат, — ответил Киллгардский Волк, — в той форме, как оно было высказано. — Он не удержался и схватился за рукоять меча. — Зандру, разбей мне сердце и обезоружь меня, если я солгал.

— Я тоже присоединяюсь, — тусклым голосом произнес дом Рафаэль, положив руку на ножны, где хранился кинжал. — Клянусь честью ди Астурриен. Никто не смеет усомниться в том, что честь ди Астурриен превыше всего.

Как ни крути, с горечью подумал Бард, все-таки Джереми и Варзил с помощью бесчисленных уловок сумели вырвать у них согласие. Собственно, перемирие и было их целью, но именно перемирие, а не это обязательство, связавшее руки. У нас не было выбора, на что можно рассчитывать, когда на троне ребенок-калека. Аларик может подвести в любую минуту. Они-то рассчитывали увидеть в правителях молодого бесшабашного воина, которого только следует немного подправлять. А что получилось? О боги, дело даже

не в том, что Аларик оказался слаб телом — он умен, в этом ему не откажешь, — но он *не наш*! В то время когда отец вел к тому, чтобы добиться перемирия и сохранить свободу действий, этот несмышленыш искренне стремился к миру. Дому Рафаэлю ничего не оставалось, как поддержать его ради сохранения мира в семье. Хуже нет, когда в подобной ситуации между ними начнутся раздоры.

Переговоры закончились. Посол Хастура в компании с Джереми покинул помещение. Вслед за ними бледный, вымотанный до предела Аларик отправился к себе отдохнуть. Дом Рафаэль неподвижно сидел за столом. Наконец он окликнул Барда:

— Сын! Это мой сын!.. Я любил его и люблю, я горжусь им, но, черт побери, разве в такую минуту ему управлять государством?! Боги, боги, что вы натворили — ну, почему твоя мать, Бард, не стала мне женой?

— Отец, — голос у Барда дрогнул, — стоит ли принимать все так близко к сердцу? Ну хром, ну слаб, зато голова у него работает. Я же солдат. Не политик, не дипломат, не государственный деятель. Аларик будет лучшим королем.

— Но они молятся на тебя, они прозвали тебя

Киллгардским Волком. Разве они когда-нибудь будут восхвалять калеку, не способного повести их в бой?

— Если я буду опорой трона, — ответил Бард, — куда они денутся…

— Аларику повезло с братом. Правильно говорит старая пословица: *гола спина без брата* … Но что ты можешь один… То есть ты многое можешь, но этого недостаточно. Разорваться ты не в состоянии. К тому же дал клятву… Если бы у нас было время или если бы Аларик был посильнее, повыносливее…

— Что жалеть об этом? Если бы королева Лоримель надела штаны вместо юбки, она была бы королем и Тендара бы устояла, — жестко сказал Бард. — Какой смысл вспоминать об этих «если» и — о боги! — нам нельзя терять время на «ахи» и «охи». Мы сами должны скроить себе одежонку. По собственному вкусу… Боги видят, я люблю брата, мне бы очень хотелось, чтобы рядом со мной был соратник, чтобы мы встали плечом к плечу, однако что свершилось, то свершилось. Ни время, ни ход событий нам не подвластны. У меня, как ни крути, единственный брат.

— Я о другом думаю — о везении, об удачной судьбе… Как же повезло Хастурам, что у нее не

родились двойняшки! — Дом Рафаэль горько рассмеялся. — Если бы вас было двое, сынок, я бы смог завоевать все Сто царств.

Потом он неожиданно замер. Смех оборвался — он взглянул на сына так, что тот невольно выпрямился, с тревогой глянул на отца. Потом отец опять засмеялся, но уже довольно, с некоторой лукавинкой:

— Двое! А что? Почему бы и нет? Да с такими молодцами я бы завоевал все земли от Далерета до Хелер. Бард, а что, если вас станет двое? — шепотом, расширив глаза, спросил отец. — Что, если у меня появится еще один сын, твоя точная копия. Он будет так же искусен в воинском мастерстве, так же храбр, дальновиден. Двое в одном! Я знаю, как его найти. И никакого подобия. Это будешь ты сам, твое второе «я». Во плоти и крови.

5

Бард с тревогой посмотрел на отца. «Что за напасть, — решил он, — то брат — калека, то отец свихнулся. Боги решили, что теперь Аларик возьмется за дело?»

Однако по виду вовсе нельзя было сказать, что дом Рафаэль сошел с ума. Движения его были по-прежнему точны, взгляд таил какую-то мысль. Нет, отец не тронулся. «Выходит, это я начал бредить?..»

— Значит, вы не доверяете мне, батюшка? Вы никогда не говорили, что у вас есть еще один незаконнорожденный сын, причем вылитый я. Теперь сочли, что наступило время?

Дом Рафаэль отрицательно потряс головой:

— Нет. Понимаю, что моя идея звучит несколько ошарашивающе, сынок, но поверь, я вполне здоров. Чтобы быть довольным, мне тебя одного вполне достаточно. Не думай, я не помешался, и все равно то, что я хочу предложить тебе, прозвучит несколько… э-э… необычно. — Тут старик огляделся, замолчал, потом добавил: — В любом случае нам не следует говорить здесь.

Они перешли в другую комнату. Слуга принес

вино, и, когда он удалился, Бард налил отцу и себе.

— Достаточно, — попросил старик. — Мне бы не хотелось, чтобы ты решил, что я пьян. Ты уже счел меня сумасшедшим — на этом и остановимся. Я уже говорил, Бард, что если бы вас было двое… Если бы у меня было два полководца с такими военными талантами, способными разобраться в стратегии и тактике и в бой войско повести — это уж от природы, таким уж ты уродился, — с вами двумя, Бард, я бы завоевал весь Дарковер. Если Сотню царств объединить в одно государство — я так полагаю, что эта задача уже встала на повестку дня, так почему бы не воспользоваться ситуацией, — неужели именно Хастуры должны быть королями? На этих холмах давным-давно жили ди Астуриен, еще задолго до того, как лорд Картон выдал свою дочь за какого-то Хастура. В нашем роду тоже существовал ларан, и это был дар человеческий, если так можно выразиться. Дар, находящийся в границах человеческого разумения, а не нечто запредельное, не от чири[22]. Дар Хастуров именно от чири или похож на него. Если ты обратил внимание на их руки, если мог

---

[22] notes: 22
Сверхъестественные существа наподобие эльфов.

сосчитать пальцы, ты бы сразу обратил внимание, что с их породой что-то не то. Слишком многие из них рождаются эммаска[23] — не поймешь, то ли мужчина, то ли женщина. Несколько сот лет назад жил Феликс из Тендары — оказался гермафродитом. Это о чем говорит? О том, что династия вырождается.

— Но, отец, на наших холмах нет человека, у которого в крови не было бы генов чири.

— Да, но только Хастуры стремились оградить свою кровь, то есть сохранить все ее особенности с помощью специальной наследственной программы, — ответил отец. — Впрочем, так поступали все древние фамилии — Хастуры, Эйларды, Ардаисы, даже Алдараны и Серраисы. У всех у них что-то неладно с кровью и наследственными признаками. Они так упорно держатся за генеалогии, даже гордятся ими, что все остальные относятся к ним с подозрением. Я имею в виду настоящих, полноценных людей. У них могут родиться дети, способные убивать силой мысли или обладающие даром распознавать будущее, — словом, время может побежать для них в обратную сторону. Были и такие, которые воспламеняли

---

[23] notes: 23
Бесполые люди.

взглядом на расстоянии, устраивали наводнения на реках, а то и гнали воду вверх по течению… Существуют две разновидности ларана: первая — ею обладают и могут пользоваться все люди, она усиливается при использовании звездного камня. И вторая — та, дьявольская, что присуща Хастурам. К сожалению, наш род не свободен от этой чертовщины. Когда наша лерони родила от тебя сына, ты вольно или невольно добавил толику их ларана в нашу кровь. Но что сделано, то сделано, и от Эрленда когда-нибудь будет польза. Кстати, ты случаем не приготовил мне еще один такой подарок? Никакую девицу больше не обрюхатил? Собственно говоря, почему бы и нет? — Дом Рафаэль на некоторое время замолчал и, не дождавшись ответа, продолжил: — Теперь, надеюсь, тебе понятно, почему я не испытываю желания попасть под руку Хастуров. Их ненавидят все сильнее и сильнее. Их ларан невозможно разжижить обычной человеческой кровью, он зафиксирован навсегда — для этого и была создана наследственная программа — и передается от поколения к поколению. Я так думаю, людьми должны править люди, а не колдуны!

— Зачем вы мне все это рассказываете? — пожал плечами Бард. — И в такой момент. Или

считаете, что, когда Эрленд вырастет, он будет настолько близок к ним, что в нем проявится какой-нибудь особый дар?

Отец даже не удостоил его ответом. Его мысли были заняты чем-то иным, далеким и великим. Он как будто что-то вспомнил. Или зрил в запредельном…

— Ты, вероятно, не ведаешь, — неожиданно вымолвил он, — что в молодости я учился обращаться со своим лараном. Долгие годы провел в Башне. Мечтать о короне мне не приходилось, да меня и не учили этому. Старшим был Одрин… Меня даже в Астуриасе не оставили, ведь между мной и Одрином было еще три брата. Так что меня отправили в Далерет, где я и стал ларанцу.

Бард знал, что его отец носит на груди звездный камень — в том не было ничего необычного. Многие незнакомые с искусством использования ларана носили матриксы. Вот что было ново, необычно — это то, что отец долгие годы провел в Далеретской Башне.

— Есть одно правило, касающееся звездного камня, вернее, некая таинственная особенность, — между тем продолжал рассказывать дом Рафаэль. — Я не знаю, кто первым открыл ее, но это факт — все, что существует на свете, любой

предмет, вещь, имеет свою абсолютную копию. Исключая звездные камни. Эти кристаллы — все наособицу. Все же остальное, без исключения, имеет двойника. Имеется в виду — все, что имеет естественное происхождение. Рогатый кролик, каждое дерево в лесу, цветок, камень в поле — одним словом, все, что ты видишь вокруг себя. И ты тоже, как и любой другой человек. Каждый из нас имеет свою точную копию, не близнеца — нет! Именно двойника, совершенного и полностью схожего. Во всем, даже в мыслях… Вот что подсказало мне решение, Бард… Значит, ты тоже имеешь двойника! Он может обитать в Сухих землях или вообще за пределами Стены мира. Он может оказаться сыном крестьянина, может жить на другом берегу Далеретского моря… Он должен быть похож на тебя больше, чем если бы он был твоим близнецом, пусть даже он находится за пределами Сотни царств. Надеюсь, что это не так, верю — он где-то рядом, среди холмов Киллгард. В противном случае нам придется обучать его нашему языку и образу жизни. Но кем бы он ни был, он обязательно имеет тот же ларан, что и у тебя, даже если он и не догадывается об этом. У него обязательно должны обнаружиться те же военные таланты, пусть он за всю свою жизнь ни

разу не брал в руки оружие. Он будет так похож на тебя, что твоя мать, если она еще жива, не сможет вас различить. Видишь, сынок, неплохо бы нам заиметь такого парня!

Бард задумался.

— Понимаю… — начал было он, однако отец, воодушевившись, перебил:

— Вот еще что! Твой двойник ни в чем не клялся Хастурам. Он не связан обязательствами. Понимаешь, о чем я?

Он понял. Догадался сразу:

— Но где же мы сможем найти подобного двойника?

— Я же тебе объяснял, что я изучал искусство магии. Я могу определить примерное положение объекта, потом с помощью особого расположения звездных камней — тут надо суметь выложить определенную фигуру — можно произвести перенос. Когда я был молод, мы могли — хотя это было очень трудно — перемещать мужчин и женщин — тоже лерони — из одной точки в другую. Если мы сумеем вызвать изображение твоего двойника на особом экране, то есть отыщем его, установим с ним телепатическую связь, то сумеем с помощью матрикса вырвать его из той среды, где он обитает, и перенести сюда.

Бард хмыкнул:

— Хорошо, мы перенесем его сюда. Ну, а если он не пожелает нам помогать?

— Он не в состоянии отказать существу, которое и есть он сам. Конечно, могут быть сложности — гордыня человеческая неисповедима. Если он уже стал знаменитым воином, то мы, вероятно, слышали о нем. Если он один из моих внебрачных сыновей или детей Одрина, живущих в бедности, то нам придется обучать его военному делу. Ты пойми, мы дадим ему шанс добиться высот, какие ему и не снились. Уже за одно это он обязан будет служить нам. Он до конца своих дней будет нам благодарен. Потому, Бард, что он — это есть ты! У него тоже крепкая воля и много амбиций.

Тремя днями позже Аларик, наследный принц Астуриаса, был торжественно коронован в присутствии многих гостей. Общий порядок управления государством был сохранен — в том новый король и регент дали слово, Бард публично произнес присягу на верность новому королю, и Аларик подарил брату изумительной красоты меч, который считался семейной реликвией. Бард знал, что отец давно хранил это замечательное оружие — у него была мечта преподнести его когда-нибудь своему законному сыну чтобы

тот, выхватив его из ножен, повел королевскую армию в бой. Очевидно, теперь об этом не стоит и думать — каким бы правителем ни оказался Аларик, он никогда не станет великим воителем. Бард был назначен главнокомандующим королевской армией и всеми войсками, которые должны были выставлять на поле брани союзники и вассалы Астуриаса.

«Итак, под мою руку перешли войска Астуриаса и Маренжи. Что ж, будем считать это началом. Придет день, и я возглавлю все вооруженные силы Сотни царств, тогда все будут бояться и уважать меня».

Вот теперь, когда Маренжи попала под его власть, он имеет право осмотреть окрестные земли, а также побывать на острове Безмолвия.

«Для начала следует объявить служительниц вне закона и изгнать их с острова».

Бард был уверен, что жители Маренжи сочтут это требование святотатством. Чтобы усмирить их, он попросил Аларика издать прокламацию, в которой объявлялось, что кое-кто из населения Маренжи, как полагают, предоставил убежище нареченной Барда ди Астуриен. Любой человек, скрывающий сведения о том, где прячется Карлина ди Астуриен, считается предателем и может

быть подвергнут суровому наказанию.

Аларик с большой неохотой подписал это заявление и в частной беседе выразил свое недовольство:

— Зачем ты преследуешь женщину, которая не желает тебя видеть? Мне кажется, тебе следует жениться на Мелисендре. Она просто замечательный человек, мать твоего сына. И Эрленда следует усыновить. Такой хороший, добрый мальчик, у него есть ларан. Женись на ней, и я устрою роскошную свадьбу.

Бард твердо ответил, что его повелителю и брату не следует вмешиваться в такие дела, в которых он ничего не понимает по причине возраста.

— Ну, — улыбнулся Аларик, — если бы мне было на десяток лет побольше, я бы сам женился на Мелисендре. Она мне очень по душе. И ко мне хорошо относится — разговаривает со мной так, словно не замечает, что я калека.

— Что еще ей остается! — в ярости прорычал Бард. — Если она посмеет сказать тебе хотя бы одно грубое слово, я сверну ей шею. Она знает об этом.

— Что за речи, Бард! Зачем такая злоба? Я знаю, что я инвалид и мне еще надо научиться жить

с этим ощущением, — сказал Аларик. — Леди Хастур, которая ухаживала за мной в Башне Нескьи, говорила, что не важно, как я выгляжу. Вот Джереми тоже искалечен, но это просто удивительный человек. Очень трудно свыкнуться с мыслью, что Хастуры — враги, — неожиданно признался юноша и вздохнул. — Я нахожу, что политика для меня темный лес, Бард. Как бы я хотел, чтобы повсюду установился мир. Мы могли бы стать друзьями с домом Варзилом, который относился ко мне как отец. Я привык, что со Мной обращались как с инвалидом — собственно, я и есть инвалид. Не могу одеться без посторонней помощи, даже хожу с трудом, но вот такие добрые люди, как Мелисендра, помогают мне понять, что я ничем не хуже других. Да-да, она так и говорит: «Что вы, ваше величество, чем вы хуже других…»

— Вы — король, а как это король может быть хуже других? — не понял Бард.

Аларик вздохнул:

— Ах, жаль, что ты не понимаешь. Я совсем другое имел в виду, Бард. Конечно, тебе трудно понять — ты такой сильный, ты вообще никогда не болел, никогда ничего не боялся. Как ты можешь узнать… Когда в первый день эта лихорадка

напала на меня, когда даже вздохнуть не мог, я так испугался… Джереми и три знахарки короля Одрина всю ночь провели возле моей постели — все пытались посредством звездных камней изгнать болезнь. Семь ночей… Они помогали мне дышать, давили вот сюда и сюда — и помогали дышать, Бард. Понимаешь?..

Бард едва не усмехнулся, слушая признания брата, однако сумел взять себя в руки. Он не собирался смеяться над ним — это было просто пошло. Он — здоровяк, Киллгардский Волк — будет подсмеиваться над несчастным человеком, да еще и собственным братом? Другое до печальной усмешки покоробило его в словах Аларика — замечание, что Бард никогда не испытывал страха. Вспомнился ужас, который охватил его на берегу озера Безмолвия. Этот наплыв искореженных лиц, что подмигивали ему из зеленоватого тумана. Вспомнилось, как он свалился с коня — хорошо, что еще не разрыдался. Плакать плакал, но не навзрыд. Еще чего не хватало!.. То-то Мелисендра порадовалась бы!.. Конечно, никому и никогда он не признается в этом. Даже брату… Тем более брату… Вместо этого он грустно ответил:

— Что ты, Аларик! Если бы ты знал, как я боял-

ся, когда в первый раз принял участие в битве.

Брат теперь завистливо вздохнул:

— В ту пору тебе было не больше годков, чем мне теперь, а тебя после той битвы сделали королевским знаменосцем. Все же есть различие между нами, брат. Ты держишь в руках меч, значит, способен хоть что-то противостоять страху. А мне что противопоставить страху? Только лечь я могу и подумать — почему бы мне не умереть? Трудно, когда понимаешь, что уже ничего нельзя исправить. Как ни старайся… С другой стороны, ты каждый раз испытываешь страх, когда вступаешь в бой, — конечно, сейчас меньше, а мне этого не дано. Никогда мне не узнать, храбр я или труслив. Знаешь, это грустно, когда впереди сплошная беспросветность. Вот что удивительно, — неожиданно оживился Аларик, — разговаривая с некоторыми людьми, мне становится неуютно, стыдно. Я чувствую себя больным, парализованным трусом. С другими же, такими, как Варзил или Мелисендра, я разговариваю как равный, понимаю, что жизнь не такая уж плохая штука. Ты понимаешь, что я имею в виду? Хоть немного?

Бард грустно вздохнул. Он понимал, как трудно Аларику, как он ищет понимания, сочувствия.

Подобная тоска всегда была чужда Киллгардскому Волку. Он уже встречался с подобным испытующим взглядом — так смотрели тяжелораненые солдаты, заглянувшие в лицо смерти и, к своему удивлению, оставшиеся в живых. Вот это смутное, неосознанное удивление, перемешанное со страхом, стыло на самом донышке их зрачков, словно они увидели что-то такое, о чем так хочется и никак не возможно рассказать. Другой может только посочувствовать этому. Если, конечно, у него отзывчивая душа. Виноват ли он в том, спросил себя Бард, что у него душа грубая, цельная. Точно скала… Жалко? Да, очень жалко брата, но утешить его нечем, хоть целый век сиди рядышком.

— Мне кажется, что ты слишком долго оставался в одиночестве, — осторожно заметил он. — Это развивает нездоровую мечтательность… — Он примолк, видно, понял, что не о том ведет речь, и наконец сказал: — Я рад, что ты нашел с Мелисендрой общий язык.

Аларик вздохнул и отвел взгляд в сторону, потом вытащил свою маленькую белую ручку из-под огромной ручищи Барда. Он не понял, с тоской подумал юноша, он ничего не понял, и все равно — брат любит его. Это уже немало.

— Надеюсь, Бард, тебе удастся вернуть жену. Так нельзя. Зачем люди так злы? Зачем они разлучили вас?

Что мог ответить Бард на подобные вопросы? Он только, невольно подражая Аларику, тягостно, протяжно вздохнул.

— Послушай, — обратился к нему Бард, — нам с отцом необходимо отлучиться на несколько дней. Мы возьмем с собой кое-кого из лерони. Дом Джерил останется с тобой, ты смело можешь обращаться к нему с вопросами.

— Куда вы отправляетесь?

— Отец прослышал о каком-то знатоке, который может здорово помочь нам в укреплении обороны. Вот мы и собираемся отыскать его.

— Почему бы не приказать ему прибыть ко двору? Регент имеет полное право приказывать любому моему подданному.

— Неизвестно, где он живет. Придется искать его с помощью ларана… — Тут Бард замолчал — решил, что подобных объяснений вполне достаточно.

— Хорошо, если надо ехать, то поезжайте. У меня единственная просьба — пусть Мелисендра останется со мной, — попросил он.

Бард задумался — Мелисендра была лучшей ле-

рони при дворе, однако он не мог отказать брату.

— Если она согласится, я возражать не буду.

Бард долго не решался сообщить отцу о просьбе. Однако дом Рафаэль, услышав об этом, согласно кивнул.

— Я и не собирался брать с собой Мелисендру. Она мать твоего сына.

Бард немного опешил — какая связь между задуманным колдовским действом и его сыном, однако ничего не сказал. Вполне достаточно, что все получилось так удачно — все довольны.

Они выехали под вечер и поскакали в сторону старой усадьбы дома Рафаэля. С ними было трое лерони — две женщины и мужчина. Добравшись до старого замка, сразу, скинув лишь плащи, прошли в комнату в башне, в которой Барду раньше бывать не доводилось. Поднялись они туда по заброшенной лестнице — и там уперлись в запертую дверь. Хозяин отпер ее сам.

— Я здесь уже несколько десятилетий не бывал, — сообщил дом Рафаэль. — Надобности не было… Однако, имея дело с лараном, уж если чему научился, то никогда не забудешь. — Потом он повернулся к колдунам и спросил: — Знаете, что это?

Мужчина-ларанцу осмотрел аппаратуру,

установленную в комнате, потом перевел испуганный взгляд на дома Рафаэля.

— Знаю, мой лорд, — сглотнув, ответил он. — Однако я думал, что использовать все эти штучки за пределами башен строго-настрого запрещено.

— В Астуриасе действуют только те законы, которые установил я. Ты умеешь с этим обращаться?

Ларанцу в некоторой растерянности глянул на женщин, потом ответил:

— Это удваиватель, который действует на основе принципа Черилиса. Так, по-видимому… Только копию чего или кого мы должны отыскать?

— Вот мой сын, он является командующим вооруженными силами королевства…

Одна из женщин мельком глянула на Барда, и он уловил мелькнувшую мысль: «Еще один Киллгардский Волк? Нам и одного с лихвой хватает». Бард догадался, что это одна из подруг Мелисендры. В то же мгновение женщина выставила ментальный экран и четко, совсем как в строю, доложила:

— Что ж, ваи дом. Если вы так желаете…

Бард ощущал смущение, охватившее лерони, однако никто из них не посмел высказать сомне-

ния вслух. Они тут же занялись необходимыми приготовлениями, наложили магические печати по всем углам помещения так, чтобы недоброжелатель не смог проникнуть лараном в комнату и определить, что же там происходит. Когда доступ враждебным чародеям был перекрыт, взялись за оборудование. Предстояло вдохнуть в него жизнь, опробовать, проверить…

Когда все было готово, дом Рафаэль жестом указал Барду место перед экраном. Он должен молчать и оставаться недвижимым. Бард кивнул и, ни слова не говоря, встал на колени. В этом положении он не видел ни отца, ни сопровождавших их лерони, однако ощущал их присутствие. Бард никогда подолгу не задумывался, что такое ларан, есть ли он у него. Ясно было, что есть, только слабенький, который и тренировать по-настоящему не стоит. Он всегда откровенно презирал колдовское искусство, считал, что оно больше подходит женщинам… Но в момент, когда невидимая сила словно сетью оплела, сжала его, когда Бард на себе почувствовал неодолимую мощь совокупного ларана, он немного оробел. Вдруг ощутил, как бесцеремонный мысленный щуп погружается в его сознание, проникает в члены — в каждую жилку, каждую клеточку.

Нечто чужеродное, мельчайшее и хваткое овладело им, отыскивая тот самый запретный код, набор первоэлементов, которые составляли его сущность, складывались во вполне определенное «я», называемое Бардом ди Астуриен. Он еще смог подумать, что лерони, возможно, ищут его душу. Именно эту невесомую субстанцию пытаются вызволить из темницы плоти и спроецировать на экран.

Невидимая сеть крепко охватывала члены — Бард не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. На мгновение его обуял дикий животный страх, он едва не закричал… и даже если бы захотел, не смог бы и пискнуть. От этого стало еще страшнее, он ударился в панику… Следом навалилась душная успокаивающая волна — это всего лишь обыкновенная телепатия, воздействие объединенных ларанов, не надо пугаться, отец не позволит причинить ему вред.

Бард, не в силах шевельнуться, не отрываясь смотрел на молочную поверхность экрана. Каким-то образом он осознал: на стекле очерчивалась не тень, не его темный контур, но он *сам*. Спрессованное, очищенное от всего случайного с помощью звездных камней его «я». Теперь оно, спеленутое ментальной сетью, подрагивающее,

застывшее от холода и ужаса, раскачиваясь, повисло над внезапно распахнувшейся бездной. Пустота окружала его со всех сторон — пространство расширялось, распахивалось все дальше и дальше, и взгляд Барда (или взгляд взирающих на этот черный провал лерони) устремился разом во все стороны, отыскивая что-то необычное, во всем схожее с ним… Нет-нет… не схожее, но то же самое. Его самого отыскивал этот вперившийся в неведомую пустоту взгляд. Неожиданно что-то начало выплывать из черноты, на глазах очерчиваться — вот стала различима человеческая фигура. Вот она увеличилась в размерах, испытующий взгляд проник в самое нутро спящего человека и отпрянул… нет, не то. Это существо было всего-навсего похоже, но не являлось двойником. Эта мысль тоскливым отголоском отозвалась в душе. И вновь ищущий, всепроникающий взгляд…

(Очень далеко от холмов Киллгард некто Гвин, безотцовщина и человек, объявленный вне закона — хотя мать его как-то призналась, что зачала его от Анселя из Скатфелла, сына Одрина I, который был родом из Астуриаса, случилось это более тридцати лет назад, — проснулся в холодном поту. Что за дьявольский сон приснился! Его вдруг

начали разглядывать странные рожи, потом как кинутся! Словно коршун на добычу… Удивительно, но одна из рож была его собственной.)

…Опять то же парение над бездной — на этот раз бесконечность пространства увеличилась до невообразимых размеров, однако все оно пронзалось этим колдовским взором. Беззвездная ночь, вызывающая дрожь пустота, где остановилось время. Вот из ядрышка, из неразличимого зернышка возник ветер, закружил, завихрил и кошмарным смерчем прошелся по этому ужасному ничто. И вновь тень начала наплывать на экран — очерчивалась, насыщалась тьмой, становилась все четче. Изображение вздрагивало, по нему пробегали волны, оно то слабело, то насыщалось жизненной силой. То просыпалось, то вновь погружалось в дрему — так, в противоборстве с вечным сном, образ наконец замер на экране. Тут Барда пронзила мысль — кто это? Я? Или другой? Понять, догадаться, определить, заметить разницу было невозможно. Изображение уже отчетливо боролось, стараясь освободиться от наложенных на него мысленных пут, а те все крепче и решительнее пеленали его. Как паук вяжет муху мгновенно застывающей паутиной… Взгляд сфокусировался на изображении, обежал

его, изучил чуждую душу. Все совпадало. Удача! Они нашли искомое…

Пора!

Еще до того, как вокруг все заполыхало, Бард почувствовал вспышку, почти разорвавшую его мозг, Он еще успел — до момента страшной боли — уловить, как тот, другой, неистовствует, бьется в тенетах, пытается вырваться из все более и более крутых и тесных объятий… Ужас и боль затопили Барда. Он не мог понять, его ли чувства бесновались в сознании или это другой, уже пойманный, втиснутый в его мозги, пытается вырваться на свободу? Ибо другие картинки вдруг явились перед умственным взором — огненно-золотистое солнце, неисчислимые миры, пустота теперь была полна сияющими точками. Еще какие-то диковинные образования, напоминающие гигантские туманные спирали… Тут опять ударила вспышка света, и Бард потерял сознание.

…Он слабо шевельнулся, голова раскалывалась от боли, его без конца тошнило. Дом Рафаэль наклонился над ним, взял руку, пощупал пульс. Затем помог подняться, Бард, едва передвигая ноги, оглядел комнату. Позади отца лерони — они со страхом и изумлением смотрели на него. Опять чья-то мысль коснулась его сознания. «Не верю.

Я сделала это, но я не верю. Себе не верю. Как так получилось? Вот он, вон другой, а я до сих пор не могу убедить себя, что это наяву».

На полу по другую сторону экрана лежал обнаженный мужчина. Бард, хотя он внутренне и был подготовлен к этому, ощутил прилив необоримого животного страха.

Человек, лежавший на полу, был он сам.

Ни копия, ни родственник, ни близнец… Он сам!

Широкоплечий, как раз посередине между лопатками темная мелкая родинка — ее можно было только в зеркало разглядеть. Мускулистый — особенно правая рука. Это радовало… На пояснице точно такая же, как и у него, отметина. Волосы темно-рыжие… Он поколебался — может, количество волос сосчитать? От этой мысли стало совсем жутко. Вот и мизинец левой ноги так же искривлен.

Потом он начал замечать различия. Волосы обрезаны куда короче, хотя шевелюра была точно его — такие же непокорные завитки. На левой коленке не было шрама — еще бы немного, и меч отсек ему ногу или раздробил коленную чашечку. Конечно, он же не мог участвовать в битве в Снежной долине. Не было и мозоли возле локтя

— выходит, ему никогда не приходилось таскать щит. Эти различия испортили ему впечатление — теперь томила неизвестность. Кто же он, этот немыслимо похожий на него человек, что там, под черепной коробкой? Зная себя, Бард не мог окончательно ответить на этот вопрос. Что было удивительно — глядя на копию, вернее, на самого себя, только чужого, созданного где-то далеко-далеко, он впервые задумался, кто же он сам и чего можно ждать от самого себя. Появление аналогичного существа всколыхнуло его так, как будто он впервые увидел себя в зеркале.

Барду это не понравилось. Еще менее пришлись по душе смущение и робость, испытываемые чужаком. Бард явственно ощущал его переживания.

Он помимо воли шагнул, с трудом пересек комнату и приблизился к обнаженному, лежащему на полу мужчине. Встал перед ним на колени, положил ладонь на лоб.

— Как ты себя чувствуешь?

Только разжав губы, услышав собственный голос, он внезапно осознал, что чужак не сможет понять его. Это была бы невероятная удача, если бы пришелец оказался из местных, с холмов Киллгард, и приходился родственником ди Астуриен.

В это трудно было поверить — просто невозможно! — что без родственной связи они оказались так схожи. Кожа гостя выглядела чуть смуглее, словно солнце в его краях жжет куда сильнее, чем у них на Дарковере. Здесь светило большое-большое, но очень мягкое, доброе… Но как так может быть? Солнце, везде солнце, откуда бы он ни появился. Солнце на Дарковере одно, откуда другому взяться? Однако ему вспомнилась картинка, виданная им во время магического сеанса, — спирали, состоящие из множества светящихся точек, а точки эти при ближайшем рассмотрении оказались раскаленными шарами, и такой шар явил себя солнцем в небе, где висела всего одна луна. Бард даже отпрянул — откуда эти картинки? Не видел он их во время сеанса! Почему он решил, что эти спиральные туманности называются — и не выговорить сразу! — галактиками?.. Тут было не до шуток. Это уже встревожило его по-настоящему. Вот уж чего никак не хотелось бесконечно переживать — пережевывать? — чужие жизненные впечатления, тащить весь груз сделанного и несделанного этим мужчиной, греховного и доброго. Если оно было!..

Чужак ответил на чужом языке. Никто в комнате его не понял, об этом Бард сразу догадался,

глядя на вытянувшееся разочарованное лицо отца, однако он, Бард ди Астуриен, Киллгардский Волк, отлично разобрал, что хотел сказать незнакомец. Это перепугало его еще больше. Значит, незримая связь между ними еще прочнее, чем он мог подумать!

— Хреново чувствую. Как в аду! А как бы ты хотел? Что со мной случилось? Я попал в торнадо? Кто ты, дьявол тебя возьми? Ты — я?! Но это невозможно. Дьявольщина?!

Бард отрицательно покачал головой:

— Я не дьявол и ничего общего с ним не имею.

— Тогда кто же ты? Что это? Как это случилось?

— Ты узнаешь об этом позже, — ответил Бард и, почувствовав, что незнакомец зашевелился, попытался встать, легонько надавил ему на голову. — Лежи спокойно. Как тебя зовут?

— Пол, — слабо отозвался человек. — Пол Харел. — Затем, потеряв сознание, вновь опустился на пол. Подошел ларанцу и осмотрел чужака.

— С ним все в порядке, — отозвался он на немой вопрос Барда. — Просто для его переноса потребовалось большое количество энергии.

— Позовите старого Гвина, чтобы он помог перенести чужака. Ему можно доверять как са-

мому себе.

Когда коридом появился, они вдвоем с ларанцу перенесли двойника в старые апартаменты Барда, положили на кровать под балдахином. Дом Рафаэль закрыл дверь, хотя особой необходимости в том не было — ларанцу уверил господина, что этот человек проспит по крайней мере сутки, а то и больше.

Они вернулись. Дом Рафаэль проводил лерони в соседнюю комнату, где старый управляющий уже накрыл стол и приготовил горячий ужин. Тут же стояли графины с вином. Бард, уже успокоившись, как-то примирившись со случившимся, попытался заговорить с отцом. Ему было страшно любопытно, как это все удалось, однако отец не ответил, и когда Бард попытался войти с ним в мысленный контакт, то почувствовал, что дом Рафаэль наглухо закрылся. Это было еще загадочней! Почему он не хочет с ним разговаривать?

— Пожалуйста, это все, друзья, приготовлено для вас. Еда, напитки… — Старик широко повел рукой. — Я сам когда-то был ларанцу, знаю, какой после такой работы мучает голод, как хочется пить. Садитесь, садитесь… Надо подкрепиться… Комнаты для вас уже приготовлены, там вы сможете спокойно отдохнуть. Сколько пожелаете…

Трое лерони весело расселись за столом, разлили вино по бокалам. Бард тоже было двинулся к столу, его, как и других, мучила жажда, однако отец железной хваткой сжал его запястье и не позволил даже с места сдвинуться. В этот момент одна из женщин страшно вскрикнула и через несколько мгновений без чувств рухнула на пол. На лице у нее еще стыло изумленное выражение. Ларанцу, успевший изрядно глотнуть из бокала, начал отплевываться, но было поздно.

«Отрава», — догадался Бард, — но зачем?» Тут его пронзил ужас — еще бы шаг, и он тоже отхлебнул это зелье. Вторая лерони молча, с упреком глянула на господина — из ее сознания хлестал ужас. Она отпила очень мало, ей удалось вызвать у себя рвоту, и во взгляде ее мелькнула радость.

Бард растерялся — женщина была так молода и достаточно привлекательна. Чувствуя его смущение, она бросилась к ногам Барда.

— О нет! Ваи дом, не убивайте меня. Клянусь, я никому не скажу ни слова…

Дом Рафаэль взял ее бокал, подошел и приказал:

— Пей! — Лицо его было подобно камню. — Бард, помоги ей выпить.

Услышав решительный голос отца, Бард встре-

пенулся. Приказ есть приказ. Отец прав — в таком деле свидетели не нужны. Слишком большая идет игра. Старый Гвин — человек проверенный, ему можно сохранить жизнь, а лерони, чьи сознания в любой момент могут быть просвечены с помощью звездного камня, — ни в коем случае. Смысл их задумки как раз в том и состоял, что никто не должен знать о существовании двойника. Даже догадываться об этом… Женщина ползала на коленях, всхлипывала, размазывала слезы. Неохотно Бард взял бокал, наклонился к ней — в этот момент лерони неожиданно вскочила, бросилась бежать. Бард вздохнул — этого еще не хватало, теперь придется пустить в ход кинжал, однако, к его удивлению, она обежала стол, схватила графин и сама принялась жадно отхлебывать из него. Уже на третьем глотке ее руки разжались, она закашлялась и, испуганно выпучив глаза, с изумлением на лице повалилась грудью на стол. Со звоном полетел на пол поднос с ломтями хлеба, потом посыпались другие тарелки…

«Так вот почему отец не хотел брать с собой Мелисендру!»

Дом Рафаэль вылил остатки вина на каменный пол.

— Вон в том графине вино хорошее, — он ука-

зал на отдельно стоящий сосуд. — Ничего не поделаешь, мы были вынуждены так поступить. Поешь, Бард, пища хорошая, нам еще придется потрудиться. Гвин — плохой помощник, нам надо выкопать могилы и похоронить всех троих.

Часть третья
«Двойники»

1

— Если он — это я, то кто же, черт побери, я сам?

Пол Харел терялся в догадках — он уже ничему не верил. Даже собственным словам и мыслям… Его ли это мысли или, может, этого странного незнакомца, так похожего на него? Зачем он стоит тут, совсем рядом? Это очень смущало. Две загадки, кроме того, не давали покоя: почему этот человек легко понимает, о чем я думаю, и почему я сам так уверен в этом? Да потому, что я знаю, о чем думает он. За это я и ненавижу его! Как он смеет быть мною — не подобием, не близнецом, а полным тождеством. Во плоти и в мыслях. Ну, может, не до самой распоследней мыслишки — например, его не пугает, что я читаю его мысли, но все равно, кто дал ему право быть мною? Как бы я ни был виноват перед судом Конфедерации, они не смеют наказывать дважды. Хватит, его уже сунули в камеру забвения, этого вполне достаточно. Но по какой причине его оживили? Может, амнистия? Подобная процедура, по разумению Пола, должна происходить не так. Как, он не знал, но в любом случае зачем подсовывать

ему под нос неведомого двойника? И что вообще происходит? К чему эти декорации? Что это за рыцарский замок? Почему двойник одет в нелепую кожаную куртку? Это что, новая униформа у судей? Может, на самом деле прошло много-много лет и мода решительно изменилась?

Чушь собачья! Мода может измениться, но одеяние судей — никогда! Врачей — тоже! И лаборатория всегда будет пахнуть лабораторией, как ты ни старайся, а не сказочным замком. Ишь ты, окна стрельчатые, забранные решетками. Может, в решетках все дело? Может, это какая-то новая модификация камеры забвения? Ну да, чтобы скучно не было.

Бред, бред, бред! И этого, в кожаной куртке, зовут Бард ди Астуриен… Кто-нибудь из нормальных людей когда-нибудь слышал что-нибудь подобное? Вот прозвище у него подходящее — Киллгардский Волк. Это по-нашему, мы сами из той же породы, меня так и называли за глаза — Волчара Пол.

Неожиданно двойник подал голос:

— Пол Харел… — потом, вдумываясь, повторил: — Пол Харел… Нет у нас таких имен. Харелы встречаются среди подданных моего отца. Может, ты один из них? Правда, все их кличут Херилами…

Полу в тот же миг передалось удивление Барда. Тут ему пришла мысль испытать собеседника. Кто его знает, может, ему все это просто снится?

«Где у вас тут параша»? — подумал он.

Когда Бард ответил: «Прямо по коридору», — Пол признал, что это не сон, не какой-то вычурный ночной кошмар. Но как, черт возьми, ему удается читать чужие мысли? Более того, он даже по-блатному понимает!..

Харел поднялся — его качнуло, но он справился и, полностью обнаженный, направился к двери. Замков нет, значит, он не заключенный. Это радовало. По крайней мере, с виду с ним обращаются не как с заключенным. Или, может, отсюда некуда бежать? Стены в коридоре каменные, по нему свободно гулял ледяной ветер. Пол сразу озяб. Туалет оказался оборудован совершенно необычно — Харел не мог догадаться, из какого все это материала, но явно не из фаянса. Однако водопровод работал, и с прочими конструкциями он кое-как разобрался. И горячая вода есть — действительно, в пол вмонтирован большой чан, напоминающий бочки, которые используют японцы. Вода припахивала серой — по-видимому, воду они брали из какого-то горячего источника. Уже облегчившись, Пол решил, что более верного

испытания ему не выдумать. Это не сон! Здесь, в ванной, на скамейке, нашел странный меховой — скорее ворсистый — коврик или полотенце и обернул им бедра.

Когда он вернулся в свою комнату, тот, другой, удивленно уставился на странную набедренную повязку, потом вздохнул и коснулся указательным пальцем виска.

— Мне следовало сразу подумать об этом. Там на кресле одежда…

Предложенный ему наряд напоминая старомодную длиннополую рубаху, просторную, сшитую из какой-то шелковистой, напоминающей короткий мех ткани. Рубаха плотно застегивалась на шее. На удивление теплая материя, поразился Пол, в его мире из подобного материала можно было бы шить верхнюю одежду. Вполне годится для путешествия на север. Одевшись, Харел уселся на кровать и попытался прикрыть подолом озябшие ноги.

— Ну, что ж, для начала неплохо. Итак, где я? Что это за место? Что мне здесь предстоит сделать? И между прочим, кто вы такой?

Бард еще раз назвал свое имя, и Пол попытался воспроизвести его на чужом языке: «Бард ди Астуриен». Это было не так уж необычно. Наоборот,

в словах чувствовалось что-то знакомое. Он попытался вспомнить, что Бард пытался рассказать ему о земле Сотни царств. Светило они называют солнце — это свидетельствует, что он попал в страну, в которой люди еще не летают в космос. К тому же во всей Конфедерации не было планеты, вращавшейся вокруг огромной багровой звезды. И такое багровое… У подобных красных гигантов, по общему мнению, не могла зародиться жизнь. А что, здесь действительно находится сотня королевств?

Может, это какая-то форма Конфедерации, некий союз, где короли встречаются вместе, как, например, съезд, на который раз в четыре года съезжаются все главы обитаемых миров. Только сотня правителей что-то очень много. Во всей Конфедерации только сорок два государства.

Бард очень серьезно отнесся к его вопросу.

— Я в общем-то в географии не силен. Мой конек — военное искусство, стратегия, тактика… Я давно не консультировался по этому вопросу с картографами. А надо бы! Может, мы сможем отыскать среди ваших правителей хотя бы несколько союзников. Что-то я такое припоминаю — поговаривали, что Хастуры недавно вновь где-то заняли вакантный трон. А может быть,

два… Сто царств — это так, ради красного словца, на самом деле всего государств на Дарковере семьдесят пять или восемьдесят, не больше. Однако к этому названию все уже привыкли.

— Как же вам удалось перенести меня сюда? — спросил Пол. — Последнее, что я слышал перед камерой забвения — даже гиперперенос за пределы колонии Альфа займет ужасно много времени. А тут все свершилось за какие-то минуты — ни ногти не успели отрасти, ни волосы.

Бард наморщил лоб, соображая, потом сказал:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Неужели наше колдовство сильнее развито?

— Я так понимаю, мы находимся за пределами космической Конфедерации? — спросил Пол.

— Никогда не слышал о такой.

— Выходит, терранианская полиция сюда добраться не может?

— О чем вообще ты говоришь? Что за полиция? Внутри границ королевства существует один-единственный закон — воля нашего регента. Он — мой отец, а мой младший брат — король этого края. Но почему ты интересуешься этим? Ты что, спасаешься от правосудия? Тебя приговорили к смерти?

— Ну, я и в беглецах довольно пробыл. Еще до

того, как мне исполнилось восемнадцать, меня дважды приговаривали к реабилитации. В последний раз я оказался под стражей… — Тут он подумал, что не стоит рассказывать о камере забвения. Они, вероятно, не слыхали ни о чем подобном, зачем им подбрасывать эту идею?

— В твоей стране сидеть в темнице считается лучше, чем быть приговоренным к смерти или изгнанию?

Пол кивнул.

— Так ты узник? Значит, я вызволил тебя из узилища? Тогда ты должен верно служить мне.

— Ну, это спорный вопрос, — заявил Харел. — Мы обсудим его позже. Как вам удалось перетащить меня сюда?

Однако объяснения — звездный камень, круг колдунов — не имели для Пола никакого смысла. Впрочем, как и описание камеры забвения для Волка. Сколько ни описывай, сколько ни рассказывай, они не поймут друг друга, но если Барду и не надо знать про эту проклятую камеру, то ему, Полу, жизненно необходимо понять про это чертово колдовство. Всерьез он, что ли? Глядя на двойника, невольно придешь к выводу, что всерьез. Пол никогда не слышал ни о чем подобном — выходит, правительство умеет надежно

хранить тайны.

Тут он обеими руками взялся за голову. Несколько минут посидел молча, не двигаясь. При чем тут правительство, если здесь, в этом забытом Богом уголке, даже слыхом не слыхивали о терранианской полиции? Только бы не свихнуться! Только сохранить рассудок — это главное. Так, когда он очнулся, страшно болела голова, буквально разламывалась, и все равно он сумел высмотреть в комнате странные фигуры, склонившиеся над какими-то светящимися камнями. Прозрачные они были или нет? Да, прозрачные, источающие голубоватое сияние… В них смотрели люди. Кстати, где они?

— Где те… э-э… колдуны, которые перенесли меня сюда? — спросил он.

Бард помрачнел:

— Они уже не проболтаются о том, что случилось.

У Харела вытянулось лицо. Ну, дела… Понятно, что Волк имел в виду. Да, серьезные ребята, и дело замыслили серьезное. Своих не пощадили. С этими надо держать ухо востро…

— Как у вас говорится, сыграли в ящик. Исключая моего отца. Он встретится с тобой позже. Он еще отдыхает… Ночная работа ему уже не по

силам. Стареет отец, стареет…

Тут перед умственным взором Пола поплыли картинки: три могилы, подмерзшая земля, две фигуры, торопливо работающие заступами, лунный сиренево-серебристый — бывает же! — свет. Его прошиб озноб. Здесь, оказывается, тоже нет места покорным обывателям. Здесь тоже кто смел, тот и съел. Это уже кое-что, такая страна ему нравится. Это ему по зубам. Такой мир Харел искал всю жизнь. Здесь люди играют по правилам, которые ему по душе. Ясно, что когда этот Бард потребовал от него верной службы, то это был знак, что наступит момент, когда он попытается сломать его. Только пусть не рассчитывает, что его легко испугать. «Если кто-то и боится этого страшного Волка, то только не я!»

Скорее всего, они перенесли его сюда нелегально, иначе они бы не убили свидетелей, так что у него есть кое-что и против отца и против сыночка.

— Я не думаю, что ты доставил меня сюда из любви к науке, — заметил Пол. — В этом случае ты бы залез на крышу и растрезвонил об этом на всю округу. Вместо этого ты прячешь меня, устраняешь свидетелей.

Бард смутился:

— Ты читаешь мои мысли?

— Некоторые — да, — ответил Пол и про себя добавил: к сожалению, не так много, как хотелось бы. Однако важно выбить Барда из равновесия. Понятно, что Волк — человек решительный, к цели идет напролом, играет по-крупному, поэтому в борьбе против него важен был любой, даже самый мелкий козыришко. Тузы следует пока приберечь. Они у него есть. Если Бард и его отец пошли на такое неслыханное дело, если не пощадили рядовых исполнителей — значит, Пол им нужен. Очень нужен… Главное, поскорее узнать для чего. Думается, они тоже своих целей скрывать не будут. Как говорится, время дорого. Но об этом пока молчок. Рот на замок, ушки на макушку. Вот так… И наглее, наглее!.. Не впервой…

— Так, что вы от меня хотите? — после долгого напряженного молчания спросил Харел. — Учтите, за всю жизнь я не заработал ни единой медали за хорошее поведение. Как ты, не знаю. — Он развел руками. — Может, ты у нас паинька, воплощение добродетелей…

Бард весело оскалился. Пол замер — подобная гримаса многое ему напомнила, и в первую очередь то последнее сражение с полицейскими, когда вдруг ему стало на все наплевать. Дерзость,

сила распирали его… Он тоже тогда так ухмылялся…

Между тем ди Астуриен выговорил:

— Да уж, паинька. В семнадцать лет меня объявили вне закона, и с той поры я долго служил в наемниках. Ты знаешь, что такое наемник? Нет? Еще узнаешь… В этом году я вернулся на родину и помогаю отцу укреплять трон Астуриаса, на котором сейчас восседает мой брат.

— А почему не для себя?

— Дьявольщина, как ты говоришь, — я не могу. И не желаю. На свете много разных занятий, но меньше всего я бы хотел сутками заседать в государственном совете с седобородыми господами, придумывать законы, ломать голову, как достать средства на починку дорог, где устроить постоялые дворы для купцов, и решать, должны ли сестры из Ордена Меча дежурить на наблюдательных вышках, на которых разжигают костры, вместе с мужиками.

Пол прикинул: в этом случае королю действительно приходится несладко, ему не выбраться из трясины повседневных дел.

— Ты — младший сын? — спросил он. — А старший занимает престол?

— Нет, как раз наоборот, но здесь существует

свое объяснение. Мой младший брат — законный сын. Я — недестро… это, конечно, выше, чем незаконнорожденный, но все равно мне нет смысла даже задумываться о короне.

— Ясно, родился не на той кровати…

Бард недоуменно глянул на чужака, потом, когда до него дошел смысл, рассмеялся:

— Можно и так сказать. Я не обижаюсь на старика, он воспитал меня в своем доме, поддержал, когда я повздорил с прежним королем. Теперь по распоряжению брата я назначен главнокомандующим вооруженными силами королевства.

— Ну, в конце концов, что же вы хотите от меня? — потребовал Пол. — И чего ради я должен стараться?

— Ради свободы, — ответил Бард. — Если ты в той же мере, как и внешне, и внутренне похож на меня, это очень многое решит. И тебе будет хорошо. Ты будешь иметь все, что пожелаешь. Ну что, например?.. Женщины? Пожалуйста. Если мы с тобой одно и то же, то, значит, и ты бабник будь здоров. Богатство, если, конечно, ты не слишком жаден. Приключения? У нас их до черта. Может, у тебя когда-нибудь появится шанс стать регентом. В любом случае это будет получше жизни, которую ты вел в тюрьме. Разве

этого мало для начала?

Звучало заманчиво, но все равно не следует терять бдительности. В конце концов они же притащили в свою страну не первого попавшегося «узника Зенды» — нет, они долго отыскивали его, им нужен был именно двойник.

Он уловил мысль, рожденную сознанием Барда, которая очень взволновала его. В любом случае этот мир, куда Пол, черт побери, попал, был непрост и жесток, здесь легко лишиться головы, но все же это было лучше, чем та мягкая, разжеванная кашица, которой кормили так называемых граждан на его родине, где высшим долгом и радостью являлось стремление подчиняться, быть таким, как все; где мигом подрезали любого, посмевшего выбиться из ряда.

У него на родине диктаторы, военные чины, президенты и прочие важные персоны имели своих двойников. Это шоу — не более. Ну разве еще для охраны — в надежде, что покушавшиеся ошибутся. То же самое они могли вполне устроить и здесь, на этой планете, — как бишь она называется… а-а… ладно, потом вспомню. Нашли бы похожего человека, поработали с ним, потренировали; все мелкие различия можно умело скрыть с помощью грима, одежды, манеры

говорить. Такого двойника не надо обучать языку — и вообще, куда меньше хлопот с местным жителем, чем с ним, вырванным неизвестно откуда, не знакомым с обычаями. Для этого должна существовать важная причина. Они нуждались именно в нем, в точной копии. Или, если угодно, в дубликате… И не только внешне, но, самое главное, внутренне. Значит, было в этом парне, в этом Волке, нечто такое, что бы им хотелось удвоить. Что бы это могло быть?

Что ж, он попал в странный, вернее, древний мир. Как он возник, Пол в конце концов узнает. Или нет… Но это не важно. Они, возможно, и сами не знают… Но это все пустяки. Самое важное, что здесь все зависит от тебя самого. Настоящий мир, где он может быть настоящим человеком среди настоящих мужчин. Здесь, по-видимому, и днем с огнем не сыщешь изнеженных андроидов и безумствующих святых.

Бард поднялся, спросил:

— Голоден? Я принесу тебе что-нибудь поесть. Бели я правильно понял отца, то, что по вкусу мне, понравится и тебе. Еще захвачу одежду. Интересно, какой у тебя размер? — Он засмеялся, глядя на вытянувшееся лицо Пола. — Знаю, знаю — мой! Пока волосы не отрастут, нам все равно

не выйти отсюда — не могу же я разгуливать без воинской косички. За это время тебе многое придется освоить. Главное — научиться основам цивилизованной жизни. Я так понимаю, что ты никогда не брал в руки меча. Угадал? Твоя родина, должно быть, странное место, даже представить не могу, как вы там живете. Я не дуэлянт и не люблю задираться, так что тебе придется научиться владению оружием и приемам самообороны. Конечно, в первую очередь выучишь язык. Я же не могу постоянно находиться поблизости. Ладно, увидимся позже. — С этими словами он вышел из комнаты.

Пол махнул ему рукой на прощание, потом вновь погрузился в размышления — может, это действительно не более чем кошмарный сон?

Ну и пусть, если даже и так, он рад очутиться здесь.

2

Только через десять дней они смогли наконец отправиться в королевский замок. Дом Рафаэль не мог позволить себе надолго оставить управление государственными делами. Он не доверял не имеющему опыта Аларику. Таким образом, план, предусматривающий, что Пол должен скрываться от людских глаз, пока не овладеет языком и не научится вести себя в обществе, был отброшен. Наоборот, по зрелом размышлении отец и сын пришли к выводу, что чем скорее Пол будет представлен двору, тем лучше. Пусть их почаще видят вместе, пусть сразу заметят сходство между ними — далекое, не сразу бросающееся в глаза, — пусть Пол примелькается. Тогда, похоже, когда возникнет необходимость вовлечь его в дела, ради которых он и был перенесен на Дарковер, никто не свяжет двойника с Бардом. Кто поверит, что родственник, схожий с Бардом по виду, — но не так чтобы очень — и есть сам Киллгардский Волк. Дом Рафаэль здраво рассудил, что слухи о двойнике надо пресечь в корне, иначе все пойдет прахом. Нельзя было допустить, чтобы в чьем-то хитроумном мозгу зародилась мысль — а нет ли

двойника? По этому поводу Бард заметил, что люди обычно видят то, что желают видеть, и если их часто будут встречать вместе, то никто не усомнится в правдивости легенды, выдвинутой для объяснения появления Пола при дворе. В противном случае только затей какие-нибудь игры в таинственного чужака, неведомого пришельца, сплетни быстро разбегутся по всей стране, и всякий здравомыслящий человек решит, что дыма без огня не бывает.

Времени было мало, поэтому выгоревшие под лучами чужого жаркого солнца волосы подтемнили с помощью особого красителя, придавшего прядям и завиткам Харела рыжеватый оттенок. Он отпустил маленькие колючие усики. Несходство в манерах, походке должно было дополнить остальное. Объявить решили так — после долгих лет изгнания домой в Астуриас вернулся никому не известный недестро, сын одного из братьев Одрина и Рафаэля. Отец его умер еще до восшествия Одрина на престол. Место, где он якобы обитал, выбрали подальше, на самом севере, за Кадарином, где жили свободные охотники и следопыты. Этот край был такой глухоманью, что решительно не было шанса встретить какого-нибудь тамошнего жителя, который мог бы

уличить Пола. Недостатки воспитания и незнание языка списывались на грубость и простоту местных нравов.

Так что появлению Харела при дворе нашлось простое объяснение, и в этом случае обучение двойника должно пойти куда успешнее. Он быстрее войдет в курс дела, его можно будет сразу ввести в вопросы политики, стратегии. Уже по дороге Бард с одобрением отметил, что Харел неплохо держится в седле — конечно, не так, как он сам, но этой беде легко помочь. Пол уже кое-как разговаривал на каста[24], и его странные архаизмы и давным-давно отмерший акцент вполне можно было объяснить местом, где он рос. Ясно, что в Хеллерах и речь другая. Избавление от акцента и в то же время сохранение его на некоторое время — так требовало наличие двух ипостасей — являлось их главной задачей. Психологически трудной, но разрешимой.

Вообще Бард иногда недоумевал, как так могло получиться: родной язык человека, занесенного в их страну неведомо откуда, хранил таинственное, но ощутимое сходство с языком их предков? Да, велик Дарковер, много на нем еще неизвест-

---

[24] notes: 24
Местный диалект.

ных уголков!..

Другой важной задачей была необходимость разделить армию, которую они были в состоянии набрать, на две равные боеспособные части. Одно войско должно было выступить против Серрaиса (стратегический замысел Барда — разбить этих давних врагов, уж если не захватить, то навсегда вывести из игры), другое — прикрывать западное направление, где рано или поздно в дело вступит Карелии Хастур. При этом каждая дружина должна быть уверена, что в бой ее ведет именно Киллгардский Волк. В этом случае они имели основания рассчитывать на осуществление плана, где первым пунктом значился разгром Серрaиса, следующим — устрашение соседей, а последним — объединение Сотни царств под рукой Аларика ди Астуриен. Естественно, эта программа включала подчинение Хастуров, объединение всех разрозненных лоскутных королевств, установление мира, избавление от навязшего в зубах договора Варзила. Настоящий мир, исключающий эти бесконечные войны, бушевавшие каждый год с весны до первого снега. Покой и порядок, когда наконец можно будет найти управу на происки бунтарей, которым, видите ли, не по нраву пришелся их господин, так что они

решили уйти на новые земли и там создать свое королевство. Этому наконец должен наступить конец — и он наступит! Не с помощью лживого, оторванного от жизни соглашения, а приструнив всех, кто готов бунтовать по любому поводу.

Вот тогда, размышлял Бард, может вновь наступить Золотой век, как это случилось давным-давно, когда, как рассказывают легенды, правитель Картон заключил договор о дружбе с лесным народом!

Осуществить это план можно было только с помощью военного гения Барда ди Астуриен, его особенной, покоряющей и ужасающей славы.

О том же самом думал и Пол Харел, труся вслед за домом Рафаэлем и Бардом, как и следовало бедному родственнику. «Выходит, мне уготована роль пса при Киллгардском Волке. Что ж, как говорится, посмотрим. Подождите, господа хорошие!..»

Дальше его мысли потекли по другому руслу — он в который раз подивился теории, утверждавшей, что он и Бард всего лишь две половинки, два слепка, сделанные, по сути, с одной и той же личности. Доказательством правоты был факт его переноса сюда, в этот тусклый, дикий мир. Хитра природа, вновь поразился он. Он всегда

ощущал — особенно при сравнении с друзьями, приятелями, окружавшими его на Альфе, — что рожден для другой жизни, для иного мира. Нет, не телесно — в этом он был схож со всеми остальными обывателями, — а духовно! Ему было тесно в том всеобщем уютном благоденствии, в котором нежились граждане Конфедерации.

Всю жизнь он считал, что подавляющее большинство имеют, конечно, мозги, но нет у них какого-то стерженька, запала, готового в любую минуту подвигнуть их на безрассудство, вызывающее действие, или, по другой терминологии, на героический поступок. С другой стороны, множество людей обладали запалом, но умишком были скудны — этих так и называли «баламуты». Конечно, это были самые страшные люди. От дурака, которому постоянно неймется, можно было ждать чего угодно. Более узкая категория людей — это те, у кого есть и мозги, и запал, но не было воображения. Они и тянулись к тем, у кого всего хватало — и разума, и смелости, и фантазии. Именно к последним относил себя Пол. Один из психиатров, к которому он в раннем возрасте попал в руки, — в ту пору истэблишмент еще пытался приручить его, — объяснил, что он относится к первопроходцам, что в примитивном

обществе он занял бы выдающееся положение. Эта оценка ни капельки не помогла Харелу. Психиатр честно признался, что в современном обществе его преимущество не доведет до добра. Если, конечно, он не смирится…

Теперь обстоятельства изменились. Теперь он должен использовать все свои способности, чтобы выжить в этом мире. И не только выжить, но и доказать кое-что, прежде всего себе.

Но для начала важно крепко уяснить, куда он попал. Уже четыре разноцветные луны в небе открыли ему глаза на то, что этот мир и местная община не принадлежат к Конфедерации. Не могло такого быть, чтобы аборигены оказались людьми — то есть не могли они быть так схожи. Значит, логично считать, что этот самый Дарковер оказался забытой колонией Терры — такие случаи были. Когда рухнула Империя, чего только не случалось в космосе… Это положение можно считать доказанным. Само слово, обозначающее их язык, — «каста» — явно испаноязычное. Чтобы уловить сходство, не надо быть лингвистом. Вероятно, местные жители — потомки экипажа или колонистов с корабля, разбившегося на Дарковере, однако это сути дела не меняет. Никакой охоты выходить на связь с Конфедерацией Харел

не испытывал — не сумасшедший же он! Неужели вновь захотел в камеру забвения? Значит, надо выживать здесь.

Но как?

Ему постоянно твердили о королевском замке, и Пол рассчитывал увидеть некое укрепленное селение, однако замок действительно оказался замком, каких понастроили на Терре столетия назад. Сходства было мало, однако с первого взгляда было ясно, что это фортификационное сооружение. Да и на Терре все эти крепости различались — деревянные, каменные, с земляными валами… И архитектура была весьма разнообразна… В былые дни он увлекся фортификацией и вопросами стратегии, теперь он с возрастающим интересом рассматривал крепость. Смог бы он ее взять штурмом? Это было нелегко, но возможно. Если очень постараться…

Однако, добавил про себя Пол, это было бы намного легче, знай он ее внутреннее устройство.

Дом Рафаэль заранее послал гонца, чтобы тот предупредил короля и членов государственного совета о возвращении регента. Бард приставил к Полу двух слуг, выделил пару комнат и для начала избавил от участия в дворцовых церемониях. Оставшись в одиночестве, Харел прежде

всего изучил выделенное ему помещение. Прежде всего он обнаружил еще одну дверь, за ней располагалась лестница, ведущая в маленький внутренний дворик, усаженный цветами. Это было удивительно по мнению Пола, никакие цветы не могли произрастать в таком холодном климате. Садик был расчерчен дорожками — там были уложены плиты, — в центре он отыскал обложенный каменными плитами бассейн с родниковой водой. Пол присел на скамейку и с тоской задумался о положении, в котором он очутился.

Неожиданно позади него послышался шум. Пол напрягся, потом резко обернулся. Сразу облегченно вздохнул — и выругал себя за излишнюю поспешность, — увидев, как по дорожке идет маленький мальчик и играет с мячом. Бьет по нему ладошкой и считает.

— Папочка! — Малец на мгновение замер, потом бросился к Харелу. — Мне даже не сказали, что ты вернулся!

Не добежав, он вдруг застыл, похлопал длинными ресницами и сказал с удивительно взрослой серьезностью:

— Примите мои извинения, ваи дом. Я уже догадался, что вы не папа. Но вы так похожи… Прошу

простить, если побеспокоил вас, ваи дом — ой, мне, наверное, следует говорить «родственник»?

— Правильно, — одобрительно кивнул Пол. — Так, кто же ты, добрый молодец? Подожди, подожди, я сам догадаюсь — ну, конечно, сын Барда.

Потеха, подумал он про себя, ему как-то в голову не приходило, что у Барда могут быть дети, жена. С чего бы это он решил взвалить себе на плечи подобную обузу? Припоминая прежние разговоры, Пол сообразил, что у них здесь какие-то странные браки. Разновидностей женитьбы столько, что сразу не разберешься. Может, его женили помимо воли, хотя очень трудно представить, что можно уломать Киллгардского Волка. Ладно, в конце концов он разберется во всей этой чехарде.

— Значит, говоришь, я похож на твоего отца?..

Мальчик осуждающе заметил:

— Когда вы говорите о моем отце, господин, вам следует называть его «лорд-главнокомандующий» или «лорд-генерал». Даже если он вам и родственник. Я, например, предпочитаю называть его «лорд-генерал», а отцом, только когда никого нет рядом. Няня сказала, что меня скоро отошлют на воспитание, поэтому я должен научиться правильно вести себя и быть вежливым.

А это, господин, не так просто. Няня говорит, что это ох как тяжело быть куртуазным и доброжелательным. Я даже не знаю почему. Добрым быть очень легко. Не знаю, может, куртуазным трудно, но я справлюсь. Я сообразительный — так все говорят. Тут много сложностей — например, король Аларик обращается к, регенту «отец» при любых обстоятельствах. Король и моего отца никогда не зовет «лорд-главнокомандующий», даже в тронном зале. Я думаю, это неправильно. Как вы считаете, господин?..

Пол спрятал улыбку — сказал, что у короля есть свои привилегии. Он давно разыскивал общество, в котором все обращаются друг к другу как должно, где нет этого надоедливого равенства. Теперь он нашел такую землю. И может, сумеет здесь выслужиться.

— Мне кажется, родственник, что вы приехали из Хеллер. У вас такой странный акцент, — заметил мальчик. — Как вас зовут?

— Паоло.

— Ну, это обычное имя. Вас так и называли в Хеллерах?

— Нет, я приспособил свое настоящее имя к вашему каста. Мое настоящее имя тебе трудно будет выговорить.

— Няня предупредила меня, что неприлично спрашивать незнакомого человека, как его зовут, и не назвать себя. Я — Эрленд, сын Барда.

— Сколько же тебе лет, Эрленд?

— В середине зимы исполнится семь.

Пол удивленно вскинул брови. На его взгляд, мальчику было девять или десять… Возможно, их год длиннее земного.

В этот момент в садике послышался женский голос:

— Эрленд! Тебе не следует беспокоить нашего гостя.

— Я вас побеспокоил, господин? — просто спросил мальчик.

Пол, смущенный такой открытой манерой поведения, поторопился сказать:

— Нет, нисколько!..

— Видите, домна, — обратился Эрленд к подошедшей женщине, — все в порядке. Он говорит, что я не побеспокоил.

Женщина засмеялась. Смех был мягкий, веселый, голос низкий. Она была молода, лицо круглое, симпатичное, усыпанное веснушками. Длинные волосы, такие же рыжие, как и у мальчика, заплетены в косы. Наряд однотонный, на груди на цепочке висел голубоватый прозрачный

камень. Других украшений не было. Может, это няня, о которой говорил мальчик. Уж больно скромно одета. Все, что он успел узнать, подсказывало, что любовница Барда — или наложница — должна одеваться побогаче, а жене это было предписано табелью о рангах.

Няня, конечно, няня. Но хороша! Не красива, но очень обаятельна. Пол не мог сдержаться — женщина сразу взволновала его. Особенно низкий голос, мелодичный смех, притягательная округлость форм, изящные руки. Он вмиг возжелал ее, неожиданно для самого себя и с такой силой, что не смог сдержать дрожь в руках. Эх, если бы здесь не было ребенка!..

Стоп! С ума сошел? Разве можно так глупо рисковать своим положением? Из-за подобной несдержанности он уже раз угодил в камеру забвения, здесь, по-видимому, с ним обойдутся круче. И зачем спешить? Из редких разговоров телохранителей и воинов он уловил, что Бард пользовался славой редкого сердцееда. Если он его копия, то его от него не уйдет. Вокруг столько женщин!

Но ему почему-то подавай эту!.. Он с восхищением глядел на незнакомку — точнее, разглядывал ее. Она неожиданно улыбнулась.

Эрленд все еще продолжал оправдываться:

— Простите, домна, но я не имею чести знать по именам всех воинов отца. Когда я подрасту и стану солдатом, отец возьмет меня в свое войско — тогда, надеюсь, я с ними со всеми познакомлюсь.

Платье на женщине цвета ржавчины. Странно, он и подумать не мог, как этот кирпичный тон подходит к рыжим волосам. Ага, платье в тон веснушек у нее на лице.

— Эрленд, тебе же предстоит стать ларанцу, а не рыцарем или солдатом. И вообще, это непорядок — тебе же было сказано, чтобы ты играл в другом дворике. Я вынуждена буду сделать замечание нянюшке — она должна повнимательней следить за тобой.

— Опять нянюшка, нянюшка, — обиделся мальчик, — я уже большой, чтобы меня водили за ручку. — Тем не менее когда женщина повернулась, он покорно поплелся за ней.

Пол смотрел вслед, пока они не скрылись из виду. Боже, он всю жизнь мечтал о такой женщине! Он бы все сделал, чтобы быть с ней рядом. И добьется этого. Если, например, она гувернантка, то это весьма невысокий чин. Даже если она и родственница… То-то мальчик так похож на нее…

Тут он задумался, где же все-таки жена Барда? Умерла, наверное. В примитивных обществах роды всегда тяжкое испытание для женщин. Смертность при этом очень высока.

Пол довольно усмехнулся — возрождение к жизни, перенос на такое немыслимое расстояние ни капельки не изменили его инстинктов. Он здоров, как прежде, и так же охоч до дамского пола. Нет ничего лучше, чем провести несколько часиков в постели в ядреной, желательно полной курочкой.

Берешь — маешь вещь! Только нельзя терять головы — один неверный шаг, и можно вновь очутиться в камере забвения. Если эта красотка из гарема Барда, не стоит на нее заглядываться. Вокруг много других пышек…

Но, черт побери, он желает только эту! Жаль, что ребенок помешал!.. С другой стороны, он же не последний мерзавец или какой-нибудь прыщавый юнец, чтобы вот так, с ходу, набрасываться на женщину. Ясно, что она с кем-то живет — в подобных случаях интуиция его не подводила. Женщина зрелая — вон грудь какая высокая, да и рот вполне целовабельный. Конечно, она не девственница… Справедливость требует отметить, что и повода ему не дала, вела себя очень скром-

но, однако готов биться об заклад, что, если бы обнял ее, она бы не стала устраивать скандала.

До ужина Пол мучился думами о Мелисендре. Поздно вечером в его комнату пришел Бард с ворохом карт, описаний местности и отдельных военных кампаний. Вновь начался урок. Киллгардский Волк требовал, чтобы двойник в той же мере, что и он, разбирался во всех тонкостях военного искусства, знал историю великих войн Дарковера. До поздней ночи они изучали карты былых походов, сверяли описания разных авторов о происходивших тогда сражениях… Пол понимал, что без этого ему никогда не сыграть роль, назначенную ему домом Рафаэлем и его сыном, но, кроме того, он уловил детскую тоску Барда по собеседнику, по родственной душе. Тот был рад делиться знаниями, своей увлеченностью — это было, как сообразил Пол, самое дорогое, чем он обладал.

«Все-таки мы с ним очень схожи. Ему тоже трудно отыскать человека, с которым он мог бы поговорить. Они прозвали его Волк, а точнее было бы — Одинокий Волк. Всю жизнь он мучился оттого, что не с кем было поделиться мыслями. Я тоже…»

Прежняя горечь нахлынула на Пола. Это дей-

ствительно было трудное испытание, когда не с кем поделиться, некому открыть душу. Подобных приятных сердцу собеседников он встречал очень мало, и почему-то они быстро исчезали. То ли судьба разводила, то ли характер у него был такой, что ему трудно ужиться с людьми… Кто знает? Вот откуда горечь, ощущение тщетности всех усилий. Даже затевая восстание, которое так плачевно закончилось, заранее знал, что все попытки вырвать людей из кокона покорности безнадежны. Вовсе не потому, что план восстания был плохо продуман или авантюрен — все могло бы сложиться удачно, если бы рядом с ним было хотя бы двое умных, понимающих его соратников. Вся беда в том, что люди, которых он повел в бой, и наполовину не обладали той верой, какая вела его. Даже ярости в них было чуть-чуть. Они не очень понимали, за что идет борьба. Погулять, покуражиться, взбунтоваться — вот что принесло их в ряды восставших. Не было в них сердцевины — твердой, насыщенной гневом, какая жила в нем, Поле Хареле. Уже в начале выступления Пол подозревал, что рано или поздно, наоравшись, настрелявшись, глотнув свободы, бунтари сразу успокоятся. Или перепугаются, когда вольный ветер обожжет им легкие. Так и вышло — нагу-

лявшись, его люди ощутили дикий страх, перед силой они могли только пресмыкаться. И после первых же неудач начали расползаться по углам, теперь и свободы им было не надо. От них, правда, и толку было мало… Так что Пол хорошо знал, что значит быть одному.

«А с Бардом я смогу подружиться, он и в самом деле не сможет обходиться без меня. Потому что мы равны — уже одно это чувство благотворно действует на таких людей, как он. Или я… Тут уж не засомневаешься, если он — это я, а я — это он».

Он бросил на Барда взгляд, исполненный любви.

«Он бы все понял. Если бы он в ту пору был рядом со мной, нас бы двоих хватило. Мы бы смогли укрепить дух тех, кто последовал за мной, вдохнуть в них веру… Тогда мы смогли бы победить. Двое, как мы, смогли бы изменить мир. Но в таком случае мы можем осуществить эту мечту здесь, на его земле. Планы-то у него грандиозные, под стать моим. Не получилось там, может, выгорит здесь».

Бард бросил на него настороженный взгляд. Пол забеспокоился — неужели он сумел прочитать его мысли? У них, на Дарковере, это в порядке

вещей. Но как им это удается? Однако Волк потянулся, зевнул и заметил, что время позднее.

— Пойду спать. Кстати, я забыл спросить — может, приказать камердинеру, чтобы он прислал тебе женщину? Здесь такого добра полным-полно. Небеса знают, что большинство из них так же мечтают о мужике в кровати, как и наш брат. Может, ты уже присмотрел себе какую-нибудь лебедку?

— Одна вроде ничего, — осторожно ответил Пол. — Я так думаю, она — гувернантка твоего сына. Длинные косы, ярко-рыжая, с веснушками, не очень высокая. Только дело в том, что она вроде бы замужем или что-то в этом роде. Мне бы не хотелось, чтобы из-за этого начался скандал.

Бард неожиданно откинул голову и громко расхохотался:

— Мелисендра! Вот уж не советовал бы — у нее не язычок, а острый нож.

— Не знаю, как насчет язычка, а вот все бы остальное обнял с удовольствием.

— Я должен был ожидать что-нибудь подобное, — еще смеясь, сказал Бард. — Если мы с тобой одно и то же! Ты точно так же глядишь на нее, как я, когда мне было семнадцать лет. Ей тогда — дай припомнить — было четырнадцать. Из-за

нее случился большой скандал, и моя мачеха до сих пор не может простить мне эту историю. Но вот видишь, как все обернулось. Эрленд ее сын…

— А-а, если она…

Бард опять засмеялся:

— Нет, черт побери! Я был бы рад придушить ее. Это все из-за мачехи, что она там наплела, не знаю, но эта баба вдруг возомнила о себе… Вот бы проучить ее, показать, что она ничем не лучше любой другой, и только по причине моей доброты, а не в силу каких-либо прав она все еще остается моей барраганьей и ей позволено воспитывать моего сына. Дай-ка подумать — а что, если приказать ей, чтобы она пришла к тебе? Она тут же побежит к леди Джеране. Д-да, тогда скандала не избежать. — Бард задумался. — Но в то же время, — на губах заиграла зловещая улыбка, — ты являешься мною. Сомневаюсь, что Мелисендра заметит различие. Ее комната вон там, в конце коридора, она решит, что это я, и не будет никакого скандала.

Что-то в голосе двойника насторожило Пола, а тот продолжал с саркастической усмешкой:

— Так и поступим: ты — это я. У нее не будет повода пожаловаться, что я дал ей другого мужчину.

Пол на мгновение задумался — стоит ли так поступать с Мелисендрой? Кто же Бард после этого? Однако жажда ее спелого, манящего тела подавила всякий здравый протест. Ни одна женщина не притягивала его с такой силой!

Сердце ушло в пятки, едва он переступил порог своей комнаты и двинулся в сторону указанной Бардом двери. Все мешалось в душе — боязнь, угрызения совести и похоть. Даже циничность шутки, задуманной Бардом, не могла остановить Харела. А что, если в этом розыгрыше ему тоже отведена немалая роль? Что, если Бард потехи ради направил его не в комнату Мелисендры, а в келью какой-нибудь высохшей карги? Она поднимет шум, разбудит весь замок.

Вряд ли, принялся успокаивать себя Пол. Зачем Барду привлекать ко мне лишнее внимание? К тому же такого рода шутки не в его духе, ди Астуриен в общем-то был простоват и вместе с тем целеустремлен, чтобы задумывать какую-нибудь интригу. Он слишком серьезный человек, чтобы размениваться на подобные пустяки. И еще одна деталь ободрила Пола — Бард ничего не испытывал к Мелисендре. Это ясно сразу. То есть никаких положительных эмоций. Чем-то она ему очень досадила. Интересно… Женщина,

воспламенившая его с первого взгляда, и нелепое желание отомстить, живущее в Барде, а ведь они были, по сути, одним и тем же человеком. Здесь крылась загадка.

Но даже если Бард на самом деле решил подшутить над ним, Пол все равно найдет Мелисендру. Теперь он почуял в себе решимость, Киллгардскому Волку его не остановить.

«Мы с ним одного роста, одного веса. Правда, он всю жизнь сражается. К тому же, Бог знает сколько времени я провел в этой чертовой камере. Выходит, Бард в лучшей форме. Но в любом случае он не сильней меня, и в схватке я смогу одолеть его. Каратэ есть каратэ, вряд ли он знаком с ним. С оружием в руках он вмиг возьмет верх, но голыми руками — дудки».

Когда же Пол отворил указанную дверь и вошел в комнату, все сразу вылетело у него из головы. Это была она. Лицо, усыпанное веснушками, рассыпавшиеся, потемневшие, с медным отливом волосы тускло посверкивали в сиреневом лунном свете. На Мелисендре была длинная ночная рубашка — рукава и ворот украшены вышивкой, однако тончайшая материя не могла скрыть соблазнительные формы ее тела. Женщина тихо посапывала… Пол осторожно прикрыл за собой

дверь. В темноте она не сможет догадаться, что он не Бард. Он неудержимо хотел ее, и что-то смутно пробилось в сознание, подсказало, что и она *хотела* этого. Что на него нашло, что прихлынуло, почему он даже сглотнул от вожделения и уверенности, что она ждет его, — он не мог сказать. То ли воздух на Дарковере такой, то ли климат… И потом, если нет другого способа обладать ею, почему он должен откладывать? Нет уж, черт побери, никто не сможет выгнать его отсюда. Если Бард так легко отказался от Мелисендры, выходит, она легко переходила из рук в руки. Почему бы ей не приплыть и к нему? Однако эта рыженькая не из таких, иначе вряд ли Бард пошел бы на такую хитрость.

Пол боязливо присел на край кровати, начал раздеваться. Было темно, однако он не рискнул зажечь свет. Мелисендра могла заметить, что у него, например, нет воинской косички. Испугалась бы, подняла шум. Что же это с ним такое? Почему он ведет себя словно мальчишка, которому предстоит взять первую женщину? Зачем робеет?

Что за черт!

Тут до него окончательно дошло, что Бард хотел не ему доставить удовольствие, а унизить

Мелисендру. Но, взглянув на это ее глазами, Пол расхотел участвовать в подобном спектакле. Было противно — вот так, змеей, тайком, влезть на женщину, попользоваться и убежать. Что-то в этом было не то. Что? А то, что после этого ему уже не подойти к Мелисендре, а если все повторится, то произойдет по принуждению, во исполнение приказа. Эта перспектива ужаснула его куда сильнее, чем желание немедленно овладеть женщиной.

Но ведь, вероятно, Мелисендра не догадается, что он не Бард. Если, конечно, разумно повести дело… Как можно упустить такой шанс — другого не будет! Он лег рядом, протянул руку и коснулся ее.

Женщина коротко вздохнула и повернулась к нему — не сопротивляясь, но без особой жажды ласки, без всякой доброжелательности. Ну и слово подобрал, подумал Пол, и в то же время решил, что именно об этом молила его душа, именно этим просила поделиться — добротой. Неужели Бард был настолько неуклюж как любовник? Или, может, Мелисендра просто не любила его. По крайней мере, ничего похожего на взаимное влечение, на радость соития не было — Пол был уверен в этом. Может, ему удастся разогреть ее?

Еще не было женщины, которая бы потом жаловалась на него, если ему выпадал хоть маленький шанс. Вот, например, как сейчас…

Мелисендра была покорна, холодна — не отказывала, не возбуждалась, словно выполняла какую-то повинность. Такое впечатление, словно его вообще не было — то есть было некое грузное существо, которое навалилось на нее и требует именно такой реакции. Полу подобное было не по душе, но стоило родиться этой мысли, как Мелисендра неожиданно протяжно вздохнула и легонько обняла его за шею. Рука была теплая, мягкая — Пол не мог сдержать дрожь и, трепеща, вошел в нее. Теперь его волнение передалось женщине — он почувствовал ее учащенное дыхание, короткий порывистый вздох. Харел уже не помнил себя, все ласкал и ласкал желанное тело. Мелисендра все крепче прижималась к нему, обволакивая не только плоть Харела, но и душу, мысли…

Потом уже, очарованный, изумленный, мужчина по-прежнему сжимал ее в объятиях, как будто боялся отпустить хотя бы на мгновение. Целовал, поглаживал… Мягкие губы коснулись его уха, следом тихий шепот: «Кто ты?»

Пол тут же выпустил Мелисендру, словно

оробел. Догадалась? Это следовало предвидеть, укорил он себя. Пусть даже они с Бардом похожи как две капли воды, у них одинаковый склад характера, темперамент, однако было существенное различие, которое невозможно устранить. Оно заключалось в воспитании и наиболее явно проявлялось в постели. Разные культурные условия отложились в их сознаниях, и этот пласт во многом определял их сущностную несхожесть. Он впервые осознал, что, вполне вероятно, любовью на Дарковере занимаются совсем не так, как на Альфе.

Разного ждут от партнеров, разного добиваются, испытывают различные ощущения… Все это зависит от культуры, от общепринятых норм; например, в эпоху средневековья женщина и помыслить не могла обнажить тело перед мужчиной, поэтому для соития в ночных рубашках прорезывалось специальное отверстие… Собственно механика акта была та же самая, но аура, психологическая среда совокупления была совсем другой. Пока он обнимал ее, Мелисендра могла обмануться, но стоило войти в нее, и каждый толчок, каждый поцелуй, каждое прикосновение выдавали в нем чужака. Осмыслив это, Пол, затаив дыхание, спросил себя — по-

нравилось ли ей? За кого она приняла его? За кроманьонца? Трудно сказать, во всяком случае, не за Барда!..

Он повернулся и так же тихо попросил:

— Только не кричи, Мелисендра! Он сам послал меня сюда. Я не возражал, я так хотел тебя. — Голос его подрагивал. Пол никак не мог успокоиться.

— Бард сыграл злую шутку с нами обоими, — спокойно ответила Мелисендра. — Это не в первый раз. Нет, я не буду кричать. Плакать тоже не буду. Ты не возражаешь, я зажгу свет?

Он повернулся на спину, а женщина, поднявшись, зажгла маленькую лампу и поднесла ее поближе, чтобы разглядеть мужчину.

— Да, сходство просто… просто дьявольское. Я уже обратила на это внимание, когда нашла вас с Эрлендом. Но это более чем сходство, не так ли? Я буквально ощущаю, как вас связывает что-то более тесное. Хотя ты и он — большая разница. — Она порывисто вздохнула.

Пол потянулся, взял лампу и поставил на столик возле постели.

— Не обижайся на меня, Мелисендра. Прости… — попросил он.

Ее губы задрожали, и Пол почувствовал, что

не в силах сдержаться — ему так захотелось поцеловать ее, успокоить. Она совсем по-другому восприняла их близость, совсем не так, как те женщины, которых он знал. Черт побери, обычно после каждого такого случая ему не терпелось как можно быстрее уйти. На этот раз все было по-другому. Он не мог оставить ее — не хотел! Более того, ему стало тоскливо, он, неслыханное дело, нежданно-негаданно пожалел ее. Пол сел на постели и обнял Мелисендру. Она даже не шевельнулась.

— Сначала я решила, что, может быть, в нем что-то стронулось. Проснулось… Я… Я всегда хотела, чтобы он был со мной таким, каким был ты. — Женщина судорожно сглотнула — слезы, наверное… Изо всех сил она старалась не заплакать. — Я обманывала себя, он испорчен… испорчен до мозга костей, и я возненавидела его. Но еще больше начала презирать себя за то… За то, что верила, что он сможет стать мужчиной, которого я смогла бы полюбить. С того самого, первого мгновения, когда я стала принадлежать ему, я ничего не могла с собой поделать. Я так хотела, чтобы он стал человеком, которого можно любить…

Пол крепче обнял ее, принялся целовать в по-

драгивающие губы, в щеки, по которым лились слезы.

— Я ни о чем не жалею, — он зашептал ей на ухо. — Особенно после того, как меня занесло в твою постель, Мелисендра. Мне так больно, что я причинил тебе горе. Прости, я так напугал тебя. Я вовсе не хотел этого и каюсь, но я рад, что так случилось. Я так счастлив… Я жажду повторить это, когда ты сама этого захочешь, когда, может, и меня полюбишь.

Женщина посмотрела ему в глаза.

— Я вовсе не жалею. Поверь… Пусть даже он хотел унизить меня подобным образом. Я всегда отказывалась, когда леди Джерана хотела послать меня к другому. Отказалась, когда она хотела выдать меня за какого-нибудь знатного вассала дома Рафаэля. Это было бы еще хуже. Бард плохо ко мне относился, со временем совсем стал считать дрянью, но я уже привыкла и перестала бояться. Знаешь, не было больше страха, а вот с другим да все сначала? Ох, ужас!.. Но с тобой получилось совсем иначе. — Она вдруг улыбнулась, пожала плечиками, как бы удивляясь себе — зачем я улыбаюсь?

Сердце у Пола сжалось от радости и боли. И все равно ему припомнилась их первая встреча, ко-

гда Мелисендра пришла за Эрлендом. Та улыбка навсегда запечатлелась в его душе.

— Я благодарна тебе, а ведь я даже не знаю, как тебя зовут.

Одной рукой он потушил лампу, другой покрепче обнял Мелисендру, осторожно опустил ее на постель.

— Мне так хочется, чтобы ты еще раз поблагодарила меня.

Он почувствовал, как Мелисендра удивленно вздохнула, потом поцеловала его. Этот призыв воспламенял.

— Я притерпелась к Барду, — сказала она дрогнувшим голосом и сильно, откровенно прижалась к Полу, — но теперь, после знакомства с тобой, я его ненавижу, а тебе и сейчас благодарна.

— Но мне хочется что-то повесомее, чем просто благодарность, — он удивлялся тому, что говорит, но и остановиться уже не мог. — Я бы хотел, чтобы ты полюбила меня, Мелисендра.

Она вздрогнула, часто задышала:

— Боюсь, что не знаю, что это такое, но если я когда-нибудь почувствую к кому-то серьезное влечение, то это будешь ты…

— Пол, — подсказал он ей.

— То это будешь ты, Пол, — покорно повторила женщина.

Он крепко поцеловал ее и следом за радостью, за неодолимой вспышкой желания душу царапнула пугающая мысль: «Теперь я не могу вернуться назад, теперь мне никогда не расстаться с этим миром, где обитает существо, разлука с которым страшнее смерти. Что за безумный сон снится мне? Что за дикое, но такое сладостное видение окутало меня?..»

3

Десятью днями позже Пол Харел — или, как называли его в замке, Херил — впервые в жизни выступил в поход. Скакал он рядом с Бардом.

Утром прибыл гонец, и Киллгардский Волк вызвал Пола в тронный зал.

— Люди Серрараиса нарушили данное слово, — сказал Бард. — Мы не можем вступать с ними в бой, но напомнить этим негодяям, что они клялись соблюдать мир, обязаны, и лучший способ — показать нашу силу. Через час выступаем, будь готов!

Первой мыслью Пола было: «Вот он, шанс проявить себя!» Тут же кольнуло: «Мелисендра!» Ему не хотелось так скоро расставаться с ней. Это было впервые в жизни — Харел не хотел разлучаться с женщиной, и если быть честным, то не только на время похода. С другой стороны, вероятно, именно эта так скоро последовавшая разлука — наилучший выход из создавшегося положения.

Пол с горечью подумал, что рано или поздно ему придется отстаивать перед Бардом свое право на Мелисендру. С каждым днем он желал ее все

сильнее. Ему хватало обычно десяти дней, чтобы удовлетвориться и почувствовать скуку. Дальше женщина уже казалась обузой, тянуло на волю… Однако с Мелисендрой было не так, и предстоящая разлука была как нож в сердце. Он все время думал только о ней, рвался к ней душой. Уже со страхом размышлял Харел о том, что ее счастье стало для него куда важнее, чем собственное. Что с ним творилось, он не мог понять, но это было так необычно, пугающе и сладостно…

Пол всегда считал, что женщины для того и существуют, чтобы спать с ними. На том стоял мир, почему же Мелисендра должна стать исключением?

«Я всегда хвастался тем, что никакой женщине не под силу обвести меня вокруг пальца. Я ведь с ними давно имею дело — любая из них только и мечтает набросить на мужчину хомут. Почему же теперь я так жажду, чтобы это случилось побыстрее?»

Как ни крути, а общество здесь, на Дарковере, устроено попроще. Бард считает Мелисендру своей собственностью. Он может на время передать ее Полу, чтобы унизить ее, но насовсем он ее не отдаст, ведь она мать его единственного сына.

И с этим ничего не поделаешь. По крайней мере

в нынешний момент… Выходит, выбора не было и стычки из-за Мелисендры им не избежать. К тому дню, решительно подумал Пол, он должен быть во всеоружии.

«Вот так, либо он меня, либо я его. Я вовсе не хочу, чтобы убили именно меня. Значит, нельзя терять ни единого часа».

Вот это желание поскорее решить самое важное для него дело, вера, что у него есть шанс, прибавили Харелу бодрости. Когда, уложив походный мешок, он встретил Барда, то сказал ему:

— Я хотел бы проститься с Мелисендрой.

Тот только хмыкнул в ответ:

— Эк тебя разобрало! В этом нет необходимости — она отправится вместе с дружиной.

Пол кивнул, сначала вроде бы даже и не вникнув в смысл сказанного. Женщины на воинской службе, в строю, даже генералы — для него это было не в новинку. В войнах, которые велись в его мире, где судьба сражения решалась нажатием кнопок, стрельба велась из лазерных карабинов, женщины ни в чем не уступали мужчинам. Потом до него дошло, что здесь сражаются холодным оружием. Неужели женщины на Дарковере владеют им наравне с мужчинами? И силенок им хватает?.. Он вспомнил Мелисендру и решил,

что это бред, — она была нежна и женственна, как богиня…

— Ха, — засмеялся Бард, по-видимому заметив удивление Пола и уловив его мысли, — у нас и такие есть. Женщины из Ордена Меча. Ну-у, эти настоящие берсерки! И клинками отлично владеют. Но Мелисендра — обыкновенная баба, она к этим никакого отношения не имеет. Она — лерони, волшебница, которая находится при армии, чтобы противостоять вражеским чарам.

Пол подумал, что это еще опаснее, однако промолчал. Уже в дороге Бард сам вернулся к этому вопросу:

— Мелисендра относится к числу колдунов, которые являются глазами и ушами войска, на основании их данных я разрабатываю план кампании. Вплоть до маневров и отдельных стычек. Послушай, чтобы не терять времени, я дам тебе несколько уроков владения оружием. В этом не будет ничего необычного, ведь формально ты мой родственник, недестро, прибывший из далеких мест.

Пол был включен в группу адъютантов и помощников Барда. Колонна вышла из замка, главнокомандующий устроил смотр армии. Пол поразился, с какой радостью и энтузиазмом во-

ины приветствовали командира. Раздавались громовые крики: «Киллгардский Волк! Наш Волк!..» Одно его присутствие, казалось, вдохновляло бойцов, придавало им столько смелости, что они готовы были немедленно броситься в бой.

Значит, придет день, и Бард доверит ему эту силу? Верит, что по первому требованию Харел вернет ее? Добровольно?! Сумасшествие!.. Этому, решил Пол, может быть только одно объяснение. До тех пор пока он будет нужен, Бард будет ему покровительствовать, потом, когда вся Сотня царств подчинится Астуриасу, Пола с помощью тех же колдовских ухищрений вновь засунут в камеру забвения. Если же это окажется сложным, то можно поступить проще — ночка потемнее, нож в ребра, а тело сбросить в какое-нибудь ущелье, где его сожрут кворебни. Значит, такова судьба, размышлял Пол и, невольно заразившись общим энтузиазмом, приветствовал Барда. Однако еще есть время, а пока на повестке дня у Барда — да и у него тоже — другие задачи. Прежде всего ему надо научиться владеть оружием. Тут Полу пришла в голову мысль, что Бард вполне может догадаться, что так беспокоит Харела — они же способны улавливать мысли друг друга! Может, Мелисендра сможет научить его ставить

защитный экран? Если, конечно, она настоящая колдунья. Однако и Мелисендра вряд ли возрадуется намерению Пола убить отца ее ребенка. Она говорила, что ненавидит Барда, но можно ли положиться на женскую ненависть?

Он понимал, что загадывает вперед, и все равно не мог избавиться от ощущения, что наступит день и он решится довериться ей — более того, посоветоваться, каким образом совершить подмену… Но об этом молчок!.. Ныне требуется только одно — то же самое, что хочет Бард. Он должен, и не только внешне, стать Бардом ди Астуриен, Киллгардским Волком, чтобы ни у кого из тысяч проходящих мимо холма вооруженных людей не возникло и тени сомнения, кто ведет их в бой. А может, и больше…

Молчок! Прикуси язык!..

К собственному удивлению, Пол, никогда не державший в руке меч, очень быстро наловчился владеть им. Казалось, он был рожден для этого. Ясное дело, ведь его рефлексы и физическая организация были точно такие же, как и у Барда. Кроме того, он постоянно занимался каратэ, поэтому не мог пожаловаться на координацию движений. Силенок хватало, выносливости тоже… Харел долго готовил себя к восстанию

— теперь эти навыки пригодились.

Вообще, походная жизнь сразу пришлась ему по душе. Он любил вольный ветер, ночевки под ясным небом, где неутомимо плыли четыре луны. То все вместе, то по отдельности… Это было впечатляющее зрелище. Иной раз Пол ловил себя на мысли, что никакой иной жизни ему и не надо. И технических штучек, и удобств, которыми приятно пользоваться время от времени. Между двумя мирами, в которых ему довелось побывать, было одно сходство — что на Альфе, что на Дарковере для агрессивности мог быть только один выход. Убийство! В любой форме, под каким бы соусом это ни подавалось. То ли рукопашный бой, ненависть к захватчику, то ли жажда свободы, суть была одна и та же — пролитие крови. Это ему далось легко. Уже в первой же стычке Пол не то что не испугался, даже особенного волнения не испытал, когда конный отряд налетел на вражескую пехоту и изрубил их в капусту. Даже вид рассеченных человеческих тел не вызвал приступа тошноты. Чем, собственно, эти обезображенные трупы отличались от тех, что были сожжены залпами бластеров?

Бард старался не отпускать Харела далеко от себя, давал ему советы, был внимателен к нему.

Конечно, не по доброте душевной, убеждал себя Пол, — просто Волк все время испытывал его, стараясь понять, насколько Пол разбирается в стратегии, смыслит ли в способах ведения боя. Уже после первой схватки Пол уловил его мысль, что этому парню — то есть ему, Харелу, — можно доверить десяток. А сотню? А отдельный отряд? А войско?.. На первый взгляд казалось, он обладает необходимыми данными, хотя кампания выдалась нетрудная и после взятия главного города, Серраиса, местное население хлынуло к дальним границам. За сорок дней они взяли почти половину вражеских городов. Вот что удивительно — при начале осады Пол уже знал, как лучше организовать штурм, куда направить главный удар. Случалось, что его мнение расходилось с мнением Барда — был случай, когда тот даже последовал его совету, однако это были закономерные, необходимые для дела разногласия. И в поле Пол тоже чувствовал себя уверенно.

— Отец сказал однажды, — обратился к нему Бард, — что нас двоих вполне достаточно, чтобы завоевать Сто царств. Черт побери, он был прав! Теперь я уверен, что мы не только похожи внешне или какими-нибудь там печенками. Мы действительно один и тот же человек, и, когда

сможем возглавить две армии, никто не устоит перед нами. Они все лягут как шлюхи — бери не хочу! — Он засмеялся и обнял Пола за плечи. — У нас нет иного выбора, мы должны следовать по этому пути. Одно королевство слишком тесно для нас обоих, но когда перед каждым из нас их около полусотни — есть где развернуться! Даже дух захватывает от подобной перспективы!..

Пол промолчал — неужели Бард так наивен, что верит во все эти романтические бредни? «Дух захватывает! Есть где развернуться!» Прямо как ребенок… Ди Астуриен, в конце концов, будет стремиться убить его, хочет он того или нет. Вот она, правда жизни. Да, это случится не скоро, много лет спустя. А пока и в самом деле вокруг столько жирной земли, что много воды утечет до момента, когда они встанут друг у друга поперек дороги.

Как ни удивительно, подобные замашки оставляли Пола равнодушным. Воинские доблести интересовали постольку-поскольку. Встреча с Мелисендрой смутила душу, а тут еще милитаристский угар, в котором пребывает самый близкий ему человек. О чем он мечтал всерьез — это быть постоянно рядом с Бардом. Этот человек — его половина — его все больше занимал.

Нравился ему… Конечно, оба были созданы для больших дел, но разве нельзя ничего выдумать, кроме масштабного кровопускания? Бард, как это ни парадоксально, был интересен сам по себе, их общение давало радость. Для Пола было в новинку иметь рядом человека, который всегда поймет тебя, выслушает, даст совет. Которому было интересно, о чем он, Пол, думает, мечтает. Впрочем, то же самое творилось и с Бардом. Это было так необычно.

Еще большей удачей Пол вначале посчитал то, что Мелисендра тоже отправилась в поход, однако потом погрустнел. Женщина постоянно держалась вместе с другими лерони. Все они были одеты в серые свободные плащи с капюшонами, под которыми прятали лица. Вел их седовласый мужчина с покалеченной ногой — он держался в седле с помощью какого-то хитрого приспособления, крепившего его спину. Другое раскладное устройство помогало ему спешиться. За первые тридцать дней похода Полу удалось лишь несколько раз перекинуться парой слов с Мелисендрой, да и то на глазах у всей армии.

Впервые это случилось во время осады Серраиса, когда Бард, объезжавший со свитой стены города, неожиданно направился к группе леро-

ни, следовавших поодаль. Заметив взгляд Пола, подозвал его, и они поскакали вместе.

Мелисендра, завидев двойников, улыбнулась так, как могла улыбаться только она. В сердце Пола всколыхнулась волна нежности — слишком много значил для него этот взгляд.

Он подъехал к ней поближе и поинтересовался:

— Кто такой мастер Гарет?

— Он глава лерони Астуриаса. К тому же он мой отец, — Мелисендра лукаво глянула на Пола и улыбнулась уже смелее. — Я бы так хотела все рассказать ему…

Пол сразу понял, что она имела в виду. Он опустил голову, потом тихо, вполголоса, произнес:

— Я так скучаю по тебе.

Мелисендра улыбнулась еще шире, она теперь просто лучилась от счастья.

Бард между тем нетерпеливо поманил рукой Харела. Когда тот подъехал к седому ларанцу, он представил:

— Мастер Гарет Макаран, а это капитан Паоло Херил.

Старый колдун отвесил Полу церемонный поклон.

— Мастер Гарет был искалечен во время моего

первого похода. Я тогда впервые получил под команду достаточно большой отряд. Задание было трудное… Его пырнули в ногу кинжалом с отравленным лезвием. Но ничего, дух его по-прежнему крепок.

— Вы, мастер Бард, не виноваты, — ответил Гарет. — Или теперь я должен называть вас — господин главнокомандующий, как салажата? Поздравляю, никто, кроме вас, не смог бы так ловко захватить обоз. В снежную круговерть, против наемников из Сухих земель… А что мне досталось, так, значит, судьба… Война, она и есть война. Каждый должен быть готов к любому исходу.

— Сколько лет, сколько зим, — задумчиво, как бы не к месту отозвался Бард, видно, много горьких воспоминаний навеял ему тот поход.

Действительно, память о тех днях остро отозвалась в сердце. Мастер Гарет — вот он, живой свидетель незабвенных событий. Рыжие волосы Мелисендры вызвали в душе сожаления об утраченном, о девушке, которая единственная понимала его. Точно такой же серый плащ, белый ослик, и Белтран скакал рядом, все время болтал. Весело, по-дружески… Что значит болтал? Они вместе трепались. О чем? Да обо всем понемногу,

но большей частью о будущем. Потом у костра беседовал с Мелорой. Искушение было слишком велико, и Бард спросил:

— Мастер Гарет, где ваша старшая дочь? Что с ней?

— Она в Нескье, — ответил мастер Гарет. — Состоит при тамошнем правителе Варзиле.

Это неприятная новость.

— Выходит, она служит врагам Астуриаса?

Тут он подумал, что, может, так и лучше. Если считать Мелору врагом, легче будут воспоминания. Злее… Она единственная, кто понимал его, кто не отдалась ему.

— Почему? — пожал плечами мастер Гарет. — Лерони из Нескьи дали обет заниматься только добрыми делами, помогать всем страждущим и больным духом. Они соблюдают нейтралитет. Их дело — молитвы, исцеление больных… Туда идут со всех сторон… Они нам не враги, дом Волк.

— Вы действительно верите в возможность подобного непротивления? — язвительно спросил Бард.

— Мой лорд, я не верю — я знаю. Мелора не станет обманывать. И не потому, что я ее отец, просто никогда маг не сможет обмануть мага. Дом Варзил искренне верит в то, что говорит,

в договор, который обязывает не использовать на поле брани колдовское оружие. Он честный человек, я восхищаюсь его храбростью. Это не так просто отказаться от злодейства, зная, что враг готов использовать его против вас, что он не способен поверить, что у вас нет ножа за пазухой.

— Должен ли я понимать эти слова так, — спросил Бард, — что и мне следует разоружить армию и жить по рецептам дома Варзила? А вы знаете, что он из Серраиса, он Риденоу?

— Знаю. Но только по рождению, — ответил Гарет. — Теперь он только Варзил из Нескьи, не более того. А ваш вопрос, мастер Бард, просто неуместен. И то, о чем вы подумали, тоже. Я дал клятву верности королю Одрину и не изменю ей в пользу ни Варзила, ни кого-либо другого. Я держал ее по отношению к младшему сыну короля, пока королева Ариэль не сбежала из Астуриаса. Я верно служу вашему отцу, потому что считаю, что в нем — единственное спасение нашей земли. Но я вовсе не надсмотрщик над своей дочерью, тем более над ее совестью… Она оставила королевский двор в ту ночь, когда вас отправили в изгнание. Тогда Валентина еще на свете не было, так что не надо было выбирать между ним и Алариком. Кроме того, двор она

покинула с согласия короля.

— Ясно, — сказал Бард. — Если уж она решила не участвовать в войне, рад, что она не примет сторону врагов Астуриаса.

— Это как вам будет угодно, господин. Вы можете также сказать, что и против врагов Астуриаса она сражаться не будет. Она уже сделала выбор. Когда Хастур кинул призыв, все из окружения Варзила, кто не подписал договор, перешли на сторону Тендары. Она — нет, и Варзил тоже. Это означает, что Мелора хранит нейтралитет. И моя внучка Мирелла, которая сейчас в Башне Хали. Я старик и верен своему королю, однако молю богов, чтобы молодежь выбрала путь, который поможет прекратить эти чертовы войны, пока вся наша земля не превратилась в пустыню.

Бард помолчал, подумал, потом заметил:

— Мне бы не хотелось видеть Мелору среди своих врагов. Если уж она мне не друг, пусть соблюдает нейтралитет.

Его лицо скривилось от боли, словно воспоминания о Мелоре до сих пор были нестерпимо горячи. Это удивительно…

Между тем мастер Гарет заверил:

— Естественно, что она вам не враг и никогда им не станет. Она очень хорошо отзывалась о

вас.

Бард, вспомнив, что Пол и Мелисендра в состоянии прочитать его мысли, попытался прикрыть их. Неужели эта Мелора до сих пор столь много значит для него? Нет, это в прошлом. После завершения кампании против Серрaиса он соберет всех лерони и поставит перед ними задачу отыскать пути к проникновению на остров Безмолвия. Он должен захватить Карлину, доставить ее домой, тогда сами собой пропадут все мысли о Мелоре. Или — глянул на Пола, потом на его спутницу — о Мелисендре. Пусть Пол берет ее себе на здоровье, эти узы привяжут его к Барду. Это он знал на собственном опыте.

«Пока!.. До той поры, пока все эти земли не перейдут под власть Аларика. Потом Харел может стать слишком опасен — амбициозный мужик, по себе знаю. Особенно когда в его руках окажется такая сила».

И вновь боль ударила в сердце. Неужели подобного исхода не избежать? Никогда у него не было друга, брата, человека, равного ему во всем, которому он мог бы доверять? Судьба, что ли, такая — сначала Белтран, потом Джереми! Может, можно будет что-то исправить, может, удастся сохранить Полу жизнь?..

Я не хочу терять его, как потерял Мелору…

Бард почувствовал, как его захлестнула ярость. Опять Мелора! Сколько можно!..

Внезапно Мелисендра с силой дернула за поводья. Конь стал как вкопанный, в следующее мгновение ее лицо исказилось. Мастер Гарет судорожно взмахнул руками, словно отбиваясь от нападавшего на них исчадия ада. Тут же еще одна лерони истошно вскрикнула, другая закашлялась — ее буквально наизнанку выворачивало; третью охватила крупная дрожь — знобило так, что девушка вынуждена была лечь на холку коня и вцепиться в гриву.

Бард с нескрываемым страхом, оторопело глядел на лерони. Пол быстро подскакал к Мелисендре, подхватил в ту самую минуту, когда она начала сползать с седла. Бледная как смерть женщина не обратила на него никакого внимания. Белизна ее лица — ни единой кровинки, снежная маска — перепугала его так, что мужчина с трудом взял себя в руки. Тут глаза у Мелисендры выкатились — глазные яблоки вылезли из орбит.

Пол совсем упал духом, и в этот момент Мелисендра, разглядывая что-то в беспредельной дали, горько запричитала:

— Смерть, пожар!..

Неожиданно она громко вскрикнула, прикрыла рот ладошкой. Жутко расширившиеся глаза словно воочию следили за происходящим за тридевять земель.

— Боги, они бьются в агонии, сгорают заживо… Смерть, вижу смерть, падающую с неба… Огонь… Вопли…

Она неожиданно закашлялась, только глаза по-прежнему неотрывно следили за ужасным зрелищем, видимым лишь лерони.

Тут и мастер Гарет задохнулся от боли и отчаяния:

— Мирелла! Боги, будьте милостивы! Мирелла — она там!..

Этот вскрик привел Мелисендру в чувство — правда, только на несколько мгновений.

— Возможно, ее еще нет там, отец. Она… я не слыхала ее голос… Я бы сразу отличила ее, я в этом уверена… Ох, что же там творится — пожар, кругом пожар. — Женщина вновь вскрикнула, напряженно уставилась в пространство. Пол теперь уже крепко держал ее. Лерони склонила голову ему на плечо.

— Что это, Мелисендра, что это? — шепотом спросил он, однако женщина как будто не слы-

шала вопроса. Она судорожно вцепилась в него, плакала и постанывала. Мастер Гарет тоже выглядел так, словно он неожиданно свалился с коня. Бард помог ему удержаться на лошади — тут ему и открылись видения, хлеставшие из сознания старого ларанцу.

«Яркое пламя… Страшные ожоги… Нестерпимая боль, как только пылающий огонь попадает на кожу, проникает внутрь, сжигая внутренности, разрывая жилы… Сердца превращаются в угли… Огонь уже бушует по всей крепости, рушатся стены… Повсюду вопли, вскрики погибающих людей… Аэрокары атакуют из поднебесья, огонь дождем падает сверху…»

Пол непонимающе следил за лицом Барда — ничего, что рождало сознание старика, он не воспринимал, разве что мог почувствовать страх Волка. Это было так жутко!.. Наконец Бард хрипло выговорил:

— Воздушная атака… Они бомбят клингфайром.

Бомбят?! Это невероятно, опешил Пол, это слово не может быть известно здесь. Здесь сражаются на мечах, но никак не в воздухе. Здесь войны — подобие шахматных партий — с королями, офицерами, пехотой… Но бомбежка?..

«Женщина вспыхнула как факел, ее плоть пылает… Запах сожженных волос, истошный вопль…»

Бард осторожно поддерживал старого Макарана. Словно отца… Тот едва держался в седле, несмотря на то что его конь перешел на тихий шаг. Весь ужас неслыханного злодеяния он испытал на себе. Неожиданно ларанцу напрягся, выпрямился и громко сказал:

— Хватит! — видно, пришел момент взять себя в руки.

— Чем мы можем помочь им? Поставьте защитные экраны, все! Немедленно!..

Разом исчезло дыхание смерти, растворился гиблый смрад горелого мяса — Пол с изумлением обнаружил, что он воочию ощущал его. Что творилось там, в дальнем краю, он не видел, а запах пожарища уловил. Невольно огляделся — все вокруг дышало покоем, в небе легкие облака, даже город, окруженный войсками Астуриаса, имел какой-то романтически-сказочный вид. Отсюда нельзя было заметить вооруженных людей, но и те вели себя мирно, покладисто, рыли землю, на костре варилась каша… В небольшой рощице погонщики зычно материли обозных червинов.

Пол, наблюдая все это, даже поморгал — что, в

конце концов, ему снится? Сожженная Башня и эта нестерпимая, выворачивающая наизнанку вонь или живописный пейзаж с завитками облачков в бархатно-розовом небе, с явившейся из легенды цитаделью?

— Что это было? Что это было, Мелисендра?.. — Он настойчиво теребил ее за рукав.

— Хали, — ответила она. — Знаменитая Башня на берегу озера. Хастур дал клятву, что Башни будут хранить нейтралитет — Хали и Нескья. Я не знаю, кто обрушился на Хали. — Она еще легонько вздрагивала. — Каждая лерони в Ста царствах, должно быть, ощутила гибель людей. Пережила весь этот ужас… Вот почему дом Варзил дал слово соблюдать беспристрастность и не вмешиваться в дела правителей. Если они отвергнут его договор, то скоро на нашей земле нечего будет завоевывать.

Нескрываемая горечь отразилась в ее глазах и на лицах подруг, многие из лерони плакали.

— У всех из нас в Хали были сестра, брат, друг или любимый человек. Это самая большая из башен, там было тридцать шесть лерони. Три полных круга… Маги из каждого королевства, представители всех одаренных семей.

Она замолчала.

— Вот он, результат договора, — горько заметил мастер Гарет. — Сидели в Элхалине, носа не высовывали, объявили, что намерены сражаться исключительно мечами и арбалетами, а на них сверху липучий огонь бочками. Кто же мог напасть на них? Ясно, что не Астуриас.

Бард задумался, потом начал размышлять:

— У Серраиса теперь нет таких возможностей, а Хастурам незачем атаковать Башню, которая всегда была верна им. К тому же они объявили о нейтралитете. Может, это Эйлард или Алдаран? Решили тоже вступить в войну. Тогда, выходит, все Сто царств заполыхали?

Пол слушал его, сжав челюсти. Он не мог избавиться от страха, все глубже заползавшего в душу. Эта необычная, по-своему красивая, плодородная земля на поверку оказалась преддверием преисподней, где нашли выход все самые злобные чувства, что копились в душах людских. Вплоть до коварного использования колдовских приемов…

— Есть вещи еще более жуткие, чем бомбежка, — голос Мелисендры оторвал его от горьких дум. — Это всего лишь аэрокары, и Башня вполне могла защититься от атаки с воздуха. Я однажды сбила такую машину. Я слышала, что однажды

круг лерони наложил заклятье на землю вокруг подвергшегося осаде замка. — Она указала на руины, возвышающиеся на дальнем холме. — Земля разверзлась, содрогнулась, замок был разрушен до основания, и все люди погибли.

— И что же, хоть какая-то защита от подобных нападений существует?

— Конечно, — безразлично ответила Мелисендра. — Если бы владетель замка имел свой круг колдунов и они оказались сильнее нападавших, то ничего бы не случилось. В нашей семье поколениями — и в других знатных семьях на Дарковере — культивировался ларан. Это началось в древнюю эпоху, когда вся земля находилась под управлением Хастуров, потомков первого Хастура и Кассильды. Однако наследственные программы тоже имеют свой предел. Кровосмешение в конце концов приводит к вырождению. Мой отец, — она кивнула в сторону старика, — был женат на сводной сестре, и из четырнадцати родившихся у них детей выжили только трое, все девочки. Теперь на этих холмах уже не встретишь Макаранов, разве что несколько человек… Побольше их обитает на севере, в горах, где не занимались наследственной программой. Род Деллереев и старая линия Серраисов тоже вы-

мерли, последние из них слились с Риденоу. Моя сестра Кирия умерла родами, и мы с другой моей сестрой, Мелорой, выходили ребенка… Мирелла тоже лерони, одна из тех, кто обладает, даром ясновидения. Мирелла дала обет хранить невинность. Племянница пошла на это, потому что тоже боялась умереть родами. Я тоже боялась…

Пола почувствовал страх Мелисендры, возникший при этих воспоминаниях. Тут ему пришло в голову, что у нее есть сын — только тогда он почувствовал, что испытывала любимая женщина перед родами. До этого дня все эти специфически женские проблемы совершенно не занимали Пола — теперь его словно оглушило. В его мире женщины имели много средств, чтобы сознательно управлять этой стороной жизни. Теперь оказалось, что Мелисендра не в состоянии контролировать беременность.

— У нас в семье начались выкидыши, стали рождаться мертвые дети, — лерони рассказывала сухо, ровным голосом, лицо у нее окаменело. Трудно было понять, то ли она с ним беседовала, то ли сама с собой. Человеку нужно выложить наболевшее, и случается, все равно кому. — Эрленд, хвала богине, здоров, однако и у него сильно проявился ларан. В таком возрасте это

большая редкость… Бард нам не родственник, может, в этом все дело, ведь Кирия вышла замуж за двоюродного брата… Мелора и я должны быть осторожны в выборе, если желаем, чтобы у нас были здоровые дети. Даже если после родов мы останемся в живых, ребенок может оказаться неполноценным. Я думаю, что Мелоре вообще не следует иметь детей. Отец рассказал, что существует ларан, противоположный нашему, так что если я решусь зачать, то ребенок может убить меня. К счастью, подобный исход практически невозможен — носителей того, несовместимого, ларана осталось очень немного. Однако, как мне кажется, их ядовитая сила не исчезла и бродит теперь по другим родовым линиям. К сожалению, записи о родителях уже не ведутся и теперь трудно установить предков. Исчезло и старинное искусство исправления дефектов на клеточном уровне — последняя целительница, которая была мастером в этом деле, умерла, не успев передать ученикам свои знания. Теперь никто не сможет сказать, что нас ждет, когда мы беременеем. И вот еще напасть — это новое колдовское оружие… — Мелисендру даже передернуло от отвращения, и она сменила тему: — Я была счастлива, что у Барда нет в теле подобной отравы. Может, это

была единственная отрада в нашей связи.

После взятия крепости армия астурийцев двинулась дальше, и на следующий день разведка донесла, что впереди сосредоточиваются главные силы Серраиса. Киллгардский Волк приказал на ночь разбить лагерь. На марше Пол больше не встречался с Мелисендрой — не представлялось возможности. Только изредка промелькивал в толпе всадников знакомый серый плащ с капюшоном. Теперь, на привале, узнав, что неподалеку есть роща и колодец, он отправился в ту сторону.

Уже смеркалось, с неба сыпала изморозь (Бард объяснил, что для начала лета снег — обычное явление… «Что за климат!» — уже в который раз поражался Пол). Еще издали он заметил знакомую фигуру в намокшем плаще. Мелисендра поманила его рукой. Несколько минут они стояли обнявшись, не в силах оторваться друг от друга, когда же он повлек ее к деревьям, Мелисендра отрицательно покачала головой.

— Этого нельзя, это исключено. Мы же в армии, на службе. Ты не думай, милый, что я не хочу, просто не подобает. Наше время еще придет…

Он решил немного поднажать, однако, взглянув в ее глаза, сразу оставил все попытки. Действительно, наступит день — или ночь? — окончится

война. Стоит ли обращаться с любимой женщиной как с лагерной шлюхой? Хороший вопрос, похвалил себя Пол, почему ты никогда не задавал его раньше? Потому что потому!.. Пора бежать, шепнула женщина, отец будет сердиться на нее, даже это свидание выходит за рамки приличий. Он устроит ей выволочку. Нет, он вовсе не против тебя, просто в армии, тем более на войне, свои законы и запреты. Только дай солдатам волю, это будет не войско, а сброд. Разбойничья шайка… Если кому-то можно, почему другим нельзя? Лерони оторвалась от него и поспешила по тропинке к своему шатру. Пол проводил ее взглядом, потом с удивлением отметил, что такое случилось с ним в первый раз. Женщина отказала, а он даже рад этому. Повидались — и сердце полно радости. Попробовала бы какая-нибудь другая поступить так же! Что же происходит? Почему обидеть Мелисендру кажется немыслимым злодеянием, а согласие приносит блаженство и умиротворение? Чудеса творятся на этом Дарковере, вздохнул Пол.

У него стало тревожно на душе. Пол никогда не задумывался над мотивами, стремлениями, ему было все равно, почему он поступал так, а не иначе. Он брал, что хотел, и что хотел, то брал. Все

просто и понятно — в случае сопротивления перешибал силой столь же незамысловатые желания других людей. Теперь же, встретив Мелисендру, он начал по-новому оценивать прежнюю жизнь — шальную и в общем-то бездумную…

Непрошеные мысли стали являться и по ночам. На этот раз он тоже долго не мог заснуть — лежал, положив голову на руки, размышлял о будущем. Что, например, произойдет, когда Бард догадается, что у него, Пола, с Мелисендрой нечто большее, чем интрижка? Что он постоянно жаждет ее и не мыслит своей жизни без этой женщины? Если они с Бардом одного поля ягоды — точнее, одна и та же ягода, почему же он после первой же ночи не пресытился Мелисендрой? Почему в этом они различаются? Ведь вкусы и пристрастия у них должны быть совершенно одинаковыми…

«У меня нет никакого чувства вины перед Мелисендрой, ни капельки… И угрызений совести нет… Мелисендра стала так желанна… места себе найти не могу…»

Пол чуть не рассмеялся — интересно, Бард хотя бы когда-нибудь и перед кем-нибудь чувствовал себя виноватым? Его двойник изначально был свободен от всяких переживаний по этому

поводу, даже сожаление промелькивало как дуновение ветерка, изредка, остужающе, не более того… А чувство вины — этого в принципе не могло быть. Нервы у них, у мужиков, крепкие, и опыта хватало: только дай слабинку, распусти нюни, тут уж недалеко и до искупления грехов, сострадания. Это к лицу монахам… Разве не так? Ох, не знаю, вздыхал Пол. Спать, внушал он себе, однако веки никак не смеживались. Неясность в душе гнала сон, тревожила, бередила.

Однако в любом случае эти переживания лучше, чем пребывание в камере забвения. Успокоив себя этой мыслью, сразу заснул.

Утро выдалось хмурое, ненастное. Дождь усилился, и в первый момент, услышав команду о выступлении, Харел несколько удивился, потом, пораскинув умишком, признал, что в таком климате ждать хорошей погоды бессмысленно. Можно век не сдвинуться с места… Опять по обеим сторонам проселка потянулись пастбища, попадались пастухи верхом на странных зверях, а уж скот и в дурном сне привидеться не мог. Бард назвал этих животных рогатыми кроликами. Ладно, черт с ними, с этими грызунами — только трудно было понять, что же в них было кроличьего!.. Подворья были расположены в отдалении

друг от друга, на многих хозяйничали женщины, изможденные и мрачные донельзя. Все они были одеты в широкие клетчатые плащи, смотрели исподлобья, слова от них не дождешься… Жуть, а не страна, подумал Пол и глумливо добавил — правда, с орошением у них дело налажено. Воды хватает… Слава Богу, что он не стал крестьянином. Из той малости, что узнал Пол, крестьян постоянно донимали то засуха, то половодье.

Вскоре передовой отряд добрался до озера, по морщинистой, поливаемой дождем поверхности его были разбросаны лодки, с которых рыбаки забрасывали сети. Самая рыбалка — в дождь, подумал Пол, Бог им в помощь…

Около полудня — дни на Дарковере были длиннее, и Харел лишь по солнцу мог определить, что это — утро или вечер? — был устроен привал. Раздали сухой паек — кусочек грубого хлеба с изюмом или какими-то неизвестными ему сухофруктами, добрый пласт мягкого сыра, горсть неочищенных орехов, а также чарку подкисшего, но бодрящего вина, которое сразу подняло дух солдат.

Пол не успел дожевать обед, как его срочно вызвали к Барду. Собираясь, Пол ощутил на себе неласковые взгляды, слух тоже пока не изменял

ему — он не мог не слышать колкие замечания по поводу нового любимчика. Он решил поговорить с Бардом по этому поводу. Как только представится удобный случай… От завистников можно ждать любого подвоха… Едва Пол завел разговор об этом, Бард сразу откликнулся:

— Знаешь, почему меня прозвали Киллгардским Волком? — Он поиграл бровями, потом ответил: — Потому что я всегда поступаю наперекор ожиданиям противника. Поэтому не многие отваживаются вступить в схватку со мной.

Далее сообщил, что прибыл гонец с известием, что армия Серрайса уже совсем близко. Когда прояснится, в небо будут выпущены сторожевые птицы, с их помощью можно узнать все подробности о вражеском войске — численность, состав, позиции, наличие вооружения и припасов.

— Дело в том, — продолжил Бард, — что в нашем распоряжении есть юный ларанцу, одаренный ясновидением. В связи с этим возникла идея — ударить по врагу еще до того, как кончится дождь. Руйвен, — приказал он одному из своих адъютантов, — немедленно доставь сюда Рори Ланарта. Если он ест, то пусть заканчивает поскорее. — Затем он повернулся к Полу: — Голодный ларанцу — не ларанцу.

Когда юный маг подъехал к главнокомандующему, Пол поразился — что же это за колдун? Так, колдунишка какой-то… Малому было не более двенадцати. Совсем детей берут в армию, вздохнул он. Хороши нравы! Тут его пронзила мысль об Эрленде — к нему он уже относился как к родному — у того на груди тоже болтается этот проклятый звездный камень. Неужели и этого рыжего мальчонку ждет подобная участь? Между тем Рори, окаменев лицом, уже вглядывался в свой кристалл. То, что открывалось его глазам, он сообщал бесцветным, тусклым голосом.

«Неужели Мелисендре по нраву, чтобы ее сын вот так в дождь изучал окрестности? В таком случае Бард не более чем варвар в диком краю. Он и я, выходит, далеко не одно и то же. Вся эта местная простота не для меня. Помилуй Бог, есть же вещи, с которыми нельзя мириться…»

Он бросил взгляд в сторону Барда — тот, оказывается, внимательно смотрел на двойника. Пол насторожился, ожидая какого-то знака или, может, неудовольствия, которое невольно бы отразилось на лице Волка, если бы он прочел его мысли. Однако тот буркнул:

— Закончил обед? Ладно, дожуешь на ходу — я тоже взял с собой горсть орехов. Прикажи

выступать в прежнем походном порядке. Рори, — обратился он к мальчику, — поскачешь со мной в голове колонны. Ты мне понадобишься, Пол, подержишь его лошадь, когда тот погрузится в транс.

Примерно около часа войско продвигалось вперед, пока авангард не достиг подножия холма. Здесь колонну остановили, а Бард въехал на вершину. Он молча указал на восток — в той стороне, куда убегал вконец размокший проселок, стояли войска и были различимы стяги, чуть колышущиеся над головами воинов. Зеленые с золотом — цвета Риденоу из Серрайса. Их дружины были расположены за нешироким ручейком, тыл прикрывал редкий лесок, по опушкам и под сенью деревьев все заросло колючником. Встревоженные птицы неожиданно, разом, вспорхнули над кронами. Тут до Пола долетели обрывки мыслей Киллгардского Волка…

«Значит, провалилось; незамеченными подкрасться не удалось. Они уже выстроились в боевую линию. Наверное, их лерони вовремя учуяли наше приближение. Конечно, у них есть лерони… Должны быть…»

Помощники Барда, посыльные, адъютанты поскакали вдоль колонны с приказом каждому

отряду занять место для атаки согласно диспозиции, которую Бард нарочито открыто обсудил с Полом. Подобная милость, которой военачальник одаривал выскочку-чужака, опять же пришлась солдатам не по вкусу. Они, конечно, не могли знать, в чем причина такого доверия к новичку, однако чувствовали, что здесь что-то не так. Пол был уверен, что наступит день, когда подобное покровительство приведет к открытому взрыву. Он удивлялся Барду — зачем ему склоки в своем штабе, однако тот был невозмутим и по-прежнему оказывал Полу знаки внимания. Может, он заранее проверял своих подчиненных — в преддверии неизбежного разделения армии — и подбирал людей, с которыми придется иметь дело Полу, когда пробьет его час выступить в личине главнокомандующего. Когда это случится, больше не будет ни пересудов, ни завистливых и злобных взглядов, тем более открыто высказываемых признаков недовольства.

«Ладно, поживем — увидим», — решил Пол.

Как всегда, сигналом к атаке должен был послужить обнаженный меч главнокомандующего. Как только Киллгардский Волк выхватит клинок — забьют барабаны, заревут трубы и разом завопят сотни, тысячи глоток. Пола била дрожь в

ожидании этого момента — он сжимал рукоять своего меча, готовый в мгновение ока, заметив сигнал, броситься вперед.

Дождь между тем сменился холодной изморосью, лишь изредка тяжелые капли шлепались о землю. В облаках появился разрыв, он быстро увеличивался, обнажая розоватое небо — вот уже показался край гигантского багряного светила. Мелькнула мысль, что при солнце сражаться все-таки сподручнее, хотя, с другой стороны, грунт все равно влажный, того и гляди, лошадь упадет… Потом еще какая-то глупость полезла в голову. Со страху, что ли? Или от волнения… Дрожь по-прежнему мелко покалывала тело. Тут он заметил, что мастер Гарет отвел свою группу в сторону, чтобы лерони не путались под ногами у наступающей конницы. Даже под плащом Пол сумел разглядеть Мелисендру, вмиг воображение дополнило различимое взором. Как он испугался, что может потерять ее в резне! Теперь-то понятно, что лерони в самом бою участия не принимают…

Что он ждет? Сколько можно заставлять людей ждать? Кто-то, по-видимому, еще не успел развернуться. Ага, вот!

На солнце блеснул меч Барда — и следом раз-

дался торжествующий рев. Конница Астуриаса пошла в атаку. Начали шагом, потом перешли на рысь, и в тот момент с рядами атакующих что-то случилось. Всадники и слева, и справа начали отбиваться, махать мечами в воздухе. Сосед, уже было перешедший на галоп, заорал: «Боже, огонь! Смотрите туда!..» — и вывалился из седла. Пол недоуменно озирался — кажется, ничто в окружающем его пространстве не изменилось, но отчего заметались люди и лошади начали вставать на дыбы? Исступленные крики и ржание слышались вокруг, и в этот момент в его сознании словно что-то треснуло, раздвинулось, и он увидел поле боя глазами Барда.

С неба, из таявших на глазах туч, стаями сыпались огненные птицы, кружили над головами, осыпали искрами головы коней, вопили так, что, казалось, лопнут, барабанные перепонки. Самое ужасное, что у птиц лица были человеческие. Женские… Искаженные гримасами злобной радости.

Все это Пол видел глазами Барда, слышал его ушами… Сам же так и ничего не мог заметить в прояснившемся после дождя воздухе. Эта двойственность видения, впечатления сразила его окончательно. Он едва не остановил коня, не

слез с седла… Однако чувство опасности вернуло ему разум. Армия Серрайса между тем перешла ручей и, ровняя ряды, пошла в контратаку. Харел взял себя в руки — тем более вовремя, поскольку опешивший вначале Бард теперь взирает на приближавшихся врагов его глазами. Тут же Волк взревел, принялся размахивать мечом.

— Нет ничего! Мужики, это все обман! Иллюзия!.. Что вы, шуточек лерони не видывали?! Вперед, в атаку!..

Следом подхватил Пол: «Ура, ура! В атаку!!» — и бросился вперед. Гарпии остервенели, начали бить людей в грудь, осыпать огненными каплями, но удары их не ощущались, искры не жгли. Астурийцам наконец удалось восстановить боевую линию, и с грехом пополам они вновь пошли в атаку. Вот когда Пол смекнул, как удачно был составлен план боя. Все-таки что ни говори, а у Барда была голова на плечах. Они скакали под уклон, и стоило коней чуть-чуть разогнать, уже никакие колдовские штучки не смогли бы удержать сомкнутые ряды кавалерии. Он начал подбадривать людей, на глазах распаляющихся злобой, вырвался вперед. Тут неожиданно почувствовал зловоние, издаваемое летающими волшебными существами, — странно был устро-

ен его дар, невольно отметил про себя Пол: он не мог ни видеть, ни слышать, только обонять.

Наконец лава астурийской конницы, обогнув лесок, обрушилась на врага. Те явно не ожидали подобного поворота дела. Слишком уж Эйрик из Серрaиса доверился своим лерони… Это была последняя здравая мысль, родившаяся в сознании Пола. Неведомо откуда вывернувшийся пехотинец попытался было копьем достать его коня. Скакун увернулся, в следующее мгновение Пол с размаху с оттяжкой рубанул солдата по голове. Располосованный от плеча до бедра воин, распадаясь на две половинки, рухнул на траву. Хлынула кровь… Харел отбивался от ударов, нападал сам — без устали работал мечом. В те минуты ему было не до огненных чудищ, не до двойника.

Первый удар сокрушил не столько строй серраисцев, сколько их боевой дух. Они ринулись в атаку в надежде добить обескураженных, перепуганных врагов, хотели навалиться на них из-за лесочка. Не тут-то было… Астурийцы были опытными воинами и, справившись с испугом, с именем Киллгардского Волка на устах разорвали боевую линию Серрaиса и принялись уничтожать противника по частям. Сеча кончилась так

быстро, что сначала Пол не поверил, что больше некого разить мечом, незачем отбивать удары, подставлять щит. У него еще не прошел боевой запал, когда к Барду подтащили Эйрика Риденоу, захваченного в плен. О чем они говорили, Пол даже не понял, — что-то о нарушенной клятве, о том, что он знал, на что шел… Все свершалось в каком-то гулком однообразном звуковом крошеве. Вот два солдата подхватили Эйрика и, сноровисто набросив веревку на ствол дерева, весело и ловко повесили правителя Серраиса. Тот трепыхался, умирая, как-то весело и забавно… Бард вышел из сражения совершенно целехонький — это было удивительно, а вот он, Пол, получил свое. Кто-то все-таки ухитрился резануть его по ноге; правда, рана была неглубока, зато кожаные штаны висели лохмотьями. С обрывков медленно капала кровь. Его, Пола, кровь. Вытирать ее, не вытирать? Но и ходить в окровавленном отрепье тоже радости мало. Тут ему подсказали, что лазарет находится в ближайшей деревне. Там же и штаб. Все еще удивленно поглядывающий на рану, так и не решивший, вытирать или не вытирать кровь, Пол направился туда. Уже издали он услышал рев солдат, бросившихся было взять деревню — имущество и баб — «на меч», однако

обогнавший Пола Бард остановил их.

Он въехал в самую толпу солдат и так зычно гаркнул: «Еще чего, мать вашу!..» — что вокруг сразу установилась тишина.

— Солдаты, — уже спокойнее прокричал Волк, — жители этой деревни с этого момента подданные моего брата. Да, согласен — непокорные, бунтующие, но все равно подданные. Было время, когда они трудились на Серраис, но теперь эта пора прошла. Войска Серраиса принесли им много горя — они и подчинялись им только потому, что к их горлу был приставлен нож. Так что хочу напомнить, что бывает с теми, кто покушается на собственность или на честь подданных его величества короля Астуриаса. Если вам что-то требуется, платите за взятую вещь или еду. Женщин не трогать, — он улыбнулся, потом добавил: — Без их согласия…

Вокруг захохотали. Послышались крики: «А как узнать, согласны они или нет? Может, кокетничают?»

Киллгардский Волк вмиг посуровел:

— А вот когда кто-нибудь из них пожалуется, тогда и узнаем.

Смех стих.

Пол, открыв рот, выслушал приказ главноко-

мандующего. В чем-чем, а в добрых чувствах Барда было трудно заподозрить. С другой стороны, он что, надеется сдержать своих молодцов? Может, действительно его слово обладает такой силой, что может унять грабежи и насилия? Когда он спросил у Барда, тот рассмеялся:

— Не будь ослом. Нашел добряка! Надо же придумать — Киллгардского Волка в добряки записать! Ты не думай, то, что я заявил, — это правда, но не вся. Конечно, на чужой земле нам надо заслужить доверие населения. Мы эту страну никому отдавать не собираемся, так какой же смысл начинать войну с крестьянами? Однако суть дела глубже, куда как глубже. Эх, Пол, ты обратил внимание, что это за деревня? Что здесь грабить? И женщин — хоть они и попрятались, — по пальцам можно пересчитать. Ну, похватают наши солдаты горшки, подушки, порежут животных, трахнут пару баб, которых найдут, — дальше что? Напьются и начнут ссориться друг с другом, делить награбленное, значит, резать друг другу глотки. Пойми, мне нужна армия, а не банда, — послушная, умелая, дисциплинированная, вся как единый кулак. Дурак Эйрик Риденоу мог здорово потрепать нас, поставь он свою армию чуть под углом к ручью так, чтобы во время атаки

нам пришлось бы разделить армию, обогнуть лесок, и не дать возможности вновь соединить ряды. Он, понимаешь, понадеялся на этот ручей — хоть и перешагнуть можно, а все же, кажется, преграда. Вот если бы он выдвинулся вперед, да еще под углом, и шибанул по нас, сразу как эта пакость посыпалась с небес, — тогда да. Тогда мы бы завертелись. А ты молодец. — Он неожиданно грустно усмехнулся. — Ты, оказывается, похрабрее меня будешь. Куда быстрее разобрался в обстановке и возглавил атаку. Ты что, раньше догадался, что это иллюзия?

— Нет. — Пол смущенно покачал головой. — Я просто ничего не видел.

Бард изумленно глянул на него:

— Совсем-совсем ничего? Ни вот столечко?

— Ничего! Потом словно накатило, и я увидел их твоими глазами. То есть и видел и не видел одновременно. Понял что-нибудь?

— Конечно, понял… — задумчиво ответил Бард, — так бывает. Сознание как бы раздваивается… Это очень интересно. — Он присвистнул. — Ты слыхал, что они натворили в Башне Хали? Боги, боги, куда же вы смотрите! Какая жуть! Воевать надо честно, только мечами, использовать видимое оружие, а не эти чертовы штучки.

Бомбить! Каково?.. Но ведь вся беда в том, что все эти адские штуки изготовлены в Башнях…

— Да, я видел этот ужас, — кивнул Пол, — правда, опять же глазами Мелисендры. Сам я ничего не могу разглядеть или услышать. Вот запах чувствую…

— Да, так бывает. Секс, случается, наводит такие хитрые мысленные мосты. Я тоже замечал, что Мелисендра служит каким-то катализатором, пробуждающим ларан. В Башнях бы ее так и использовали — она бы открывала скрытый дар у тех, кто по какой-то причине не мог добиться этого самостоятельно. Думаю, тем немногим, чем я владею, я тоже обязан ей. Хотя боги ее знают — она никогда передо мной не исповедовалась. Такая баба скрытная! — со злобным неодобрением буркнул он. — К чему это, скажи? Многие считают, что ничего хорошего в даре нет. Было время, когда я был невосприимчив к ларану. Значит, и к иллюзиям… Ладно, ты вовремя спохватился. Молодец! Иначе мы бы растеряли все свои преимущества… Что касается твоей невосприимчивости к ларану и способности что-то видеть посредством сознания Мелисендры или другого близкого тебе человека, то это тоже может стать большим преимуществом. Мы поговорим

об этом позже. Я должен сначала все обдумать. Ты мне можешь здорово пособить.

Бард, прищурившись, долго и пристально разглядывал Пола — тот даже поежился под его взглядом.

— М-да, — наконец добавил Бард, — это все надо хорошенько обмозговать. Пока займемся-ка этой деревней. Пойдем, посмотришь, как надо с этими ребятами обращаться. Тебе еще придется не раз столкнуться с чем-либо подобным.

Бард в сопровождении свиты вышел во двор хибары, где остановился. К тому моменту туда было согнано все взрослое мужское население деревни.

Киллгардский Волк поздравил их с возвращением под руку его величества. Мужики помалкивали, однако Барда это не смутило. Он объявил, что в этом году они должны уплатить двойной налог. Те, кому это не под силу, сорок дней отработают на общественных работах. Дороги надо привести в порядок, добавил главнокомандующий.

Пол уже знал, что местный месяц как раз и состоит из сорока суток. Это был период обращения самой большой луны Дарковера. Делился он на декады.

Между тем молчавшие мужики, осознав, что это и есть тягло, возложенное на них новой властью, принялись благодарить Барда за оказанную милость.

Один из офицеров, друг Барда, не выдержал и вспылил:

— Со всем уважением я выслушал, господин генерал, ваше решение и все равно считаю, что этих ублюдков сжечь надо было к чертовой матери!..

Главнокомандующий спокойно заметил:

— Нам нужны подданные, которые смогли бы платить налоги, а не живые факелы. Руки нам нужны трудовые, мозолистые. Ну, развесим мы этих разбойников по деревьям, кто потом позаботится об их вдовах, детях? Нам нищих на дорогах, что ли, не хватает!.. Кстати, о дорогах, ими следует заняться в первую очередь. Надо же, — Бард, потихоньку закипавший, уже не смог успокоиться, — сжечь мужланов! Вы что, предлагаете нам посоревноваться с наемниками из Сухих земель? Значит, баб в бордели, детей вон? Что тогда скажут люди о короле Аларике, об его армии?

Пол, стоявший рядом с ларанцу, услышал, как тот буркнул:

— Чудеса, да и только! Кто бы мог подумать, что мальчишка, лупивший всех подряд, уважавший

только силу, вырастет до понимания политических задач.

В этот момент хорошенькая рыжеволосая девушка пробилась сквозь толпу мужиков, поклонилась Барду.

— Этот дом, — сказала она, — принадлежит моему отцу. Если позволите, я угощу вас вином из подвала.

— Рад, очень рад, — откликнулся Бард, — тем более рад принять этот кубок из твоих ручек, красавица. Угости вином и офицеров моего штаба.

Он улыбнулся ей, и девушка в свою очередь ответила ему улыбкой.

Пол усмехнулся про себя, вспомнив, какими лестными эпитетами награждали своего полководца солдаты — вот уж бабник так бабник, никакая юбка перед ним не устоит. Тут его мысли обратились к лерони, размещенным на другом конце деревни в отдельно стоявшем доме. К ним еще приставили четырех часовых, чтобы никто не осмелился побеспокоить их. Даже Бард, еще раз усмехнулся двойник.

Девица между тем отправилась за вином, мужики разошлись, офицеры поднялись в дом. Строение было каменным и, к удивлению Пола, опрятным внутри. В это время в дверь реши-

тельно постучали, и после приглашения вошла сестра меченосица. Ее алая туника была подобна знамени.

— Лорд-генерал!.. — прямо с порога выкрикнула она и упала на колени перед Бардом. — Киллгардский Волк, я требую справедливости!..

— Если ты из тех, кто сражался на нашей стороне, ты ее получишь. Что случилось? Если кто-то в моей армии посмел коснуться тебя… я лично не считаю военный лагерь подходящим местом для порядочной женщины. Ладно, в любом случае, если ты воевала за Астуриас, ты находишься под моей защитой. Человек, покусившийся на тебя, будет кастрирован и повешен. Даю слово…

— Нет, господин, — ответила меченосица и коснулась рукой кинжала, висевшего на шее. — Я бы сама разделалась с подобным негодяем. Или мои сестры добрались бы до них. Дело в том, что в армии Серраиса служили наемницами наши девушки. Большинство из них бежали вместе с остатками разгромленной армии, но одна или две сестры были ранены, и с ними остались давшие обет. Я требую, чтобы с ними обращались достойно, как с почетными военнопленными, как того требует обычай. Одну из наших сестер уже подвергли насилию… Когда я обратилась

к сержанту, чтобы он немедленно прекратил надругательство, он заявил, что если женщина вышла на поле боя, она должна знать, что в бою можно не только погибнуть, но и попасть в плен, а женщине в плен лучше не попадать.

Губы меченосицы дрожали от ярости.

Бард тут же вскочил.

— Я немедленно займусь этим! — махнув рукой Полу и еще двум офицерам, он поспешил к выходу.

Они проследовали за женщиной в красном. Повсюду в деревне толпились солдаты, за околицей, поближе к ручью, выросли палатки, вокруг стоял шум, но раздавшийся в этот момент женский вопль перекрыл и этот ровный гул. Группа мужчин собралась возле одной из палаток, грубые, непристойные шутки, смех доносились с той стороны. С другой стороны летела отчаянная ругань — оттуда к палатке сквозь толпу солдат пыталась прорваться группа женщин.

— Что здесь, черт побери, происходит? А ну-ка назад!

По толпе тут же побежал шепот: «Лорд-генерал, Киллгардский Волк…»

Бард откинул полу палатки, вошел, и тут же оттуда один за другим вылетели два солдата.

Прокатились кубарем и остались сидеть в пыли. Внутри палатки рыдала женщина в изорванной одежде. Бард, выйдя наружу, тихо сказал что-то одному из офицеров, затем громко крикнул:

— С этого момента и навсегда приказываю… Гражданским лицам никаких насилий не чинить. Над пленными не издеваться. — Затем он кивнул в сторону тех, кто сидел на земле. Они были совершенно пьяны и тупо мычали, видно, пытались что-то сказать. — Кто знает этих ублюдков? Пусть немедленно заберут их, дайте им протрезветь.

Недовольный шум покатился по рядам солдат. Кто-то выкрикнул:

— А что мы такого сделали? Что мы, хуже других? Это же обычай войны. На каком основании вы запрещаете пользоваться трофеями, генерал Волк?

Бард повернулся на голос и, ткнув в ту сторону пальцем, спросил:

— Кто это сказал? Выйди-ка сюда… — Когда никто не откликнулся, Бард продолжил: — Только не надо про обычаи. Вы имеете право взять их оружие, не более того. Так что не лезьте к женщинам. Тем более к военнопленным… Повторяю еще раз. — Он указал жестом на кучку одетых в

алое меченосиц. — Любой, кто посягнет на честь давшей обет верности Ордену, кто посмеет прикоснуться к меченосице, сражавшейся за свободу Астуриаса и достоинство короля Аларика, будет кастрирован и потом повешен.

Однако женщина, явившаяся в штаб, вновь повалилась в ноги Барду.

— Неужели эти негодяи, — она указала на двух пьяных солдат, — которые издевались над нашими сестрами, не понесут заслуженного наказания?

Бард отрицательно мотнул головой:

— Я остановил безобразие. Мои люди действовали по неведению. Наказаны они не будут. Но если еще кто-нибудь прикоснется к пленным, с ним поступят, как того требует приказ. Что сделано, то сделано. Я не намерен предоставлять те же права женщинам, которые сражались против меня. Враг есть враг, что в противном случае подумают обо мне в армии? Что я из ума выжил? Если ваш Орден желает принести клятву на верность союзу с Астуриасом, это правило будет распространяться на всех наемниц. В противном случае — нет!.. Хотя, — тут он на мгновение примолк, потом, обращаясь к солдатам (их уже собралась толпа), добавил: — Чтобы в этом деле

была полная ясность, приказываю — всякий, кто причинит вред пленному или пленной; всякий, кто преступит в обращении с ними установившийся обычай, будет выпорот и лишен платы за три месяца. Ясно? — гаркнул он и недовольно поморщился, заметив, что меченосица решила протестовать. — Хватит, я сказал. Хватит распрей. Занимайтесь своими делами, солдаты. Сегодня был трудный день, храбрецы! Хвалю!..

Вернувшись в штаб, Пол обнаружил, что офицеры уже порядочно набрались и, заметив возвращение главнокомандующего, собрались расходиться по своим частям. Рыжеволосая девица, формами напоминавшая Мелисендру, сунула ему в руку кубок:

— Выпейте, господин, перед уходом.

Пол поднял голову, долго смотрел на нее, потом обнял за талию и осушил кубок. Ее игривая улыбка была знаком, что подобное ухаживание ей по вкусу. Тогда мужчина крепко обнял ее, придвинул поближе. В то же мгновение тяжелая рука легла ему на плечо, он услышал голос Барда:

— Оставь ее, Пол. Она моя…

Пол мысленно выругался про себя, хотя переживать не было смысла — в глубине души он догадывался, что именно так все обернется. Во

время этой кампании он убедился, что в отношении женщин у них с Бардом вкусы одинаковые. Это вполне объяснимо — ведь их душевный склад был очень схож, поэтому в женщинах они искали одно и то же. Уже не в первый раз их взоры обращались на одну и ту же красотку из следовавших за армией. И в захваченных городах их порой тянуло к одной и той же бабенке. Но теперь впервые дело дошло до прямого столкновения. Пол с нарастающей яростью подумал, что за сегодняшнее дело, за то, что он возглавил захлебнувшуюся было атаку, он вправе получить хоть какую-нибудь награду. Он намеренно не убрал руку с талии крестьянки. На этот раз он ее не отдаст, черт всех побери!

— У-у, дьявол! — рыкнул Бард.

Ясно было, что главнокомандующий изрядно пьян. Пол огляделся — в комнате они остались втроем, офицеры уже успели покинуть дом, предназначенный для господина генерала. Тогда он коснулся подбородка девицы, приподнял его и спросил:

— Ну, милашка, с кем из нас ты бы хотела остаться?

С хитренькой улыбочкой она посмотрела сначала на одного, потом на другого. Она тоже была

достаточно пьяна, от нее уже ощутимо попахивало. То ли по этой причине, то ли потому, что она обладала каким-то лараном, девица, хихикнув, ответила:

— Как же я могу выбрать, когда вы так похожи. Просто двойняшки… Уж не близнецы вы, случаем? Что же делать бедной девушке — предпочту одного, другой останется не у дел.

— Вот и не надо, — ответил Пол. Он еще раз глотнул вина и подумал, что оно намного крепче, чем ему показалось сначала. В голове у него уже ощутимо шумело. — Вот и не надо тешиться с одним, оставляя другого в дураках, не так ли, братец?

До того дня он никогда не употреблял подобного обращения. Если Бард еще немного соображает, то ему плохо придется… Выручила его девица. Она опять коротко хихикнула и спросила:

— Как же нам быть?

Пол уже так сильно нагрузился, что желание полностью овладело им. Между тем Бард нетвердой рукой подбросил монету. В этом не было ничего удивительного — подобный способ решения он встречал на самых разных планетах. Он кивнул — и в следующее мгновение у него перед глазами возникла странная, неясная картина.

Некий дикий танец тел — Барда и девицы, его собственной плоти и той девицы. Первым, обнажившись, улегся Бард и водрузил женщину на себя. С удивлением Пол увидел, что сам прижался к ней сзади. Но все это виделось как бы издалека, расплывчато… Его руки оглаживали ее спину, коснулись рыжеватых волос, опустились, дотронувшись до груди. Она тут же повернула к нему голову и жадно поцеловала его. Потом громко охнула, когда Бард вошел в нее. Одной рукой она поглаживала Барда, другой нащупала мужскую силу Пола и легонько приласкала ее. Далее все было смутно… Пол на мгновение обнаружил, что держит их в своих объятиях. Между ними ничего не осталось запретного, в следующую секунду он вдруг увидел свое лицо и испытал, что именно он — Бард. Теперь все их три тела слились, заколыхались в жутком танце. Женская плоть оказалась только поводом слиться им воедино. Это было странное, магическое ощущение. Он не мог сказать, как долго это продолжалось и кто какую роль теперь исполнял. Тяжкий давящий сон обрушился на него. Он погрузился в темноту.

Проснувшись, Пол обнаружил, что один в постели. Девица сбежала — вот и хорошо, он бы при свете дня и глянуть на нее не посмел. Она

ни в чем не виновата, она была только поводом, чтобы ощутить слиянность и вечное противоборство, которое ожидает его в общении со своим двойником. Сквозь боль похмелья проступило сожаление — лучше им было бы держаться поодаль друг от друга… С трудом он встал с постели, сполоснул лицо ледяной водой из бадьи. Скулы сводило от зевоты. В эту минуту в комнату вошел Бард, на удивление свежий, уже в мундире…

— Мой ординарец раздобыл где-то кувшин жако. Если твоя голова устроена подобно моей, то, должно быть, она раскалывается от боли. На, выпей. — Он отлил содержимое кувшина в кружку и протянул Полу.

Напиток был темен, вкусом напоминал горький, без сахара, шоколад, однако действовал не хуже черного кофе. В голове быстро утих раздражающий бой скопища молоточков, зрение прояснилось.

— Я хотел поговорить с тобой, Паоло. Ты вчера держался молодцом. Эти гарпии, атакующие с неба, — что-то новенькое, наши лерони не были к ним готовы. И все было так реально! А ты, как утверждаешь, ничего не видел.

— Я и сейчас утверждаю то же самое. Все, что мне мерещилось, я воспринимал твоими гла-

зами.

— Значит, ты невосприимчив к такого рода иллюзиям. Думаю, мне стоит поделиться этой новостью с мастером Гаретом. Правда, конфиденциально… Может, он способен объяснить эту странность. Это очень важное качество. Помимо всего, это преимущество действительно открывает тебе двери к самостоятельному командованию. Этот день придет, и довольно скоро. Люди пойдут за тобой в бой, я вчера имел удовольствие в этом убедиться. Только остерегайся лерони, будь с ними осторожен, не болтай лишнего. Они что-то учуяли насчет тебя. — Бард рассмеялся. Смех у него был отрывистый, лающий. — От этого проклятого варзиловского договора есть польза. Если все дело в том, чтобы сражаться без использования колдовских уловок, у нас появляется важное преимущество. В поле на мечах мы сокрушим любого противника.

— Я так понимаю, вы с мастером Гаретом друзья. Ты как-то зависишь от него?

— Зависеть не завишу, скорее наоборот, но жизнь нас накрепко связала. Он знает меня — и моих сводных братьев — вот с такого возраста. — Бард поднял руку на метр от пола. — Я был бы рад отпустить его со службы — отправил бы дожи-

вать век в какую-нибудь Башню. В покое… Денег бы не пожалел… М-да, когда мы окончательно замирим Серраис, я буду настаивать, чтобы Аларик присоединился к договору. При условии согласия всех соседей. Мне не доставляет удовольствия, когда на головы наших подданных начинает литься клингфайр или, что еще хуже, когда над деревнями пускают ядовитый туман, от которого у людей разжижается кровь… Они дохнут как мухи… В тех областях, я слышал, повитухи начинают при родах таких ублюдков принимать, что только диву даешься. Младенцы рождаются без рук, без ног, слепые, с волчьими пастями, с выпирающим из кожи позвоночником. Подобное у нас почти никогда не встречалось — ну, раз-два в год, а там это дюжинами, на каждом шагу. Хуже всего то, что в тех местах до сих пор появляться небезопасно. Я подозреваю, что земля там отравлена на годы вперед, может быть, на два поколения. Действительно, вокруг слишком много колдовства!

Пол слушал его и поражался — каким образом они могли с помощью колдовства устроить радиоактивное заражение местности? Ведь то, что рассказывал Бард, все эти симптомы говорили о том, что людей поражала лучевая болезнь. Это

невозможно — силой мысли расщепить молекулу или, наоборот, провести синтез более тяжелых, радиоактивных элементов!

— Ты считаешь, — несколько озадаченно спросил он Барда, — что и подобная угроза мне не страшна? Что я и от подобного ларана защищен?

— Нет, я так не думаю. Твой разум, возможно, и не способен воспринять навеваемые иллюзии, однако тело у тебя обычное, человеческое, и всякий яд, действующий на человека, подействует и на тебя. В любом случае мы убедились, что миражи, всякие видения тебе нипочем. У меня есть для тебя задание. Серраисцы в общем-то разбиты. Сегодня пришло известие, что после бомбардировки Хали они тоже подписали договор. Это означает, что земли к югу, все Валеронские равнины — а это двенадцать или тринадцать королевств — тоже присоединятся к нему. Так что тут есть для тебя одно поручение.

Он помолчал, нахмурился, опустил голову. Долго разглядывал что-то на полу.

— Я хочу, чтобы ты отправился на остров Безмолвия и привез оттуда Карлину. Ее охраняют колдуны, ты не обращай на них внимания. Они тебя начнут пугать всякими бяками, но ты игнорируй. Одним словом, добудь ее!

— Кто такая Карлина? — спросил Пол и сам догадался, прежде чем Бард ответил:

— Моя жена.

4

Тусклый долгий рассвет навис над Святым озером, над замершим в дреме островом Безмолвия, когда длинная вереница женщин, одетых в черное, покрывших головы темными накидками, с серповидными ножами у пояса, начала выплывать из узкого портала главного храма. Здание напоминало улей, и бесконечная череда выходящих напоминала некий завораживающий, бесконечный поток странных насекомых, отправляющихся за сбором пыльцы.

Женщины, согласно обычаю, обошли остров и так же неспешно, по очереди, все в том же порядке, начали одна за другой входить в двери просторного глинобитного сарая, где была устроена столовая. Жрица Лириэль, в миру называемая Карлина, дочь короля Одрина, прошествовала на свое обычное место. В голове ее все еще звучали слова молитвы.

«Твоя ночь, Мать Аварра, даждь нам день. Твоею милостью освятился день. Придет час, и все вновь погрузится в темное лоно твое, о, Мать! Твоим милосердием обременены мы заботами и творим добро при свете дня. Склоняясь перед

тобой, мы всегда помним, что свет растает и твой мрак окутает землю…»

У глинобитного здания Карлина отделилась от вереницы жриц и послушниц и направилась к заднему входу в столовую. В темном, пропитанном озерной сыростью коридоре скинула накидку, не глядя повесила ее на крюк — ей уже не надо было отыскивать его — прошла в просторную кухню. Здесь повязала фартук, сняла крышку с огромного котла, в котором всю ночь на маленьком огне упаривалась каша. Работала девушка споро — расставила на столах деревянные чашки, наложила в них каши, нарезала хлеб, разложила куски на деревянном подносе. Потом налила в кувшины из обожженной глины масло, в другие — мед. Как только столовая наполнилась безмолвными фигурами в черном, послышался робкий перестук ложек, Карлина сноровисто поставила на столы кринки с холодным молоком и горячим настоем из трав.

Разговаривать за завтраком разрешалось, хотя определенная пища должна была поглощаться в состоянии медитации, но сегодня таких блюд не было и, как всегда, помещение заполнилось голосами, смехом. Все спешили наговориться — ведь впереди ждал день, заполненный долгой,

страстной молитвой. Женщинам, обосновавшимся здесь, нашедшим убежище, было о чем молить Аварру. А пока женщины перемывали косточки подругам так же, как в миру.

Карлина, закончив со своими обязанностями, села поесть. Место за каждой жительницей острова закреплялось сразу и навсегда.

Слева от нее сестра что-то доказывала подруге:

— …Нет, теперь в Маренжи новый король. Им мало, чтобы местные жители платили налог в государственную казну. Они начали призыв, и каждый мужчина, способный носить оружие, теперь будет забран в армию лорда-генерала. Им придется сражаться против Хастуров. Король Аларик еще совсем ребенок, поэтому армией командует известный повсюду бандит, его называют Киллгардский Волк. Он и есть лорд-генерал. Это просто ужасный человек, он завоевал Хамерфел и Сейн-Скарп. Женщина, которая привезла кожу на подметки, сказала, что он и Серраис покорил. Теперь направляется в Валерон, он, говорят, собирается поднять все земли против Хастуров.

— Это говорит о недостатке благочестия, — ворчливо возразила мать Люсьела. По слухам, она была так стара, что помнила годы правления прежних Хастуров. — Что это еще за лорд-гене-

рал? Разве он не родственник Хастурам?

— Нет. Говорят, он поклялся вырвать Дарковер из-под власти Хастуров, — объяснила первая девушка. — Всю Сотню царств. Он — сводный брат короля, однако на самом деле именно он является правителем. Кто бы ни сидел на троне… Сестра Лириэль, — обратилась она к Карлине, — ты же явилась сюда из Астуриаса. Кто это может быть? Кого называют Киллгардским Волком? Ты его знаешь?

Карлина сама удивилась, что коротко откликнулась «да», потом спохватилась:

— Ты об этом лучше осведомлена, сестра Анья. Я покинула двор до всех этих событий, теперь я только сестра Лириэль, жрица Темной Матери.

— Ну, так не бывает, — надулась Анья. — Мне кажется, тебе следует проявлять больше интереса к домашним делам.

Должно быть, это Бард, решила Карлина. Кроме него некому.

Вслух же она жестко сказала:

— У меня больше нет дома. Я живу на острове Безмолвия, — и зачерпнула каши.

…Нет, окружавший озеро мир ее больше не интересовал. Она постаралась забыть о прежней жизни, и ей в конце концов это удалось.

— Ты можешь говорить что угодно, — заметила сестра Анья, — но когда полгода назад вооруженные люди явились на берег озера, искали они именно тебя. И окликали твоим старым именем. Ты считаешь, что мать Эликен не знает, что тебя в прошлой жизни называли Карлиной?

Словно тупой пилой по оголенным нервам. Это было невыносимо! Карлина, сестра Лириэль, резко поднялась:

— Тебе прекрасно известно, что запрещено произносить вслух мирские имена тех; кто ищет убежище на острове Безмолвия. Не для того Таинственная Мать укрывает их, чтобы кто-то посмел дерзко бросить ей вызов. Ты нарушила заповедь. Как твоя старшая сестра я обязана наложить на тебя епитимью!

Анья вскинула голову, глаза ее округлились. Она сползла со скамейки, встала на колени на грубо отшлифованном каменном полу.

— Со смирением, перед глазами наших подруг, прошу простить меня, сестра. За греховное недомыслие я приговариваю себя к очистке от травы дорожки, ведущей к замку. Полдня я буду трудиться там, а в обед обойдусь хлебом и водой. Этого будет достаточно?

Карлина встала на колени рядом с ней.

— Это слишком жестоко, — заметила она. — Есть необходимо, сестра. Я помогу тебе выдергивать траву между камнями, когда закончу с делами в лечебнице. Ведь я тоже виновата — не смогла сдержать норов. И все же умоляю тебя, милая сестра, — пусть прошлое скроется в тени Великой Матери. Никогда больше не называй меня тем именем.

— Так тому и быть, — кивнула Анья, встала с колен, взяла миску и кружку и отнесла их на кухню.

Карлина со своим прибором последовала за ней. Она пыталась избавиться от неприятных воспоминаний. К ее удивлению и горю, сказанное Аньей растревожило куда сильнее, чем можно было ожидать. Казалось, прошлое кануло навсегда, однако душа никак не могла успокоиться. Здесь девушка нашла успокоение, ее полностью поглотили заботы. Здесь она впервые почувствовала себя счастливой. Когда Бард явился на берег озера, она даже не испугалась — просто молилась, положившись на волю провидения и милость Великой Матери. Она верила, сестры защитят ее — так и случилось.

Нет, правда, она не испугалась. Замысел Барда установить власть Астуриаса над всеми царства-

ми был для нее пустым звуком. Карлина даже не задумывалась над этим. Она совсем забыла своего нареченного, казалось странным, что он все еще ищет ее. Какая в том необходимость? Зачем? В ту пору она была молоденькой девушкой, теперь служительница Аварры. Уже одно это ограждало ее от всякой мирской суеты. По крайней мере, так должно было быть…

Сестра Анья отправилась отрабатывать урок. Работа была трудная, желающих добровольно исполнять ее не было. Так все и тянулось, пока на кого-то не накладывали епитимью или кому-то вдруг не являлась страсть утихомирить плоть, ворочая тяжелые камни. Мало было оборвать ростки между плитами — трава здесь, на острове, была такая жесткая и непокорная, что сдвигала камни, нарушала их взаимное расположение. Вот и надо было перевернуть плиту и уже там повыдергивать из влажной черной земли белеющие толстые жгуты. От них не было спасения — трава так и перла из почвы… Карлину от подобной работы мутило — она постоянно убеждала себя, что следует полюбить тяжелую физическую работу, что необходимо постоянно следить за дорожкой, чтобы кто-нибудь случайно в темноте не споткнулся, не повредил ногу. Кроме того, во-

круг было полно колючек… Одним словом, очень важно, чтобы плиты на дорожке всегда лежали ровно, встык.

Она вздохнула, сняла косынку, фартук, положила их на табуретку — скоро на кухню должны прийти новички и перемыть посуду. Пока же ее ждали больные. Это была ее постоянная обязанность.

За те годы, что Карлина провела на острове, она настолько хорошо изучила разные целебные травы, что стала одной из самых искусных целительниц второго ряда. Ей уже доверяли обучать других послушниц… Только молодостью можно было объяснить, что ее еще не перевели в первый ряд. В желании занять подобное положение не было и капли тщеславия — просто трезвая оценка уровня умения. Карлина бы никогда не смогла стать такой искусницей, если бы осталась в Астуриасе. Там не было целительниц, равных в мастерстве тем, которые обитали на озере Безмолвия.

Конечно, каждый день здесь был похож на другой. Поначалу заедала рутина. Новички — все как один — начинали с того, что обжигались о котел с кашей. Вот и сегодня молодая девушка вдруг ойкнула и отдернула руку. Карлина пома-

зала ей обожженное место маслом, перевязала и прочитала небольшую лекцию о том, что следует быть осторожной при обращении с горячими предметами.

— Медитация, — заметила она, — очень полезна, но не в тот момент, когда тебе надо снять котел с огня. В такую минуту не следует читать молитвы. Твое тело принадлежит богине, это твой долг заботиться о нем. Понятно, Лори?

Она заварила лечебный чай для одной из матерей, которая мучилась от головной боли, и юной послушницы, страдающей судорогами. Пока напиток настаивался, Карлина зашла к одной из самых старых жриц Аварры. Тихая, безмятежная, она уже лежала, никого не узнавая. Затем заглянула к своей давней подруге, подвернувшей ногу во время кормления домашних животных. Растерла ей больное место…

— Втирай это снадобье, сестра, и помни, что животные слишком глупы, чтобы соображать, на чьи ноги они наступают. Так что впредь, будь добра, не стой у них на пути. И прошу тебя, сегодня и завтра не выходи на работу. Мать Алида может скончаться с минуты на минуту, ты бы посидела с ней, поговорила, погладила по руке. Может, она еще придет в себя. Если так случится,

сразу пошли за матерью Эликен.

Затем отправилась в гостеприимный дом, где дважды в декаду осматривала страждущих, приходящих на остров за помощью и исцелением. Физическим и духовным… Сколько пострадавших от рук неумелых деревенских знахарок повидала она…

На этот раз ее ждали трое. Сидели на скамейке… Карлина поманила ближайшую женщину к порогу. Вместе они вошли в маленькую комнату.

— Именем Аварры, чем я могу помочь тебе, сестра? — спросила Карлина.

— Во имя Аварры… — откликнулась странница — она была небольшого роста, очень миловидна, лицо осунулось от печали. — Во имя Великой Матери!.. Семь лет я уже замужем и ни разу не понесла. Муж меня любит, он решил, что такова воля богов, однако его родители — мы живем на их земле — заставляют его бросить меня и взять новую жену. Я… я… — Голос ее задрожал, она не могла слова вымолвить. — Я умоляла его усыновить какого-нибудь ребенка. Или пусть имеет дитя от другой женщины, однако его семья против. Это не выход, говорят они. Они хотят, чтобы у мужа было много детей. Я тоже этого хочу. Я… я люблю его.

Карлина тихо спросила:

— Ты очень хочешь иметь детей? Или ты считаешь, что иметь их — это значит исполнить долг перед мужем, чтобы сохранить его любовь и внимание?

— И то и другое, — опустив голову, ответила женщина и вытерла глаза краем шали, наброшенной на плечи. Ларан Карлины был достаточно чувствителен, чтобы уловить в ее словах искреннее горе.

— Я сказала мужу, что согласна усыновить всех его сыновей от других женщин. У его сестры ребенок, которого тоже можно принять. Я с ним часто играю, забочусь о нем, мне это доставляет удовольствие… Когда я вижу, как другие носят на груди своих детей, кормят их, мне тоже так хочется иметь своего. Чтобы он рос, рос… Вы, те, кто поклялись хранить целомудрие… вам трудно понять, что это значит, когда другие женщины имеют детей, а мне приходится только смотреть на них. Это зрелище убивает… Я бы и приемных любила, но я очень хочу выносить своего. Мне не жить без Микела…

Карлина некоторое время подумала, потом сказала:

— Я должна подумать, чем можно помочь.

Осмотреть тебя…

Предложила женщине лечь на длинный стол. Та испуганно глянула на нее, и в тот момент до Карлины ясно дошли волны страха… По-видимому, эта женщина имела большой опыт в общении со всякими неумелыми повитухами и прочими деревенскими шарлатанами.

— Тебе не будет больно, — предупредила она пациентку, — я к тебе даже прикасаться не буду. Ты должна совершенно успокоиться, вести себя тихо-тихо, полностью довериться мне.

Карлина взяла в руки висевший на груди звездный камень и принялась с его помощью изучать тело женщины. Преграду, закрывавшую доступ к зачатию, она нашла довольно быстро, однако работа заняла очень много времени. Пришлось опуститься на клеточный уровень…

Закончив сеанс, она жестом показала женщине, что та может сесть.

— Ничего обещать не могу, — сказала, — я сделала все возможное. По-моему, теперь не может быть никакой задержки беременности, блокаду я сняла. Теперь запомни: ты должна сказать мужу, чтобы он зачал ребенка с другой женщиной. Если так случится, то, я думаю, у тебя тоже будет все хорошо.

Женщина бросилась ей в ноги, однако Карлина подняла ее:

— Не меня благодари, но нашу богиню Аварру, — потом добавила: — Вот еще что — в старости никогда не осуждай женщину, у которой нет детей, не кори ее за бесплодие. Запомни, может, в том не ее вина.

Когда пациентка ушла, Карлина почувствовала душевный подъем — сегодня работалось на удивление хорошо. Быстро устранила физическую причину бесплодия. Если бы не нашла патологию в организме пациентки, можно было предположить что угодно. Может, женщина не так уж и хотела родить ребенка? С помощью ларана однозначный ответ на этот вопрос получить трудно. Другая причина — муж этой женщины бесплоден. До сих пор еще некоторые верят, что в принципе их усилия не могут быть тщетны. Несколькими поколениями раньше, когда на Дарковере процветали групповые браки, когда женщины могли иметь детей от нескольких мужей, все было просто. В ту пору все зависело от взаимного влечения, и женщине следовало всего-навсего преодолеть природную стыдливость, чтобы лечь с тем или иным мужчиной, что случалось в каждый праздник. Так что женское бесплодие было

наяву, а мужское скрыто. В последующую эпоху, когда возник вопрос о передаче наследства исключительно по отцовской линии, требования к установлению отцовства стали очень жесткими — буквально драконовскими. Вследствие этого изменилось и социальное положение женщины, а бесплодие считалось страшной бедой, обрушившейся на семью. Теперь взять любовника было смертельно опасно — общественная нравственность строго следила за святостью брака.

…И вторая пациентка, явившаяся на остров, жаловалась на невозможность зачать ребенка.

— У нас три дочери, а вот сыновья, кроме последнего, еще маленького, умерли, — начала объяснять женщина. — Муж очень сердится на меня за то, что за последние пять лет я ни разу не зачала. Он называет меня никчемной бабой…

Старая история, решила Карлина и спросила:

— Скажи, ты на самом деле хочешь родить еще одного ребенка?

— Если мой муж желает, то и я тоже, — печально ответила женщина. — Я уже принесла восемь детей, четверо выжили. Сыночек резвый, здоровый… Ему уже шесть лет. Старшая дочь уже на выданье… Но как мне сносить его гнев?

Карлина жестко бросила:

— Сообщи ему, что такова воля Аварры. Он должен ежедневно благодарить ее, что она оставила ему одного сына. Пусть радуется тому, что у него есть. Скажи, что это не ты отказываешься иметь детей, но Великая Мать указала тебе, что долг свой ты исполнила честно. Больше у тебя ничего не будет.

Посетительница облегченно вздохнула, в глазах у нее заиграла радость.

— Но эти слова рассердят его… У него это запросто — возьмет и поколотит меня.

— Если он посмеет ударить тебя, — торжественно начала Карлина, — то именем великой Аварры приказываю тебе взять полено и огреть мужа по голове. Со всей силы… А потом врежь еще раз — это уже по моему повелению. — Она едва смогла скрыть улыбку, потом, посерьезнев, добавила: — При этом напомни, что боги наказывают упрямых и безжалостных. Тем более жадных!.. Он должен благодарить богов за то, что ему дано, а не требовать в злобном беспамятстве еще!

Посетительница попыталась поцеловать ей руку, однако Карлина отказалась от подобной благодарности. Когда та ушла, она невольно подумала про себя: «Восемь детей! Милосердная Матерь всего сущего, и она подумывает, как бы

завести еще одного!..»

Последней гостье было около пятидесяти. В комнату она вошла бочком, явно робея. К столу тоже решилась подойти не сразу. Дело у нее было несколько необычное — в таком возрасте у нее вдруг снова начались месячные. Вроде все уже кончилось много лет назад — и вот на тебе! Она была худа, цвет лица болезненно-желтый. Карлина обследовала ее с помощью звездного камня и в первый раз была вынуждена признать, что эта хворь ей не по силам. Она так и сказала посетительнице — что, мол, той нужно еще раз явиться на остров и поговорить с одной из матерей. Дней через десять. Она, Карлина, ничем не может ей помочь. Вот разве что пусть пьет лечебный чай. И еще добавила, что гостье необходимо хорошенько питаться в течение этого срока, потому что ей понадобятся силы для лечения.

Женщина ушла, с благодарностью приняв пакетик целебного сбора. Карлина же еще долго сидела, прикидывая, что может ждать пациентку. Случай был очень трудный — помочь ей могла стерилизация. Только самая искусная целительница могла решить, пойдет ли на пользу больной это решение. Если нет, главная жрица даст несчастной другой пакетик, содержащий

медленно действующий яд, который убьет ее раньше, чем боль и страдания вконец обессилят ее. Она ненавидела подобный исход, однако ей ли, слабой и недостойной дочери богини, судить о справедливости выносимых Аваррой приговоров. В любом случае легкая смерть предпочтительнее, чем месяцы нестерпимых болей.

Потом до полудня, пока помогала Анье — они вдвоем переворачивали плиты и рвали траву, ножами выкапывали корешки (этой пакости там было видимо-невидимо), — Карлина размышляла о страдалице. В конце концов еще до начала вечерней мессы она направилась к матери Эликен.

Та неожиданно предупредила Карлину:

— Мать Амалия имела видение. Наш остров нуждается в более совершенной защите. Мы можем вновь подвергнуться нападению. По ее совету я тоже заглянула в будущее. Они вскоре снова явятся сюда. — Женщина похлопала Карлину по руке. — Я знаю, в том нет твоей вины, сестра Лириэль. Дьявол давно поселился в миру, будем молиться, чтобы милость Матери оберегла нас.

«Я тоже верю в это, — Карлина даже вздрогнула, — очень верю…»

Казалось, она вновь услышала зычный голос

Барда и выкрикиваемые в ее адрес угрозы.

«Куда бы ты ни скрылась, как бы далеко ни забрела, Карлина, ты будешь моей, хочешь ты этого или нет…»

— Карлина, — повторил Бард, — моя жена. Сам я не в состоянии добраться до острова Безмолвия, а ты можешь. Ты не видишь иллюзий. Ты их можешь воспринимать только чужими глазами, но там ты будешь один. Когда высадишься на острове, заберешь Карлину, привезешь ее ко мне. — Он посопел немного, потом предостерег: — Только не допусти ошибки. Я убедился, что нас тянет к одним и тем же женщинам. Если посмеешь коснуться Карлины, я убью тебя. В награду получишь Мелисендру. Заруби себе на носу — Карлина моя жена, и, где бы она ни пряталась, я все равно добуду ее!

И вот Пол очутился у берегов озера Безмолвия. Спрятавшись в зарослях камыша, он долго рассматривал небольшую лодчонку, к носу которой была привязана веревка. С ее помощью лодку подтягивали к острову. Можно было, конечно, пристукнуть старуху перевозчицу, правда, в таком случае там, на острове, могут почувствовать, что здесь что-то неладно. Точно, на берег утром и вечером приплывали две монахини и передава-

ли старухе еду и кувшин вина. Вечером старушка сама переправляла их на ту сторону, вот и сейчас, оставив пищу возле покосившейся хибарки, отправилась со служительницами на остров. После некоторого размышления Пол решил, что лучшего момента не дождаться. Когда вдали стихли всплески весел, он подобрался к хижине и подсыпал в кувшин сонный порошок. От подобного пойла старуху быстро сморит, вот тогда будет легко воспользоваться лодкой. К тому же если там, на острове, кто-то наблюдает за перевозом, то решит, что перевозчица изрядно перебрала. Это был самый важный пункт их с Бардом плана. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы жрицы подняли тревогу и успели защититься от непрошеного гостя. Конечно, Пол был невосприимчив к иллюзиям, однако неизвестно, что еще могут выдумать эти божьи сестры. Шум переполошит их, тогда Карлину спрячут. Нет, действовать следовало исподтишка…

Старуха наконец вернулась к берегу, уселась на пороге своей лачуги и принялась за еду. Ела с аппетитом, вино пила большими звучными глотками. Опьянела быстро, начала клевать носом, с трудом влезла в хижину и добралась до кровати. Тотчас же донесся храп. Пол выждал

еще несколько минут, потом быстро пробрался в лодку и несколькими взмахами весел отогнал ее от берега. Тихие шлепающие звуки нарушили тишину, разбегающиеся круги всколыхнули воду… Бард предупреждал его, что чары и на лодку наложены. Может, и наложены, подумал Пол, только первым делом, добравшись до берега озера, он долго высматривал над ровной, не прикрытой туманом поверхностью воды остров. И высмотрел! Остров был пологий, почти не возвышался над водой, но куда плыть, ясно — Пол даже успел выбрать несколько ориентиров, чтобы не сбиться с курса. Уже в пути он почувствовал легкое головокружение, кольнула дурная мысль, что он ступил на неверную дорогу. С небесными силами лучше не ссориться по пустякам. Он вспомнил, какой ужас охватывал Барда при одной только мысли о возвращении на берег острова. Чем же эти старые бабы могли напугать такого храбреца? Это удивляло, страшило и в то же время разжигало любопытство. Даже ради Карлины Бард не отважился бы на еще одну попытку. Тут еще старое поверье, что любой мужчина, посмеющий ступить на святой остров, поплатится жизнью за святотатство. Ну, его-то, пришельца, местными байками не запугать, и тем не менее

холодок пробежал по спине. Как ни крути, он тоже мужчина — значит, предостережение и его касается. Это вряд ли, рассудил Пол. В чем-то глубинном Бард и он различаются. Эта несхожесть как раз касалась религиозных верований. Пол знал цену заклятиям, табу, таинственным пророчествам… Проходили… Во время атаки он получил ясное свидетельство, что вся эта чушь, окрошка из древних верований, всевозможных культов — одним словом, местный апокалипсис — его не касаются. Конечно, будь Харел кровь от крови, плоть от плоти местной землицы, вряд ли был бы так спокоен. И его душа была бы уязвлена древним запретом. А так к борьбе с духами он готов, тем более что награда за это предприятие — Мелисендра, а значит, счастье и, возможно, спокойная жизнь.

Дно лодки проскрипело по песку, нос уперся в берег. Выходит, стоит опустить ногу вот на этот комок грязи и его тут же настигнет смерть? Если бы все было так просто, насколько легче стало жить в мире? Нарушил табу — небесная сила тебя сразу по лбу. К сожалению, так не бывает. Грешен не грешен — конец один. Могила! А что там, в душе, — кому до этого есть дело? А церковники, священнослужители! На какие только ухищре-

ния не пускались, чтобы только сохранить свое влияние на паству. Какая кара их за это постигла? Да никакой! Пожили в сытости и довольстве. Тогда что же ты, усмехнулся Пол, ставь ногу…

Хорошо натоптанная тропа, обсаженная редким кустарником, вела в глубь острова. Харел прошел сторонкой, хоронясь в тени деревьев, потом спрятался за выступающей округлостью какого-то глинобитного здания. В этот момент к берегу прошли две женщины. На них были черные бесформенные рясы, подпоясанные шнурком, на котором висели изогнутые ножи. Пола даже передернуло от отвращения — эти существа вообще ничем не напоминали женщин, особенно та, что постарше, с лошадиным лицом… Обе были изможденны до предела, однако топали бодро, в охотку. Тут незаметно вкрался в мысли страх. Чужак ты или нет, но даже на Терре всякий подсматривающий за тайными женскими церемониями редко оставался в живых. Что являет собой скопище полубезумных, одичавших от молитв и постов женщин, он знал очень хорошо. Стоит только попасть в лапы этих фанатичек — на куски разорвут. Вот почему в цивилизованных обществах всякие тайные женские мистерии были строго запрещены.

— Мне показалось, я слышала плеск весел, — сказала старшая.

— Нет, сестра Кассильда. Смотри, лодка на том берегу, — ответила ее спутница, и Пол возблагодарил небеса, что сразу за веревку перетянул лодку на ту сторону. Вторая монашка была вроде ничего — в меру упитанная, хотя что можно сказать, когда тело ее упрятано в такой мешок. Правда, у нее ямочка на подбородке, однако годы, годы… Этой матроне следовало не на острове сидеть, а выдавать дочерей замуж, нянчиться с внучатами. Ишь что задумала — святости перед смертью поднабраться… Понятно, когда молодая, невинная истеричка — желательно, чтобы хорошенькая — бежит в монастырь. Но подобная дородная бабушка?.. Неисповедимы пути твои, Господи! Не знаю, правда, окидываешь ли ты своим всевидящим оком эту дикую, непонятно где расположенную планету?

— Но где же Гвенифер? — спросила сестра Кассильда.

Она наконец добралась до колышка, к которому был привязан конец веревки. Позвонила в колокольчик, висевший на поясе рядом с ножом. На той стороне все было тихо.

— Что-то на нее не похоже, чтобы она заснула

на дежурстве. Уж не заболела ли она?

— Вполне вероятно, — заметила третья служительница, подошедшая к сестрам, — что она осушила кувшин с вином. Там ведь двухдневная порция… Такое с ней уже случалось.

— Ну, коли так, то это еще не преступление. Что ж, придется подтащить лодку. Я съезжу и погляжу, что с ней. Может, она заболела и нуждается в помощи. Или упала и сломала ногу. Со старыми женщинами это случается. Этак она там проваляется несколько дней, пока не подойдут какие-нибудь странницы.

— Если что-то подобное случилось, я никогда не прощу себе.

Вдвоем они быстро подтащили лодку к острову, сели в нее и, умело работая веслами, поплыли к хибарке перевозчицы. Пол даже головой покачал — его хранила небесная сила! Что бы случилось, если бы он пристукнул старуху. Теперь — чепуха! Стоит послушать ее храп и принюхаться — в нос таким перегаром шибанет, что никаких сомнений не останется.

Теперь можно было не спеша обмозговать положение. Пол был уверен, что ни одна из этих монахинь не может быть той, которую он ищет. Бард показал ему, как выглядит Карлина, — порт-

рет, конечно, романтизированный, поэтический, предупредил он, созданный семь лет назад. Однако лицо запомнилось. Кроме того, мрачно подумал Пол, у них с Бардом есть общая черта — им нравились одни и те же бабы. Бард, правда, строго-настрого запретил ему даже думать об этом — Карлина единственная, кто ему нужен. Пол уже наловчился проникать в мысли двойника и вынужден был согласиться: этот вопрос был пунктиком Барда, так что в этом его лучше не задевать.

Однако вопрос этот был слишком серьезен, чтобы вот так, второпях, решать его. С другой стороны, спешить тоже некуда, убежище надежное, информации почти нет — не лучше ли пересидеть здесь, понаблюдать за этими выжившими из ума святошами? И конечно, поразмышлять…

Что, если обмануть эту девицу, предстать перед ней в образе Барда — что ему эта подмена даст? Или, может, в этом случае он неожиданно нарвется на такое же презрение и отвращение, какое Мелисендра испытывает к отцу своего ребенка? Лучше уж предстать в своем истинном обличье и в союзе с Карлиной обрушиться на Барда. Заключить, так сказать, джентльменское соглашение: мне свободу и Мелисендру, тебе твой

монастырь. Вспомни-ка, что Бард рассказывал о ней — здесь ошибиться нельзя, промашка может стоить головы… В детстве между ними существовала сердечная привязанность — так, по крайней мере, уверял Бард. Потом их обручили, и только жестокость и самодурство отца Карлины надолго разлучили их. Это была версия Киллгардского Волка. Разрази меня гром, подумал Пол, но факты буквально вопиют против подобного объяснения. Трудно поверить, чтобы невеста — или, как они здесь называют, нареченная — сбежала от милого в монастырь. Ладно бы при жизни отца! Потом у нее было столько возможностей вернуться. Детская привязанность — не более чем самообман… С первого взгляда видно, что здесь не лагерь строгого режима. Если бы хотела сбежать к жениху, давным-давно подогнала бы лодку к острову, добралась до берега и была такова.

Значит, выдаем себя за Барда — ее можно обмануть, они столько лет не виделись. Но как обмануть Мелисендру, ведь она его знает как облупленного. Ладно, с Мелисендрой после разберемся, и Карлину можно вокруг пальца обвести — судя по воспоминаниям Барда, они и поцеловались всего два раза, и то женишку пришлось долго уламывать невесту. И все-таки это был

очень перспективный вариант. Заполучив Карлину, владелец имени Барда может делать все, что ему заблагорассудится. В любом случае устранить Барда не составит труда, а это прямой путь к свободе, независимости… К короне…

В общем-то против этого плана нет возражений. Кроме одной маленькой закавыки… Этот пустячок касается его. Точнее, Мелисендры… Если он позволит себе так поступить с ней, у нее окажутся развязаны руки, она в момент может выдать его. На это, если откровенно, Полу было наплевать, куда страшнее потерять саму Мелисендру. Эта истина открылась ему сразу, просто и до конца. Собственно, ему нужны только Мелисендра и свобода. Полу стало ясно, что все интриги, коварства, заговоры гроша ломаного не стоят, и он находится в начале пути, в преддверии первого шага, сделав который свяжет себя по рукам и ногам. Но, выбрав Мелисендру, свободу, он наденет на себя гирлянду цветов, за которыми, конечно, придется усердно ухаживать, но это будут заботы радости, счастья… В противном случае он собственной рукой оплетет себя веригами. Сколько магов можно одолеть, сгибаясь под их тяжестью? Быть королем в варварской стране! Надо быть сумасшедшим, чтобы добровольно — тем более ценой

крови — взвалить на себя это бремя. Превратить жизнь в ежеминутное ожидание смерти, удара из-за угла, забыть о доме, не слезать с седла. Это по душе Барду, он так воспитан, готов сражаться и день и ночь, а у Пола скоро наступит похмелье. В конце концов, войны ведутся ради чего-то. Ради мира… Скажем, вынесет он эти тяготы — военного таланта ему не занимать, это подтвердила кампания против Серраиса, — наступит мир, и на его плечи ляжет забота по обустройству этой разоренной земли? Боже упаси… Что, они ему родные? Что, это его дом? Какого черта он должен ломать голову над величиной налогов и дорожных тарифов, которые следует вводить с целью подъема хозяйства! От одних этих слов у Харела зубы заломило. Он и с этим справится, но зачем? Эти варвары все-таки наивные люди, и в силу этого их можно склонить к нормальной жизни, убедить, что худой мир лучше доброй ссоры, но победа никогда не будет окончательной. Всегда можно ждать подвоха — какого-нибудь религиозного фанатика, например, который, одурев от молитв, поднимет знамя священной войны. По-другому быть не может… Тот же Бард! Он искренне верит, что Пол спит и видит, как помочь ему в завоевании Сотни царств.

«Нет уж, братец, или кем ты там мне приходишься. Мне нужна Мелисендра и свобода. Это все, что может дать мне ваша вшивая планета. Я хочу построить дом, может, Бог даст детишек — я их воспитаю… Хотелось бы, чтобы поболе… И много-много лошадей… Раз уж вырвался из ящика забвения, то, ребята-варвары, у меня нет охоты надевать на себя эти цепи. Кувыркайтесь вы здесь, у себя на родине, как знаете».

Потом он долго сидел молча, смотрел на воду. Сам не заметил, как начал обращаться к Матери Аварре, просил рассудить, прав он или не прав… Если отдать Карлину Барду, то Мелисендра точно будет его. Просил не осуждать строго за вторжение на остров, обвинил судьбу, которая, не спросясь, вырвала его из камеры забвения и швырнула сюда, в твою обитель, Мать. Что, уйти несолоно хлебавши? Он тоже человек подневольный. Так что ты прости, Мать Аварра. Видать, такая у Карлины судьба. У Барда тоже — ты и его прости. По крайней мере не карай смертью. Может, это испытание всем нам, и мы в любом случае должны пройти через него. Оно, может, тобой и выдумано, испытание это. Я не ропщу, помилуй Бог, я хочу, чтобы все по справедливости. Эрленда, конечно, не сохранишь, все равно Бард

заберет его. Хороший пацан… Неужели и ему за наши грехи страдать? Прости, Мать Аварра. Я уж на колени бухаться не буду, грязно здесь. Не люблю с грязными коленями ходить. Никогда ни перед кем штаны на коленях не протирал. Ты поймешь почему. Вот такие пироги, Мать Аварра… Все сомнения, сомнения…

Все, о чем Пол рассуждал, касалось только его. Не было уверенности, что и Бард думает так же, тем более что для него двойник в любом случае — постоянная угроза. Поэтому время ли поддаваться благодушию, мечтать о счастье, когда дело идет о его голове? Реальность жестока… Не взять ли сразу Карлину в союзники, заключить с ней дружеское соглашение? Это что-то новенькое — с женщинами он еще никогда не дружил. Правда, с Мелисендрой выходило как-то по-другому. Потихоньку-помаленьку они сдружились. Крепко сдружились…

В этот момент затрещали кусты, послышались шаги на дорожке — Пол затаил дыхание, прижался к стволу дерева. Три служительницы шли по дорожке. В одной из них он с первого взгляда узнал Карлину.

Она похудела, лицо было бледно. Она оказалась мала ростом, вряд ли выше его груди. Волосы за-

плетены в длинную косу, заброшенную за спину. Двигалась легкой неспешной походкой. Опять эти рясы, напоминавшие мешки…

Пол во все глаза смотрел на Карлину, и чем пристальнее вглядывался, тем сильнее был обескуражен. Зримая, живая Карлина ввергла его в состояние шока. Это и есть знаменитая принцесса?! Женщина, сумевшая свести с ума самого Киллгардского Волка? Из-за нее он ни о ком и думать не мог?.. Ради нее он отказывается от Мелисендры?.. Чудеса, да и только! Мелисендра! Ягодка, спелая, вкусная. Красавица, умница, обладающая лараном, умеющая себя вести, украшение двора, а каков у нее язычок, все придворные повторяли ее шутки и колкости, — и эта замухрышка! Ну, держите меня вшестером!.. Мелисендра, статью явная королева, по крайней мере жена главнокомандующего, соратница, участвовавшая во всех походах, мать его сына — и эта сушеная монахиня? Согласен — может, у этой дамочки золотая душа, но что-то он раньше не замечал, чтобы Бард обращал исключительное внимание на внутренний мир своих любовниц. Например, той, которую они вдвоем трахали после сражения…

Этого не может быть! Бард не может хотеть

ее!.. Исключено. Долгим взглядом Пол проводил удалявшуюся Карлину. Уж кому-кому, а ему прекрасно известны вкусы Барда. Он испытывает тягу к Мелисендре, ко всяким пышнотелым бабам, которым есть чем похвалиться. Но не к этой… Волк просто свихнулся на принцессе, слишком много надежд с ней связывал. К тому же она оказалась косвенной виновницей его изгнания, и он жаждет взять реванш. Бессознательно, конечно… Карлина — королевская дочь, он — бастард… Хорошо, это понятно, но вот что смущало, буквально приводило в недоумение — неужели Бард ди Астуриен искренне полагал, что я способен возбудиться при виде этой пигалицы? Да, он действительно верил, что я, увидев Карлину, покушусь на ее честь. Ну, знаете…

От этой мысли в душе Пола родилась тоска, безысходность. Неужели они до такой степени различны? Жуть брала от осознания той пропасти, что лежала между ними, самыми близкими людьми на свете.

И радость. Как-то было легче, что при всем физическом сходстве они были совершенно разными людьми, неповторимыми. Как и все остальные люди. Как все мы…

«Как бы то ни было, — решил Пол, — первым

делом я должен подружиться с Карлиной. Мы должны заключить союз… Я никогда не променяю ее на Мелисендру. Это безумие. Мелисендра будет куда более представительной королевой. Пусть Бард берет Карлину. В этом случае я Мелисендру уж никому не отдам. Значит, надо доставить эту фанатичку как можно скорее. Пусть они сами разбираются в своих семейных делах. Мне она и даром не нужна. Пусть хоть тридцать раз будет принцессой».

Расклад был прост. Женитьба на Карлине давала Барду — либо Полу в его личине — право на престол в том случае, если Аларик умрет бездетным. Это было вполне вероятно. А что, неплохая сделка: Карлина и трон — Барду, Мелисендра и свобода — ему! Бард никогда, пока жив Пол, не может чувствовать себя в безопасности, но если Пол поспешит и постарается скрыться из-под бдительного ока Барда, возможно, тот плюнет и забудет о них. Слишком много дел вокруг, они и минуты продыха не оставляют. Но прежде всего надо доставить ему Карлину.

Жрицы вновь прошли по тропинке, уже возвращаясь. Сначала одна, потом другая вошли поочередно в маленькие домики, располагавшиеся сбоку от дорожки. Карлина свернула в третий

— Пол запомнил в какой. Потом в той хижине зажегся свет. Пол задумался… Женщин он не боялся, хотя их много и у каждой острый нож. Ничего, справимся…

Главное, не дать Карлине поднять тревогу. Даже мысленный вскрик должен быть исключен. Здесь этих телепатов пруд пруди… Значит, он должен оглушить ее одним ударом — сразу, на выруб… Прежде чем она придет в себя, они уже должны быть далеко от острова.

Он бесшумно, чуть приоткрыв дверь, скользнул в щель. В этот момент Карлина, что-то напевая про себя, подкручивала фитиль в лампе. Она уже скинула верхнюю — черную — рясу и теперь была в длиннополой серой полотняной рубахе. Уменьшив огонек пламени, она принялась расплетать косу. Вот этого Полу совсем не хотелось. Ночи здесь холодные, если она совсем разденется, как везти ее по морозу? Одеть ее он не сможет. И не желает… Он подобрался сзади и, чуть придерживая руку, ударил ее кулаком по голове. Девушка беззвучно опустилась на пол, только на лице вдруг обозначилась гримаса боли. Пол наклонился к ней, послушал и с облегчением понял — дышит. Потом завернул ее в черную робу — просто накинул на голову и спустил вниз,

рукав кляпом забил в рот. Дышать она могла, поднять, крик — нет. Правда, очнувшись, она могла подать мысленный призыв о помощи — это был самый уязвимый пункт плана. Теперь следует незаметно добраться до берега, подтянуть лодку… Только бы она не очнулась, тогда ему не уйти с острова живым… Харел притушил лампу, выглянул наружу — на тропинке, в подступившей уже ночной мгле, никого не было. Пол собрался с духом и бегом бросился к воде. Все остальное делал машинально, скоро… Добравшись до берега, быстро водрузил Карлину на спину коня, сам сел в седло и ходкой рысью погнал скакуна по вьющемуся вдоль берега проселку. Пока женщина не пришла в себя, надо было отъехать как можно дальше. Когда добрался до холмов, где ждали его люди, тут же перенес Карлину в заранее приготовленный паланкин, задернул шторки, сам сел на запасного коня.

— Вперед!

Они ехали всю ночь — привал сделали лишь с восходом солнца. Следовало дать передышку лошадям. Пол соскочил с коня, на ходу сжевал сухой паек — времени на приготовление горячей пищи не было, затем подошел к паланкину, отдернул занавеску…

Карлина уже очнулась — лежала на боку и отчаянно пыталась освободить связанные руки. Лицо ее было открыто, она плакала…

— Я ничего не повредил, домна? Если вы хотите, я освобожу вам руки.

При звуках его голоса женщина отпрянула в угол паланкина.

— Бард, — наконец выговорила она. — Я так и думала, что это ты. У кого бы еще хватило смелости бросить вызов Аварре!

— Я никаких богинь не страшусь, — признался Пол.

— Я об этом прекрасно осведомлена, Бард мак Фиана. Но на этот раз это святотатство тебе даром не пройдет.

— Я не хочу спорить по этому поводу, тем более заводить философский диспут. Однако хочу заметить, что если даже ваша богиня существует, то она не помешала мне забрать вас с так называемого Святого острова. Не думаю, что и теперь она защитит вас. Если мысль о том, что она накажет меня, утешает вас, тешьтесь ею. Я пришел всего-навсего поинтересоваться — не мешает ли вам узел на руках? Если мешает, могу развязать его. Конечно, если вы дадите слово чести, что не будете пытаться бежать.

Карлина с ненавистью глянула на него:

— Как только у меня появится такая возможность, я сразу убегу.

«Чертова баба, — с неожиданно прихлынувшей злобой подумал Пол, — она еще свое получит».

Он задернул занавески, отошел в сторону, однако гнетущее томительное чувство безнадежности, какой-то совершенной им нелепой, но уже непоправимой ошибки овладело им. Он встряхнул головой — в первый раз, что ли? Для того и испытания, чтобы их преодолевать.

5

По дороге в Астурийский замок Бард получил неприятное известие. Офицер догнал его и доложил, что на третий день после сражения все наемницы из Ордена Меча явились к нему, потребовали плату и тут же оставили лагерь.

Бард удивленно глянул на помощника.

— Я же щедро расплатился с ними, взял под свою личную защиту, — он явно не мог сдержать раздражения. — Они объяснили причину?

— Да. Они заявили, что наши люди обесчестили их сестер, захваченных в плен, а вы, лорд-генерал, не наказали обидчиков. Сказать по правде, по мне — так лучше. Уехали — хлопот будет поменьше. Знаете, есть в них что-то такое… Одним словом, с ними не просто. Бабы — и на войне! Каково? Однако они имели наглость, — тут офицер помрачнел, — добавить еще несколько слов. Даже не решаюсь произнести их… Помните, когда мы совершили набег на остров Безмолвия, тамошняя старая сука, перевозчица, грозила нам карами. Вот эти чертовы меченосицы выразились примерно так же.

Бард нахмурился. Упоминание об острове Без-

молвия навело его на мысль о Поле. Пора бы ему вернуться. Если, конечно, проклятье Аварры не настигло его на дороге. Офицер, ехавший рядом, неправильно истолковал мрачный вид командира — решил, что того гнетет мысль о тогдашней неудаче, и решил отвлечь.

— Никогда бы не подумал, лорд-генерал, что эта бабья шайка посмеет поступить с нами подобным образом. Они точно все свихнулись, вкупе со своей таинственной богиней, разве не так? С ними лучше вообще не иметь дел. Если мне будет позволено дать совет, я бы настаивал, чтобы больше никаких сношений с этими меченосицами у нас не было. Вы слышали? Они выкупили своих пленных и забрали их с собой. Заявили, что не знали, что их подруги сражаются на другой стороне, что никогда они не поднимут меч против своих сестер. И прочий вздор… Сумасшедшие, не так ли, господин? Хвала богам, что они оставили нас.

— Тех пленниц, которые были подвергнуты насилию, они не убили? Я слышал, что в подобных случаях они их убивают, если те не успели сами наложить на себя руки.

— Убили?! Как раз наоборот. Охрана слышала, как они вместе плакали в палатках. Они и оружие выкупили и вернули им, приодели — солдаты

все с них сорвали, помните? — добыли лошадей и все умчались. Я бы сказал — как можно доверять подобным женщинам, у которых нет ни капли чувства долга? Вы понимаете, господин?

Прибыв в замок, Бард первым делом послал доложить дому Рафаэлю и Аларику о себе. Потом передал коня конюху и в этот момент заметил лошадь Пола, стоявшую у коновязи. Когда вошел в приемный зал, брат, хромая, поспешил к нему, заключил в объятья.

— Бард, — объявил король, — здесь твоя жена. Принцесса Карлина.

Эта новость — вернее, то, что об этом знали и отец, и брат, — ему не понравилась.

— Это точно она? — спросил Волк. Его вдруг прошиб холодный пот. Стало холодно, невмоготу терпеть…

— Она приехала в паланкине как раз перед тобой. Твой рыцарь Паоло Херил сопровождал ее, — объяснил Аларик. — Но мне кажется, тебе лучше жениться на Мелисендре. Хотя бы ради Эрленда… Как можно такого мальчика держать в недестро? Как только меня коронуют, я первым делом узаконю его. В любом случае он всегда останется твоим сыном, женишься ли ты на Мелисендре или нет.

— Она в своих старых апартаментах?

— В каких же еще? — Аларик удивленно глянул на него. — Я распорядился, чтобы ее проводили туда, приставил к ней женщин, они должны помочь ей принять ванну. Она была в пути весь день, должно быть, очень устала, вся в пыли.

Неужели это возможно, по-прежнему чувствуя озноб, подумал Бард, что Карлина приехала добровольно?

Аларик между тем продолжал:

— Паоло предупредил, что она очень устала, чтобы с кем-то видеться. Еще он попросил приставить к ней женщин. Непонятно, зачем он упомянул об этом — я и сам бы догадался, что она нуждается в слугах. Она же дочь короля Одрина и твоя жена. Когда мы устроим церемонию ди катенас? Если хочешь, я сам проведу ее. Говорят, это высокая честь, когда король благословляет влюбленных.

Бард поблагодарил брата и попросил разрешения удалиться.

— Тебе впредь не следует просить меня об этом, — ответил Аларик. — Как глупо! Я всегда забываю и мучаюсь с этими идиотскими правилами. Даже отец родной должен спрашивать моего соизволения прийти и уйти.

Комнаты Барда располагались рядом с апартаментами принцессы. Когда главнокомандующий вошел к себе, там его ждал Пол.

— Я смотрю, — сухо сказал Бард, — тебя можно поздравить. Она вернулась по своей воле?

Пол помотал головой, потом показал длинную, все еще кровящую царапину на щеке.

— В первую ночь я имел глупость развязать ей руки. Всего на несколько минут. Чтобы она могла облегчиться… Результат, как видишь, на лице. Больше я подобных глупостей не допускал. К счастью, никто из посланных со мной людей не знал ее, они все были наемниками из Хамерфела. Никто из них толком не говорит на местном языке… Это ты здорово предусмотрел… Когда же увидела, что я доставил ее в родной дом, дала слово чести, что по крайней мере не попытается сбежать сегодняшней ночью. Я решил, что для благородной дамы слишком унизительно войти в родной дом со связанными руками. Вот я и согласился освободить ей руки. Король сразу прислал к ней женщин. Думаю, за это время она успокоилась, теперь станет совсем ручной. Я к ней не прикасался, пришлось, правда, один раз стукнуть, когда она оцарапала мне лицо. Вырубилась сразу… Так и отволок ее в паланкин, как

мешок бобов. Клянусь, только это.

— Верю, — кивнул Бард. — Где она теперь?

— В своих комнатах. Уже завтра ты сможешь поговорить с ней. Тогда и решишь, следует ли ставить охрану возле ее двери. — Пол прикинул, стоит ли затевать разговор о Мелисендре, потом решил, что рано.

Бард вызвал слугу — тот побрил его, вымыл голову, переодел. Он решил дать Карлине время отдохнуть после долгого путешествия, привести себя в порядок. Конечно, когда ее похитили, она и не могла вести себя по-другому, но теперь в родном доме смягчится, примет его с добром, они поженятся. В любом случае она обязана исполнить свой долг. Волк уверял себя, что ей незачем бояться его, он и волоса на ее голове без ее согласия не тронет. Как бы то ни было, Карлина — его жена перед богами и людьми. Пусть кто-нибудь из жителей Сотни царств посмеет оспорить его право.

Часовой у двери принцессы, заметив Барда, взял на караул. Главнокомандующий машинально отдал честь — а сам подумал, почему Пол настроен так скептически? Почему он сомневается в его праве? На каком основании? Согласен, вначале Карлина могла испугаться — неизвестно

куда везут; может, захватили с целью выкупа или решили силой выдать замуж? Это понятно. Но теперь, в родном доме, она в безопасности.

Он нашел Карлину в одной из внутренних комнат — она спала, свернувшись калачиком на кровати. Бледная, совсем как девочка, одетая в длинное темное однотонное платье. Ноги прикрыла своей монашеской робой. Глаза покраснели, лицо опухло от слез. Бард не мог вынести, когда Карли плакала. Неожиданно она открыла глаза, глянула на него в упор. Лицо ее исказилось от страха. Принцесса тут же рывком села, натянула рясу на ноги.

— Бард. Да, на этот раз это точно ты. Кто был тот, другой мужчина? Один из твоих ублюдочных родственников с Хеллерских гор? Ты же не обидишь меня, правда, Бард? Ведь мы же дружили в детстве, считались друзьями.

Она тяжело и безнадежно вздохнула. Может, даже с облегчением.

— Как ты догадалась? — ни с того ни с сего спросил он.

— О, вы очень похожи. Очень!.. Даже голоса… Я сильно оцарапала его, решила, что это ты. Если бы он не был твоим бездумным орудием, я бы извинилась перед ним…

— Конечно, Карли, я не причиню тебе вреда. В конце концов, ты моя жена, вот, например, король Астуриаса жаждет совершить над нами брачную церемонию. Ди катенас… Сегодня ночью тебя устроит, или ты желаешь, чтобы приехали твои родственники?

— Ни сегодня, ни в любое другое время, — спокойно ответила Карлина. Ее руки на черной рясе казались кистями скелета. — Я дала обет быть жрицей Аварры. Я поклялась Великой Матери служить ей по гроб жизни и при этом сохранить невинность. Я принадлежу Аварре, не тебе.

Бард помрачнел:

— Кто нарушит первую клятву, тот и вторую не сможет соблюсти. Прежде чем давать обеты Аварре, ты бы вспомнила, что была обручена со мной.

— Но не вышла за тебя замуж! — возразила Карлина. — К тому же обручение было признано недействительным. У тебя нет больше прав на меня. У тебя их столько же, сколько у любого твоего солдата…

— Это как посмотреть. Твой отец отдал тебя мне…

— Он же и забрал, узнав тебя получше.

— Я не признаю за ним такого права!

— И я не признаю права обручить меня против моей воли. Так что мы на равных.

Бард, глядя на Карлину, решил, что теперь она стала еще более красивой, чем в тот момент, когда он зашел в спальню. Щечки разгорелись, глаза ожили… Случалось и раньше, что женщины бросали ему вызов, даже отказывали, но ни одну из них он не жаждал так сильно, так долго. Теперь вот она! Карлина не выйдет из этой комнаты, пока не станет его женой, ведь по закону они являлись супругами. Пришел час положить конец этому ненормальному состоянию. Ее близость возбуждала его, приятно щекотал нервы вызов, блеснувший в ее глазах. Даже Мелисендра не посмела отказать ему, тем более так решительно. Наотрез… Это было занятно… Интересно, что она скажет потом?.. Не было женщины, которая была бы способна устоять перед ним. Разве что Мелора!.. Но что такое Мелора? Скорее набор добродетелей, добрая душа, чем полнокровная, живая женщина. Карли, правда, трудно назвать полнокровной… Ничего, подкормим, приоденем… Будет как конфетка…

— Бард, я не могу поверить, что ты способен на это. Мы же вместе росли. Я ушла из дома по своей воле, это мой долг, мне радостно исполнять

его. Позволь мне вернуться на остров, к Матери. Я обещаю, что постараюсь вымолить для тебя прощение. По крайней мере, я упрошу нашу настоятельницу не проклинать тебя.

Бард подергал пальцы, послушал, как трещат суставы.

— Мне нет дела до каких-то там проклятий. Пусть ваша Аварра или любое подобное ей привидение исчахнут от гнева!..

Карлина протестующе взмахнула руками:

— Я умоляю, не богохульствуй. Бард, разреши мне вернуться на остров!

Он отрицательно покачал головой:

— Нет. Как бы то ни было, все уже кончено. Ты принадлежишь мне. Я требую, чтобы ты исполнила свой долг по отношению ко мне и сегодня же — сейчас же! — стала моей женой.

— Нет. Никогда! — В ее глазах блеснули слезы. — О, Бард, я не испытываю к тебе ненависти. Ты же мой сводный брат, так же как и Джереми. Вспомни бедного Белтрана. Мы же вместе росли, ты всегда был добр ко мне. Постарайся и сейчас остаться прежним Бардом и не настаивай на этом. Посмотри, вокруг столько женщин, ты можешь выбрать любую — из благородного рода, леронi, красивую, наконец. Вот Мелисендра, она

же мать твоего сына. Какой прелестный ребенок… Почему ты желаешь именно меня, Бард?

Он глянул ей прямо в глаза и откровенно признался:

— Не знаю. До сих пор я не встречал женщину, которую хотел так же страстно, как тебя. Ты моя жена, этим все сказано.

— Бард… — попросила она. — Нет. Пожалуйста…

— С помощью хитрой уловки ты объявила обручение недействительным. На этот раз подобный номер не пройдет. Ты обязана исполнить свой долг, Карлина, желаешь ты того или нет.

— Это значит, что ты собираешься взять меня силой?

Он сел рядом с ней на кровать, взял ее за руку:

— Лучше пусть все будет по доброй воле — мне так больше по душе, но в любом случае это случится. Ты должна сама согласиться, Карли.

Она вырвала руку и отпрянула от него. Натянула на себя рясу. Зарылась лицом в подол. Громко зарыдала. Бард сорвал с нее рясу. Карлина упала на пол, заплакала еще громче.

— Черт тебя побери, Карли, перестань выть! Твои слезы действуют мне на нервы. Неужели ты считаешь, что я смогу причинить тебе вред?

Я не хочу *этого* против твоей воли, однако я должен быть уверен, что ты не убежишь вновь. Потом ты не будешь сердиться на меня, это я тебе обещаю. Еще ни одна женщина не жаловалась. *После этого* …

— Ты действительно веришь в это?

Он не удостоил ее ответом. Ему не надо было верить, он *знал* это! Женщины всегда найдут тысячи отговорок, чтобы не делать того, чего страстно жаждут. Та же Лизарда, маленькая сучка. Почему же она после не вспоминала, с каким удовольствием занималась этим. Вместо ответа он наклонился и взял Карлину на руки. Она принялась отчаянно отбиваться, вцепилась ногтями в его щеку.

— Черт побери, Бард, вот теперь ты показал свое истинное нутро. Ты ничем не отличаешься от своих рыцарей-насильников!

Ди Астуриен внезапно разъярился — одной рукой он зажал обе ее руки.

— Остановись, Карли, я не хочу причинить тебе вреда. Ты вынуждаешь меня применить силу.

— Ишь ты, какой справедливый! Я, оказывается, вынуждаю его! Я еще должна покорно отдаться негодяю!..

— Что бы ты ни говорила, я больше не попадусь

на твою удочку. Я должен взять тебя — и возьму! Я не хочу повредить тебе, поэтому вынужден заставить вести себя спокойно. Раз я поддался на твой обман, с того момента и начались все мои несчастья. Если бы Джереми не вмешался, ты бы еще на празднике стала моей женой, и мы бы счастливо прожили все эти годы. Белтран был бы жив…

— Ты смеешь обвинять меня в его смерти? Меня?!

— Да, я обвиняю тебя за все, что случилось со мной с той самой минуты, как позволил тебе уйти, — рявкнул он. — Вот почему я хочу сделать тебя своей женой и тем самым исправить все, что ты натворила.

— Исправить?! Ты точно свихнулся, Бард!

— Ты обязана наконец исполнить свой долг. Надеюсь, у тебя хватит разума понять это и перестать сопротивляться. Тогда бы и ты, и я получили удовольствие. Это все, чего я хочу. В любом случае я сильнее, чем ты. Ты должна понять, что сопротивляться бессмысленно. — Он взялся за ворот ее платья. — Теперь сними его. Сними все…

— Нет! — отчаянно вскрикнула Карлина и с силой оттолкнула его.

Бард сжал челюсти — если маленькая кошечка

желает подразнить его, он быстро утихомирит ее. Сорвал с нее накидку, платье, отбросил в сторону. За ними последовала нижняя рубашка. Легкая ткань треснула и сразу разлетелась кусками. Карлина вцепилась в его руку, пыталась расцарапать лицо, однако он не обращал внимания на ее порывы. Поднял ее, швырнул на кровать, потом сам взгромоздился на нее. Она ударила его, и он наотмашь хлестнул по лицу. Женщина сжалась от страха, напряглась так, что невозможно было справиться с ней. Принялась плакать…

— Карли, любовь моя, хорошая моя, я не хочу брать тебя силой, будь умницей… — Он пытался было приблизить ее голову, однако она по-прежнему не давалась, изгибалась всем телом, пыталась вырваться. Закинула голову как можно дальше и все рыдала, рыдала… Выла уже совсем по-звериному. Это было невыносимо!.. Вот сучка! Он по-хорошему, со всей нежностью… Бард еще раз ударил ее — теперь она окончательно притихла, перестала извиваться, только слезы все так же текли по лицу. Черт с ней! Сама не понимает своего счастья! Зачем она насилует его, заставляет применить силу?

Его охватило гневливое — и одновременно возвышенное — чувство. Вот чертова баба — ис-

портить торжественный момент, о котором он мечтал все эти годы!.. Бард грубо раздвинул ее ноги. Она вдруг опять выгнулась, попыталась сбросить его, однако он всем телом придавил ее к постели. Карли неожиданно открыла рот — то ли от мучительной боли, то ли от изумления. Она больше не сопротивлялась — тут он догадался, что нарушил что-то в ее организме. Женщина прикусила нижнюю губу, и кровь в две струйки побежала по подбородку. Он попытался поцеловать ее, однако она вновь откинула голову как можно дальше, потом стала отворачиваться то в одну сторону, то в другую. Не давалась… Все пыталась сбросить его, хотя уже было поздно. Она что, дура, не понимает, что уже поздно. Ну совсем как неживая… Если бы не слезы, струящиеся из глаз, можно было решить, что сердце не выдержало.

— Лорд-генерал… — кто-то окликнул Пола, когда он вышел в зал. В первое мгновение он решил, что где-то рядом находится Бард, только он почему-то не заметил его; затем догадался, что обращаются к нему. Неужели он так похож на Барда? Он уже было совсем решил поправить ошибку, но тут вспомнил, что никто не должен догадываться о сходстве, которое существует между Паоло Херилом и Бардом. Так что необхо-

димо держать марку. Покопавшись в памяти, он вспомнил, как звали окликнувшего его молодца. Лерис.

Парень с удивлением разглядывал царапину на лице господина.

— Вы выглядите так, словно сражались с одной из этих сучек в малиновом, — хихикнул Лерис. — Надеюсь, господин, вы вырвали ей сережку из мочки. Или, может, сразу обе.

На языке каста эта фраза имела двойной смысл, и, с точки зрения Пола, шутка была грубовата — или, точнее, топорна — однако он осклабился, изображая усмешку.

— Слышал, они все бросили нас, господин. Не собираетесь ли наказать их за вероломство — например, объявить Орден вне закона или еще как-нибудь? Может, стоит отдать приказ войскам, ребята вмиг научат их не совать нос в мужские дела.

Пол покачал головой:

— Соколы не охотятся за комнатными птахами. Пусть уходят. Скатертью дорога!

С этими словами он продолжил путь. Какое-то смутное беспокойство овладело им. Как он и предвидел, в его комнатах ждала Мелисендра.

Она обняла и поцеловала его. Пол усмехнулся

— странно, но весь путь от острова Безмолвия до замка он мечтал только об этом. Что же такое с ним происходит? Почему женщина взяла такую власть над ним?

— Как Эрленд?

— Пока все в порядке, но я очень волнуюсь за него. Здесь так опасно. Лучше было бы отослать его в деревню или отправить в Башню или куда-нибудь еще.

— Отошли в деревню, если хочешь. Я уверен, Бард не будет возражать. Однако почему ты считаешь, что здесь он не в безопасности?

— Я в родстве с Алдаранами, — поколебавшись, ответила она, — это значит, что мой ларан позволяет в какой-то мере предвидеть события. Но это так смутно — не могу ничего толком узнать. Просто иногда… Может, как у любой матери, это просто страх, но моментами меня посещает видение. Огромный пожар. Пламя бушует во дворце. В нашем дворце. Однажды, когда я глянула на короля Аларика, я увидела, как его черты пожирает огонь.

— О, дорогая! — Пол прижал ее к себе. Его внезапно охватил ужас — если он потеряет эту женщину, ничто больше не будет связывать его с этим миром, да и вообще нигде больше не испы-

тать счастья. Что же такое с ним творится?

Мелисендра подняла голову, провела кончиками пальцев по царапине на его щеке.

— Откуда у тебя это? На рану, полученную в бою, не похоже.

— Конечно, — улыбнулся он, — это след борьбы с некой женщиной.

— Я никогда не имела привычки выспрашивать у мужчины, чем он занимался во время боевых действий. Конечно, у тебя были женщины, но неужели ты брал их силой? Мне как-то не верится, что тебе могли отказать.

Пол, припомнив хорошенькую фермершу, которую они так и не поделили с Бардом, невольно покраснел. Боги знают, добровольно ли она согласилась на это. Она была хороша для выяснения отношений с Бардом — ну, разве что в некотором смысле замена Мелисендры.

— Те женщины, которых я брал, сами стремились к этому, — ответил он, тут же в душе ругая себя за то, что распустил язык (что ж такое творится с ним? ему стыдно?) — Но эту царапину я получил совсем по другой причине. Я доставил Барду его жену. Он приказал мне.

«Так дальше нельзя. Это что-то невозможное — мне стыдно, что я доставил эту женщину?

Какая мне разница — баба и есть баба! Да что ж я теперь, сводником заделался?!»

Он почувствовал себя не в своей тарелке, и Мелисендра, поняв его состояние, спросила:

— Интересно, кто же это может быть? Было несколько женщин, которые набрались смелости отказать Барду. Принцесса Карлина отправилась на остров Безмолвия… — Она неожиданно ойкнула, прикрыла рот ладошкой, глаза ее округлились от ужаса. — Неужели Карлина? Боги!.. Он захватил ее!.. Не побоялся гнева Аварры. Она же проклянет его!.. И тебя тоже! Как ты решился? Зачем?

— Так уж вышло, — ответил Пол и объяснил, что обладает сопротивляемостью ко всяким местным колдовским штучкам.

Женщина внимательно слушала его, потом упавшим голосом промолвила:

— Любой мужчина, кто посмеет ступить на Святой остров, должен погибнуть…

— Во-первых, — объявил Пол. — Я нисколечко не боюсь вашу богиню. Я так и сказал Карлине. Во-вторых, она его жена…

Мелисендра отчаянно замотала головой:

— Нет, нет и нет. Они принадлежит богине. Вот почему мне постоянно мерещатся всякие ужасы.

Аварра отомстит за нее. Ему не избежать этого. И тебе тоже. — Лицо у нее побелело от ужаса. Далее она заговорила как бы сама с собой: — Что же теперь делать? Что?! Я считала, что у Барда хватит здравого смысла отказаться от этой бредовой идеи. Решила, что его достаточно проучили в первый раз. Но он из тех, кому урок не впрок! Что же теперь делать? Я не испытываю к нему ненависти; он — отец моего ребенка и еще… И еще…

Она порывисто прошлась по комнате. Ломала пальцы, протяжно вздыхала… Пол с удивлением наблюдал за ней, тревога прокралась и в его сердце.

— Я даже вообразить не могу, какое наказание ждет того, кто посягнет на жрицу Аварры. Ужасно! Для начала он навлек на себя гнев меченосиц — они всегда пользовались покровительством богини… Теперь это…

Со странным чувством Пол наблюдал за Мелисендрой. Всю жизнь он искренне верил, что заветной мечтой любой женщины было желание обрести хозяина; что в душе, сами того не сознавая, они страстно желают отдаться — в том и заключалась обязанность мужчины, чтобы ласково, не нанося вреда, открыть эту простую истину. Наблюдая за Мелисендрой, он был готов

дать голову на отсечение, что уж кто-кто, а она знает, чего хочет. Тем более что Бард уже брал ее против ее воли… Но в том-то и состояла причуда воображения, что он как раз не желал идти этим путем… Он неожиданно почувствовал нестерпимое желание убить Барда. Именно за это самое… За наглость, скотское убеждение в том, что сила всегда права.

«Но это невозможно! — он едва не вскрикнул. — Я не могу посягнуть на него! Ведь он — это я!..»

— Что там насчет Ордена Меча, Мелисендра? Они сражаются рядом с мужчинами, выставляют на всеобщее обозрение свои прелести и при этом требуют, чтобы не смели прикасаться к ним? Я соглашусь, что женщины, занимающиеся хозяйством, семьей, должны быть защищены. Но те, которые решили отказаться от покровительства…

— Неужели ты полагаешь, что все женщины одинаковы? Я не знакома с жизнью Ордена, хотя мне довелось побеседовать с одной из сестер. Если они взяли в руки мечи, не понимаю, почему они перестают считаться женщинами? Почему они вмиг должны лишиться всех прав? Почему пол должен определять — имеет право человек взять в руки оружие или обречен воспитывать

детей, вышивать полотенца и делать сыр?

— В следующий раз, — видя такую горячность, улыбнулся Пол, — ты начнешь доказывать, что мужчины тоже, если пожелают, могут заняться вышиванием и стиркой обгаженных детских штанишек.

— Неужели ты и впрямь сомневаешься, что некоторым мужчинам это куда больше по сердцу, чем воевать? — требовательно спросила она. — Почему бы и нет, даже если они пожелают носить юбки и варить кашу на обед! Женщина, наконец, может выйти замуж, стать лерони, дать обет на верность Ордену или Аварре, проколоть уши, взять в руки меч, почему бы и мужчине не заняться чем-нибудь мирным? Таким боги помогают… Почему женщина, взявшая в руки меч, должна бояться насилия? Вот я женщина — ты тоже желаешь использовать меня таким образом?

— Нет, — сказал Пол. — Я убью любого, кому подобная мысль придет в голову. Вряд ли он примет легкую смерть. Но ты настоящая женщина, а эти в малиновом…

— Они тоже женщины, — прервала его Мелисендра. — Это только мужчины могут считать, что та, кто оторвалась от детских соплей и ухода за

домашней птицей, уже иное существо, на которое не распространяется закон. Все, кто подвергают женщину насилию, — слабаки и подонки, которым не дано завоевать ее честно, стать ей другом. Почему только женщины подвергаются подобному издевательскому обращению? Когда ты захватываешь в плен вражеского солдата, ты можешь отобрать у него оружие, потребовать за него выкуп; в прежние времена ты мог сделать его рабом, но тебе же никогда в голову не придет лечь с ним в постель.

— Вот и Бард так же говорит, — ответил Пол. — Он заявил, что эти меченосицы являются пленниками, с ними и надо обращаться соответственно.

— Правда? — не поверила Мелисендра. — Это единственный достойный поступок, который связан с именем Барда ди Астуриен. Кто знает, может, с возрастом он станет больше человеком и меньше диким волком…

Пол с подозрением глянул на нее:

— Ты сказала, что не испытываешь к нему ненависти. Даже после того, как он силой взял тебя?

— О, дорогой, это не было насилием. Я сама желала этого, хотя, конечно, он поступил недостойно, наложив на меня чары. Однако с годами я поняла, что многие женщины ссылаются на

какую-то магию и ложатся с мужчинами просто потому, что желают это. Надеюсь, Великая Мать сможет простить Барда, как я в конце концов простила его.

Она приблизилась, обняла его:

— Почему мы все о нем и о нем? Мы же здесь одни, и, скорее всего, он не побеспокоит нас этой ночью.

— Нет, — согласился Пол. — Думаю, ему сейчас не до нас. У него и так сейчас полон рот забот — леди Карлина, гнев Аварры… Что там еще?

Карлина плакала очень долго — наконец ее рыдания затихли, всхлипы стали реже, однако слезы по-прежнему струились по щекам, смачивая подушку.

— Карлина, — сказал Бард. — Я прошу тебя — перестань плакать. Что сделано, то сделано. Прости, что я был вынужден применить силу. Но теперь все будет хорошо. Я даю слово, что больше никогда я так поступать не буду. Теперь всю оставшуюся жизнь, Карли, мы можем жить счастливо, теперь ты больше не будешь отказывать мне.

Она повернулась и глянула ему прямо в глаза. Спросила хриплым низким голосом:

— Ты что, в самом деле веришь в это?

— Конечно, любимая. Моя жена… — Он попытался взять ее руку, но она тут же отдернула ее.

— О, Мать Аварра! — неожиданно воскликнул он. — Почему женщины так безрассудны!

Карлина с любопытством глянула на него, странная улыбка заиграла у нее на губах.

— Надо же! Ты, животное, еще смеешь обращаться к Аварре? Ничего, придет день, и у тебя язык не повернется обратиться к ней за милостью. Думаю, ты поплатишься за все. И очень скоро. Вот тогда ты будешь молить ее о милосердии, о прощении. Каяться во всем, что совершил тогда, на озере, и сегодня…

— Сегодня. — Бард пожал плечами. — Аварра — покровительница родов и также семейного очага. Я уверен, она не станет гневаться на человека, взявшего свою жену, которая дала ему слово верности. Даже если она и нарушила его и дала лживый обет богине. И если она посмеет встать между мужем и женой, тогда я в свою очередь даю клятву, что разгромлю все ее святилища на территории королевства.

— Богиня — защитница всех женщин, и она накажет тебя за насилие.

— Ты считаешь, это было изнасилование?

— Да! — подтвердила Карлина.

— Не думаю, что ты это всерьез. Твоя богиня знает, что если бы ты не пыталась противиться…

— Не-ет! — вскрикнула она, и он овладел ею во второй раз. Теперь она не сопротивлялась, лежала молча, не шевелясь. Словно кукла…

Бард глянул на нее с презрением:

— Еще не было женщины, которая могла бы пожаловаться на меня. В конце концов и ты, Карлина, поймешь это. Почему ты не можешь стать честной сама с собой? Все женщины одинаковы — в душе вы всегда восхищаетесь мужчиной, который взял вас, продемонстрировал, что он — настоящий хозяин. И ты когда-нибудь будешь благодарна мне за то, что я открыл тебе сию простую истину. Я должен был дать тебе этот опыт. Но ты, Карли, слишком горда. Я должен сломить твою гордыню, чтобы ты могла наслаждаться любовью.

Неожиданно она села на кровати, прикрыла тело рясой.

Бард рассвирепел, сорвал черное одеяние, швырнул его в угол:

— Никогда больше не смей прикасаться к этой дряни.

Карлина пожала плечами, надела нижнюю сорочку. Слезы по-прежнему текли из глаз, она

судорожно вытерла их. Однако голос ее был тих и ясен:

— Ты, животное, действительно решил, что мне можно приказывать? Или думаешь, что, защищаясь подобным образом, ты сможешь забыть, что сотворил со мной только что! Ты решил, что сможешь не думать об этом негодяйстве? О своей черной душонке?..

— Только не надо пафоса, — поморщился Бард. — Все женщины одинаковы, и ты, моя любимая, ничем не отличаешься от прочих. Разве что гордыня тебя мучит… Я знал и таких дурех, которые накладывали на себя руки, еще не распознав как следует эту сладость. В первый раз не получилось, так они сразу в петлю. Но я считал, что ты более разумна, чем эти припадочные, более честна сама с собой… Что ты наконец расслабишься и сама захочешь получить удовольствие. Это же неизбежно, ты же сама хочешь меня…

— Это ложь, — сказала она хрипло. — Вранье!.. Выдумки… Если ты, животное, веришь в это, то только потому, что страшишься взглянуть правде в глаза. Оценить то, что ты сотворил…

Он пожал плечами:

— Ой, как страшно. Не надо, Карли, я знаю жен-

щин. У меня их знаешь сколько перебывало?

Она усмехнулась:

— Ничего ты не знаешь! Ни вот столечко, — показала ему кончик мизинца. — Ни одну женщину ты не смог понять. Изнасиловать — да! Это ты в состоянии. Но понять… Ты сам для себя, для собственного успокоения сочинил какие-то сказочки. А эти сказочки не имеют никакого отношения к истине.

— О-о, добрались! Так что же есть истина? — В его голосе послышалось откровенное презрение.

— Ты побоишься взглянуть ей в глаза. Тебя вполне удовлетворяют выдуманные тобой и такими, как ты, байки о глупых курочках, которые только того и жаждут, чтобы ты побыстрее их поимел.

— Ты считаешь, что я настолько глуп, что буду спрашивать женщину и выслушивать ту чушь, которую они городят? Я вот что скажу, все вы — и ты тоже, леди, — спите и видите, как бы скорее явился хозяин, смял вашу гордость, разбудил ваши потаенные желания.

Она улыбнулась уголками губ:

— Значит, ты такой смелый? Такой мудрый? Все знаешь?.. Значит, без колебаний и страха способен взглянуть в лицо истине, слиться созна-

ниями, когда нельзя солгать?..

— Я и не знал, что ты у нас лерони. Но я уверен в себе, дорогая. Не беспокойся, я не написана в штанишки от того, что прочитаю в твоей головке. Уж конечно, не обольюсь слезами…

Карлина, ни слова не говоря, вытащила звездный камень, который хранился в маленьком кожаном мешочке, подвешенном на шее.

— Так и быть. Знай, что милосердие Аварры распространяется и на тебя. Это я больше не испытываю к тебе жалости. Я верила, что ты ребенок, а ты всего-навсего животное… Что ж, смотри, любуйся…

Камень неожиданно засветился изнутри слабым голубоватым сиянием. Барда вдруг начало подташнивать.

— Нет, смотри, — низким тягучим голосом произнесла Карлина. — Смотри, раз ты такой смелый!..

В первое мгновение — ничего, кроме голубой дымки, потом наплывом — неуклюжий крестьянский парень-переросток, с большими руками, переминающийся с ноги на ногу. Это был он в тот день, когда его привезли в Астурийский замок из отчего дома. Он тогда ничего толком не умел — ни танцевать, ни держаться за столом… Да,

таким Карлина увидела его… «Она пожалела меня. И что, ничего больше, кроме жалости?» Бард увидел себя, парнишку, ее глазами. А он был ничего, когда его умыли, постригли, приодели. Даже симпатичный… И не такой бука, как можно было подумать вначале. Вот он первым помчался и влез на дерево, на котором застрял котенок. Вдруг, сменой кадров, неприятное воспоминание — когда слез и заметил восторг в глазах Карлины, Бард неожиданно взял котенка за шкирку и показал, что хочет свернуть ему шею. В следующее мгновение радость в глазах девочки сменилась неописуемым ужасом. *Если он способен так поступить с котенком, значит, он и со мной не будет церемониться?* Карлине Бард представлялся огромным, страшным, здоровенным, как скала, и в момент обручения, которое совершил король Одрин, она тряслась от страха. Этот человек будет ее мужем? Такой огромный? Он будет обнимать ее, схватит ужасными ручищами, сожмет, будет пытаться целовать. Тут прихлынуло отвращение, которое она испытала, когда он все-таки поцеловал ее. Потом потекли горькие, возмущающие душу мысли о Лизарде, рыдающей в сомкнутые ладошки, — девочка понять не могла, почему этот дядя так поступил с ней? Зачем мучил, трогал,

где трогать нельзя, — это грех, щекотал, потом нанес удар. Не рукой — нет… Чем-то жутким, здоровенным. Было очень больно. Так же нельзя делать, так не велят, потом это очень больно, но как окажешь сопротивление каменной глыбе, сопящей, похрюкивающей от удовольствия… Это так унизительно, даже когда боль покинула тело, растаял страх…

Затем явилась картина праздничного вечера, когда он встретил служанку на галерее, и девочка догадалась, что он намерен взять ее снова, желает она того или не желает. И невозможность сопротивляться — от этого на душе становилось еще противней, потому что теперь она знала, что он хочет и почему…

«Бард вовсе не хочет меня; только из-за ущемленного самолюбия он жаждет мое тело. Как же, он спит с королевской дочерью! Кто посмеет бросить упрек в незаконном происхождении зятю короля! Сам по себе он ничего не представляет, у него даже самолюбие кособокое — мечтает утвердиться за счет унижения другого. Когда все падут на колени, тогда он окажется намного выше их всех. А меня он хочет как самку… Больше ничего…»

Бард почувствовал отвращение, которое ис-

пытывала Карлина, когда он прикасался к ней. Когда пытался впихнуть свой язык ей в рот, по ее телу пробежали судороги. Его руки, объятия — это что-то омерзительное, неуклюжее, отбивающее всякую охоту. Вот он, совершенно ополоумевший, с перекошенным от ярости лицом, бросается на Джереми с кинжалом в руке — затем доносится вскрик Джереми, наконец конвульсии…

— Все, достаточно, — воскликнул он, однако телепатическая сила туго спеленала его — он даже глаз закрыть не мог. Тут же почувствовал, что был момент, когда она восхищалась им, что-то даже шевельнулось в ее душе… И все ушло! Точнее, он сам все разломал идиотским требованием немедленно отдаться. Ладно бы только требование — следом опять сминающая сопротивление попытка овладеть ею. Вот так, приспичило — и будь любезна, королевская дочь! Вот почему Карлина оставалась холодна, когда его отправили в изгнание. Все еще тогда было кончено. О какой женитьбе после этого могла идти речь? Когда король предложил ей выйти за Джереми, ее охватил такой ужас, что, только сбежав на остров Безмолвия, прожив там тихо, как мышь, несколько декад, она наконец пришла в себя. Святая жизнь излечила ее… Почти совсем… Бард замер,

ощутив смертельный ужас, который изведала Карлина, обнаружив, что связана, похищена… *беспомощна, совершенно беспомощна* … В темном, завешенном паланкине лежала, тряслась в такт ходу коней и мучительно размышляла, кто ее украл, куда везут… Каждая мельчайшая жуткая мыслишка отдавалась в нем ударом молота. Чужие руки, ужас, испытанный ею, когда она увидела лицо Барда, — так она подумала в первую минуту… Узнав, в чьи руки она попала, она не могла рассчитывать на милосердие. Разве животному известно сострадание и жалость, тем более в момент, когда жертва оказалась в его лапах? Тут же плеснуло запахом свободы, ненавистный ей мужик развязал ей руки — ох как она помчалась, совсем как молоденькая червин. Тут же она была схвачена, затем борьба, она отбивалась и руками и ногами (в тумане ужаса мгновенным облегчением мелькнул момент, когда она вцепилась ногтями в щеку мучителя, впервые вид человеческой крови доставил ей радость) и вот опять связана, закинута в паланкин. Какое унижение находиться там и каждый час ожидать насилия! Постоянно усиливающийся ужас, когда ее провели в ее собственные комнаты. И где? В родном доме! Все здесь было пропитано

страхом — одежда, еда, теплая вода в ванне, куда ее почти насильно засунули. «После всего этого я никогда не смогу считать себя человеком…»

Когда Бард вошел к ней, она уже была наполовину сломлена. Опять нарастающий ужас, охвативший ее. «Мать Аварра, помоги мне, но силы мои на исходе. Не позволяй этому случиться… Зачем, зачем это, чем я провинилась перед тобой, богиня, за что меня так наказывать? Почему ты покинула меня в трудную минуту? Я верно служила тебе, служила во славу твою…»

Тут бездонное чувство одиночества, ее бросили на произвол судьбы. Но почему, почему богиня отвернулась от нее? Кто ей теперь поможет? Что она против Барда, вон он какой здоровила! Животное!..

Смертельный ужас, обида и унижение, когда Карлина лежала почти обнаженная. Разорванная одежда разбросана по комнате… Страшная боль в низу живота… Неужели Лизарда тоже так мучилась? И хуже всего ощущение, что ты не более чем вещь, которую использовали. Мартышка, над которой посмеялся злой человек. Человек? Это вряд ли. Скорее негодяй! Так и запишем — злой негодяй. Урод, незаконнорожденный… Что-то в глубине ее тела было раздавлено, сплющено… Как

гадко ощущать себя никчемной, осквернённой! От этого не отмоешься… И гнев, отвращение к самой себе за то, что оробела, не заставила его убить себя. Надо было бороться до погибели. Ничего, ничего, кроме облегчения, это не принесло бы. А так она не более чем червь. Он мог раздавить ее одним пальцем… Или это он червь? Паразит, напившийся крови, раздувшийся от несчастий других… посмевший обесчестить ее. Она позволила ему совершить насилие — и от этого не уйдешь. Она должна была бороться отчаянней…

Бард не заметил, как оказался на полу. Он был повержен, громко вскрикнул. Оглушительно громко, когда, ломая сопротивление ее губ, пытался втиснуть свой язык в ее рот. Это был ее несостоявшийся вопль, это она должна была вскрикнуть. Теперь кричал он. Этот хриплый, вызывающий тошноту, отвращение стон был неотвратим, неодолим. И следом увесистым добавком волна мерзкой темноты — видно, в тот момент, когда он вторично овладел ею, Карлина на мгновение потеряла сознание. Уже во мраке родился гнев и ярость, крупно замешенные на ужасе и неприятии самой себя, — опять ее использовали. И он пытался добыть удовольствие в этом ужасе, пытался вызвать оргазм? Барда

стошнило. На грани сознания он еще старался взмахами рук отогнать эту жуть, стряхнув налипшую на камзол блевотину, но ничего не вышло.

Но это было еще не все. Тут все убыстряющейся чередой поплыли другие лица, другие образы потекли через сознание. Вот явились расширенные, заряженные страхом и отвращением глаза Лизарды. Глаза ребенка, изнасилованного и выброшенного. Он почувствовал ее боль, ее судорогу, непонимание, что с ней происходит, — каждая волна поражала, словно хлестала бичом его сжавшуюся от страха душу… Увидел себя глазами Мелисендры, самодовольного и скверно ухмыляющегося… Неужели у него на самом деле такая гнусная усмешка? В мыслях Мелисендры было только одно — горечь, раскаяние о потере ясновидения. Потом уже пришли боязнь наказания, ожидание сурового приговора, который вынесут дом Рафаэль и леди Джерана. Но этого не может быть! Богиня, этого быть не может, ведь с ней я провел так много ночей, неужели ни разу она не вскрикнула от радости, не потянулась блаженно?.. Не веришь? Смотри… Найдешь — это тебе зачтется. Следом выплыло полное жалости лицо Мелоры.

Внезапно он обнаружил, что стоит на берегу

озера Безмолвия — и старуха жрица в черной рясе — капюшон наброшен на голову — корит его, грозит пальцем. Тогда и началось — все, что явилось ему в наплывах зеленоватого тумана, теперь вновь завертелось в зримой дьявольской свистопляске. Опять ребенок, размахивая ручками и ножками, летит со стены. Безмолвный вопль его матери, ее глаза, руки, простертые вперед… К небу? Изнасилованная женщина, минуту назад ставшая вдовой. Все случилось у трупа мужа.

Вот этого не надо! Бард забился в корчах, взвыл, как волк с Киллгардских холмов. Даже звания животного он оказался недостоин — так, бездумная, уверенная в своем превосходстве над другими вещь… *Чем можно смыть эти грехи, где найти спасение…* Со всем согласен, все правда. Но подскажи, чем очистить душу, как выгрести грязь? Ответа не было, а картинки все наплывали, все лезли в глаза. Конца им долго не будет — Бард знал это. Когда он наступит, все повторится снова? И так раз за разом? Лучше смерть… Смерть…

Оборвалось все разом. Он лежал, свернувшись клубком на грязном, с пятнами блевотины, полу. Где-то, в миллионах миль отсюда, подальше, чем луны, пробегающие по небесам, отомстившая Аварра отключила звездный камень.

Прошло несколько часов. За окнами светало. Начинался день. Бард пошевелился, узрев свет. Следом до него донесся тихий голос:

«Бард, в тебе уживаются две ипостаси… и ту, другую, человеческую я всегда буду любить…»

Чей это голос? Он с трудом разлепил склеившиеся веки. Кто подал весть? Неужели это она? Мелора? Ты, которая всегда любила меня, восхищалась мной. Мелора, единственная женщина, которую он не сломал…

«Боги, даже мой брат, даже Аларик, этот незлобивый простак, возненавидит меня, когда узнает, что я натворил. Только Мелора, ведающая обо мне все, знающая, что за мной числятся поступки и похуже этого, не станет отвращать взор. Только она…»

Голова разламывалась от боли, в глазах плыли разноцветные круги, руки подрагивали — Бард с трудом натянул на себя одежду. Поискал взглядом Карлину — она по-прежнему лежала на кровати. Пошевелиться сил у нее уже не было, не то чтобы набросить на себя одеяло. На ней была все та же разорванная, в пятнах крови сорочка. Глаза были открыты, но жило ли в ней еще сознание — этого никто не мог сказать. «Карли, Карли, я же не хотел, мне и в голову не могло прийти, что

я способен на такое! Что же я наделал?!» На цыпочках он дошел до двери, там оглянулся — она смотрела на него и, когда заметила, что он видит ее, вздрогнула. Бард тут же выскочил в коридор. Здесь едва сумел унять дрожь. Одно имя сидело у него в голове — *Мелора!* Поскорее добраться до нее. Там — спасение! Она вылечит его!.. С трудом сдержался, чтобы в ту же минуту не броситься вниз по лестнице, там на коня и галопом в Башню Нескьи. Он сжал челюсти, потом зашагал в обратную сторону. Зашел в свои апартаменты.

Пол, заметив его, открыл рот — вернее, его нижняя челюсть опустилась до подбородка. Во взгляде мелькнул испуг.

Он что-то быстро заговорил — какую-то глупость, что-то вроде:

— Боже правый, я думал, ты провел счастливую ночь с женой, а выглядишь так, будто явился из ада.

Тут же заткнулся, когда Бард взглянул на него.

— Да что же случилось, — уже в растерянности вымолвил Пол. В этот момент в комнату вышла посвежевшая Мелисендра, на ней был купальный халат, волосы распущены — видно, только что из ванны. Увидев его, она даже замерла на ходу.

— Бард! Что с тобой, дорогой? — воскликнула

она. — Ты не заболел?

Он отрицательно покачал головой.

— Я не имею права… не могу рассказать… — И Пол, и Мелисендра были сражены, услышав его голос. Рык какой-то, а не речь. — Самое главное, — глотнув, продолжил Бард, — ты же добрая женщина. Прошу тебя, именем Аварры, пойди к Карлине. Я не могу позволить… нельзя унижать ее присутствием служанок и прочей челяди. Только ты, одна. — Его голос внезапно сел. — Я убил ее. Снасильничал, погубил — не знаю. Она в свою очередь погубила меня.

Бард, защищаясь, поднял руку, словно молил — никаких вопросов. Было видно, что он на грани… Потом, повернулся к Полу и уже зычно распорядился:

— Пока я не вернусь… На все время моего отсутствия ты — лорд-генерал армии Астуриаса. — Помолчал, потом загадочно добавил: — Это случилось раньше, чем мы оба ожидали. Вот так.

Пол было собрался возразить, однако Бард стремительно покинул комнату.

Когда звуки его шагов стихли, Пол удивленно глянул на Мелисендру:

— Что же, черт побери, с ним случилось? Он выглядит так, словно на него пал гнев богов.

— Не богов, — возразила Мелисендра. — Богини! Когда она рассержена, беспощадно карает оскорбивших ее. — Она положила руку Пола к себе на талию. — Я пойду к Карлине. Бард молил именем Аварры, и на такую просьбу ни одна женщина не может не откликнуться.

6

Долгий путь до Башни Нескьи показался Барду нескончаемой пыткой. Он гнал коня, а сам при этом едва мог удержаться в седле. Невыносимо болело тело, голова раскалывалась от каждого удара копыт. Скакал, не смея поднять глаза от седельной луки, в которую вцепился обеими руками. Он был один, вокруг расстилались поля, перелески, солнце заглядывало ему в лицо, в рыжеватом небе молча висели облака — они тоже корили его? Презирали? Как и былинки, что росли по обочине, как острые камешки, что наполовину выглядывали из утрамбованной земли? Они тоже, заметив его приближение, решили попрятаться в почву? Это что, род помешательства? Если нет, то как назвать то, что он сотворил с Карлиной? Затмение нашло? Теперь Бард пришел в себя. Если все нормально — выпрямись в седле, окинь взглядом окрестности. Боги, она проклинала себя за то, что не смогла заставить его убить ее! Вспомнился проникновенный — или проникающий? — ласковый — как нож? — голос Мелисендры: «Бард, что с тобой, дорогой? Ты не заболел?» А ведь он поступил с ней так же, как

с Карлиной. Она не таит зла, Бард был уверен в этом, ее забота о нем искренна. Может, потому, что он — отец ее ребенка? Или прощение возможно? После долгого покаяния, после многих трудов во имя твое, Аварра… Неужели твоя милость беспредельна? Тогда подскажи, дай знак. Ох, Великая Мать, почему ты не защитила свою служительницу, почему наказала после, а не до? Или с ее помощью ты решила проучить меня? Но почему при этом должна страдать Карлина? Я тоже свихнулся. Какие вопросы задаю?

В поздних сумерках в прогале между холмами мелькнул гигантский шпиль Башни Нескьи. Собственно сама Башня — пристанище лерони — представляла собой замок из нескольких, один выше другого, донжонов. Вот почему издали похожие на единое сооружение подобные крепости получили названия Башен.

Теперь Бард скакал при мерцающем лунном свете — хотя бы голову можно было поднять. Он совсем забыл о еде, отдыхе, разве что спешивался несколько раз, чтобы дать передохнуть коню. Теперь, у Башни, вдруг несколько оробел — решил спешиться, чтобы привести себя в порядок. Поливший на закате землю дождь промочил плащ — он выжал его, смахнул остатки воды,

потом глянул на небо. Тучи разошлись, стояла ясная ночь, подсвеченная зеленоватым ликом Идриэля. Оставшиеся в небесах редкие хлопья облаков тоже сияли ласково, безмятежно.

«Она ждет меня, — с неожиданной уверенностью решил Бард. — Это ее ликом воспользовалась богиня.

Точно-точно… Она сошла с ума. Нет, наверно, это я сошел с ума. Эх, если бы!..»

Горько было сознавать, что, к сожалению, он находится в полном здравии и боль, смятение получил по заслугам. Сама мысль об этом говорила о полноценности рассудка.

«Было бы проще простого сойти с ума и с хихиканьем указывать на самого себя пальцем. Ты вот так, при ясном сознании, найди опору. Кто подаст руку такому, как я? Выходит, у меня хватает ларана, чтобы проникнуть взором в запредельное? Мелисендра! Все дело в ней, это она возбуждает во мне этот дар. Но почему Мелисендра никогда не открывала мне то, что открыла Карлина? У нее хватило бы сил. Какая жалость, что я потерял ее! Но почему она простила меня, ведь я поступил с ней так же?»

Мелора! Вот кто ему поможет, вот кто сможет открыть глаза на самого себя. Ну, почему он не

обращал внимания на то, что творится вокруг? Ведь все в Карлине буквально вопило — она не желает быть твоей женой! Оставь ее в покое! Почему накатило на него такое ослепление? Зачем уперся в мысль о необходимости жениться на дочери короля, чтобы упрочить свое положение при дворе? Кто, мол, посмеет посягнуть на зятя короля? Поддался гордыне и даже наказание семилетним изгнанием не вразумило его. Бард тяжело вздохнул — когда и где один человек мог вразумить другого? И, словно эхо, откликнулась душа — было такое, было. И не раз… Ты же сам пришел за помощью к человеку, перед ним готов смириться. Перед Мелорой.

Да, все дело в гордыне, в оскорбленном самолюбии. Его с детства шпыняли… Тут у Барда даже дыхание перехватило. Он рос без матери! Он недестро! Зачем ссылаться на обстоятельства? Отец усыновил его, и даже при таком пятнышке в происхождении он вполне законно стал главнокомандующим армией Астуриаса. У него были отличные перспективы — с его-то умением орудовать мечом! В раннем возрасте его уже сделали королевским знаменосцем. Вот так бы и шло все своим путем. Всему свой срок — и с Карлиной, законной своей женой, он сумел бы найти общий

язык. Сколько таких пар, живущих без любви, но в согласии при дворах. Но ему все было мало, мало! Почему жизнь не могла идти накатанной дорогой? Характер помешал? Или злоба, которая все время душила его? Вот правильное объяснение. Сколько он помнил себя, она постоянно грызла его. Когда где-то кому-то было хорошо, он хотел испортить ему настроение, потом, когда занял должность главнокомандующего, считал это своим долгом… Скольких друзей, знакомых он ни перебирал в памяти, только Мелора относилась к нему с душой. Все остальные либо восхищались воинской славой, либо верно служили, либо старались не попадаться на глаза. Даже Пола и того нельзя было назвать другом. На чем сошлись они? На пакости! Использовали вдвоем одну и ту же девчонку. Устроили соревнование!..

Выходит, только Мелора? Да, только она. Родная мать сразу отказалась от него, когда отец решил взять его в дом. Без колебаний… Так, по крайней мере, ему рассказывал отец. А он сам? Любил ли он Барда или провидел будущее и решил, что из этого мальчика выйдет толк? Придет час, и его можно будет использовать как орудие для удовлетворения собственных амбиций. Аларик — вот кто на самом деле любил его… «Однако он

никогда не знал меня, вдохновлялся мечтой о старшем брате. Если бы он заглянул в мою душу, то возненавидел бы меня». Ни одна из женщин, с которыми он, Бард, спал, не любила его. У всех вызывал отвращение, потому что брал силой, против воли.

Сводные братья любили его — зачем отрицать! В ответ он одного искалечил, другого оскорбил, а затем убил.

«Почему Белтран стал моим врагом? Как же я мог посмеяться на ним? Он открылся, обнажил душу, признался в страхе. Он гордился мной, по-хорошему завидовал. Странно, только теперь понял, что, открывая душу, он показал себя куда большим храбрецом, чем я. Я не смог признаться, что и мне было страшно в первом бою. И испугался, что он сочтет меня ровней, таким же, как и он. Выходит, я испугался быть человеком? В этом все дело.

Как встретит меня Мелора, когда я доберусь до Башни? Она вывернет меня наизнанку, ткнет носом в это дерьмо, скажет, что я окончательно выжил из ума, если рассчитываю, что она позаботится обо мне… Или, может, пожалеет. Она леронi, кому, как не ей, знать, что сделать, чтобы вернуться на путь истины. На праведный путь. Я

ведь только заблудился. Я не свалился в пропасть. Я бы и оттуда попытался выбраться… Может, мне никогда не выйти на верную дорогу, но я должен попытаться. Возможно, богиня простит меня…»

Если не поздно!

Передохнув немного, он вновь отправился в путь. Только с большой натяжкой эту краткую остановку можно было назвать отдыхом. Даже конь еле плелся, а у Барда не было ни сил, ни желания подгонять его.

Холодало. Ди Астуриен попытался плотнее натянуть на себя влажный плащ. Это была слабая защита от ночной прохлады и сырости. Так же как и ряса Карлины, прикрываясь которой она пыталась защититься. Он безжалостно сорвал одеяние, швырнул в угол… Мучительные воспоминания жгли Барда. С открытыми ли глазами, с закрытыми ли он видел только одно — испуганное лицо, ее отвращение — Карлины. Слышал ее мольбы. Неужели эти видения будут преследовать его всю жизнь? Неужели ничто не поможет, даже время? В глубине сознания ясно родился ответ — в этом случае и время бессильно. Сколько бы ни каялся, как бы ни замаливал свой грех, ему теперь никуда не уйти от этого. Бард всегда будет помнить пытку, которой подверг

любимого человека.

Любимого? К собственному удивлению, перемешанному с ужасом, он понял, что любит Карлину. Пусть это было извращенное, нелепое чувство, но он в самом деле любил Карлину, эту маленькую, тихую девушку, подругу детства, которой он когда-то достал котенка, а потом продемонстрировал, что свернуть ему голову — раз плюнуть. Боги, как он любил Джереми и Белтрана, как нуждался в них, но теперь их не вернешь. Не будет никогда ни дружбы, ни любви. И только по его вине. Джереми искалечен, Белтран мертв… Что, так лучше? Слезы едва не брызнули из глаз, когда он подумал, какие перспективы открывались бы перед ними, будь они по-прежнему вместе, плечом к плечу… Но не было слез — то ли все выплакал, то ли и этого утешения он был лишен. Он любит Эрленда, а ведь сыну тоже не за что любить его. Пусть даже дети любят безотчетно. Все равно, придет день, и Эрленд спросит, кто же его отец? Эрленд, узнав правду, отвернется от него. Что там отвернется — возненавидит! Как и Аларик, как дом Рафаэль… как Мелора. А он не может молчать. Держать все это в себе — значит в конце концов свихнуться. Что ждет его, когда он все расскажет ей?

Он расскажет, не пожалеет, обрушит на нее все это негодяйство, это дерьмо, в котором копошится его душа. Ему не отмыться без посторонней помощи, но какой груз он взваливает на другого человека! Хватило бы сил, Бард враз бы покончил самоубийством. Долго ли ткнуть кинжалом под ребра, мгновенный страх, боль — и все кончено. Всем хорошо, и прежде всего ему — ведь он больше никогда не обидит другого. Никого уже не будет мучить, никому не навредит. Ни Карлине, ни Эрленду, который так нуждается в отце. Ни Аларику. Пусть брат слаб и, только опираясь на Барда, сможет удержать трон. Ведь ты от всех неукоснительно требуешь исполнения долга, вот и подай пример! Боги, может, действительно пырнуть себя клинком, и Мелора никогда не узнает, какой груз он собирался обрушить на ее голову?

Башня, залитая зеленоватым лунным светом, теперь виднелась во всей своей красе. К его удивлению, ворота были открыты. Бард въехал во внутренний, очень тесный двор, стих цокот копыт, наступила тишина. Несколько минут сидел в седле, прислушиваясь, непонятно, что ждал. Из низкой дверцы вышел заспанный служитель. Бард спросил его, может ли он повидаться с леро-

ни Мелорой Макаран?

Служитель почесал в затылке — ни вопрос, ни незнакомый всадник его не удивили. Видно, подобные поздние посетители были здесь обычным явлением. Он вернулся к двери и крикнул кому-то, чтобы тот разыскал Мелору — мол, ее тут посетитель дожидается. В этот момент Бард тяжело сполз на землю. Мужчина, видя, что гостю совсем плохо, помог ему зайти в караульное помещение, где угостил пирожками и налил в кружку вино. Бард набросился на еду, к вину же не прикоснулся — знал, что ему и половины хватит, чтобы свалиться и заснуть. Вином горе не залить. Проснется утром — все повторится. Только хлопот хозяевам подбавит…

Сначала он услышал голос Мелоры — она уверяла кого-то, спускаясь по лестнице, что «и подумать не могу, кто бы это мог явиться в такой поздний час, Лорил». Затем сама вошла в караулку. С первого взгляда Бард понял, что она еще больше пополнела, округлилась лицом. Одета совсем по-домашнему — в светлый, до пят халат, голова и лицо укрыты вуалью.

— Бард? — Мелора удивленно глянула на него. В этот момент она коснулась его сознания своим лараном и сразу отпрянула. На лице отразился шок,

который она испытала, поняв его состояние.

— Бард, дорогой! Что случилось? Что с тобой? Нет-нет, Лорил, все хорошо. Это мой друг, я провожу его в гостиную. Бард, ты можешь идти? Пойдем, пойдем, милый, здесь так дует. Ты совсем замерз.

Он, едва волоча ноги, побрел за ней. Сил не было слово вымолвить. Только пришло на ум, что и Мелисендра, увидев его, назвала «дорогим». Это у них семейное, что ли? На верхнем этаже — каком по счету, не заметил — Мелора свернула из полутемного коридора в комнату, небольшую, бедно обставленную, в углу в камине пылал огонь. Здесь было тепло, и Бард понял, как сильно замерз.

— Садись сюда, поближе к огню. Лорил, — обратилась она к мужчине, который провожал их с лампой в руке, — принеси еще дров, потом можешь вернуться к себе. Да что ты, не глупи, я же не юная лерони и мне не нужна защита. Это мой старый друг, мы знакомы с юности, вместе участвовали в походах. Он не причинит мне вреда.

Итак, усмехнулся про себя Бард, есть, оказывается, на свете человек, который считает, что Бард ему не опасен. Роковое заблуждение! Может, в этом как раз и таится искорка, которую стоит

раздуть и она согреет, очистит душу? Вот как тот огонь, который добродушно потрескивает в камине. Лорил ушел. Мелора подвинула маленький столик и села напротив.

— Мне принесли ужин, как раз когда меня позвали. Раздели его со мной, Бард, нам обоим хватит.

В корзине лежали куски орехового хлеба — еще теплые, пахучие… Несколько ломтиков свежего, сдобренного ароматными травами сыра, тарелка наваристого бульона. Мелора подвинула пустую глиняную чашку и отлила в нее половину содержимого тарелки. Поставила перед Бардом. Тот молча принялся пить густой горячий бульон. По телу разлилось тепло. Тем временем Мелора сделала несколько бутербродов с сыром и вручила их Барду.

— Хочешь еще бульона? Могу принести, на кухне всегда можно найти добавку. Ты меня слышишь? Ешь, ешь бутерброды, я уже сыта, а ты скакал весь день. Когда ты приехал, был похож на маленького баньши. Ну так, Бард, что случилось? Рассказывай!

Он встал и неожиданно рухнул на колени у ее ног. Мелора порывисто вздохнула, а он не мог рта открыть. Как он смеет взвалить на ее плечи

свои грехи? Наконец справился с комком в горле и сказал грубо, невразумительно:

— Я никогда больше не приду сюда. Прости меня… Я… я пойду. Я не могу.

— Что не можешь? Не глупи, Бард. — Лерони взяла его за подбородок — рука полная, мягкая, — подняла его лицо так, что он смотрел ей прямо в глаза. Другой рукой коснулась его правого виска — словно ток пробил. Он догадался, что Мелора может все узнать без слов. Более того, ей уже все известно. Некое таинственное откровение коснулось его. И точно — лицо ее исказилось.

— Аварра милостивая! — с ужасом выдохнула она, потом совсем мягко, даже ласково добавила: — Нет, с тобой она не была милосердной, но ведь ты сам заслужил это, правда, Бард? О-о, Бард! — прижала его голову к своей груди. Так и замерли — сынок, вымаливающий прощение у матери. А ведь матери он никогда не знал. Выходит, без матери не обойтись. Волк с трудом сдерживал слезы.

— Дорогой мой, — еще раз прошептала Мелора, — как же ты дошел до этого? В этом есть и моя вина, Бард, — я ведь прекрасно знала, как нуждаешься ты в любви и ласке. Мне бы следовало найти способ помочь тебе. Но я так гордилась

своей стойкостью, своей непогрешимостью, своей правильностью, наконец… Словно все это существует само по себе. Я вознесла себя над людьми — как же, я почти святая. Что поделаешь — все мы люди, все совершаем ошибки — это самая ужасная сторона жизни. Может, наказание, которому мы подвергаем сами себя, заключается в анализе прежних поступков? Я должна была помочь тебе!..

— О какой помощи ты говоришь? О какой помощи вообще можно говорить в этом случае? Как ты можешь винить себя в том, что совершил я? Как я могу жить с этим? Как мне это вынести?

Мелора погладила его лоб, откинула волосы, мягко сказала:

— У тебя нет другого выхода. Ты должен терпеть, и я должна вынести этот ужас, и Карлина. Все мы. Разница в том, что некоторые из нас просто догадаться не могут, за что на их долю выпали эти несчастья. Скажи, Бард, только откровенно — тебе бы хотелось, чтобы этого никогда не произошло? Ты не спеши, ты вдумайся. Ты бы хотел остаться в неведении?

— Хотел бы я, чтобы ничего этого не случилось? Ты с ума сошла?! Конечно… Черт побери, лучше бы я на самом деле ничего не знал, мне бы хоте-

лось вычеркнуть эти минуты из своей жизни…

— Нет, ты не понял. Ты бы хотел, я имею в виду, вернуться к тому состоянию, к тому человеку, каким ты был перед встречей с Карлиной?..

Киллгардский Волк не выдержал, разрыдался — да, да, к черту эту истину, я не хочу ничего знать, хочу тешиться неведением. Карлина взвалила на него этот груз с помощью ларана, это она приоткрыла дверцу в запретное; может, используя этот дар, можно захлопнуть створку, вырвать из его мозгов это ядовитое жало? Может, Мелора попробует, ведь она такая сильная колдунья!.. Потом рыдания стихли. Ну и что? Опустил голову, долго стоял на коленях молча… Ну, вырвет она жало, но рана-то останется. И будет свербить, донимать, не давая ни минуты отдыха, сна… Сказал же Карлине — что сделано, то сделано. Вот и аукнулись эти слова. Закрыть глазки, забыть, что случилось, — значит неизбежно вновь вляпаться в то же дерьмо. Вот на эту истину у него смелости хватит. Опять начнется то же самое — походя, искалечит брата, другого, юного несмышленыша, заколет, любимых будет брать силой — и при этом не ведать, что творит? Так не бывает. Рана будет свербить, постанывать?! Его даже передернуло от отвращения. Спасибо, нет…

Последнее слово Бард, оказывается, произнес вслух — скорее выдавил из себя. Хриплым, чужим голосом… Потом только сообразил, от чего отказался, чему поставил заслон — вопросу, заданному Мелорой, а не будущему, которое въявь нарисовалось ему. Даже смешно стало — хрипло, жутко захихикал, представив себя слепцом в прекрасном саду, где было полным-полно невиданных чудесных цветов. Так и жить — аромат чувствовать, идти на него и хватать все, что попадется под руки? Этак все цветы можно смять.

Теперь Бард рассмеялся вольнее — отрывистым, лающим смехом.

— Нет уж! Лучше ведать… Это страшно, но… лучше знать.

— Вот и хорошо, — прошептала Мелора. — Вот мы и шагнули. В первый раз… Вот и ладушки.

— Я хочу… Мне просто необходимо каким-то образом исправить все. Все, что смогу!..

Женщина кивнула:

— Сможешь, сможешь… Прошлое не вернешь, но впереди, только задумайся, сколько будет подобных случаев, но ты уже будешь опытен, обременен знанием. Как это ни горько, Бард, но я обязана сказать — прошлое нельзя вернуть, поскольку грех не замолишь. Это еще одна истина.

Можно только обрубить цепь зол, и в какой-то мере исправить последствия. Я не знаю как — ты сам догадаешься. Истина не может вернуть прежнее состояние. Самое большее, на что она способна, — это научить жить правильно. Поверь мне — это не мало… — Тут она вдруг посуровела и резко спросила: — Ты что, бросил Карлину одну? Во всей этой грязи?

Бард не мог взглянуть ей в глаза, он отвернулся:

— Мне казалось, что будет лучше, если никто не будет знать об этом. Ну, не увидит ее… в этом положении.

— Ты в этом уверен? Значит, ты сотворил все это и умчался. А подумал о том, что через несколько дней тебе придется встретиться с ней лицом к лицу?

— Да… Я послал к ней Мелисендру. Она… Она добрая… Я не знаю, как Карлина может жить со всем этим… ну, что я сделал, но Мелисендра возле нее. И больше никого. Действительно, — неожиданно спокойно и озадаченно спросил он, — как Карлина сможет жить со всем… этим? И сможет ли?..

— Она сдюжит, — ответила Мелора, — потому что знает людей. Теперь и тебе станет понятно,

что это значит. Она знает, что это за зверье, наделенное душой.

— Ты тоже, — помолчав некоторое время, сказал Бард, потом глянул прямо в ее глаза: — Это и есть ларан? Это с его помощью?..

— Не совсем. Но это первый шаг в обучении. Вот почему, показав тебе всю твою подноготную, Карлина тем самым отплатила добром за причиненное зло. Она подарила тебе возможность заглянуть в самого себя, это и есть ларан, вернее, его исходная точка. Карлина тоже начала с нее…

— Хорош дар! — горько откликнулся Бард.

— Конечно, это самое главное — уметь заглянуть в себя. С этого все начинается… Бард, уже поздно, мне надо поспать, я после дежурства. Представь, у нас в Башне тоже есть обязанности. Нет-нет, я не брошу тебя. Мне надо связаться с Варзилом — он наш тенерецу, наш настоятель, или Хранитель, — он пришлет кого-нибудь мне на замену. Тебя нельзя бросать в такую минуту.

Бард припомнил, что встречался с Варзилом на свадьбе Джереми. Каков он был, сейчас трудно было вспомнить. Какой-то маленький человечек с бредовыми идеями. Это в том, прежнем измерении — бредовыми. В те дни он ходил с высоко поднятой головой — сможет ли теперь с той же

победоносной надменностью поглядывать на окружающих? Все, что затевал, оканчивалось катастрофой. В конце концов он, Бард, добрался и до самого себя. Сокрушил, как говорится, напрочь. Посредством Карлины… Угу! В таком случае стоит ли называть идеи бредовыми только потому, что они ему не по нраву?..

Мелора коснулась его руки:

— Достаточно! Не забирайся в такие дебри. В них легко заплутать. Этак начнешь жалеть себя — ничего хорошего от этого не жди. Ты очень устал. Послушай, — голос ее смягчился, — когда отдохнешь, мы с тобой еще поговорим. Уже на спокойную голову все взвесим, разложим по полочкам. Нет, забывать ничего нельзя, но и копаться в этом просто так не стоит. Сейчас надо отдохнуть и поспать. Я побуду возле тебя.

Она поднялась, убрала посуду со стола, потом отнесла ее в угол. Поставила перед креслом скамеечку для ног.

— Я не должен был беспокоить тебя, — сказал Бард, — ради этого.

— Почему? Я же не больна, не измотана. Вот, положи ноги на скамеечку — ага, вот так. Позволь я сниму твои сапоги. Сними пояс, меч, зачем они тебе? Вот и хорошо. — Потом подошла к занавесу,

отдернула его. Открылась небольшая ниша, где стояла кровать. Значит, это ее постель. Мелора бросила ему подушку. — Кресло очень удобное, я сама много ночей в нем проспала, когда болела или когда меня могли вызвать в любой момент. Если тебе ночью надо будет выйти, туалет в конце коридора, вниз по лестнице. Там есть дверь, окрашенная в красный цвет. Это для стражи. Тебе нельзя пользоваться туалетом и ванной здесь. Ты не из наших. — Она накрыла его пледом. — Спокойной ночи, Бард.

Мелора потушила лампу, прошла мимо него. Потом он услышал слабый скрип пружин. Странно, такая большая женщина, подумал Бард, а так легка в движениях, даже кровать едва скрипнула. Он даже шагов не слышал, когда она шла по комнате. Бард погладил ворс на пледе, натянул его до подбородка. Ему показалось, что он вернулся в детство, — вспомнилось, как мачеха укрывала его меховым одеялом, подтыкала под спину, а потом натягивала до подбородка. Странно: он всегда считал, что леди Джерана ненавидит его и только ждет момента, чтобы жестоко отомстить. За что? Бард и сам сказать не мог, но был уверен, что она такую возможность не упустит. Теперь же почему-то в голову лезли те нередкие случаи,

когда та была добра с ним. Выходит, он просто хотел думать, что она ненавидит его и жаждет разделаться с пасынком? Значит, он просто вбил себе в голову, что мачеха кипит злобой?

Наконец Мелора уснула — сразу стало слышно ее дыхание. Это первый знак, свидетельствующий, что человек спит. Это было так непривычно для него, что она позволила ему, человеку с такой славой, всегда жестоко обращавшемуся с женщинами, остаться в ее комнате. Нет, он ни капельки не желал ее. В голову закралась мысль, что вряд ли он теперь захочет женщину без болезненного укола, который обязательно напомнит ему, как он обошелся с Карлиной. «Вот Карлина и отомстила», — с тоской подумал Бард. Наложила заклятье… Как вспышка родилась в сознании мысль, что с той самой минуты, как мать отказалась от него, где-то в подвалах рассудка возникла идея, что его никто и никогда не сможет полюбить. Эта идея обернулась отчаянием. Может, в этом подспудном отчаянии все дело? Может, потому и показались ему удивительными ласка и доверие Мелоры? Он потыкал кулаком чуть припахивающую духами подушку, размял ее, улегся поудобнее и провалился в сон.

Когда он проснулся, был день. За окном падал

снег. Первый снег в этом году. Вот и зима пришла на холмы Киллгард, еще одна зима в череде бесконечной смены времен года. Хлопья были крупные, падали медленно, величаво… Мелора принесла ему бритву и чистую рубашку — сказала, что один из охранников одолжил, затем пригласила к общему столу на завтрак.

— Таким образом, — объяснила она, — все будут знать, что у меня нет любовника в миру. Это запрещено уставом на все время, что я пребываю здесь. Я вовсе не беспокоюсь за свою репутацию, но и нарушить правила — значит дать повод для скандала. У Варзила и так очень много хлопот.

Когда Бард уселся за стол с местными стражниками, то почувствовал легкий укол — главнокомандующий армией Астуриаса, знаменитый Киллгардский Волк, а сидит с солдатами. Но ведь он не в своей стране, может, его здесь не узнали, а если даже и так, то кому какое дело, о чем генерал советуется с лерони? Это их тайна — пусть только кто-нибудь попробует сунуть нос. Завтрак был вовсе не плох — ореховый хлеб, рыба, запеченная в тесте. Все очень вкусно… Побрившись, переодевшись в чистое, наевшись, он почувствовал себя лучше. После завтрака рыжий юноша, явно из Хастуров, передал ему приглашение посетить

дома Варзила из Нескьи.

Дом Варзил. Враг, как и Эйрик… Он тоже происходит из рода Риденоу. Однако Аларик в нем души не чаял, да и на него он произвел хорошее впечатление, когда приехал на свадьбу Джереми. Даже несмотря на то, что Варзил был союзником Каролина из Тендары…

«Должно быть, это чертовски трудное дело — сохранять нейтралитет в мире, где каждый готов вцепиться в глотку соседу. С другой стороны, когда кругом подобная неразбериха, когда вся земля в огне, куда легче присоединять эти королевства одно за другим».

Память вроде бы подсказывала, что Варзил должен быть достаточно молод, однако человек, встретивший его в маленьком кабинете с каменным полом, одетый запросто, оказался весьма почтенного возраста. Лицо покрывали многочисленные морщины, волосы заметно поседели. В самом деле, Варзилу должно было быть много лет — как он сам не сообразил, ведь он отстроил Башню Нескьи после бомбардировки, а это случилось еще до рождения Барда. В ту пору Варзил был молод…

— Добро пожаловать, Бард мак Фиана. Я обязательно поговорю с тобой, но прежде у меня

есть несколько срочных дел. Посиди вон там, — он указал в угол, а сам продолжил разговор с молодым человеком, одетым в цвета Хастуров, который тоже находился в кабинете. И на этот раз первым ощущением Барда была оскорбленная гордость — так вот каков хваленый нейтралитет Варзила из Нескьи, однако, услышав, о чем идет речь, успокоился.

— Да, скажи людям из Хали, что мы непременно вышлем лекарей и лерони, чтобы помочь тяжелораненым. Однако напомни, что телесные раны, которые можно лечить, не самое страшное. В первую очередь должны быть обследованы беременные женщины. У многих случились выкидыши, и, может быть, им повезло больше других, так как те, кто доносит плод, в половине случаев родят уродов. Вот за такими женщинами пригляд должен быть особый. Их надо эвакуировать в первую очередь. И всех остальных надо предупредить, что зачинать сейчас детей на зараженной местности нельзя. Эта пакость может длиться годами.

— Но люди не желают покидать свои поместья и фермы, — ответил Хастур. — Как мы можем убедить их?

— Действительно, — со вздохом согласился Вар-

зил. — Эта земля заражена навсегда, без всякой надежды на улучшение ситуации. Разве что через много-много лет… Но не в пределах человеческой жизни. Там нельзя жить… От всего этого ужаса только одна польза…

— Польза?! О чем вы говорите, ваи ларанцу?

— Башня Далерет тоже присоединилась к нам и решила хранить нейтралитет. Они поклялись больше никогда и ни под каким предлогом не производить колдовское оружие. Их настоятель Марзан из Валерона дал слово присоединиться к договору. Так же как и королева Дариа из Изольдира. И Валерон, и Изольдир дали клятву на верность Хастурам.

Бард от удивления сжал челюсти. Выходит, все эти земли теперь находятся под управлением Хастуров?

Вот что еще… Если Хастуры взяли на себя обязательства, накладываемые договором, то почему вдруг такое зверство случилось в Хали? Он солдат и не испытывал чувства вины перед такими же солдатами, павшими в бою от его меча. У них были равные шансы. Но люди, которые использовали этот ужас против женщин и детей, бомбили их, загадили землю так, что и через несколько поколений там нельзя будет ни сеять, ни разводить

скот, вызывали у него отвращение. Бард знал, что его армия в состоянии победить Хастуров на поле боя. Может, поэтому они и нуждаются в подобном колдовском оружии?

Когда Варзил закончил разговор с посланцем Хастуров, он попросил его:

— Скажи домне Мирелле, что я хотел бы поговорить с ней.

Услышав это имя, Бард в первое мгновение не испытал никакого волнения, однако, когда молодая женщина вошла в кабинет, сердце забилось гулко, тревожно. Вот еще одна памятная весточка из его прошлого. Он сразу узнал ее — Мирелла очень похорошела. Одета она была в белое платье, которое носят советники Хранителя.

— Ты уже отдежурила, дитя мое? Конечно, тебе следует отдохнуть после сурового испытания, которое выпало на твою долю в Хали.

Мирелла уже совсем было собралась ответить, но в это мгновение заметила в кабинете Барда.

— Ваи дом, и вы здесь? Я слышала от Мелоры, что вы теперь стали лордом-генералом армии Астуриаса. Простите, дом Варзил, можно я расспрошу гостя о моих родственниках? Как мой дедушка, как Мелисендра?

Бард обнаружил, что ему много легче смотреть

в лицо красавицы, чем он мог предположить. Конечно, она знала о его похождениях — все в Сотне царств были наслышаны о его «подвигах», так что он вполне достоин носить позорное имя «Бард мак Фиана». Имя «ди Астуриен» еще надо заслужить.

— С мастером Гаретом все хорошо, — откликнулся он, — хотя он сильно постарел. Но держится бодро, отправился с войском на войну с Риденоу, был в строю до самой победы. — Он нерешительно глянул на Варзила — всего декаду назад он приказал вздернуть Эйрика за клятвопреступление. Тот печально глядел на Барда, но в этом взгляде не было осуждения. — Они капитулировали.

— А Мелисендра?

«Мелисендра ей тетка, что она наговорила обо мне?»

— И с Мелисендрой все в порядке, — тут Барда словно прорвало, он заговорил доверительнее, взволнованней: — Я думаю, теперь она счастлива. Мне кажется, что она решила выйти замуж за одного из моих рыцарей. Я, конечно, не буду возражать. Король Аларик обещал усыновить Эрленда, а то малыш повис между небом и землей.

«Мелора советовала найти способ, чтобы хоть

в какой-то степени исправить зло. Это точно — надо сделать все, что можно сделать. Это только начало, этого очень мало, но главное — начать. Вот ведь как бывает, мы с Полом — два сапога пара, а она все-таки полюбила его».

Мирелла улыбнулась:

— Благодарю вас, ваи дом, за добрые вести. Теперь, дом Варзил, я в вашем распоряжении.

— Мы очень рады видеть тебя в своем кругу. Рад, что ты пришла в себя после увиденного в Хали. Как получилось, что тебя в момент нападения не оказалось в Башне?

— Я отправилась на охоту в предгорье вместе с двумя моими брединами, — ответила девушка. — Мы уже возвращались, когда разразился страшный ливень. Нам пришлось укрыться в хижине пастухов, затем — о, милосердная богиня! — мы… мы почувствовали запах горелого… крики. — Ее лицо исказилось от боли.

Варзил подошел к ней, обнял…

— Попытайся забыть об этом, дитя. Хотя, что я говорю — это всегда будет с тобой. Никто из нас, лерони, живущих в Башнях, не в состоянии забыть этот ужас. Моя младшая сестра Дианис находилась в Хали. Я сразу почувствовал, когда ее настигла смерть. — Его голос дрогнул, лицо

искривилось от боли. Варзил взял себя в руки потом заговорил вполне спокойно: — Вот о чем мы должны вспоминать, так это о том, что их героическое поведение приблизило нас к моменту, когда по всей земле восторжествует договор. Ты знаешь, они широко оповестили о том, что случилось, — умирая, они держали свои сознания открытыми, так что все мы видели и слышали весь этот ужас. Все мы ощутили их страдания, они сознательно пошли на это вместо того, чтобы легко покончить с собой. И безболезненно… Ведь каждый из нас…

Мирелла вздрогнула и призналась:

— Я бы не смогла так поступить. При первом же ожоге, мне кажется, сердце у меня тотчас остановилось бы. Я бы не вынесла этого.

— Может быть, — мягко согласился Варзил, — не каждый из нас способен на такой подвиг. Тем не менее и ты, если подумаешь, сможешь отыскать, в чем способна проявить мужество.

Внезапно Бард увидел в сознании картину — женское тело, вспыхнувшее подобно факелу… однако Варзил сразу поставил ментальный экран.

— Тебе придется поехать в какую-нибудь другую Башню. Например, в Арилинн или Тра-

монтану?..

— Трамонтана — самое опасное место, — ответила девушка. — Алдараны еще не подписали договор и в любой момент могут обрушиться на нее. Я в долгу перед своими погибшими товарищами. Я поеду в Трамонтану.

— В этом нет необходимости. И здесь для лерони много работы. Мы лечим обожженных детей — тех, что привезли из Хали. У нас много больных с Вензийских холмов — там они рассеяли ядовитый туман. Там тоже мрут дети.

— Таков наш долг, — ответила Мирелла. — В любом случае мне надо побывать на острове Безмолвия и узнать, смогут ли служительницы Аварры оставить свою обитель и отправиться в мир, чтобы помочь в исцелении? Так что мне надо ехать в Трамонтану. Кто снимет с меня эту обязанность, Варзил?

Хранитель Башни кивнул:

— Так тому и быть. Я не могу приказывать тебе. У тебя, Мирелла, своя голова на плечах. Предвижу, что у нас долго не будет мира с Алдаранами и Башня Трамонтана все это время будет оставаться в опасности, но, если ты так решила, дитя мое, пусть тебе помогут боги. — Он поцеловал Мирелу в лоб. — Прежде чем уйти, прими мое

благословение. И постарайся поговорить с Мелорой до отъезда.

Когда он отпустил ее, девушка обернулась к Барду:

— Передайте мой привет дедушке и Мелисендре, ваи дом. Скажите, что я очень хотела с ними встретиться; если нет — значит, такова наша судьба. Вы знаете, что такое удача на войне, вы же командовали отрядом, где я получила боевое крещение.

Лерони глянула на него, хотела, по-видимому, добавить что-либо резкое, но, обратив внимание на выражение его лица, произнесла:

— Неужели теперь и вы один из нас? Я буду всегда молиться, чтобы в вашей душе воцарился мир и свет, господин. Пусть боги защитят вас.

Когда Мирелла вышла, Бард удивленно обратился к Варзилу:

— Что, черт побери, она имела в виду, когда сказала, что я — один из вас?

— Ну, она, вероятно, обратила внимание, что совсем недавно — буквально вчера — у тебя проснулся ларан, — ответил Варзил. — Ты считаешь, что лерони не могут общаться друг с другом с его помощью?

— Но откуда — Аларский Волк меня разорви! —

почему она так решила? — На лице Барда так ясно вырисовался испуг, что Варзил рассмеялся.

— Ну, не въявь, конечно. Мы редко смотрим на подобных себе обычными глазами. Понимаешь, мы как бы видим мысли друг друга… Не так, скорее, душу!.. Никто из нас не смеет читать чужие мысли, этого еще не хватало. Но мы можем общаться без слов. — Он улыбнулся. — Неужели ты считаешь, что Хранитель Башни Нескьи, глава ее кругов, принимает первого встречного, пусть даже он является лордом-генералом Астуриаса, Маренжи, Хамерфела, Серраиса и прочее, прочее, прочее. Только боги знают, сколько земель ты уже успел нахапать. Эти заботы меня не трогают. — Он опять улыбнулся, отчего все эти слова потеряли обидное значение и обратились в подобие шутки. — Другое дело Бард мак Фиана, друг Мелоры, которую я очень люблю и уважаю; человек с трудной судьбой, у которого вдруг открылся ларан. В качестве старшего ларанцу я обязан отнестись к нему со всей возможной серьезностью и вниманием. Ты являешься — как бы поточнее выразиться — точкой приложения сил, некоей осью вращения…

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я тоже, — кивнул Варзил. — Как бы это объ-

яснить? Как бы сформулировать?.. Одним словом, как только я увидел тебя в первый раз, меня сразу осенило — вот он, человек, вокруг которого закрутятся события. Вот та ось, которая определит ход истории. Я тоже являюсь одной из этих осей или, скажем так, неким центром тяжести, оказывающим влияние на направленность событий. Я обязан воздействовать на них — это мой долг. Я должен исполнить его, что бы ни случилось. Но я, если можно и дальше придерживаться этой аналогии, центр тяжести — я тяну людей в нужную сторону, но из этого ничего не получится, если события не завертятся. Кто-то должен приводить историю в движение. Вот почему ты стал главнокомандующим Астуриаса.

— Все это звучит несколько заумно, ваи дом, — нахмурился Бард. — Я никогда не любил мистику.

Да, подумал он, я вернулся из изгнания по собственной воле, а вовсе не из намерения что-то там вращать, чему-то придавать ход. Конечно, у каждого человека своя судьба, но говорить, что чьи-то поступки способны потрясти мироздание, — наивно.

— Может, и так. Я всю жизнь был ларанцу, и одна из особенностей моего дара — умение

различать события грядущего. Туманно, смутно, можно сказать, с разрывами, но тем не менее с его помощью мне было куда легче выбрать свой путь среди многих путей-дорог. Я слышал, что в древности существовали зачатки подобных способностей, потом они исчезли. Но временами я не могу отделаться от мысли — особенно когда встречаюсь с человеком — вот она, точка приложения сил истории. Поверь, мне много лет, и в этом я ни разу не ошибался.

Бард усмехнулся.

— Предположим, — сказал он, — что вам так и не удалось разыскать кого-то, кто смог бы разделить ваши идеи. Или, например, нашли вы такого человека, объяснили, что надо поступать так-то и так-то, и он тут же бросился исполнять?

— Ах, конечно, нет. Это было бы слишком просто. Мне думается, что боги вовсе не желают оберегать нас, защищать или, скажем, посылать пророков, чтобы вести к лучшей жизни. Нет, просто каждый в каждый момент делает то, что ему кажется самым выгодным, самым необходимым, и этот поступок почти всегда расходится с тем, о чем я мечтаю. В противном случае я был бы богом, а не скромным Хранителем Башни. Я делаю только то, что могу, не более того. Я всегда

ужасно переживаю, когда допускаю ошибку — а я их допускал, и не одну… Я, точно так же как и любой другой человек, делаю то, что считаю на данный момент наилучшим, и… — его голос неожиданно налился металлом, — глядя на твой опыт, Бард мак Фиана, мне кажется, что ты кое-чего недопонимаешь, что тебе что-то надо усвоить. И немедленно! Ты должен совершить то, что должен совершить, что считаешь самым важным для себя, и не допустить при этом непоправимых ошибок. Однако ни в коем случае я бы не хотел, чтобы ты попал в положение осла, перед которым на равном расстоянии бросили две охапки сена, и он не может решить, с какой начать.

Может, ради этого Мелора и послала его к Варзилу?

— Частично, — ответил Хранитель Башни, подхватывая его мысль. — Но главное в том, что я провидел, что именно тебе, как главнокомандующему Астурийской армией, выпал жребий объединить все эти земли. Ты не можешь свернуть с этого пути. Наверное, и не хочешь… Но вся трудность заключается в том, как свершить предначертанное и не потерять самого себя? Вот вопрос вопросов!

Вот уж чего Бард не ожидал услышать. И от

кого? От врага… Или бывшего врага… Он не знал, что и думать. Они некоторое время сидели молча, наконец Варзил нарушил тишину:

— Я пошлю с тобой Мелору. Думаю, она тебе понадобится. Астуриас сейчас горячее место, там решается судьба нашей земли. Но прежде, чем ты уйдешь, я прошу тебя дать ответ… я уже просил об этом, помнишь, на свадьбе Джереми… Согласен ли ты присоединиться к договору?

Первым порывом Барда было желание сказать «да», потом он чуть кивнул и сказал:

— Я бы охотно дал слово, тенерецу, но я солдат и подчиняюсь приказам. Позиция моего короля и регента будет и моей позицией. Хорошо это или плохо, но я поклялся им в верности, так что без их согласия я ничего не могу сказать. Нарушивший в первый раз слово преступит и во второй раз.

С нескрываемым стыдом он вспомнил, что то же самое говорил Карлине, тем не менее отступиться от них он не мог.

«Что было, то было. Пусть я растоптал ее, однако лишиться воинской чести, изменить брату, отцу!.. Тогда только в петлю…»

Варзил глянул ему в глаза, потом коснулся его запястья:

— Если этого требует честь, то пусть так и будет.

Я не имею права вмешиваться. Однако я должен поехать с тобой в Астуриас, Бард. Подожди, пока я поговорю со своими советниками. Мы решим, кто заменит меня в Башне.

7

Карлина очнулась поздно — тяжкий, мучительный сон истомил ее. Тело ломило — казалось, каждую жилку, каждую клеточку пронизывала тупая боль. Первое, что она увидела, была женщина, стоявшая на пороге комнаты. Карлина вздрогнула, натянула на себя рясу, потом вспомнила, что уже не имеет права носить ее. По крайней мере не теперь… Пусть все забудется, сгинет как дурной сон, однако и в нижней рубашке оставаться не следует. Тем более что та вся изорвана, испачкана кровью. Окончательно проснувшись, она догадалась, кто эта женщина, полная, одетая в красивое зеленое платье, отделанное мехом. Это же наложница Барда, любимица леди Джераны, лерони, как ее?.. Она еще сына ему родила… Точно, ее зовут Мелисендра. Что-то смутное, неясное было связано в сознании Барда с этой женщиной. Детали она припомнить не могла, но сразу уловила, что отношения у них плохие. Натянутые…

Она судорожно прикрылась накидкой — не хватало еще, чтобы эта видела ее наготу…

— Ваи домна, — сказала Мелисендра, заметив,

что принцесса очнулась, — вы, наверное, не желаете, чтобы слуги видели все это. Я прошу вас разрешить мне помочь вам. — Она села на кровать, осторожно коснулась кончиками пальцев большого синяка на щеке Карлины. — Поверьте, я вполне вас понимаю. Я дала обет сохранить невинность ради ясновидения, но не смогла устоять против чар — в этом смысле мне было куда хуже, чем вам, хотя он и не бил меня, не принуждал силой. Просто увлек в постель и лишил невинности. Понимаю, вы защищались изо всех сил, сделали все, что могли, а у меня не хватило решимости и воли. Я видела, что вы сделали с его лицом.

Карлина вновь зарыдала — отчаянно, в полный голос. Мелисендра прижала ее голову к своей груди.

— Вот так, вот так, — вымолвила она и, всхлипнув, сказала: — Поплачь, поплачь, моя хорошая, это помогает. — Потом принялась укачивать ее: — Моя маленькая, несчастная, я знаю, я все знаю, поверь мне. Я тоже прошла через это, и рядом не было никого, кто утешил бы… Моя сестра была далеко, в Башне. Я боялась показаться на глаза госпоже, думала, меня немедленно сошлют в деревню. Это было бы ничего, да только стыда-то

сколько. Поплачь, моя милая…

Когда Карлина немного успокоилась, Мелисендра отнесла ее в ванную комнату, опустила в горячую воду. Сначала сняла нижнюю рубашку.

— Я ее сожгу, — сказала она. — Думаю, ты ее больше не наденешь.

Потом вымыла Карлину как ребенка, помазала каким-то кремом синяки, одела, отнесла в комнату. Затем вызвала служанку — приказала принести что-нибудь. Девица быстро исполнила распоряжение. Мелисендра тут же отослала ее, сама принялась кормить принцессу ложка за ложкой: сначала суп, потом сладкий крем из яиц и молока. Карлина глотала с трудом, челюсть сильно ныла, однако лерони была настойчива.

Когда служанка унесла поднос с посудой, Карлина с тревогой и некоторой робостью глянула на Мелисендру.

— Мне так неудобно перед этой девочкой. — Она кивнула в сторону двери. — Мне кажется, что они все знают. К тому же и вы здесь…

Мелисендра грустно улыбнулась:

— Ничего подобного. Так и должно быть, чтобы барраганья прислуживала законной жене. Сказать по правде, в этом краю, где большинство браков происходит против воли женщин, вы не

единственная благородная дама, украшенная после брачной ночи синяками. Далеко не единственная…

Карлина усмехнулась.

— Верно, — кивнула она, потом воскликнула: — Ну, почему они так? — Потом сникла: — Я совсем забыла… Теперь я считаюсь женой Барда, и дело только в *ди катенас*. Значит, окольцует мне запястье, никто и спрашивать согласия не будет. Как будто я шлюха из Сухих земель… Где Бард?

— Ускакал сегодня рано утром… Даже не знаю куда, но вид у него был такой, словно его настиг гнев Аварры, — тихо ответила Мелисендра. — Я даже предположить не могу, что с ним случилось. Может, он настоял на браке из-за политической ситуации. Я ничего не знаю. Но в одном уверена — больше он никогда не посмеет ударить вас. Побоится пальцем коснуться… Я лерони, мне ведомо, что произошло с ним. У меня такое впечатление, что теперь он не в состоянии обидеть женщину.

— Почему ты со мной такая ласковая? — неожиданно спросила Карлина. — Ведь я останусь здесь как законная жена, а ты барраганья!

— Я и была ею всегда. Даже хуже, госпожа! Подстилкой, не более… Отец Барда очень хотел

поженить нас, но Бард не любит меня. Я нужна ему, когда у него плохое настроение и надо на ком-то сорвать гнев. Если бы я не родила ему сына, меня давным-давно вышвырнули бы из дворца…

— Вот, оказывается, — прошептала Карлина, — ты тоже жертва… — Потянувшись, она неожиданно поцеловала соседку, потом смутилась и нарочито сухо объяснила: — Я дала обет служить Аварре, я ее жрица; значит, мой долг быть матерью, сестрой, подругой любой женщине.

— …Да пусть покроет нас ее простертая, милосердная длань. С этого мгновения ты мне сестра, — продолжила формулу Мелисендра.

— Ты одна из наших? — изумлению Карлины не было предела.

— Я бы хотела ею быть, — ответила Мелисендра. Ее глаза наполнились слезами. — Но ты знаешь Завет. Ни одна женщина не смеет появиться на Святом острове, пока в миру у нее есть маленькие дети или престарелые родители, за которыми нужен уход. Кто примет меня, пока на моих плечах такая ответственность? Моя сестра — лерони, живет в Башне Нескьи, я единственная опора отцу, Эрленду еще только шесть. Так что сестры

не примут меня. Кроме того, некий ларанцу предрек, что мне следует служить в миру. Он даже не сказал, каким образом. Однако мать Эликен позволила мне поклясться в частном порядке и принять звание жрицы, хотя я и не сохранила девственность. Она даже сказала, что в один прекрасный день я смогу выйти замуж.

— И ты все еще… Ты желаешь любить мужчину?! — воскликнула Карлина. — Я чувствую такое отвращение… Не могу даже представить себе… Я не вынесу, если еще раз подобное животное коснется меня… Даже по любви!

Мелисендра мягко шлепнула ее по руке:

— Это пройдет, сестра. Все проходит — была бы на то воля богини. Не перечь — кто знает ее промысл? Может, твой удел вновь отправиться на остров и служить ей там, храня целомудрие. Или еще где-нибудь… Надо, чтобы все было согласно с душой и знамениями Аварры. Верь, надейся, ее покров простерт над нами… — Мелисендра подняла с пола черную рясу. — Хочешь, я постираю?

Карлина в ответ испуганно прошептала:

— Я уже недостойна, я опозорена…

— Глупости! — Голос Мелисендры вдруг посуровел. — И ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой. Неужели ты думаешь, что ей неведомо,

как ты храбро защищалась? Думаешь, она не оценит, что ты ни на единое мгновение не переставала надеяться на нее…

Глаза принцессы наполнились слезами:

— Как раз этого я больше всего боялась. Я могла сопротивляться отчаянней, я должна была заставить его убить меня…

— Ваи домна! Сестра, — увещевала Мелисендра. — Не кощунствуй. Как ты можешь полагать, что способна проникнуть в божий промысл? Она была с тобой всегда, до последнего мгновения. Если я способна понять тебя, то Великая Мать тем более. Ты считаешь, что она осудила тебя за слабость? Не надо этого!.. Она наш поводырь, не более того, но и не менее…

— Может, я слишком долго прожила на острове, — задумчиво сказала Карлина. — Я забыла жизнь. Вы все еще воюете?

— Неужели вы не знали, какой ужас случился в Хали. Их бомбили, они погибли…

— Мы знали. Но мать Эликен приказала нам закрыть сознания. Она сказала, что, если мы прочувствуем их смертные муки, ни к чему хорошему это не приведет.

— Мой отец заявил то же самое. Мы в те дни были в походе, — сказала Мелисендра.

— Но матери утверждают, что нам не следует попадаться на эту удочку — мы не должны участвовать в войнах. Наше дело — вечные истины, рождение, смерть. Война — мужское занятие. Нас это не касается. Патриотизм, интересы государства — все это пустые слова. Женщинам до них дела нет…

Мелисендра возразила:

— Прости, госпожа. Я сражалась бок о бок с мужчинами, невооруженная, с одним звездным камнем, при мне всегда был кинжал, чтобы не попасть живой в руки врагов. И сестры из Ордена Меча не щадят себя, хотя им известно, что, попади они в плен, их ждет самое ужасное. Несколько девушек пострадали после недавних боев в Серраисе. Разве эти страдания не достойны утешения? Разве над ними не простерта длань Аварры? Разве муки женщин в миру можно исцелить только на острове? А случай с тобой? Явится еще какой-нибудь обезумевший от запаха крови полководец и разрушит обитель…

Карлина задумчиво произнесла:

— Служительницы Аварры просили разрешения покинуть остров. Мы должны там исцелять и тела и души… Возможно, нам следует искать защиту у Ордена Меча. В любом случае это не будет

для них обузой. — Ее голос задрожал. — Возможно, мать Эликен не совсем права, когда уверяет, что нам не следует вмешиваться в мирские дела.

— Я не знаю, — откликнулась Мелисендра, потом добавила: — Может, у разных женщин разные судьбы?..

Карлина горько усмехнулась:

— Ты когда-нибудь встречала мужчину, который бы допускал такую возможность?

Никто из них не мог предположить, что случится в следующую минуту. Сверху, из-под самых небес, донесся нарастающий пронзительный вой, потом грохот взрыва. Стены замка заходили ходуном, земля заколебалась под ногами, вылетели стекла. Люди попадали на пол. За первым взрывом последовал другой, потом еще один…

— Эрленд! — пронзительно закричала Мелисендра и бросилась в коридор. Тут и споткнулась, упала, так как в этот момент грянул еще один взрыв.

— Эрленд! Паоло! — завопила она.

Пол бросился к ней, подхватил, подтащил к одному из дверных проемов, где прятался сам. Мелисендра хваталась за него, все время выкрикивала имя сына. Хвала богам, мальчик в тот страшный момент оказался в конюшне, куда

прибежал, чтобы сменить подстилку у щенков. Мать, узнав это, облегченно вздохнула. И Пол неожиданно для себя увидел все это въявь — может, потому, что Мелисендра вцепилась в него обеими руками. Тут снова пол под ногами заходил ходуном.

— Пошли! — приказал Пол. — Нам надо выбраться наружу.

— Карлина! — воскликнула Мелисендра и бросилась назад. Пол за ней… Они нашли принцессу, забившуюся под стол. Пол вытащил ее, подхватил на руки, бросился вслед за Мелисендрой к потайной лестнице, ведущей в маленький садик, где он впервые увидел Мелисендру и ее сына. Оказавшись на воздухе в относительной безопасности, он оставил женщин. Тут Карлина впервые обратила на него внимание — ее взгляд на мгновение застыл, потом женщина в страхе отпрянула.

— Ты? Нет. — Она поморгала. — Это не ты. Ведь ты же не Бард?

— Нет, домна. Я — тот, кто вывез вас с острова.

— Как ты похож… Это очень странно.

«Куда странней, чем вы можете вообразить», — подумал Пол. Какой смысл рассказывать, как он очутился на этой планете? Во-первых, он не имеет права, во-вторых, она все равно не поверит.

Карлина и слова такого не знает — «планета». Все, о прошлом следует забыть. Не было его… Не было — и все тут! Как бы сделать так, чтобы Бард поверил, что Пол не представляет для него угрозы? Возможно, это самый удобный момент — он с опаской глянул в небо. Бомбежка прекратилась — а то, что это была бомбежка, сомнений не было. Надолго ли? Вот бы воспользоваться общим замешательством, посадить Мелисендру на коня и умчать ее в Киллгардские холмы. Может, еще дальше, в Хеллерские… Там, может, они смогут обрести покой, на лоне природы. Он вздохнул — разве Мелисендра согласится оставить сына?

— Гляди! О, милосердные боги, ты только погляди! — истошно вскрикнула Мелисендра. Повернувшись, она обнаружила, что левое крыло замка лежало в развалинах. В страхе она вновь ухватилась за Пола, и в то же мгновение он увидел ее глазами…

«Перекошенное от страха юное личико, изуродованное тело лежит на ступенях, старик поспешил на помощь, перевернул на спину юношу, у него оторваны ноги… Лестница рухнула, дикие вопли, крыши нет, стена падает и накрывает людей…»

— Дом Рафаэль! Аларик! — в ужасе прошептала

Мелисендра. Она зарыдала. — Старик всегда был так добр ко мне. И мальчик… Ах, Аларик, Аларик, тебе выпала трудная жизнь. Какая страшная смерть…

Лицо Карлины осталось холодно.

— Сочувствую твоему горю, Мелисендра, но узурпатор получил по заслугам, в моем сердце нет боли.

Между тем садики и открытые дворы Астурийского замка постепенно заполнялись людьми. Все смешалось — звание, должности, благородное происхождение, толпу теперь можно было разделить на здоровых и раненых, рыдающих, испуганных и сохранивших присутствие духа. Все толпились возле развалин левого крыла — оттуда доносились душераздирающие стоны, слабые вопли, плач детей… В этот момент сверху вновь донесся нарастающий свист, и еще одна бомба угодила во дворец.

Когда пыль осела, в наступившей на мгновение тишине раздался зычный голос старого Гарета:

— Лерони, ко мне! Все, кто остался в живых, ко мне!.. Быстро, черт вас побери! Мы должны отыскать атакующих…

Тут же Мелисендра заспешила — дисциплинированная баба, подумал Пол. Он остался рядом

с Карлиной, наблюдая, как местные колдуны, одетые во что попало — по большей части в халаты и ночные рубашки; на Рори вообще только полотенце, обвязанное вокруг бедер, видать, только что из ванны, — собрались в кружок под цветущим деревом. В центре стоял хромой Гарет — не было всего двоих или троих из лерони, тех, кто жил в одном крыле с домом Рафаэлем и королем. Мастер Гарет приструнил их — наступила тишина. Пол мог слышать их переговоры, он стоял совсем рядом. В этот момент солдаты охраны пытались отогнать от развалин рыдающих женщин, которые пытались разобрать завалы. Пол неожиданно для самого себя рванулся в ту сторону, в голове звучали слова, сказанные Бардом перед отъездом:

«Пока я не вернусь… На все время моего отсутствия ты — лорд-генерал армии Астуриаса. Это случилось раньше, чем мы оба ожидали. Вот так…»

Один из воинов подбежал к нему, отдал честь:

— Ваи дом, ваш сын в безопасности, один из сержантов присмотрит за ним, пока его мать будет нужна старому колдуну. Пойдемте, господин, пусть ребенок убедится, что у него еще есть отец и мать.

«Вот и началось», — пронеслось в голове у Пола, и он со всех ног бросился к конюшням. Мальчик был бледен, но держался спокойно. Он держал на руках маленького щенка, словно защищая его от бомб.

— С мамой все в порядке, Эрленд, она с дедушкой, — сообщил солдат, — посмотри, вот и главнокомандующий. Он отведет тебя к маме.

Эрленд вскинул голову.

— Нет… — заявил он и тут же осекся, глянув на Пола. Тот едва не запаниковал — мальчик сразу догадался, кто он, и непроизнесенные слова донеслись до Пола: «Это не мой отец!» Тут их взгляды встретились, и мальчик, сглаживая неловкость, закончил: — Нет, Сорус, я уже не ребенок. — Он сунул щенка солдату. — Вот его отнеси к маме, он еще молоком питается, а я должен быть с лерони. Некоторые погибли, и кто-то должен встать в строй.

— Вот такой он у нас, лорд-генерал, — одобрительно заметил солдат. — Прямо волчонок: храбрец такой, не приведи Господи. Хороший парень!

Пол обратился к пареньку, как к взрослому:

— Не думаю, Эрленд, чтобы им понадобилась твоя помощь, но ты можешь пойти и сам спро-

сить, нуждаются ли они в твоей поддержке.

— Спасибо, ваи дом. — Эрленд направился в сторону сада, однако Пол не мог отпустить его просто так. Почувствовав, в каком смятении пребывает мальчик, он догнал его. Эрленд встревоженно спросил:

— Где мой папа?

— Он уехал сегодня утром. — Пол помолчал и добавил: — Я побоялся, что люди могут решить, что он оставил их в беде, вот почему я откликнулся, когда солдаты назвали меня лордом-генералом.

Странно, удивился Пол, зачем он так подробно объясняет все это шестилетнему мальчику? Эрленд отнесся к этому вполне серьезно.

— Да. Папа должен быть здесь. — В его голосе только мелькнуло осуждение.

Пол приободрился:

— Пока я не вернусь, ты будешь лордом-генералом — он так сказал…

Взгляд Эрленда на мгновение замер, потом ребенок кивнул.

— Я вижу, как он скачет по дороге. Один, очень спешит… Почему, куда — не знаю. — Потом добавил: — Вы должны поступать так, как он приказал.

Как только мальчик ушел к группе стоявших

поодаль лерони, Карлина спросила:

— Это и есть его сын?

— Да, госпожа.

— Он совсем не похож на Барда. Скорее на мать… Копия Мелисендры! Те же глаза, волосы…

— Мне надо идти, разобраться в обстановке, — извинился Пол. — Мелисендра присмотрит за сыном, но крайне опасно оставлять армию без руководства. — Не дожидаясь ответа, он выбежал на открытое место и во всю мощь легких заорал: — Стройся! Сержанты, собрать людей, проверить личный состав. Доложить, кто погиб под развалинами. Подготовиться к отражению вражеской атаки. Действовать согласно боевому расписанию. — Он подождал немного и еще раз выкрикнул: — Боевая тревога! Стройсь!..

Со всех сторон донеслись удивленные возгласы:

— Это же Волк! Лорд-генерал с нами!..

Как только объявился командир, все вокруг забегали. Паника прекратилась, даже рыдания стихли, Солдаты суетливо занимали места в строю. Мгновение спустя во всех концах началась перекличка. Кое-кто из людей, которых посчитали мертвыми, оказались живы. По тем или иным причинам они отсутствовали во время сбора.

Получившие увольнительные в большинстве разошлись по ближайшим деревням. Кое-кто гулял с бабами — ясное дело, напились вчера до бесчувствия. Наконец с неразберихой было покончено — стало понятно, какой урон нанесло предательское нападение. Потери неожиданно оказались не так уж велики.

Пол с облегчением перевел дух — с такими силами можно было не только удержать замок, но и в зависимости от численности врагов выйти в поле. К его удивлению, вокруг царила странная тишина. Бомбежка кончилась, и нигде — Пол взобрался на наблюдательную башню — не было видно чужих войск. Замок даже не был осажден. Выходит, это была диверсия и враг решил ограничиться нападением с воздуха. Что там лерони, отыскали ли они следы летательных аппаратов? Ясно, что те отправились за новой порцией бомб… Кто же мог напасть? Серраис покорен, Хамерфел совсем ослаб, Хастуры присоединились к договору и обязались не использовать ларан в военных целях. Может, Элтоны или Алдараны вступили в войну и эта новость обошла Пола стороной, пока он был в экспедиции к острову Безмолвия? Или маленькое королевство Сиртис, хорошо известное могучими лерони? Кто же? И от

мастера Гарета никаких известий. Но и торопить его ни к чему. Геройский старик первым пришел в себя. Почему-то мелькнула мысль — вот бы приняли они Эрленда в свою компанию.

Ближе к полудню в сопровождении двух военных инженеров он обошел все разрушенные здания — прикинули, что можно восстановить, что придется разобрать. Главное — при повторном налете было не допустить возникновения пожаров, с этой целью было приказано потушить все очаги и масляные лампы. Те же, без которых нельзя было обойтись, должны быть под постоянным присмотром. Припомнив дела земные. Пол приказал заготовить бочки и заранее наполнить их водой. Бомбежка сама по себе была страшным испытанием, но не грозила существованию замка. Куда ужаснее возникновение очагов возгорания. Огонь способен полностью уничтожить крепость, тем более что гореть здесь было чему. Враги, конечно, понимают это, и следует предвидеть, что в следующий налет с неба польется клингфайр. Как избавиться от этой беды — вот задача так задача. Главное, чтобы лерони предупредили заранее, чтобы можно было спрятать людей. Прятаться есть где — конюшни, склады, подземелья. Все надо было приспособить под

убежища. Лошадей — в поле, раненых в укрытия. Заботы в момент закружили Пола, но он нашел в себе силы на минуту оторваться от них, когда мимо пробегал Эрленд. Он окликнул мальчика. Тот сразу отдал честь. Пол ответил на приветствие. Вполне серьезно ребенок отрапортовал, что зачислен в команду лерони посыльным. В настоящее время спешит на кухню за хлебом и вином для измученных магов. Кроме того, им очень трудно работать при таком скоплении глухих к телепатии людей, и ему приказано подобрать более удобное место.

— Сколько обязанностей сразу, Эрленд. Я верю, ты их выполнишь с честью, — похвалил ребенка Пол. Тот сразу зарделся…

Внутри замка царил хаос. Одно крыло и главное здание были почти полностью разрушены. К счастью, наблюдательная башня, чей шпиль уходил под самые облака, почти не пострадала. Уже обходя с инженерами развалины, Харел, к своему удивлению, нище не обнаружил воронок, да и сам удар мало походил на взрыв бомбы. Такое впечатление, что сооружения хлестали невидимым, но всеразрушающим бичом. Он вынужден был согласиться с инженерами, которые сразу принялись настаивать, что здесь был применен

ментальный удар, а не взрывное устройство.

Это открытие вконец обозлило Пола. Чертова планета — других слов для обозначения этого странного, несомненно, варварского и в то же время обладающего сказочным оружием места он не мог найти.

— Ничего пока утверждать нельзя, — заявил один из инженеров, — пока мастер Гарет, домна Мелисендра и Рори не определят источник опасности. Только они могут понять, ларан это или нет. Однако и нам нельзя терять времени. Надо подготовиться к худшему. К эвакуации… Простите, лорд-генерал, но я не могу скрывать правду. Это не значит, что мы должны сидеть сложа руки и ждать подобного исхода. Поверьте, у меня с подобными негодяями свои счеты — моя сестра, лерони, заживо сгорела в Хал и; отец погиб в Нескье, когда ему было не более тридцати лет от роду. Тоже от огня… Поэтому мы должны сражаться. Не терять головы, но сражаться. Прежде всего наши лерони должны накрыть защитным колпаком замок. Не удивляйтесь, я кое-что понимаю в этом деле, хотя и не люблю, когда колдуны начинают вмешиваться в войны. Простите, домна Мелисендра — добрая женщина, но ей, как и любой другой женщине, не место в армии. Надо

сражаться честно, только холодным оружием.

Глаза у него горели — Пол понял, что эта бессвязная речь — признак пережитого шока. Инженера следует занять делом, а для начала приструнить, чтобы он почувствовал крепкую руку.

— Ты говори, говори, — сказал он, — да не заговаривайся. Мелисендра в строю, и только я имею право списать ее в отставку. Ты, что ли, способен поставить защитный экран? Насчет эвакуации ты прав — вот и займись этим делом. Составь план, назначь старших, наметь пути отхода. И вот еще что… Насчет этого самого колдовства… Поверь, я полностью разделяю твое мнение!..

— Что ж, лорд-главнокомандующий, если новый король — кто бы им ни оказался — пожелает присоединиться к договору, пусть он знает: армия — за! Вся!!

Как ни странно, как ни горько это звучит, однако жизнь налаживалась. Пол обратил внимание, что Карлина хлопотала возле раненых, извлекаемых из-под обломков. Ее присутствие благотворно подействовало на несчастных людей. То тут, то там раздавались возгласы: «Гляди-ка! С нами жрица Аварры. Женщина острова Безмолвия приехала, чтобы помочь нам. Хвала небесам — богиня с нами». Тут были и другие

лекари, но, оценив мастерство и знания принцессы, они принялись исполнять ее распоряжения. Собственно, никто, даже те, кто узнал ее, дочь короля Одрина, не подавал виду — в те минуты она была посланницей Великой Матери. Этим было все сказано.

Пол отозвал Карлину, поинтересовался, как идут дела, потом предупредил, что возможна эвакуация, и предложил помощь в переноске раненых. К сожалению, среди них большинство нельзя было беспокоить. Выбора не было, на улице их оставлять тоже нежелательно, поэтому их с помощью солдат потихоньку перенесли в тронный зал.

Когда Карлина впервые после приезда вошла туда, у нее едва не подкосились ноги. Пришлось прислониться к стене, чтобы справиться с головокружением… Боги, восемь лет назад она стояла перед троном, и отец обручил ее с Бардом, а полгода спустя он же произнес суровый приговор — изгнание! Ей показалось, что все это произошло не с ней, что это чья-то чужая жизнь разворачивалась перед глазами. «Да, — обреченно подумала Карлина, — это была другая жизнь».

Тело Аларика обнаружили под обломками парадной лестницы в дальнем крыле. Тут же на-

шли останки дома Рафаэля, который, очевидно, пытался прикрыть собой сына. Их перенесли в древнюю часовню, где располагались могилы королей Астуриаса, возле них дежурили старые слуги. Старый Гвин тихо плакал, сидя между двух гробов. Пол тоже должен был явиться попрощаться с родственниками, даже Карлина заглянула в часовню, о чем стало тут же известно всем придворным; и, хотя никто об этом посещении и словом не обмолвился, всем стало ясно — это добрый знак. Может, души Одрина и Белтрана — там, на небесах, — тоже смирятся. Это так важно для всего Астуриаса — лад прежних правителей и нынешних… Что же Пол? Он боялся показаться на глаза старому слуге — тот мог обнаружить подмену и объявить о ней. Потом сердце не выдержало — ладно, молодой король, но старик Рафаэль! Как ни крути, но именно он вернул его к жизни. Как можно не отдать ему последний долг! Будь что будет, решил он.

У самых ворот часовни его остановили два главных советника.

— Лорд-генерал, нам надо поговорить с вами.

— Нельзя было подождать, пока я прощусь с отцом и братом, — недовольно буркнул Пол.

— У нас нет времени, — отозвался дом Кендрил

из Высокой горы. Он был главой государственного совета. — Аларик Астурийский мертв, регент тоже. Это факт, от него никуда не уйдешь. Валентин, сын Одрина, совсем еще ребенок, к тому же никто из нас не желает стать подданным Хастуров. Армия за вас, господин, и в этом положении это решающий довод. Мы стоим на том, чтобы вы были объявлены новым королем — его величеством Бардом ди Астуриен.

Пол едва выдохнул:

— Боже святый!..

Этого не могло быть, это было за пределом разумения, чтобы глава государственного совета предложил корону Барду мак Фиана, недестро. Киллгардскому Волку!..

Еще более немыслимо обратиться с таким предложением к Полу Харелу, изгнаннику, бунтарю, приговоренному к смерти. Камере забвения.

— Время не терпит, ваи дом. Мы в состоянии войны. Вы единственный, кто способен удержать армию в руках. Армия никогда не подчинится ребенку. Это уже один раз случилось. К тому же вы главнокомандующий…

«Ну дела, — Пол по-прежнему не мог слова вымолвить, — где же этот Бард? Что же теперь делать? Они не отстанут — это ясно, но и угова-

ривать долго не будут, время действительно не терпит».

— У нас должен быть король. Непременно сразу после нападения. У них, по-видимому, и ставка на это была. Если мы потеряем хотя бы день, сюда придут войска Хастуров. Ну, кто, кроме вас? Мы все утро наблюдали за вами. Конечно, была и растерянность, но потом вы твердо взяли бразды правления. Теперь вокруг порядок, каждый человек приставлен к делу, мы готовы к новым нападениям. Люди не примут другого короля.

Пол усмехнулся. Все было правильно, он не имел возможности отказаться. Даже не в политической ситуации дело. Если он желает прекратить бомбардировки, то должен немедленно короноваться. В том-то и был расчет неприятеля. Пол словно прозрел. Соседние правители смертельно боялись Киллгардского Волка. Единственный шанс покончить с ним — диверсия, подобная только что случившейся. Стоит проявить нерешительность, упустить время — враги решат, что он погиб, в Астуриасе сумятица, и нападения продолжатся. Если же будет во всеуслышание заявлено, что на трон взошел Бард ди Астурион, они сразу подожмут хвост. Уверен, тотчас вышлют посла с просьбой о мире. Этот расчет

был ясен как дважды два… Но, черт побери, где же этот проклятый Бард? Никто не знает, где он, куда помчался? Он всегда говорил, что не желает быть королем. Но как бы он повел себя в этой ситуации? Ладно, его сейчас коронуют под именем Барда ди Астуриен. Что в таком случае делать с настоящим Бардом?

Это была бездна, он стоял на краю ее. Легко сказать: будь что будет… Если бы это касалось его одного. А Мелисендра, а Эрленд? Пристукнуть Барда или сыграть в наивную порядочность. В доброту. Зачем? Тем более когда на кону его голова. Еще не срубленная… Но за этим дело не станет.

— Я так понимаю, у меня нет выбора? — спросил он.

— Нет, ваи дом. Сами понимаете, никто, кроме вас. — Кендрил замялся. — Есть одна загвоздка. Вы были обручены с дочерью короля Одрина, однако прямой наследник Одрина непопулярен в народе. Крайне непопулярен… Особенно с тех пор, как королева Ариэль сбежала из страны. Вы должны назначить наследника, и, поскольку братьев у вас нет — я имею в виду живых, — следует узаконить вашего сына. Все знают, кто его мать, так что вам придется жениться на домне

Мелисендре Макаран. Я, конечно, хотел сказать, на леди Мелисендре, ваи дом. Армия поддержит вас.

Спустя несколько часов при тусклом свете масляных ламп в другой часовне Пол Харел, осужденный на пребывание в камере забвения, короновался и тут же вступил в брак ди катенас с Мелисендрой Макаран, лерони. Когда по праву старейшего мастер Гарет соединил их руки, надел медные браслеты и объявил: «Теперь навечно вы едины», — в голове мелькнули две мысли.

Одна касалась Эрленда — ему пора было в постель.

Другая — хотелось посмотреть на лицо Барда, когда тот узнает, что двойник устроился на его троне… и подарил ему королеву! Черт побери, да где же он?

8

Отъезд задержался более чем на сутки — Варзил оказался заваленным грудой дел, к тому же он долго подбирал человека, который мог бы заменить его, так что в путь они отправились утром следующего дня. Мелора, как обычно, ехала на ослике и, заметив взгляд Барда, со смехом призналась, что до сих пор сидит в седле как куль с мукой. Бард пожал плечами. Мелисендра прекрасно смотрелась на лошади, однако его интересовало только ее тело; сама по себе она вызывала раздражение. Это тоже было удивительно. Мир открывался ему какими-то новыми неожиданными гранями. Прежде он смотрел на окрестности только с точки зрения тактики — годится ли тот лесок для засады? Теперь он неожиданно поймал себя на мысли, что удивился тому, над чем прежде смеялся.

«Возможно, Мелисендра могла бы полюбить меня. Но так невыносимо было ощущать ее взгляд, тем более прислушиваться к советам или интересоваться ее мнением. Я хотел навсегда забыть о том, как поступил с ней. Все из-за этого. Видно, покалывало откуда-то изнутри… Ведь с

ней я поступил куда хуже, чем…»

Осень легла на Киллгардские холмы — самое чудесное время года на Дарковере. Но не сейчас… Повсюду проплешины разрушенных деревень, сожженные леса, привкус пепла во рту.

В любом случае, как бы Барду ни было трудно, он должен возродить Астуриас. Войны прокатывались по родной земле, и тамошний пейзаж ничем не отличался от здешнего. Те же щемящие сердце нелепости — одевшееся в багрянец ореховое дерево, а за ним — пепелище; сады, где по утрам посверкивал иней, — и полное безлюдье. Разбитые дороги, порушенные мельницы, угрюмые, одетые в рванье, обозлившиеся до крайней степени крестьяне. Зачем все это? Хотя бы один год выдался, когда можно было бы спокойно засеять пашню и убрать урожай. Он слыхал, что кое-где крестьяне начали сеять по полянам в глухих чащобах, переходили на подсечное земледелие, как много веков назад. Урожаи хилые — ни налогов не собрать, ни семью прокормить. Дети мерли как мухи, сколько ни рожай. Впереди большая война с Хастурами — зачем она? Что толку разгромить их в сражении, выиграть кампанию, если земля не накормит ни победителей, ни побежденных. А еще надо восстанавливать

Башню в Хали, и на это нужны денежки. Восстанавливать придется — куда деться, иначе совсем одичаем. Кому-то надо лечить людей…

Между тем Варзил, Мирелла и Мелора мысленно беседовали о том, как восстановить Хали. С Башни разговор перекинулся на сожженные клингфайром деревни и залитые разжижающим кости туманом холмы Венза. Вспомнили о детях, мрущих от белокровия, голода, заразных болезней…

Какая же это война? Это безумие, кошмар!.. Стоило только сопоставить цели и результаты с ценой победы, и волосы начинали шевелиться на голове. Дома надо уволить с военной службы всех лерони, разорвать контракты; если отец откажется присоединиться к договору, пусть ищет себе другого главнокомандующего. Он, Бард, заработает себе на хлеб и в наемниках. Дело привычное…

Мелькнула мысль — если уж отцу так хочется ради завоевания Ста царств обратить весь мир в пустыню, пусть наймет Пола. Тот вполне сгодится для этой цели.

«Пол… Он такой же безжалостный, каким я был раньше. Ему это сподручно, ларан на него не действует. На ужасы насмотрелся вдоволь — и ничего. Только закалил душу. Вот пусть и громит,

сжигает все вокруг».

Он почувствовал, что способен убить Пола. Уже не за то, что тот сам по себе представлял угрозу его власти, его положению при королевском дворе. Теперь Бард ненавидел его как человека, которым в сущности совсем недавно был он сам. Теперь знал, как тот опасен, как разрушительна жажда власти — мания, обуявшая его; как смертельно опасна сила в руках безжалостного, жестокого человека. Знал, что Мелисендра будет горевать, и был готов приложить все старание, чтобы убедить Пола отказаться от подобных греховных замыслов. Но у его двойника не было того испытания, через которое прошел он, Бард. Тот все еще горит желанием исполнить «великий замысел», ради него готов пожертвовать чем угодно, даже Мелисендрой.

Однако возможно ли вмешиваться в чужую жизнь, навязывать свою точку зрения? Но они с отцом уже впутались в эту историю. Теперь Бард понял, с кем он имеет дело, и возвращение того в исходную точку будет вполне справедливым воздаянием. Тогда и он, Бард, снимет грех с души и забудет кощунственную мысль, которая пришла ему в голову, когда он в первый раз заглянул в лицо двойника.

«Придет день, когда я буду вынужден убить его, или он сделает это первым…»

Так они ехали на запад, пока дорога не уперлась в развилку. Астуриас лежал на севере, однако Варзил предупредил Барда, чтобы тот не сворачивал.

— И ты, и Мелора еще способны родить детей, так что нам лучше сделать крюк и объехать зараженную землю. Если кто там побывает, может не надеяться на здоровое потомство. Эта область лежит так близко от Нескьи, что меня иной раз охватывает тревога — в безопасности ли Башня? В моем возрасте это не имеет значения, но у вас обоих могут появиться дети. — Он засмеялся, потом поправился: — Я имел в виду у каждого в своей семье.

Тут все засмеялись, а Бард: заметил, как Мелора искоса глянула на него, и сердце затопила радость. Душа чуть оттаяла. Ни разу за всю его жизнь женщина не смотрела на него такими глазами, никогда при этом он не испытывал щенячьей радости.

«И этого мужчину, Бард, я никогда не переставала любить».

Значит, она все еще любила его. Ей, по-видимому, дорого досталось это чувство. Он взял

Карлину силой. Что по этому поводу говорил закон? Обручение обретало статус брака, если жених и невеста провели вместе ночь. Ясно, что Карлина только о том и думает, как освободиться от него, но что теперь может изменить ее отъезд? Ничего. Он не может взять Мелору в качестве барраганьи — все-таки она лерони, обитающая в Нескье, а это что-нибудь да значит. Меньше всего он хотел теперь, чтобы и Мелисендра сохранила тот же статус. Нужно искать решение.

Странно… Все эти годы он мечтал о том, чтобы вернуть Карлину. Теперь он страстно желал, чтобы она как можно скорее покинула замок. В холмах Киллгардских жила, поговорка: «Только тронь богов, потом не избавишься от их милости».

Вот будет смех, если Карлина вдруг полюбит его или решит, что теперь ей некуда деваться, и останется с ним. Это будет катастрофа! Такие случаи бывали. И не редко… Тронул камешек — и пошла лавина. К прошлому тоже нет возврата. Не может же он вернуть ей девственность! И Мелисендре помочь… Нет, что от него зависит, он сделает — поженит Пола и Мелисендру, пусть, в конце концов, она обнаружит, что Пол ничем не лучше Барда.

Или лучше? Он столько размышлял о своем двойнике, строил всякие предположения, планировал, а по существу он совершенно не знал его. Впрочем, как и самого себя. Хотя изначально он и Пол были совершенно одинаковые, потом, как ни крути, их дороги разошлись. Разные эпохи, разное воспитание… Поэтому и различий между ними куда больше, чем можно предполагать.

Объезд зараженного места занял много времени. Когда солнце уже перевалило за полдень, Мелора неожиданно вскрикнула от ужаса. Варзил остановил коня, его лицо исказилось — казалось, до него донесся чей-то ужасный вскрик, просьба о помощи. Потом он подъехал к Барду и взял его руку в свои. Сделал это машинально, словно сочувствуя и соболезнуя.

— Аларик! — прошептал Бард. Сам не зная как, он вдруг увидел искаженное ужасом и болью лицо брата, его последний взгляд, обращенный в небо. А рядом отца, пытавшегося прикрыть сына своим телом, рушащуюся стену… Затем — темнота!..

«Мой брат! Милосердные боги, мой единственный брат!..»

Варзил поддержал его — Бард склонил голову на плечо ларанцу. Горе было безмерно, он

негромко зарыдал.

— Мне очень жаль, — тихо сказал Варзил. — Он был для меня как сын. У меня никогда не было сыновей. Когда Аларик болел, я провел у его постели много ночей. Хороший мальчик…

Бард почувствовал, как тяжело старик переживал это известие. Успокоившись, заметил:

— Он любил вас, ваи дом. Сам говорил об этом… Вот почему, если признаться, я поскакал к вам. Он был вам стольким обязан…

Глаза старика наполнились слезами. Мелора плакала, не стесняясь.

— Больше не называй меня ваи дом, Бард. Какой я тебе господин! Мы родственники, вот так и зови меня… Как он окликал…

Родственник… Как много значило для Барда это слово! Никто с момента смерти Белтрана не называл его так… У него даже горло перехватило. Слезы лились по лицу. Джереми, Белтран!.. Одного заколол, другого искалечил. Зачем? Теперь и ему аукнулось. Отец, брат…

«Алдонес! Властелин Света! Джереми всегда любил меня, а я? Я ему не верил, все косился — не скрывает ли он коварных замыслов? Я сам разрушил нашу дружбу».

Бард привстал в стременах, огляделся. Слезы

высохли, лицо посуровело.

— Кузен, — обратился он к Варзилу, — я должен поспешить. Следует разобраться, что там произошло. Вам нет нужды устраивать скачки, это мне необходимо гнать во весь опор. Вы можете ехать так же, как и раньше. Мелора не очень искусный наездник, а вы немолоды.

— Нет, Бард, мы тоже должны поспешать. Наша помощь может понадобиться. Думаю, нам уже можно сворачивать к Астуриасу, любой проселок выведет нас на дорогу, ведущую к замку. — Он ударил каблуками лошадь, та сразу прибавила ходу.

Мелора воскликнула:

— Мой ослик не угонится за вашими скакунами. Мы остановимся в первой попавшейся гостинице и там оставим моего дружка. Надеюсь, мне подберут подходящего коня.

Варзил начал было протестовать, потом, глянув на решительное лицо Мелоры, сдался. Они еще о чем-то мысленно поговорили — Бард ничего не смог уловить, потом Варзил вздохнул:

— Это твой выбор, Мелора. Раз ты так уверена, то пусть боги помогут тебе.

В течение часа на постоялом дворе они обменяли ее осла на достаточно покладистую,

немолодую, но все еще выносливую лошадь. После чего на хороших рысях помчались в сторону Астуриаса. Всю дорогу Бард мысленно следил за ситуацией, складывавшейся в замке. То ли его ларан креп на глазах, то ли это Варзил и Мелора помогали ему. Жуткие дела творились в родовом гнезде — все левое крыло и кусок центральной части дворца были сметены бомбардировкой. И никаких следов нападавших.

«Все-таки Варзил прав — с этим колдовским оружием надо кончать, или вся наша земля превратится в ад, как для победителей, так и для побежденных. Договор — единственная надежда».

Бард удивленно глянул на Варзила — может, это он внушает ему мысли. Что ж, такое не грех внушить — Волк был совершенно согласен с ним.

«Он прав, трижды прав. Раньше я не понимал этого, но теперь у нас нет иного выбора. Да, но кто-то должен возглавить эту борьбу в практическом плане. Вот кому следует обладать силой, чтобы его слова звучали более весомо».

Он мрачно усмехнулся, глянул на Варзила:

— Чем дольше я смотрю на вас, кузен, тем более склоняюсь к мысли, что это вам следовало бы быть королем, а не Хастуру.

— Что ты, Бард! Корона никогда не прельщала меня. В ней слишком много соблазнов. В конце концов приходишь к выводу о собственной непогрешимости. Король из Тендары, слава богам, знает себе цену, хотя и излишне горд. Амбиции ему тоже чужды. Карелии не мыслит правление без советников. У него большой опыт государственного деятеля, а как вы сами, кузен, убедились — это очень сложная и ответственная профессия. Правильное решение обеспечивает успех всего дела. Прежде всего надо считать себя человеком, поставленным служить народу, а не понукать им. Хороший король может не быть хорошим солдатом или выдающимся политиком, но чем он должен владеть в совершенстве, так это умением подбирать людей. Видеть их насквозь и расставлять на посты, на которых они смогут полнее всего проявить себя. Но этого мало, надо еще иметь волю и силу, чтобы суметь провести свое решение в жизнь, а вот с этим у меня не все ладно, — он извиняюще улыбнулся. — Как Хранитель я, возможно, куда более силен. Почему? Потому что нахожусь в кругу друзей, единомышленников, а царствующей особе по большей части приходится сталкиваться с противодействием. Я старик, и ломать себя мне уже поздно. К

тому же предвижу трудные времена, когда к словам Хранителей мало кто будет прислушиваться. Вот почему я отослал Мирелу в Трамонтану.

— Женщину? — воскликнул Бард. — Вы собираетесь ее назначить Хранителем Башни? Откуда же у нее силы?

— Оттуда же, откуда у любого эммаска. Ведь, Бард, пойми, мы действуем не с помощью физической силы. Нам не нужен меч, умение сражаться. Мы творим силой разума. Как раз в этом смысле женщины куда практичнее, трезвее мужчин. Они всегда более точно оценивают реальность, потребности Башни.

Он замолчал, ни Бард, ни Мелора не отважились нарушить тишину.

К вечеру горизонт заволокло тучами. Уже после захода они спешились, чтобы передохнуть и поесть, и когда укутались в черные дорожные плащи, сверху посыпал противный мелкий дождь со снегом. Однако, к их удивлению, тучи скоро развеялись. Очистилось небо, и три луны почти в полной фазе неторопливо шествовали в темно-пурпурной вышине. Зеленоватым отсветом посверкивал Идриэль, голубовато-зеленым — Киррдис, жемчужно-пепельным — Мормаллор. Только Лириэль тончайшим серпиком повис над

горизонтом. Вскоре люди выехали на водораздел и далеко внизу, в долине, разглядели темную бесформенную глыбу замка.

«Развалины. Хаос. Смерть…»

— Все не так уж и плохо, Бард, — тихо сказала Мелора.

И Варзил добавил:

— Я вижу свет. Там, в замке, бродят с факелами. Может, действительно все не так плохо. Я знаю, тебе очень трудно сейчас — отец, брат… но замок на месте, разрушения не такие уж значительные. Нет, определенно ничего еще не потеряно.

«Но мой отец? Аларик? Разве этого мало? Что теперь будет твориться в королевстве, когда и король, и регент погибли? Как там люди, армия? Полу был отдан строгий приказ — пока я не вернусь, ты лорд-генерал. Справится ли он с моими парнями? Я научил его, как использовать силу, однако сможет ли он как следует позаботиться о них? Некоторое время мой авторитет поможет ему, а дальше? Что случится, когда люди догадаются, что перед ними не Киллгардский Волк, которому они всегда верили».

В тот момент Бард почувствовал огромную ответственность за своих людей. Как-то тревожно стало на сердце — в чьи руки попали они? Пол

жесток и безжалостен, в этом Бард имел возможность убедиться. Он здесь чужак, и окружающие его люди были ему чужими. А вот для Барда армия чем дальше, тем больше становилась родной. Сколько сил он потратил, чтобы сделать из крестьянских парней воинов, верных чести и присяге, дисциплинированных, умелых…

Его отец создал армию — готовил ее к завоеванию. Чего в этом было больше — честолюбия, амбиций или холодного расчета, — Бард не мог судить. Возможно, дом Рафаэль слишком долго ждал своего часа. Подобное ожидание — без надежды, пропитанное отчаянием — портит человека. Теперь отца нет, но созданная им непобедимая военная машина осталась, и только от него теперь зависело, на что обратить эту силу. Но прежде всего следует разобраться с домашними и семейными делами. Бард вернется в старое поместье отца — законных наследников у того не осталось, так что оспорить права Барда никто не посмеет. Но главное — и немедленно — узаконить Эрленда. Если с Бардом что-то случится, в Астуриасе должен быть законный наследник трона. Но кто будет править Астуриасом? Дайте боги, чтобы это был человек благородный, умеющий избежать ловушки собственного честолюбия.

Прежде всего необходимо собрать данные о разрушениях, армии, запасах материалов.

Действительно, глядя на приближающийся замок, Бард признал, что разрушения не так уж велики. В развалинах левого крыла мелькали огоньки — видно, там велись спасательные работы. Главный корпус, правое крыло и наблюдательная башня не пострадали. Еще до того, как всадники приблизились к воротам, их окликнули караульные. Услышав знакомые хрипловатые голоса, Бард обрадовался.

— Кто идет? Стойте, назовите себя!

Бард хотел было выкрикнуть свое имя, однако Варзил опередил его — ответил звучно, властно:

— Варзил из Нескьи и лерони из нашей башни Мелора Макаран.

— И, — добавил их спутник, — Бард мак Фиана, лорд-генерал армии Астуриаса.

Начальник караула почтительно отозвался:

— Дом Варзил, можете проходить, мы вам рады. И вы, лерони. Ваш отец жив-здоров… Но с вашего разрешения, ваш спутник — самозванец. Он не лорд-генерал.

— Чепуха! — нетерпеливо отозвался Варзил. — Неужели ты считаешь, что я не знаю, с кем имею дело?

— Я не знаю, кто он, только уж не лорд-генерал, дом Варзил. Лорд-генерал здесь.

Бард громко крикнул:

— Давай-ка сюда фонарь. Ну что, Мурах, узнаешь теперь? Человек, который остался здесь, мой рыцарь Херил.

Часовой долго вглядывался в него, потом растерянно заметил:

— Господи, кто бы вы ни были, прямо вылитый лорд-генерал. Но вы не можете быть лорд-генералом… Только теперь он не главнокомандующий, он теперь король. Я сам был на коронации… И на свадьбе!

Бард от неожиданности глотнул, уставился на часового.

Варзил спас положение:

— Уверяю тебя, солдат, этот человек рядом не кто иной, как Бард мак Фиана Астурийский, сын дома Рафаэля и брат последнего короля.

Солдат, высоко подняв фонарь, долго всматривался то в Варзила, то в Барда. Фонарь в его руке заметно подрагивал.

— Я исполняю свой долг, господин. Я обязан проверять каждого, кто следует по этой дороге. Ну, а если вы король, то примите мои извинения…

Бард обратился к Варзилу:

— Мне и в голову не придет наказать солдата за то, что он честно относится к службе. Завтра мы установим, кто я. Не спорьте, дом Варзил… Здесь есть люди, которые отлично знают меня. К тому же, раз я женился на леди Карлине…

— Помилуйте, боги, — потряс головой часовой. — Я, господин, ничего не знаю о леди Карлине. Я думал, что она оставила дворец много лет назад и поселилась то ли в Башне, то ли стала жрицей богини. Я имел в виду домну Мелисендру. Отец королевы, мастер Гарет Макаран, находится в тронном зале — там устроен госпиталь, туда снесли всех, кого вытащили из-под развалин. Если вы, — обратился к Мелоре часовой, — тоже лерони, они будут вам очень рады. Лекарей у нас не хватает.

Бард едва не рассмеялся. Итак, он прибыл в родной замок и обнаружил, что он уже король и у него есть королева. А может, не у него? Значит, он приказал Полу заменить его, и тот, по-видимому, даром время не терял.

Варзил обратился к часовому:

— Я могу поручиться за этого человека. Но если ты настаиваешь, то с ним можно разобраться завтра. Нас ты можешь пропустить?

— Он тоже пусть проезжает. Как член вашей

свиты, дом Варзил, — ответил Мурах.

Втроем они продолжили путь, в воротах их не задержали. Остановились у неповрежденных конюшен. Оттуда поднялись в тронный зал, который был забит ранеными. Мужское и женское отделения были разделены занавесом из одеял. Мастер Гарет с безразличным видом смертельно уставшего человека приветствовал дома Варзила и дочь:

— Очень хорошо, дом Варзил, что вы предложили нам свою помощь. Мы здесь буквально разрываемся. Раненых столько… — И он обреченно покачал головой.

— Что случилось? — спросил Варзил.

— По самым предварительным данным бомбежку совершили люди Алдаранов. Завтра главнокомандующий — простите, король — соберет совет. Там будем решать, какие меры должны быть приняты в первую очередь. Конечно, напрашивается очевидное решение — не дать врагам возможности форсировать Кадарин. Над замком мы установили защитный экран, так что бомбежку они повторить не смогут, однако долго держать завесу нельзя — нас только четверо и мальчик. Они, по-видимому, разведали, что армия вернулась в замок, и хотели разделаться с

нами одним ударом. Так, чтобы мы и понять не смогли, откуда совершено нападение… Простите, я должен подойти к раненому. Меня зовут… А ты, Мелора, подключайся к тем, кто занимается женщинами. Как всегда бывает, у нас несколько женщин на сносях — придворная дама, кухарка, армейская прачка, — а повитуха только одна. Кроме нее жрица Аварры, хвала богине! Она отличная знахарка, но они не могут разорваться. Так что, Мелора, включайся. Там столько искалеченных упавшей стеной…

— Конечно, конечно… — заторопилась Мелора на другую половину тронного зала. Бард сразу все понял. Карлина здесь! Какая еще служительница Аварры могла бы находиться в замке? Что творится? Если уж его короновали, то кому быть королевой, как не ей.

Он нашел ее возле перевязанной с ног до головы женщины — только один глаз виднелся из-под бинтов. Увидев Мелору, Карлина коротко спросила:

— Вы — целительница? — и, получив подтверждающий кивок, продолжила: — Вы в акушерстве разбираетесь? Одна из женщин уже родила, а я не могу отойти от этой несчастной. Другая вот-вот разродится, к тому же первенцем, и еще одна…

— Я не повитуха, но кое-что понимаю в знахарстве…

Теперь Карлина внимательней пригляделась к новенькой, подняла повыше лампу.

— Мелисендра? — удивленно воскликнула она и тут же разочарованно поморгала: — О нет. Но вы так похожи на нее, правда? Вы, должно быть, ее сестра, лерони? Сейчас нет времени расспрашивать, как вы оказались здесь. Именем Аварры умоляю вас, пойдите займитесь беременными, а потом поможете мне с ранеными.

— Охотно, — сказала Мелора. — Где роженицы?

— Мы устроили их в отдельной комнате — там когда-то был кабинет короля. Я скоро подойду к вам… — Карлина пощупала лоб умиравшей женщины. — Она больше не проснется…

В этот момент Бард осторожно дернул ее за рукав рясы.

— Карли, — тихо позвал он.

Она со страхом отпрянула, потом, почувствовав, что в его голосе не таится угрозы, перевела дыхание:

— Бард? Не ожидала тебя здесь увидеть…

Тут только он заметил уже пожелтевший синяк на ее щеке.

«Милосердная Аварра! Это же после моего удара…» Однако, даже чувствуя вину перед Карлиной, он не мог терять ни минуты. Враги того и гляди вторгнутся на его земли.

— Что это еще за глупости насчет моей коронации, свадьбы?

— Коронации? Свадьбы? Не знаю, Бард, я весь день провела здесь. С той самой минуты, когда начался весь этот ужас. Видишь, сколько пострадавших… У меня ни на что больше времени не нашлось… Только перекусила на ходу хлебом и сыром.

— Разве некому больше заняться этим, Карли? Ты так плохо выглядишь…

— О, я привыкла. На острове всегда так… — сказала она и печально улыбнулась. — Хотя ты и не верил, что именно этого я и хочу. Хотя, может, я слишком долго жила в отшельничестве, может, нам, служительницам Аварры, надо чаще наведываться в мир.

— Мелисендра? Где она?

— Она была со мной в момент атаки. С ней ничего не случилось. И твой сын, он тоже цел. Он весь день был с мастером Гаретом… Бард, у меня нет больше времени, там умирающие. Раненых около сотни, двадцать человек уже умерли. Так

что завтра понадобится полк солдат, чтобы копать могилы. Надо еще сообщить их родным… Бард, ты мог бы откомандировать кого-либо на остров Безмолвия, чтобы сестры прислали подмогу? Если скакать быстро, то уже завтра днем они могут быть здесь.

— Конечно, конечно, я немедленно отправлю гонца, — ответил Бард и неожиданно для самого себя зарыдал. Слез он уже не стыдился… — Но послушают ли они мужчину?

— Не ради короля Астуриаса. Может, ради меня. Если они будут знать, что это именно я прошу, сестра Лириэль…

— Но кто сможет одолеть заклятья, которые наложены на берега озера, и не свихнуться, Карли? — Тут он внезапно замер.

— Неужели у тебя в армии нет меченосиц? — ответила Карлина. — На них чары не подействуют. Они будут находиться под защитой Аварры.

— Они оставили меня, Карли, — ответил Бард и опустил голову. — Я порасспрошу сержантов, может, кто-нибудь из них знает, где их разыскать.

— Только поторопись, Бард. Пусть она скачет всю ночь и передаст мое послание. Пусть сестры поспешат…

Бард хотел напомнить, что в своей армии он не

должен никого просить, однако остановил себя. Время ли сейчас заниматься выяснением прав командира и подчиненного.

— Я немедленно отправлю гонца, — сказал он и решительно направился к выходу. Карлина долго, с недоумением смотрела ему вслед. Что-то странное творилось не только в Астурийском королевстве, но и с самим Бардом.

Бард вышел во двор и отправился к конюшням. Шел размашисто, дышалось легко… Оказывается, он совсем не знал Карлину. Ни слова упрека, сколько благородства, вот только вначале отпрянула в страхе. Конечно, у нее был повод закатить скандал, но как бы все это выглядело на фоне происшедшей трагедии?

Один из его сержантов рассказал Барду, что, когда наемницы из Ордена собрались уезжать, они были вынуждены — так, по крайней мере, говорят — оставить одну из своих подруг и вместе с ней осталась меченосица, чтобы присматривать за ней. Той девушке досталось больше всех, она была совсем плоха… Поселились они в палатке возле самого лагеря, там, где жили следовавшие за солдатами шлюхи и армейские прачки. Бард тут же распорядился, чтобы меченосиц разыскали, привели к нему — мол, есть срочное задание.

За него будет хорошо заплачено… Потом остановил посыльного. Это дело он должен уладить сам.

Бард долго плутал по лагерю. Здесь тоже были заметны следы нападения, однако в поле сила мысленных ударов была значительно ослаблена. Были раненые, в подавляющем своем числе легко, за ними приглядывали их товарищи и кое-где женщины. Кое-кто из девиц в веселом квартале зазывно улыбался ему — видно, в такой темноте не узнали командующего. Эти палатки, обилие женщин в нижней одежде напомнили ему былые дни, Лилу, ее сына. Он достойно с ней обошелся, дал деньги — не то что с другими. Да и Лила не чета всей этой лагерной швали.

«Да, многим женщинам я принес страдания. Что теперь жалеть — я от них тоже натерпелся. Они же не ангелы. И обворовывали, и сбегали… Что теперь вспоминать».

Его посетило чувство, что его вина не более тяжка, чем любого другого мужчины в этом мире.

— Эй, капитан! — позвала его одна из девиц. — Не желаете ли горяченькой? Можно неплохо развлечься!

Бард отрицательно потряс головой, улыбнулся — она, по-видимому, сочла, что какой-то офицер

забрел сюда в поисках ласк.

— Нет, девочка, не сегодня. У меня есть более важные дела. Скажи, ты не знаешь, где живут сестры-меченосицы?

— Да какое с ними удовольствие, с этой парочкой! У них вместо поцелуев кинжалы. Генерал распорядился, что тому не поздоровится, кто посмеет к ним прикоснуться.

Бард дружески улыбнулся:

— Дел много, красотка. Сейчас не до этого. У меня тут послание одной из них от лерони, что работает в госпитале, в замке. Там работы для всех хватит. Если бы ты захотела помочь…

Девица опустила голову, принялась ногой перекатывать камешки на дороге.

— Чем, ваи дом, смогли бы помочь такие, как я?

— Ты могла бы носить воду, стирать бинты, готовить еду пострадавшим. Даже кормить их, особенно тех, кто не может сидеть или у кого перебиты руки.

— Это вы правы, капитан. Нечего валяться по кроватям, когда кругом столько дел, — ответила женщина. — Думаю, многие из нас согласились бы помочь. Я схожу, посмотрю… Если вы ищете сестер из Ордена, то они живут вон в той палат-

ке, но, ваи дом, если у вас дурные мысли… Одна совсем плоха, даже головы поднять не может. Мужчины набросились на нее еще до того, как генерал издал приказ. Разве с ними можно так. Это со мной — пожалуйста. Она же непривычна. Мужики сразу ее испортили, — ее лицо ожесточилось. — Этих козлов, которые позволяют себе такое, надо не кнутом пороть, а что-нибудь похуже с ними сотворить.

«Прости меня, Аварра!» Бард снова ощутил раскаяние. К удивлению женщины, он отозвался:

— Ты совершенно права, — и направился к указанной палатке.

Он не отважился войти. После того, что случилось, эти сестры сразу же набросятся, не спрашивая, зачем мужчина вошел к ним. Поэтому позвал издали:

— Сестра?..

Откинулась пола, и на карачках выползла молодая женщина, поднялась на ноги. Одета она была в малиновую тунику, свидетельствовавшую о принадлежности к Ордену Меча. Из-под рубахи выглядывали мужские бриджи, заправленные в сапоги. Волосы были коротко подстрижены, в одном ухе — серьга. Меченосица приложила палец к губам:

— Говорите потише. Сестра очень плоха!

Женщина была высока, стройна.

— Простите, если помешал, — начал Бард, — но у меня послание от лерони из госпиталя. Мне срочно нужен человек, которого можно послать в Маренжи, на остров Безмолвия…

Он принялся объяснять, в чем дело, и невольно вышел в круг.

— Лорд-главнокомандующий! — воскликнула женщина. — Конечно, я поеду, но моя сестра… Господин, ей очень плохо. Вы слышали, что случилось?

— Да, знаю, — кивнул Бард, — но, может, отправить ее в госпиталь в замке? Если ее состояние внушает опасения, ей нужен квалифицированный уход. Я уверен, что служительница Аварры поможет ей.

Сестра-меченосица горько рассмеялась, потом неожиданно заплакала:

— Служительницы Аварры, эти суровые девственницы. Они всегда сторонились нас. Боялись замарать о нас руки. Мол, мы не женщины. Что они могут знать о юной девушке, которая попала в лапы этих козлов? К тому же она заразилась…

— Мне кажется, как только ты с ней познакомишься, ты изменишь свое мнение. Она куда

более доброжелательна, чем можно подумать. Служительницы Аварры дали обет помогать всем женщинам. Тебе надо выехать немедленно. Твою подругу сейчас же перенесут в госпиталь. Собирайся побыстрее.

Бард тут же отправился в лагерь, приказал найти носилки. Когда больную вынесли из палатки, подруга склонилась к ней:

— Треза, бреда, эти люди отнесут тебя к лерони. Она настоящий знаток, не то что я… — Потом подняла на Барда глаза, полные слез: — Я просто не могу оставить ее с чужими.

— Я сам прослежу, чтобы ее доставили в замок. К сожалению, сестра, это задание может выполнить только женщина. Никто из мужчин не может приблизиться к озеру Безмолвия. Безнаказанно, — добавил он.

Карлина между тем разрывалась между ранеными и беременными, размещенными в королевском кабинете. Одна из них как раз родила, когда женщины из веселого квартала внесли носилки с меченосицей.

— Вот еще одна пациентка. Она тоже нуждается в помощи. — И Бард вкратце объяснил Карлине, что случилось.

— Конечно, я обязательно осмотрю и позабо-

чусь о ней, — пообещала Карлина и глянула на Барда. Тот смутился, не упрекала ли она его в том, как он поступил с ней?

Он рассердился и чуть грубовато бросил:

— Она — солдат, пленная. Да, черт побери, это мои люди снасильничали. Я их уже наказал. Что ж теперь, им головы рубить?

— Конечно, нет, Бард. Я же сказала, что позабочусь о ней…

Карлина обратилась к женщинам, которые принесли больную:

— Мы нуждаемся в каждой паре рук! Если кто-нибудь из вас умеет оказывать первую помощь, я займусь с вами отдельно. Те, кто не сталкивался с этой работой, могут кормить людей, варить кашу, стирать бинты.

— Я пришлю армейских поваров, — пообещал Бард.

В ту же минуту в лагерь был отправлен посыльный. Вскоре под начало Варзила и мастера Гарета перешла команда, возглавляемая сержантом-ветераном. Этот воин давным-давно знал Барда и ни на секунду не усомнился в человеке, приказавшем ему помогать ларанцу.

Когда он отдал честь и бросился исполнять приказ, Барду пришло в голову, что замысел его

отца — сделать так, чтобы Волк стал един в двух лицах, — блестяще осуществился. Ведь что получается — лорд-генерал, новоявленный король, спокойно спит в своих апартаментах, в то время как его двойник отдает приказы.

Постой-постой, так кто же двойник? Это вопрос буквально ошарашил Барда. Мало того, что ставил с ног на голову окружающий мир, но в нем содержалась толика горечи — я был для отца всего лишь инструментом для осуществления его амбициозных планов. Скорее всего, он предвидел подобную ситуацию и заранее застраховался — политика грубого насилия, жажда власти не предвидит альтернативы.

И все-таки это ложь — отец его был не так глуп. Хоть ему были не чужды и жажда власти, и обида, но по сути он добрый, законопослушный человек, что и доказал своей смертью. Он пытался прикрыть собой слабого и никак не вписывающегося в его якобы коварные планы младшего сына. Собственно, так ли уж плоха была цель объединить мелкие государства, лоскутные королевства? К тому же дом Рафаэль ди Астуриен не только использовал Барда как орудие своих планов, но и воспитал, не обделял ни любовью, ни лаской, а ведь еще неизвестно, кем мог вырасти этот

мрачный увалень. Солдатом, государственным деятелем, ларанцу? Или, может, убийцей, негодяем, человеком без чести и совести?.. Так что грех возводить напраслину на старика — Бард был многим ему обязан. Впрочем, как и матери… Она отказалась от сына ради его же блага… Кем бы он стал? Крестьянином, конюхом или мальчиком на побегушках? Незавидная участь…

Наступил рассвет. Тусклый свет необъятного, багряного, гигантского солнца вплыл в оконный проем, залил огненным светом тронный зал.

Впервые Бард подумал о женщине, родившей его, но как о матери. Мир открылся перед ним новой гранью, полной добра и света. Может, она, эта женщина, еще жива? Он никогда не интересовался у отца, кто его мать, где она обитает? Теперь не спросишь. Но леди Джерана должна знать, ведь ясно, что она хорошо относилась к пасынку — на свой манер, конечно. Может, мачеха поделится этой тайной. Ей тоже теперь не сладко — погибли муж, единственный сын.

Нужно пересилить себя и попросить назвать имя его родной матери. Пусть сообщит, где та живет, чтобы сын мог поклониться ей.

На глазах у Барда блеснули слезы.

«Выходит, я всю жизнь был любим. Чьи-то

молитвы спасали меня, чья-то доброта искупала мои грехи, а я даже не знал об этом…

Что со мной творится? У меня постоянно глаза на мокром месте! Что это — действие ларана или я стал тряпкой, неженкой?»

Что теперь можно было исправить! Поздно — и Бард знал это. Так пусть будет жив человек, «то возродился в нем. Ему не было стыдно за этого человека. За того прежнего, убивающего, сеющего смерть, было неловко. Но тот вояка умер, ушел безвозвратно.

Вот что еще… Он должен улучить минутку и вновь поговорить с Карлиной. Теперь она будет иметь дело с новым Бардом, легче будет договориться. Ну и еще самое главное — он отправится в королевские апартаменты, где спали измотанные за день Пол и Мелисендра.

9

Когда багряный солнечный диск всплыл над горизонтом, напряжение в госпитале спало. Наступили минуты затишья, и дом Варзил велел мастеру Гарету отдохнуть. Тот начал было отказываться, доказывать, что он еще бодр и вполне трудоспособен, однако Хранитель заметил, что не следует ждать, пока свалишься с ног.

— Вы же сами всю ночь не спали, ваи дом, а до этого день провели в седле. Вы тоже не молоды…

— Да, но все-таки мне годков поменьше, чем тебе. У меня еще сил — ого-го! — Потом Варзил неожиданно сдвинул брови и по-военному приказал: — Разговорчики в строю! Кругом! Шагом марш!.. — При этом вытянулся во весь свой малый рост. Потешный старикашка, вздохнул мастер Гарет. И великий человек… Как тут не подчиниться?

— Сколько уже лет никто мною не командовал, дом Варзил, но вам я не смею противиться.

Когда старый ларанцу отправился на покой, Хранитель собрал дневальных, вынужденно ставших медбратьями, и строго проинструктировал их, кого из пострадавших и чем кормить.

Особенно следует присматривать за теми, кому нельзя есть. Потом поговорил с армейскими поварами — объяснил, как варить кашу, готовить лечебные настои. Наконец с этими хлопотами было покончено — теперь он мог смело осмотреть женщин. Он прошел в дальний конец тронного зала, нырнул под развешанные одеяла и нос к носу столкнулся с Мелорой.

— Дитя мое, как ты?

Она улыбнулась.

— Население Астуриаса увеличилось еще на трех человек, — ответила она. — Кто бы теперь ни стал королем, у него появилось трое новых подданных. Ух, какие крепыши!.. У солдатки родился сын, дочь у девушки с кухни, и еще одна малышка… Судя по волосам, из нее вырастет замечательная лерони. Как раз для королевского совета. Вот уж никогда бы не подумала, что во мне проснется талант повитухи. Правда, вчера я не догадывалась, что способна отмахать сутки на лошади.

— Если болит поясница — ходи побольше. Это лучшее средство от болей в спине. Езда на лошади — дело непростое, потом долго все тело будет ломить. Бреда, тебе тоже надо пойти отдохнуть. И вам, мать служительница, — обратился он к

подошедшей Карлине. Одета принцесса была в монашескую рясу.

— Да. — Она устало потерла глаза. — Думается, мы сделали все, что могли. Знаете, результаты неплохие… Теперь наши помощницы могут позаботиться о пострадавших, пока мы немного отдохнем.

— А как же вы, ваи тенерецу? — спросила Мелора.

— Сейчас отправлюсь в воинский лагерь — надо посоветоваться с офицерами и солдатами: кем лучше быть Барду — главнокомандующим или королем? Но перед этим… — Он глянул в окно, за которым уже светало. Розоватые отблески лежали на полу, на постелях раненых, на развешанных по стенам знаменам и щитам. — Перед этим мне следует заняться сторожевыми птицами. Хочу немедленно выяснить: не перешли ли войска Алдарана реку? Если они решились на подобный безумный шаг, надо как можно быстрее поднимать Барда и армию. Нельзя допустить, чтобы враги переправились через Кадарин. Тут их уже не остановить… Если же там никого нет, у нас несколько дней в запасе. Можно будет прикинуть, что делать дальше.

Он ушел. Карлина долго смотрела ему вслед,

потом задумчиво сказала:

— Он обратился ко мне, как к жрице Аварры…

Женщины вокруг, слышавшие ее слова, втайне удивились — кем же была эта хрупкая, многознающая, заботливая женщина, если не сестрой или матерью с острова Безмолвия? Только Мелора догадалась об истинном смысле ее слов. Только она знала, что случилось с Карлиной. За все то время, что они провели вместе, лерони ни словом не обмолвилась, что ей известна ее история. Она поняла, что принцессе это неприятно. Вот и сейчас она недоуменно спросила:

— Разве ты не служительница Аварры?

— Всегда буду верна ей. Но даже если мне разрешат вернуться на остров, не уверена, что направлюсь туда. Теперь я понимаю, что нельзя жить замкнуто, сознательно отгородившись от остальных людей. Собственно, жизнь за пределами острова интересовала нас постольку, поскольку к нам в обитель являлись больные женщины. Как могут сестры чувствовать себя в безопасности на острове? То, что случилось со мной, наглядный пример, что времена изменились. Всякой беспечности есть предел.

— Но ведь сестры Ордена Меча живут в миру и не опасаются за себя, — напомнила Мелора.

— Они в состоянии защититься, а мы нет…

Карлина продолжала размышлять: «Я никогда не брала в руки меч; я — целительница; я всего лишь женщина, и, по моему мнению, походы, сражения — это не наш удел. Разве что охранять других…»

— Возможно, — задумчиво произнесла Мелора, — Аварра нуждается и в тех, и в других. Одни должны сражаться и защищать, а кое-кто обязан лечить и утешать… Таких куда меньше…

Карлина слабо улыбнулась.

— Не думаю, что меченосицы с уважением относятся к избранному нами пути, а мы… — она помрачнела, — к их выбору.

— Тогда, — голос лерони зазвенел, перед ней как бы распахнулась ширь замысла, которым вдохновила ее Аварра, — тогда и тебе следует научиться уважать их символ веры. Знаешь, мне кажется, что посредством примера можно изменить кого угодно. Тем более самоотречением, непоколебимым следованием благородному пути. Люди в общем-то не злы — они просто считают, что добро как цель и способ существования к ним не относятся. Им просто надо поверить в себя. И конечно, объединиться…

«Да, — с уверенностью подумала Карлина, —

если Бард смог так измениться; если он, заглянув в душу, опешил и набрался храбрости отречься от себя самого, почему это недоступно другим? Любому!.. Каждому!.. Им только надо немного помочь, подтолкнуть, подать пример… Обязательно поговорю об этом с Варзилом, ведь он Хранитель Башни Нескьи. К кому, как не к нему, обратиться за советом».

— Прости, мать служительница, ведь ты же принцесса Карлина, не так ли?

— Была. Имя я сменила уже много лет назад, — с внезапной острой болью в душе, с прихлынувшим раскаянием Карлина осознала, что, согласно законам, она обязана вновь стать принцессой Карлиной, законной женой Барда. Что, если она забеременела? «Что я буду делать с ребенком? Его ребенком…»

— Я так и подумала. Давным-давно я видела тебя на празднике Середины лета. В этом же самом замке. Ты, конечно, меня не запомнила. Я ведь была всего-навсего дочерью мастера Гарета.

— Я помню тебя, Мелора. Ты танцевала с Бардом. — Потом Карлина неожиданно примолкла, словно коснулась чего-то запретного, тайного. — Боги мои, ты же любишь его? Точно?..

— Да, но не думаю, что он догадывается об

этом, — горько рассмеялась Мелора. Она вдруг вздрогнула. — Я слышала, главнокомандующий вчера был коронован и следом была проведена церемония бракосочетания. Как же это может быть, ведь по закону ты его жена? Пусть даже вы были всего лишь обручены. Выходит, на этот момент у него на одну законную жену больше, чем положено? Вот это да! Уверена, что от одной из них он хотел бы избавиться как можно скорее… и если я правильно поняла его, то и от второй тоже. Может быть, Карлина — прости меня, мать Лариэль, — в том сказалась божья воля, которая все обращает к лучшему.

— Ой, — вздохнула Карлина, — я тоже надеюсь на это. Пойдем со мной, ваи лерони. Я отыщу тебе подходящее местечко в комнате фрейлин, а их пришлю сюда — пусть ухаживают за ранеными. Ты пока поспи.

Между тем Бард ди Астуриен размашистым шагом направлялся в свои апартаменты. В этих комнатах всегда размещались командующие Астурийской армией. У двери стоял часовой — начал доказывать, что лорд-генерал находится в опочивальне.

Бард на мгновение задумался. Растерянный солдат, увидев перед собой главнокомандующего

и короля, тем не менее не решился пропустить его в покои, которые был приставлен охранять. Конечно, подумал Бард, можно поднять шум, в этом случае сбегутся люди. Что же они увидят, проникнув в помещение? Двух лордов-генералов? Двух королей?.. Их реакцию предугадать нетрудно. Куда страшнее смятение и слухи, которые поползут по королевству. Вот чего нельзя было допустить. Тем более в тот момент, когда враг может перейти Кадарин.

Эти мысли вихрем пронеслись в голове Барда. Он, ни слова не говоря, повернулся и направился в сторону тайного хода, который вел в комнаты главнокомандующего и был известен только доверенным людям. Он спустился в садик — здесь обратил внимание на ведущиеся ремонтные работы, потом поднялся по лестнице. Наконец добрался до коридора и вошел в еще полные тьмой покои.

Пробирался осторожно — словно раньше здесь не бывал. Гулко колотилось сердце — поди разберись, кто он, Бард Астурийский, теперь на самом деле? Вот и спальня — они вдвоем лежали на кровати. Пол на спине, чуть похрапывал. Бард долго изучал его безмятежное лицо. Мелисендра свернулась возле него клубочком, положила го-

лову мужчине на плечо — тот, словно защищая, обнял ее одной рукой.

Бард отрешенно подумал, что, если бы раньше застал их так, не раздумывая, перерезал бы им глотки. Рука бы не дрогнула… Даже *теперь* он на мгновение подумал, что подобный исход был бы лучшим окончанием этой истории. Пол узурпировал трон, короновался под его именем, женился на Мелисендре на виду у доброй половины двора. Кто его просил? Как посмел он вмешиваться?! Надо же — наградил Астуриас королевой!.. Хорош подарок! Теперь ей придется публично отречься. Ладно, понравилась ему роль главнокомандующего — даже короля! — зачем же на Мелисендре жениться?! Что за неуместный каприз! Теперь с этой «королевой» хлопот не оберешься. Вот как вышло — король-двоеженец! Как ни крути, а Карлина, по обычаю, его законная жена. Что с ней теперь прикажете делать? Хотя бы Мелисендра подсказала своему любовнику, что к чему, или она тоже спятила от радости? Боги, подскажите, как распутать этот клубок?

Несколько минут Бард созерцал спящую парочку. Собственно, злобы к ним он не испытывал. Если признаться, то как раз наоборот. В его душу закралась некоторая симпатия к этим несчаст-

ным. Один — разбойник с большой дороги, бунтовщик; другая — еще в юности нарушила обет. Вот он, путь назад — дверь распахнута. Спустись в сад, доберись до конюшен, оседлай коня и ищи ветра в поле. Незавидный удел — быть королем Астуриаса. Все-таки почему выбрали именно его, Барда? Даже в этой сумятице, рядом с телами погибших короля и регента члены государственного совета должны были указать на кого-то другого. На человека с незапятнанной репутацией. За Кадарином лежала дюжина мелких королевств — там этого добра, принцев крови, пруд пруди. С воцарением Барда проблем только прибавится. Сколько лет придется доказывать соседям, что он по праву занял трон своего брата.

Но как же люди? Астурийцы!.. Он бросит их? Зачем тогда были нужны такие жертвы? Пол — чужак, судьбы Дарковера его не волнуют, да и не справиться ему с управлением государством. Мужик он неглупый, но опыта не хватает, разве что лет через десять — пятнадцать… Тогда, может, нужды Астуриаса станут его болью, его делом. И Карлине что за дело до крестьянских оборвышей. До их душ она — да, охоча. До врачевания ран… Но накормить их, дать возможность отсеяться, убрать урожай — кто об этом будет думать?

Мелисендра? Мелора? Он не может их бросить — всех этих гундосых хитроватых крестьян, их изможденных жен, сопливых детей. Такой на нем крест, что здесь поделаешь.

Пол, конечно, здорово помягчел в объятиях Мелисендры, да и кто в таком положении устоит? Эта баба кого хочешь разжалобит. Может, принимая корону, он спасал его доброе имя? Такое тоже вероятно. Внезапная атака, кто-то наносит удары с воздуха, все рушится, вокруг паника, а лорд-генерал рыдает в эту минуту в юбку лерони. Как о таком вслух объявишь? Так что надо Дать ему шанс. Пусть объяснится…

Бард наклонился над Мелисендрой — у нее на лице была разлита такая нежность, такое спокойствие, что он едва не выругался. Светлые локоны лежали на щеке, чуть подрагивая от легкого дыхания. Надо же, лерони, а не чует, что над ней склонился человек с кинжалом в руке. Кинжал зачем? Так, на всякий случай… Видно, Мелисендра тоже за день намаялась. Рубашка на ней была так тонка, что просвечивала грудь. С этим добром у нее полный порядок. Вот чертова баба! Эрленда ему подарила, уже за одно это можно быть благодарным.

Затем мягко потрепал Пола по плечу:

— Просыпайся!

Харел тут же сел в кровати. Как только увидел глаза Барда, его еще сонное лицо исказилось гримасой тревоги. Первым неосознанным движением он прикрыл собой Мелисендру, только потом сказал, глядя на Барда:

— В том нет ее вины!

Бард криво усмехнулся. То, что Волк медлит с расправой, еще больше удивило и обеспокоило Пола. Он повторил:

— Она не виновата.

— Я знаю, — так же шепотом ответил Бард. — Как там дело ни повернется, Мелисендру я не трону.

Харел перевел дух, потом все еще настороженно глянул на двойника:

— Что ты здесь делаешь?

— То же самое я хотел спросить у тебя, — ответил тот. — Это, в конце концов, моя спальня. Я слышал, они тебя прошлой ночью короновали. Даже женили… На Мелисендре. Как тебе такое в голову пришло?! Как ты посмел сесть на трон Астуриаса?.. Меня несколько часов назад едва пустили в замок, потому что стража была твердо уверена, что я самозванец. Это ты отдал такой приказ?

Тут Бард еще раз обратил внимание, что они изъясняются исключительно шепотом. Так долго продолжаться не могло — наконец и Мелисендра открыла глаза. Она стремительно села, волосы упали на обнажившуюся грудь, в глазах мелькнул ужас. Они раскрылись так широко, что Бард невольно отпрянул.

— Бард! Нет! Нет! Не убивай его!.. Он не хотел…

— Позволь ему самому объясниться, — ответил Волк. Скорее рыкнул, отметил про себя Пол, сжав челюсти. Потом, тоже заметно озлившись, воскликнул:

— А ты чего ожидал! Они пришли ко мне и говорят — у нас, мол, нет выбора. Интересы государства… Нападение врагов… Они, мол, только и ждут, чтобы в королевстве началась смута. Мол, эта бомбежка была пробным шаром, и как только они узнают, что вы стали королем, они на время затаятся, и у нас появится шанс для организации обороны. Они верно рассудили, Бард! Мог ли я возражать, если разделяю их точку зрения. Я предложил — давайте подождем день-другой. Они отвечают — чего ждать? Нет у нас времени!.. Я говорю — ладно, а они в ответ — давай женись на Мелисендре. Таково требование закона. Что я должен был ответить? Что я не главнокоманду-

ющий? Что главнокомандующий сбежал — помчался в Нескью за отпущением грехов? Бард, они со мной не советовались, не упрашивали — они просто приказали короноваться! И жениться на Мелисендре! И в законном порядке признать наследником Эрленда. Если бы ты вернулся вовремя!.. А то нет… Ты занялся личными делами. Ты даже судьбой сына не поинтересовался. Ты же хотел, чтобы у тебя были развязаны руки, — вот и бери себе это королевство!.. Ты самый лучший, самый достойный кандидат. Это не комплимент — я же знаю, ты подспудно всегда мечтал об этом. Если ты хотя бы на десять минут выбросишь из головы своих баб и трезво пораскинешь мозгами, ты поймешь, что это — наилучший выход.

Бард убрал кинжал в ножны. Мелисендра вскрикнула, и три охранника ворвались в спальню. Видя, что Бард одет по-походному, а Пол лежит в кровати в ночной рубашке, они тут же схватили Барда.

Решение очевидное…

— Ты посмел обнажить оружие в присутствии короля? — прорычал один из них, и спустя несколько секунд Бард уже стоял разоруженный. Два стража держали его за руки.

— Как прикажете поступить с ним, лорд-гене-

рал — прошу прощения — ваше величество?

Пол встал, накинул халат, посмотрел сначала на стражника, потом на Барда и понял, что попал из огня да в полымя. Вот уж чего ему больше всего не хотелось, так это казнить отца сына Мелисендры. Тем более на ее глазах… Не таилось в его душе гнева на Барда. Страшно было принять грех на душу. И зачем?

Только не спеши. И не глупи… Как раз по глупости ты и попал в камеру забвения. Дрянные бабы меня и засадили. Кто я такой, чтобы судить его? Но и обратного хода нет. Если я объявлю, что он — король, кем в таком случае окажусь я? Любовником королевы? Этого вполне достаточно, чтобы через пятнадцать минут лишиться головы. Тут и от Барда ничего не зависит. Если я отдам приказ казнить его, Мелисендра — я уверен — откроет правду. Если нет, меня ждет наказание, по сравнению с которым камера забвения покажется райским местом. Меня подвергнут такой казни, что и представить невозможно. Уж кого-кого, а варваров я знаю. Что же теперь предпринять?

Начальник караула глянул на Пола и рявкнул:

— Ваше величество, ждем распоряжений.

Тут и Бард подал голос:

— Это какая-то ошибка…

— Нет тут никакой ошибки, — заявил один из солдат. — Еще прошлой ночью этот человек пытался проникнуть в замок, называя себя лордом-генералом. Он сумел обвести вокруг пальца даже дома Варзила из Нескьи. Я считаю, он — шпион Хастуров. Может, нам взять да повесить его, ваше величество?

Мелисендра аж подпрыгнула на кровати. В этот момент в коридоре послышались громкие крики, затем в покои Барда вбежал посыльный.

— Ваше величество! Ваше величество! Посланник от Хастуров. Он с белым флагом… Варзил из Нескьи послал меня передать, чтобы вы немедленно встретились с ним в тронном зале.

Посыльный оказался младшим офицером штаба. Часовые как один отдали ему честь. Мелисендра успела накинуть халат. Внезапно Бард воскликнул:

— Это невозможно! Тронный зал переполнен ранеными и пострадавшими. Надо встретить посланцев в саду. Руйвел! — обратился он к младшему из охранников. — Ты же знаешь меня. Вспомни поход против Хамерфела, когда я поспорил с королем Одрином и убедил его отпустить тебя с нами. Вспомни, как знамя последнего принца Белтрана намоталось на твое копье.

— Волк! — ахнул солдат. Он тут же повернулся и угрожающе надвинулся на Пола: — Тогда кто этот человек?

Бард принялся объяснять:

— Мой рыцарь, а также доверенное лицо, выполнявшее очень важное задание. Я вынужден был отлучиться в Башню Нескьи по не терпящему отлагательств делу и оставил его вместо себя. Он и был коронован как мое доверенное лицо.

Начальник караула подозрительно оглядел их обоих и грубовато спросил:

— А с королевой он тоже обязан спать как доверенное лицо?

Молодой Руйвел замахал руками:

— С ума сошел! Как ты с королем разговариваешь? Хочешь, чтобы тебе голову с плеч снесли? Уж кого-кого, а Киллгардского Волка я всегда узнаю. Теперь меня не проведешь. Как самозванец мог узнать о том случае со знаменем?

Тут заговорил Пол — затараторил быстро, стараясь развить мысль, с помощью которой Бард хотел выбраться из неприятного положения:

— Что я, совсем ума лишился, чтобы принять на себя еще и супружеские обязанности короля! Дело в том, что он еще раньше обещал отдать мне Мелисендру в жены. Вот почему я согласил-

ся на *это*. Ваше величество, — обратился он к Барду и так глянул на него, что тот моментально догадался, что именно сейчас ему необходимо решительно взять инициативу на себя. — Скажите им, что вы не могли жениться на госпоже Мелисендре, так как у вас уже есть супруга.

Стражники совсем растерялись, да и офицер, признаться, тоже стоял в недоумении. До него дошло, что лучше не вмешиваться в семейные дела королей — того и гляди, головы лишишься. Та же мысль, по-видимому, пришла в голову и часовым. Они все разом вытянулись перед Бардом. Тот невольно бросил благодарный взгляд на Пола, потом распорядился:

— Ступайте и передайте посланнику Хастуров, что я встречусь с ним, как только приведу себя в порядок. Надо побриться, переодеться… Вы только ему об этом не говорите. Сообщите об этом дому Варзилу из Нескьи.

Когда солдаты вышли, Бард обратился к Мелисендре:

— Поверишь ты или нет, но я на самом деле решил выдать тебя замуж за Пола. А теперь как нам быть? Я не могу без Эрленда. Это единственное, что у меня есть.

Ее подбородок дрогнул, однако она сумела пе-

реломить себя и почти спокойно произнесла:

— Не надо было мне вставать на эту дорожку.

Бард невольно вспомнил о матери, которая отдала его дому Рафаэлю, чтобы тот воспитал его как благородного. Неужели все женщины так самоотверженны?

Он грубовато выговорил:

— Я понимаю, он твой сын. Только, черт побери, не надо слез с утра. Я знаю, что он твой сын, и постараюсь, чтобы он всегда помнил об этом. Теперь ступай, разыщи моего слугу, пусть он подберет мне платье для аудиенции. И ты, Паоло, позаботься наконец о своих волосах, ты же не из леса вышел. Нам с тобой придется еще не раз сыграть в эту игру.

Пол неожиданно для самого себя вытянулся по стойке «смирно», потом отправился в другую комнату. Мелисендра последовала за ним, взяла под руку.

— Если бы ты только мог знать, — улыбнулась она, — что все кончится таким образом.

Пол в свою очередь обнял ее:

— Что я еще мог сделать? Стоило замешкаться, и тогда уже не отделаться бы от короны. Пусть он сам ее носит.

На мгновение он примолк — вымолвил как бы

в шутку, однако слово вылетело — не поймаешь. Он испытал неожиданное облегчение. Барду он не завидовал. Нисколечко… Может, действительно на Дарковере не так уж плохо. Может, в самом деле, чтобы остаться в живых, не обязательно покушаться на жизнь Барда? С нынешним Волком можно было договориться. С ним и вправду что-то случилось. Как раз после поездки на озеро Безмолвия, где Пол добыл Карлину. Пол не знал, что именно произошло, но теперь он имел дело с другим человеком. Возможно, Мелисендра догадывается, тогда придет день, и она откроет ему эту тайну.

А может, сам Бард захочет поговорить по душам — ничего удивительного в том не было.

Киллгардский Волк глянул на себя в зеркало. Вот теперь другое дело! Побрит, приодет, светлые волосы заплетены в косичку, перевязанную красным шнурком. Знак воинского отличия!.. М-да, с виду тот же самый мужчина, а копнешь поглубже — слюнтяй! Растяпа!.. Забыл уже, когда в последний раз играл ножиком. Сегодня утром был повод — так сробел. Бард засмеялся — вот и хорошо, что сробел. Хлопот меньше… Ладно, что дальше? Пол поступил правильно… И после бомбежки распоряжался толково — он, правда,

не ожидал такого благородства от бунтовщика, которого на родине приговорили к смертной казни, как бы она у них там ни называлась. Что ж, поживем — увидим; может, с ним тоже какое-нибудь чудо произошло?

«Нет, я бы не смог его убить. Слишком много жизней мною загублено. В гневе я бы не сдержался, но зарезать хладнокровно, во сне, отдать приказ казнить его — это уже чересчур! И зачем? Он, как ни крути, часть меня самого. Как, впрочем, и Карлина. И Мелисендра… Во всей этой истории одно радует — что я наконец избавился от Мелисендры».

Ах, еще Карлина! Он же связан с ней узами брака, и, если, например, она пожелает во всеуслышание объявить о своем замужестве, воспользоваться правами, которыми обладает королева, он не сможет ей отказать. Невероятное предположение? Карлина мечтает об острове Безмолвия? Это как посмотреть. Упасите меня, боги, от подобного наказания, но что, если она забеременела? Его сердце рвется к Мелоре. Бард знал, что Мелора любит его и будет любить, пока жива, но он не способен теперь переступить через Карлину. Не сможет проигнорировать ее законные требования.

«Вспомни, как ты упрашивал богов помочь вернуть невесту. Что же ты не рад, когда они исполнили твою просьбу?» Вспомнилось еще, как на том далеком летнем празднике Мелора сказала, что не смеет занять место принцессы.

«Какой же я был дурень! Почему бы мне не дать волю Карлине? Скольких бы несчастий мы смогли бы избежать». Что поделать, даже боги не в силах развесить по деревьям опавшие листья. Он заварил эту кашу с Карлиной, ему ее и расхлебывать. Честно, достойно…

Бард еще раз посмотрел в зеркало и поразился муке, которая так ясно рисовалась на лице. Словно на плечи ему взвалили непомерное бремя. Да, Астуриас — тяжкий груз. Братец, братец… Аларик!.. С какой радостью я исполнял обязанности главнокомандующего. Зачем ты оставил меня в трудную минуту? Все равно вино уже налито в бокал — его придется осушить до дна. Он собрался с духом, отвернулся от зеркала, вскинул голову. Армия выбрала королем Киллгардского Волка, значит, он должен оправдать их доверие.

В садике на лужайке уже был натянут балдахин, под ним стояло резное, с гнутыми ножками кресло, которое, по-видимому, должно было служить троном. Бард вышел на крыльцо, с тоской

и некоторым скептицизмом осмотрел ряды солдат, склонившихся в поклоне придворных. Как только он появился, войска по команде взяли мечи «на караул». Всю жизнь Бард избегал подобных церемоний — что при короле Одрине, что при отце. У него мелькнула мысль, что неплохо придумано вынести кресло в сад и здесь устроить прием. Никаких возвышений, бряцания оружием… Помнится, когда его награждали за храбрость красным шнурком, он споткнулся о ступеньку помоста, где стоял трон.

— Сир, посланец дома Хастуров.

Бард повернулся на голос. Это был Варзил. Странно, как бы слабо он ни разбирался в протоколе, ему было известно, что Хранитель Башни по положению приравнивается к царствующим особам. Он жестом подозвал Варзила:

— Кузен, что это, официальный прием?

— Как вы пожелаете.

— Тогда, будьте добры, отошлите людей. С послом Хастура мы побеседуем запросто.

Варзил распорядился, и все с поклонами разошлись — осталась только личная охрана короля. В этот момент герольд объявил о начале аудиенции, и из сохранившейся части замка под флагом Каролина, одетый в серебряное и голубое, вышел

Джереми Хастур.

Бард сразу бросился к нему — они обнялись. Мог ли Бард предполагать, что они когда-нибудь вновь увидятся! Прежние чувства наполнили их обоих. Джереми сразу все понял, ведь он обладал лараном. Братья долго смотрели друг другу в глаза, поговорили мысленно. Бард не мог отделаться от мысли, что взгляд Джереми, все понимающий, добрый, чем-то напомнил ему взгляд Мелоры.

Король наконец справился с волнением:

— Добро пожаловать в Астуриас, брат. — Теперь он изъяснялся вслух. — Ты прибыл в печальный момент. Страшная беда обрушилась на нас. Мой отец и брат… Они все еще не захоронены по обряду… Как, впрочем, многие другие мои сограждане. Мы подверглись атаке со стороны Алдарана. Видишь, меня против воли усадили на трон. Свято место пусто не бывает, но мне-то как быть?.. Ладно, о заботах потом — я очень рад видеть тебя здесь, на твоей второй родине.

Голос опять дрогнул. Бард отвернулся, посмотрел в небо, почувствовал, как рука Джереми легла ему на плечо.

— Мне очень хочется утешить тебя, сводный брат, — сказал Хастур, и Бард невольно сглотнул. — Прими мои соболезнования. С домом

Рафаэлем я был не очень хорошо знаком, но Аларик был мне как родной. Страшная судьба! Нелепая!.. Таким молодым уйти из жизни. Но даже в этот горестный час, брат, мы должны помнить о живых. Варзил сообщил мне новость, которую ты, по-видимому, еще не слышал. Хранитель, открой королю, что удалось узнать с помощью сторожевых птиц.

— Точно, Алдаран вступил в войну, — начал дом Варзил. — Мастер Гарет поделился со мной, что налет прошлой ночью был совершен его колдунами. Теперь то, что удалось увидеть глазами птиц. Из Дариэльского леса вышла колонна. Войско их огромно по численности. Алдаран заключил союз со Скатфеллом и другими мелкими королевствами к северу от Кадарина. Реку они еще не перешли, у них впереди трудный переход. Он займет несколько дней. Уверен, враги считают, что здесь царит хаос и разброд, так что они надеются взять эту землю голыми руками. Вот что еще стало известно — Трамонтана поклялась соблюдать нейтралитет. Они больше не будут производить колдовское оружие. Кстати, эта Башня — последняя, присоединившаяся к договору. Арилинн еще раньше дал клятву Хастурам, что тоже отказывается от применения ларана для

военных целей.

— Значит, — заключил Джереми, — жертвы Хали были не напрасны. Теперь на нашей земле нет ни одной Башни, которая бы производила клингфайр, ядовитый туман или порошок, убивающий все живое, которым отравлены Вензейские холмы. Я приехал в Астуриас вот с какой целью — еще раз попытаться уговорить дома Рафаэля (тогда я не знал о его гибели) присоединиться к договору и вместе с моими лерони уничтожить запасы колдовского оружия, если они у вас еще остались. Согласно договору, мы не только не можем вести с его помощью наступательные действия, но и обороняться.

Бард слушал молча, неотрывно взирал на развалины, которые лежали на месте левого крыла замка. Вот задачка! Войско Алдарана, наступая, в любой момент может использовать запретное оружие, а он, выходит, должен уничтожить свой арсенал! Наконец, когда пауза затянулась, промолвил:

— Я от всей души хотел бы так поступить, Джереми. Как только на нашей земле воцарится мир, я тут же присоединюсь к договору и стану врагом любого государя, который его нарушит. Вот тогда пусть лерони вернутся к мирским заботам

— пусть лечат страдающих от любовного томления девушек, помогают беременным женщинам счастливо разродиться, устанавливают связь на такие расстояния, которые не в силах одолеть никакой гонец. Но пока мы находимся в состоянии войны, я не могу отважиться на подобную меру. В течение трех дней я должен выступить в поход, иначе войско Алдарана переправится на наш берег. Здесь его сдержать будет намного труднее…

— Ради того, чтобы остановить армию Алдарана, я и предлагаю тебе союз, — сказал Джереми. — Я уполномочен Каролином возглавить наше войско в борьбе с Алдараном. Мы не желаем, чтобы он зверствовал в Сотне царств.

— Я охотно приму помощь Каролина, — ответил Бард. — Но я не в состоянии — это просто недопустимо! — присоединиться к договору, пока идет война. Однако верности союзу с Хастурами я могу поклясться хоть сейчас. На известных условиях… Ты, брат, знаешь, о чем идет речь.

Джереми кивнул. Наступила тишина. После тех слов, что сказал Бард, словно что-то изменилось в окружающем мире, в тех незримых высоких сферах, где творилась история. Союз с Хастурами как раз и был подобным кардинально менявшим ситуацию событием. Однако теперь не отцовские

мечты о господстве над Сотней царств и не амбиция главнокомандующего решили исход дела. Он, Бард, должен и будет править. Но не желает завоевывать!.. При сохранении внутренней автономии каждого государства роль единого властителя должна заключаться исключительно в установлении мира и обеспечении хозяйственного развития всех государств. Барду вовсе не по нраву была мысль о вмешательстве в дела каждого королевства, графства, баронства, республики. Ему и с Астуриасом забот достанет. А тут огромная империя! Слово, конечно, звучное, но что оно означает? Ничего, пустышка, ибо ни на севере, ни на юге, ни на западе или востоке у них нет соседей. Так что брать на свои плечи ответственность за каждую захудалую деревню, назначать губернаторов — увольте! Чтобы потомки вновь передрались между собой?

Джереми вздохнул:

— Я надеялся, Бард, что ты готов присоединиться к договору. Теперь сам видишь, что его неполнота, пробелы ведут к самым тяжким последствиям. Твое решение для нас неприемлемо. Ты видел рожденных на холмах Вензы или возле Каркосы?

— Я же сказал, Джереми, мы обязательно вер-

немся к этому разговору, когда остановим армию Алдарана. Теперь, с вашего позволения, я должен заняться подготовкой к походу.

Он долго смотрел вслед уходящим Джереми и дому Варзилу. Забот было столько, что не знаешь, за что хвататься в первую очередь. Прежде всего, прикинул Бард, надо решить, кого можно будет оставить правителем, когда ему придется отправиться на берег Кадарина. Может, доверить регентство Карлине? Поговорить с ней, убедить?.. Или попытаться уговорить Варзила на время остаться при дворе и проследить за восстановительными работами? Ни тот ни другой вариант его не устраивал. Остаться самому? Он мрачно усмехнулся — вот и пришел конец, который когда-то предвидел его отец. Настало время раздвоиться. Назначить Пола главнокомандующим? Или вручить армию одному из четырех старших офицеров, служивших еще при отце?

Он вызвал их и обсудил с ними срок, необходимый для полного развертывания армии. Затем, закончив совещание, направился в тронный зал справиться о состоянии раненых, разузнать, чем еще можно помочь мастеру Гарету, Карлине, Мелоре. Или Мелора сейчас занята со сторожевыми птицами? Нет, одному со всем не справиться. К

тому же надо назначить даму, которая взяла бы под свою опеку всех женщин в замке, проследила за хозяйством. Тут его взгляд упал на служанку леди Джераны — та, по-видимому, спешила к госпоже.

В госпитале он Мелору не нашел, хотя очень надеялся на это. Хоть бы издали посмотреть… Душу томила мысль, что, пока он не решит, как быть с Карлиной, ему нельзя и заикаться о том, что лежит на сердце.

Мастер Гарет подошел, и король спросил:

— Как дела, старый друг? Достаточно ли у нас лерони, чтобы надежно прикрыть замок сверху?

— Мы делаем все, что в наших силах, сир. Не знаю, правда, как долго мы сможем удерживать экран. Я бы просил вас поговорить с господином Джереми Хастуром, чтобы он дал в помощь своих магов.

— Ты можешь сам поговорить об этом.

— Нет, заявка должна исходить от вас.

— Как Мелора? Дом Варзил вчера отправил ее ухаживать за пострадавшими.

— Сначала она вместе с матерью Лириэль отправилась отдохнуть…

Барда словно током ударило — значит, Карлина называет себя матерью Лириэль? Из этого следу-

ет, что она не мыслит свою дальнейшую жизнь без служения Аварре и думать не желает ни о какой женитьбе. Слава богам! Он сможет считать себя свободным. Они тайно, в официальном порядке отменят обручение. Надо обязательно с ней поговорить, выяснить отношения…

В этот момент мастер Гарет заметил:

— Поутру я послал Мелору выпустить в полет сторожевую птицу. Она лучше всех умеет с ними обращаться. Вот и первое сообщение поступило — по направлению к замку движется группа служительниц Аварры, их охраняет эскорт всадниц в малиновом.

— Это радует, — кивнул Бард. — Сестра из Ордена Меча выполнила обещание… — начал было король, однако в ту же секунду в дверях тронного зала появилась Мелора и принялась отчаянно размахивать руками.

Бард бросился к ней. За ним, отдуваясь, поспешил хромающий Гарет.

— Что случилось?

— Во имя всех богов, поскорее пошлите за домом Варзилом! Умоляю, позовите Варзила! — испуганно воскликнула она. — Рори с помощью ясновидения разглядел… На нас движутся летательные аппараты. Защитный экран совсем

ослаб. Срочно позовите солдат — пусть выносят раненых во двор, иначе их всех придавит обвалившаяся крыша.

Мастер Гарет побледнел, но присутствия духа не потерял.

— Мелора, только не поднимай панику! Тебе куда сподручнее разыскать Варзила, чем мне.

Женщина взяла себя в руки, взгляд ее стал более осмысленным. Бард, проникнув в ее мысли, услышал, как она изо всех сил взывает к Варзилу, и уже через несколько мгновений Хранитель Башни Нескьи и Джереми Хастур, опиравшийся на палочку, поспешили на лужайку, куда успели выбежать Бард, Мелора и последним мастер Гарет.

— Бард, — издали закричал Джереми, — ты еще слаб в отношении ларана. Займись-ка эвакуацией раненых. Боги ведают, что случится, если мы не сможем отразить нападение.

Новый король даже внимания не обратил, что чужой в общем-то человек — даже не кровный родственник! — отдает ему распоряжения. Джереми высказал единственную разумную мысль, другого решения в этой ситуации быть не могло, и Бард бросился в здание. По дороге он подозвал одного из стражей и приказал ему:

— Срочно разыщи Паоло Херила и госпожу Мелисендру!

Тот помчался исполнять приказ, а Волк неожиданно подумал — если у него открылся ларан, почему бы не попытаться использовать его именно в эту минуту, когда ему крайне необходимо было оказаться разом в двух местах.

— Пол! Немедленно собирай людей, и начинайте выносить раненых из тронного зала. Они вновь летят!..

Уголком зрения он увидел, как Мелора, Джереми, мастер Гарет и Варзил из Нескьи взялись за руки и как бы образовали круг. Или хоровод, какой обычно устраивают дети. Теперь Бард в помощью своего ларана мог воочию лицезреть подрагивающий куполообразный занавес, прикрывший замок. В следующее мгновение он уже бежал по коридору, зычно окликая расставленных там солдат. Вбежав в тронный зал, он намеренно спокойным голосом приказал:

— Все, кто может двигаться самостоятельно, выходите во двор и в сады. Держитесь подальше от строений, от стен. Дневальные, охрана, помогите им. Возможно, сейчас последует еще один удар с воздуха. Солдаты, выносите лежачих. Действовать быстро, без паники. У нас есть время

— его мало, но оно есть. Мы всех успеем вынести. Только без паники! — Бард заметил, как облачка страха начали всплывать над головами несчастных людей, сливаться под потолком в единый дурманящий слой. Какой-то молоденький парнишка не выдержал и сломя голову бросился к лестнице. Бард успел схватить его за шиворот, встряхнул, дал пинка. — Я сказал — шагом! Ни в коем случае не бежать. Собственноручно прибью всякого, кто бросит раненого.

Затем он быстро прошел на женскую половину.

— Карли… Мать Лириэль, у тебя есть ходячие? Пусть помогут соседкам и начинают выходить во двор. За остальными сейчас прибудут солдаты.

Карлина ни капли не удивилась — тут же начала командовать. В следующее мгновение в тронный зал влетел Пол. За ним, топая сапожищами, мчалось несколько взводов солдат с носилками. Прежде всего Бард направил особую команду в комнату, где размещались молодые матери с младенцами. Бард остался в дверях — отсюда было все видно.

Пол подбежал к одной из женщин, которая держала на руках ребенка.

— А-а, это один из моих новых подданных! Ты,

мамаша, не беспокойся. Это кто? Девочка? Какая хорошенькая, вот мы сейчас тебя вынесем. И маму вынесем. Эти усатые дядьки, — он указал на двух солдат, те смущенно заулыбались, — сейчас вам помогут.

Он побежал дальше, а женщины заговорили между собой:

— Это кто, король?

— Ты что, совсем глупая? — ответила другая. — Разве королю пристало с носилками бегать? Это его рыцарь — ну, тот, о котором говорят, что он — вылитый Киллгардский Волк.

— Мне все равно, — сказала первая. — Сразу видно, хороший человек. Я назову девочку в его честь. Фианой назову…

Бард вернулся в зал и, присматривая за ранеными, обошел его. Останавливался то у одних носилок, то у других. Вот ветеран, которого он помнил по своему первому походу. Здесь — старый друг его отца, дальше — слуга, которого он знал с детства. Никто из них не обращался к нему «сир» или «ваше величество» — только по имени или по прозвищу. Подобная простота грела сердце. Срок для более звучных и пышных титулов еще придет, а пока он — Бард. Еще лучше — Киллгардский Волк.

— Все вынесены? — спросил он у Карлины, когда зал опустел.

— Кроме одной старушки, там, в углу. Боюсь, если мы тронем ее, ее сердце не выдержит…

Внезапно ее лицо побелело от страха. Сам король почувствовал, как кровь у него в жилах застыла. Сверху донесся нарастающий вой, следом крики собравшихся в садике людей и, наконец, душераздирающий, леденящий кровь вопль лерони. Бард, зажав уши руками, бросился в угол, наклонился над больной старушкой. Ее лицо посерело от боли и страха.

— Сынок, спасайся! — запричитала она. — Что со мной возиться, со старой…

— Ничего, бабушка, — ответил Бард и взял ее на руки. — Ну-ка, обними меня покрепче. Как в молодости обнимала… Вот так, хорошо. Что здесь лежать, пойдем-ка на волю, к свету. — Он осторожно начал спускаться по лестнице. Карлина предупреждала, что эту старушку нельзя трогать. Ну, это мы еще посмотрим… Разве можно оставлять ее наверху — там смерти не миновать… Грохот, невыносимый, сбивающий с ног, настиг его уже в садике. Бард споткнулся, однако сумел удержать старушку и даже с некоторой изящной ловкостью уложить ее на траву. Опустил — и тут

же накрыл своим телом.

Над головой громыхнуло еще раз. Он невольно закрыл глаза. Казалось, еще немного, и лопнут барабанные перепонки. Как только установилась тишина, к нему бросились Пол и два солдата. Подняли короля, старушку уложили на носилки.

На его глазах одна из боковых пристроек дворца скрылась в облаке пыли и осела на землю. Теперь на том месте была только груда развалин. Хорошо, что все огни были потушены, даже на кухнях, и Бард с удовлетворением, оглядев замок, отметил, что нигде не видно языков пламени. Тут раздался еще один взрыв — и рухнули конюшни. К счастью, Пол, собирая людей, успел распорядиться, чтобы всех коней выгнали на выпас. Вот еще раз звучно ухнуло, следом раздались оглушительные вопли. На этот раз враг угодил прямо в скопление людей. Король, передернувшись, увидел, как в разные стороны полетели оторванные конечности.

Гудение в небесах все нарастало. Внезапно из кружка лерони, стоявших под деревьями, ударила голубоватая молния, с громыханиями раскатилась по небесам, и аэрокар, вспыхнув, камнем рухнул на землю. Он упал в саду, среди яблонь — на месте падения взметнулось пламя.

— Воды! — закричал один из офицеров. — Немедленно залить!

Большая группа солдат бросилась в ту сторону.

Еще раз сверкнула молния, и второй аппарат нырнул вниз. На этот раз машина угодила на вершину скалы и, кувыркаясь, разваливаясь на куски, покатилась по склону. Последний аэрокар снизился и теперь парил над самым шпилем наблюдательной башни. Из раскрывшегося его брюха посыпались маленькие, невинные на первый взгляд раскрашенные яйца. Стукаясь оземь, они раскалывались и выбрасывали языки огня.

— Преисподняя Зандру! — воскликнул Бард. — Клингфайр!..

Пламя мигом охватило каменные стены замка. Чертово средство, мелькнуло в голове у Барда, сжигает все, даже камень… Все-таки враги устроили отцу и Аларику погребальный костер!

Последний летательный аппарат взорвался в воздухе. В этот момент Мелисендра вдруг вырвалась из круга лерони и помчалась по направлению к главному зданию, одна сторона которого уже была объята огнем. Она что, с ума сошла? Что она делает?..

Пол, работавший с солдатами на разборке рухнувших конюшен — после того, как был сбит

последний аппарат, они вновь принялись за дело, — тоже услышал вскрик Мелисендры. Он еще успел удивиться — услышал вопль телепатически! Как же это могло случиться? Ведь ее нигде не видно. Как не видно! Вон она!.. Со всех ног мчится к лестнице, которая вела в покои Барда. Помнится, в тот день он спустился по ней в сад и в первый раз встретился с ней. И с Эрлендом…

Эрленд, Эрленд!! Он же остался в комнатах. Он же спал там. О милосердная Аварра, Эрленд!..

Пол стремительно бросился за ней, обогнал жену уже на лестнице — здесь путь преградило облако удушливого дыма. Мелисендра не раздумывая бросилась дальше, в самую смрадную гущу. Пол сорвал с себя рубаху, обмотал ею голову и, согнувшись в три погибели, нырнул в дым. Однако обнаружил, что над самыми ступенями еще было свободное пространство, чистый воздух — он лег и со всей возможной ловкостью быстро пополз вверх. Опять ударило в сознание — ни с того ни с сего! совершенно лишние картинки! — он вновь увидел окружающее глазами Барда. Почему это случалось с ним каждый раз в критический момент?

Бард тоже пытался ворваться в здание, но стоящий там часовой преградил ему путь.

— Нет, нет, сир! Там очень опасно!

— Но Мелисендра…

В то же мгновение мимо часового в здание вбежала полная, тяжело дышащая Мелора. Бард буквально завопил:

— Мелора! Куда!..

— Ваше величество, мы пошлем людей, они отыщут лерони. Вам нельзя рисковать, вы же король…

Часовой крепко вцепился в Волка. Тот начал вырываться, однако стражник оказался крепок. Лицо короля перекосилось от ужаса — он глазами Пола тоже видел задымленный коридор.

Тут — уж не разберешь, чьим взором Пол наблюдал происходящее, — у него в сознании возникла комната наверху, спящий в кроватке Эрленд. В руке мальчик сжимал звездный камень. Поверху, под потолком, уже сгущались клубы дыма, на тлеющей стене появились языки пламени.

— Пусти! Дай пройти, черт тебя побери! Все ваши головы не стоят одного его мизинчика. Там мой сын, он сгорит заживо!..

Часовой между тем покрепче уперся ногами в землю и продолжал удерживать короля. У того слезы бежали по щекам, он хрипло взывал о милосердии; поминал Аварру… Часовой, уже не

справляясь с Бардом, громко позвал:

— Руйвел, Джеран, помогите! Ваше величество, нельзя. Ну, нельзя! Вам говорят!..

Пол все полз на карачках вверх по лестнице. Мысли путались — то ли от ядовитого смрада, то ли под воздействием страха, который мучил Барда. Харел уже не понимал, кто же он на самом деле. Бард точно передал ему всю свою силу, все отчаяние, порыв, а сам безвольно повис на руках часового. Действительно, энергии у Пола явно прибыло — он уже миновал коридор, вполз в дверь. Тут наткнулся на тело Мелисендры — она лежала без сознания. Лицо ее потемнело и как-то ожесточилось. У Пола от ужаса перехватило дыхание. Воля двойника подгоняла его, и он, невзирая на ожоги, ринулся дальше. Ребенок заплакал — видно, проснулся и испугался… Матрас на детской кроватке задымился, подбавляя смрада в комнате. Пол — или Бард — разобрать трудно — в последнем рывке выхватил ребенка. Тот протяжно и томительно закричал. Как раненый зверек… Наверное, пламя лизнуло мальчика… Пол бросил на пол какие-то тряпки, смочил их водой из графина. Потом обернул влажную ткань вокруг головы. То же самое проделал с Эрлендом и покрепче привязал мальчика к груди. Затем

пополз, добрался до Мелисендры, учуял запах паленых волос. Чуть не зарыдал… На ней уже начала тлеть одежда. Попытался сдвинуть ее — не получилось! Намотал на руку ее длинные рыжие волосы, потянул — опять без толку… Оставить Мелисендру, спасать сына? Ни в коем случае!.. Теперь он, не стесняясь, во весь голос зарыдал. Вновь закружилась голова, навалилась дурманящая слабость. И опять прилив энергии, некий могучий толчок — он открыл глаза. К нему придвинулось испачканное сажей лицо Мелоры.

— Передай мне Эрленда, — гулко откашлявшись, сказала она. Слова давались ей с трудом. — Ты можешь вытащить сестру, я — нет.

Пол решил, что эта женщина считает, что он — Бард. Мысль мелькнула и угасла. Может, она в чем-то права — часть его теперь принадлежала двойнику. Тут опять прибыло сил, и Пол передал женщине Эрленда. Мальчик к тому времени уже потерял сознание. По лицу Пола обильно струились слезы — странно, от этого на душе становилось легче. Тут он заметил, как Мелора, принявшая ребенка, замерла на пороге — распахнутая дверь уже вовсю пылала. Придерживая малыша, упрятав его лицо на своей огромной груди, она поползла к лестнице. Пол — следом

за ней, на карачках, подхватив Мелисендру под мышки. Мелора громко, во весь голос, рыдала — буквально исходила в прерывистых хлюпающих воплях. Может, ей тоже это помогало?

Итак, за волосы не полупилось… Отбросив клок вырванных волос, Пол перевернул Мелисендру на живот и крепко взялся за руки. Тут его вновь посетило видение — уже из другого, прежнего мира: пожарные в касках, спасающие людей из горящих зданий. Между тем огонь разбушевался во всю мощь. Вокруг — настоящий ад. Жара нестерпима, дым удушающ, однако он все тащил и тащил Мелисендру к лестнице. Тут его на верхней ступеньке объял ужас — весь пролет уже полностью был охвачен огнем. Надсадно, со звучными хрипами дышала Мелора, она уже не говорила, а сипела. Пол увидел, как она что-то сорвала с шеи.

— Иди… иди… Я… лерони… пламя…

Пол колебался. Мелора истошно закричала:

— Ступай! Спасай ее!..

Пламя перед ним взвилось, загудело, потом разом опало, отступило. Потрясенный Пол замер от неожиданности, однако Бард, засевший в нем, воспринял способность лерони утихомирить огонь как должное. Он-то и подтолкнул Пола.

Нельзя было терять ни мгновения, и Пол поволок обмякшую Мелисендру вниз по лестнице. Вверху вскрикнул маленький Эрленд у Мелоры на руках. Видно, очнулся от жара. Как только женщина начала спускаться, огонь перед ними запылал с новой силой. Она дышала надсадно, с ужасающими хрипами, Пол невольно прибавил ходу. Сам не заметил, как через занавешенную огненными языками дверь вывалился на воздух. Хватанул ртом свежий ветер. Часовой тут же принял Мелисендру, ее подхватили скопившиеся у входа женщины. Пола с размаху окатили водой из ведра. Бард все еще пытался ворваться внутрь здания, и в этот момент сверху скатились Эрленд и объятая пламенем Мелора. Бард подхватил сына, сразу передал его Варзилу, а сам начал сбивать пламя с Мелоры. Их обоих принялись поливать водой. Мелора громко стонала, лицо ее было черно от сажи, одежда местами прогорела, на коже начали вздуваться чудовищные волдыри.

— Ой, больно!.. Милостивая Аварра, ой как больно!.. Попить, — стонала Мелора. На нее вдруг напал кашель, слезы текли по щекам, смывая сажу. Кто-то протянул ей кружку воды, однако женщина не смогла ее взять. Тогда Бард принялся сам поить ее. В глазах лерони еще бушевало

безумное пламя — она, по-видимому, все еще боролась с огнем. Выпив, Мелора вновь зашлась в кашле. Ее просто наизнанку выворачивало. Бард крепко обнял ее и прогонял всякого, кто пытался приблизиться. Только когда подошел мастер Гарет, она освободилась от объятий короля.

— Нет, нет, папочка, все нормально. В самом деле… Я только немного обожглась. — Женщина все еще сипела, однако уже сознавала, где она, и понимала, с кем говорит.

Джереми, осматривающий мальчика, поднялся с колен.

— Хвала богам, ребенок дышит.

И, словно подтверждая его слова, Эрленд громко расплакался, однако, поймав взгляд отца, тут же притих.

— Отец, вы пришли за мной. Это были точно вы… Я все помню… Вы никогда бы не позволили, чтобы я сгорел заживо. Я знал, что вы спасете меня.

Бард начал было оправдываться, уверять, что это был Пол. Что именно он вскарабкался по охваченной пламенем лестнице, а он, папа, не успел, его не пустили, стали уверять, что он — король… Пол слушал-слушал, потом сел рядом и заявил:

— Все верно, принц, это был твой отец. Это он

вытащил тебя из огня, — потом повернулся к Барду, лицо приобрело зверское выражение, и он приказал: — Помолчи! Не путай мальчишку!.. Это ты был там. Что бы я сделал без твоей помощи? Ему еще жить да жить с тобой.

Их взгляды на мгновение встретились, и с внезапной ясностью Бард понял, что в эту секунду нечто соединяющее их в единое целое исчезло. Он вернул Пола к жизни, он вырвал его из камеры забвения, теперь тот отплатил ему спасением самой ценной жизни, какая существует на свете. Жизни сына. Пол расплатился сполна. Теперь их нельзя было считать двойниками, копиями, половинками неведомой, мистической, запредельной личности — они оба стали людьми. Не более, но и не менее того… Ну, еще, может быть, один — королем, другой — благородным рыцарем. И конечно, друзьями. Но все равно, с того момента у каждого была своя судьба, своя дорога.

Пол поцеловал удивленно поглядывавшего на него Эрленда. Наследник престола, этот недестро, никогда больше не испытает одиночества, сиротства, равнодушия. Ему будет хватать любви, и это было здорово. Это возвышало. Ради этого стоило лезть в огонь… Он откинулся на спину, заложил руки за голову, глянул в чудное розоватое небо.

Бард тоже поцеловал мальчишку. Пусть даже Мелора никогда не принесет ему ребенка — она старше его, долго проработала целительницей в зараженной зоне, — все равно она подарила ему Эрленда. Неподалеку Карлина — все в той же черной рясе — хлопотала возле сестер, Мелоры и Мелисендры. У Мелисендры почему-то был вырван клок волос. Заметно… Бард вздохнул, волосы — дело наживное, отрастут… Батюшки, радость-то какая — он от них обоих освободился! Каждая из его жен нашла свое счастье: одна — с Полом, другая — став служительницей богини. Больше он никогда не встанет у них на пути. Ему еще предстоит узнать, что монахини оставят остров Безмолвия и отправятся в мир под защиту дома Варзила. В конце концов они объединятся с сестрами меченосицами в единый Орден Отрекшихся. Карлина станет одной из его основательниц. Впоследствии ее причислят к лику святых.

Но до этого еще жить да жить…

Со страшным грохотом обвалилась крыша главного корпуса, до небес взметнулось пламя. Бард долго смотрел на пепелище, потом вздохнул.

— Значит, я король без замка. Если Хастуры сейчас надавят на меня — то и без королевства.

И все мое царство станет не больше отцовской вотчины. Это поместье они мне, надеюсь, оставят. Слышишь, Мелора, — обратился он к постанывающей женщине, — не хочешь ли стать моей королевой? Эй, любимая?..

Она в ответ улыбнулась. Тогда Бард встал, обратился к Варзилу:

— Ваи дом, как только раненым будет оказана помощь, я улучу минутку и подпишу договор. И с тобой тоже, Джереми. На тех же условиях…

Тот согласно кивнул. Бард подошел к Мелоре, сел рядом, поцеловал ее в губы:

— И королеву коронную…